

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Емельянов С. Н. <i>Современные требования к организации ведомственной специализации образовательных учреждений ФСИН России</i>	<i>4</i>
Баландин Д. А. <i>Некоторые проблемы и направления совершенствования правового регулирования финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в УИС</i>	<i>7</i>
Бодяков В. Н. <i>Оперативно-тактическая комбинация как форма взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе России</i>	<i>12</i>
Грунин А. В. <i>Роль тактико-специальной подготовки в формировании нравственных качеств курсантов и слушателей</i>	<i>15</i>
Емельянова Е. В. <i>Некоторые проблемные вопросы правового регулирования стимулирования труда осужденных</i>	<i>19</i>
Злобин В. С. <i>Понятие оперативно-розыскного предупреждения нарушений установленного порядка отбывания наказания</i>	<i>23</i>
Коровин А. А. <i>Европейские стандарты и зарубежный опыт: их роль в совершенствовании деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России</i>	<i>26</i>
Кудрявцев А. В. <i>Современное состояние проблемы научного познания в оперативно-розыскной деятельности</i>	<i>29</i>
Померанцев Ю. Л. <i>Проектирование комплексных занятий по основам личной безопасности сотрудников ОВД с курсантами выпускных курсов образовательных учреждений МВД России</i>	<i>33</i>
Сорокин М. В., Звонов А. В. <i>Применение мер административного воздействия к гражданам за передачу и попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в следственных изоляторах</i>	<i>35</i>
Хотькина О. К. <i>Социально-демографическая и криминологическая характеристики личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего преступление коррупционного характера</i>	<i>38</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Алексеев А. П. <i>Контрафактная аудиовизуальная продукция: состояние проблемы</i>	<i>41</i>
Андреева А. Е. <i>Государственный портовый контроль: проблемы совершенствования российского законодательства</i>	<i>44</i>
Ашин А. А., Рузевич О. Р. <i>Угроза как основной признак состава преступления против собственности</i>	<i>47</i>
Баринов А. В., Трифонова В. С. <i>Некоторые аспекты проблемы определения понятия «государственные и муниципальные нужды» при изъятии недвижимого имущества в Российской Федерации</i>	<i>58</i>
Бачернихина М. В. <i>Состав техники установления фактических обстоятельств юридического дела: проблема определения</i>	<i>61</i>
Булгаков В. Г. <i>Возможности использования информации о динамических признаках человека в раскрытии и расследовании преступлений</i>	<i>64</i>

Васнецова А. С. <i>Характеристика участников организованных преступных формирований, совершающих преступления террористического характера, и их преступной деятельности в России и Азербайджанской Республике</i>	69
Дауров А. Х. <i>Институциональная характеристика оборота контрафактной продукции</i>	74
Ерохина Н. С. <i>Правовой механизм предупреждения аутодеструктивного поведения: проблемы совершенствования</i>	77
Зотова Ж. А. <i>Понятие и правовая природа технического стандарта</i>	81
Колесник И. Ю. <i>Эколого-правовая деятельность и ее виды</i>	86
Ланцов М. В., Устинов А. Э., Ланцов В. М. <i>Проблема определения доли в праве общей собственности в многоквартирном доме и способ ее решения</i>	90
Малолеткина Н. С. <i>Некоторые проблемы применения условного осуждения</i>	94
Мамчун В. В. <i>О понятиях и определениях риска в юридической доктрине и в законодательстве</i>	100
Мартынюк В. М. <i>Точность терминологии в законодательстве как один из факторов повышения эффективности деятельности правоохранительных органов</i>	110
Михайлов А. Е. <i>Проблемы, возникающие при использовании нетрадиционных объектов в предъявлении для опознания</i>	114
Никитин Д. Н., Иринчеев В. В. <i>Измерение общественной опасности преступлений: опыт прикладного исследования проблемы</i>	117
Николаева М. И., Бавыкин Д. Ю. <i>Некоторые особенности производства допроса при расследовании преступлений, связанных с применением взрывных устройств</i>	122
Никольская Э. Р. <i>Основные структурные элементы экономической функции государства на современном этапе развития России</i>	126
Павличенко Н. В. <i>Охрана конфиденциального содействия: понятие и сущностные элементы</i>	130
Савин А. А. <i>Теоретические предпосылки исследования правовой активности участников правоприменительного процесса</i>	136
Стебенева Е. В. <i>Коррупция как одно из явлений современной России</i>	140
Степин Д. С. <i>Место и роль публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма в системе террористической деятельности</i>	145
Тимофеев В. В. <i>Характеристика проблемных вопросов взаимодействия органов исполнительной власти Российской Федерации и государственных органов Республики Казахстан, функционирующих на территории г. Байконура</i>	147
Ткачук Т. А. <i>Современное состояние и потенциальные возможности научно-технического обеспечения розыскной деятельности следователя</i>	153
Фомушина Е. П. <i>Обычай делового оборота как источник права современной России</i>	160
Хитев А. П. <i>Особенности фиксации и изъятия следов, обнаруживаемых на неровных, шероховатых, объемных поверхностях</i>	164
Чураков В. Г. <i>Некоторые аспекты взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и федеральных органов государственной власти в сфере публичного управления</i>	166

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Лобанова А. Ф.

*Возникновение экономического правосудия в России (с древнейших времен до 1917 г.):
исторический обзор* 170

Пыrkova С. Б.

Законодательная база борьбы со взяточничеством в России в период правления Александра III 174

Чубченко И. М.

*Становление в российском уголовном судопроизводстве института подследственности
о преступлениях, совершенных в армии* 182

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лобанов С. В.

Борьба с организованной преступностью: зарубежный опыт 185

Коломина А. В., Чермянин А. С.

Особенности процесса исторического развития института экстрадиции 190

Маринчев Н. В.

Некоторые особенности традиционной правовой системы Древней Индии 193

Е-mail наших авторов 196

**Требования к рукописям, представляемым для опубликования
в «Вестнике Владимирского юридического института»** 198

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 199

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Н. Емельянов,
*начальник Владимирского юридического института
ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент*

S. N. Emelyanov,
*chief of VLI of the FPS of Russia
Candidate of pedagogical sciences,
assistant professor*

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОРГАНИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Modern Requirements to Organizing Departmental Specialization of Educational Institutions of the FPS of Russia

Аннотация. Обосновывается необходимость реформирования образовательных учреждений, подведомственных ФСИН России, и закрепления за ними ведомственных специализаций. Раскрываются основные требования к организации специализированной подготовки кадров для конкретных подразделений исправительных учреждений. Определяется круг проблем, связанных с разработкой научно обоснованной методики обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: специализированная подготовка, общепрофессиональные дисциплины, специальные дисциплины, учебно-воспитательный процесс, реформирование образовательных учреждений.

Annotation. The author proves the necessity of reforming educational institutions of the FPS of Russia and preserving their departmental specializations. The article deals with the major requirements to the process of training specialists for certain divisions of correctional facilities. The article also defines the problems of the development of scientific methods used in training specialists for the penal system.

Key words: specialized training, general professional disciplines, specialized disciplines, teaching and educational process, reforming educational institutions.

На современном этапе развития государства огромное значение придается повышению качества высшего профессионального образования, которое сегодня рассматривается не просто как одна из интеллектуально емких отраслей отечественной экономики, но и как один из важнейших факторов безопасности государства.

В настоящее время в образовательных учреждениях ФСИН России обучение курсантов и слушателей осуществляется на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, в структуру которых входят такие циклы учебных дисциплин, как общие гуманитарные и социально-экономические, общие математические и естественнонаучные, общепрофессиональные и дисциплины специализации, факультативы, а также итоговая государственная аттестация по очной и заочной формам обучения.

С одной стороны, данная структура профессиональных программ позволяет обеспечивать подготовку специалистов для учреждений, исполняющих наказания, с учетом специфики предстоящей служебной деятельности.

С другой стороны, целевые знания, умения и навыки, необходимые для самостоятельного несения службы в конкретных подразделениях исправительных учреждений, курсанты и слушатели вынуждены приобретать и осваивать непосредственно по месту работы, куда их распределили территориальные органы уголовно-исполнительной системы.

В связи с этим специалисты ВЮИ ФСИН России, руководствуясь инструктивным письмом Минобразования России от 15 марта 1999 г. № 4, в котором предусмотрена возможность формирования рабочих учебных планов не только с учетом специальностей, перечисленных в соответствующем классификаторе, но и ведомственных специализаций в объеме от 500 до 2000 часов, разработали и направили во ФСИН России предложения по формированию примерного учебного плана по специальностям «Правоохранительная деятельность» и «Юриспруденция» (исх. № 10/30/9-2960 от 22.10.2009) по таким направлениям подготовки, как социальная работа в УИС, оперативно-розыскная деятельность, обеспечение режима и безопасности в УИС. Резуль-

татами проделанной работы стали положительное решение Рособрнадзора от 17 сентября 2009 г. № 2023 о лицензировании во ВЮИ ФСИН России специальности «Правоохранительная деятельность» и утверждение ФСИН России примерного плана, согласованного с Учебно-методическим объединением (УМО) по следующим специальностям: «Социальная работа в УИС», «Оперативно-розыскная деятельность», «Обеспечение режима и безопасности в УИС», «Охрана и конвоирование в УИС», «Исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы, в УИС».

Специализированная подготовка юридических кадров направлена на формирование профессионального правосознания будущих юристов, воспитание у них качеств, оптимально необходимых для выполнения определенных функций (например, оперативного работника, сотрудника отдела безопасности и т. д.). Поэтому учебно-воспитательный процесс должен быть максимально ориентирован на приобретение курсантами знаний и навыков, соответствующих будущей специальности (Вопленко Н. Н. Специализация юридического образования // Правоведение. 1975. № 3). Важную роль в этом наряду с юридической наукой призваны сыграть специальные дисциплины. Однако неверно полагать, что вся программа специализации сводится к созданию множества микроспецкурсов и увеличению часов на обучение профилирующим дисциплинам. Такое понимание может привести к нарушению общественно-политических и методологических основ преподавания, подмене методологии юридической науки частной методикой (Каданцев П. С. В тесной связи с профилем учебного заведения // Вестн. высш. шк. 1973. № 2. С. 76).

Теоретические и исторические науки составляют основной «неразмennyй» капитал, способствующий более глубокому усвоению обучающимися специальных дисциплин и позволяющий правильно ориентироваться при таких обстоятельствах, где частная методика не разработана или устарела. Следует также учитывать, что в связи с бурным развитием общественной жизни любая методика всегда отстает от практики. Между процессом обучения специальности и практической работой выпускника наблюдается естественный разрыв, который вряд ли способны в полной мере преодолеть микроспецкурсы. При таких условиях умение сделать выбор правильной позиции зависит от жизненного опыта и общетеоретической подготовки специалиста. Следовательно, специализация юридической профессии должна достигаться не за счет сокращения объема общетеоретических дисциплин, а путем приближения их к профилю учебного заведения, органической увязки со специальными курсами, которые должны вы-

ступать как логическое продолжение, развитие общей теории.

Следует отметить, что проблема специализированной подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений в нашей стране не нова. Еще 17 марта 1917 г. в приказе № 2 по Главному тюремному управлению Министерства юстиции указывалось, что для замещения должностей по управлению местами заключения должна требоваться, как и во всякой деятельности, специальная подготовка (ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 61). Это ответственное дело – дело тюремного воспитания – могло быть возложено только на лиц, специально к тому подготовленных (Там же). В связи с этим было предложено организовать краткосрочные курсы тюремоведения. В результате постановлением Временного правительства от 7 апреля 1917 г. в России были открыты первые пенитенциарные курсы, которые стали реальным шагом руководства страны и Главного управления местами заключения по реализации планомерной политики, направленной на повышение образовательного уровня сотрудников тюремного ведомства. Программа курсов состояла из следующих дисциплин:

- общее законоведение с изложением основ государственного устройства, в частности, судебной и административной организации;
- общие начала уголовного права;
- уголовная политика и социология;
- учения о наказании;
- элементарные сведения по психиатрии;
- тюремная гигиена и санитария;
- тюремная статистика и отчетность;
- товароведение (Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649–1917): историческая хроника. М., 2004. С. 304–306).

Как известно, опыт специализированной подготовки сотрудников был апробирован и доказал свою состоятельность в системе МВД России, в стенах учебных заведений которых готовились сотрудники для служб участковых инспекторов, оперативных работников ОУР, ОБЭП, оперативных работников СИЗО и т. д.

В настоящее время Орловский юридический институт МВД России согласно Решению коллегии МВД России от 7 декабря 2007 г. является базовым образовательным учреждением по подготовке кадров для подразделений Госавтоинспекции.

В уголовно-исполнительной системе в целях обеспечения учреждений, исполняющих наказания, качественными кадровыми ресурсами, отвечающими самым современным требованиям, и в соответствии с решением Совещания руководителей образовательных учреждений ФСИН России «Об основных вопросах реформирования образовательных учреждений ФСИН России» и

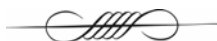
распоряжением ФСИН России от 16 февраля 2010 г. № 31-р «О специализации образовательных учреждений ФСИН России» за учебными заведениями, подведомственными ФСИН России, закреплены ведомственные специализации подготовки специалистов в рамках соответствующих специальностей, предусмотренных действующими государственными образовательными стандартами. В частности, за ВЮИ ФСИН России закреплено направление подготовки сотрудников для оперативных подразделений исполнительных учреждений.

Специализированная подготовка юридических кадров влечет за собой повышенные требования, которые должны предъявляться начиная с конкурсного отбора абитуриентов при поступлении в учебное заведение и возрастать пропорционально годам обучения. Соответственно предъявляются повышенные требования к планированию учебно-воспитательной работы, соотношению общеобразовательных и учебных дисциплин.

При этом определить круг учебных дисциплин, необходимых для работы по какой-либо юридической специальности, сравнительно легко, но гораздо сложнее выявить наиболее оптимальный объем учебного курса, при котором происходило бы успешное усвоение изучаемого материала. К тому же специализированная подготовка должна не только способствовать приоб-

ретению знаний, необходимых в будущей работе, но и, как мы отметили выше, формировать определенные идейно-политические, моральные и деловые качества будущих юридических работников. Это требует детальной разработки «оптимальных моделей» юридических специальностей, своеобразных характеристик профессии оперативного работника, сотрудника отдела безопасности и т. д. К сожалению, данная проблема еще не получила основательной научной разработки. Отсутствуют практические рекомендации по профессиональному отбору кандидатов на работу в оперативных подразделениях и отделах безопасности, нет также научно обоснованной методики воспитания личных качеств будущих оперативников и инспекторов отдела безопасности уголовно-исполнительной системы. Следовательно, необходимо разработать практические рекомендации в области юридической деятельности и научной организации труда и внедрить их в учебно-воспитательный процесс.

Данное решение позволит сконцентрировать научный и педагогический потенциал образовательных учреждений и объединить усилия на решение двудеиной задачи: 1) подготовить специалиста для прохождения службы в конкретном подразделении учреждения, исполняющего наказания; 2) обеспечить научное сопровождение учебно-воспитательного процесса и конкретного направления оперативно-служебной деятельности.

Библиографический список

1. *Вопленко, Н. Н.* Специализация юридического образования // Правоведение. – 1975. – № 3.
2. *Каданцев, П. С.* В тесной связи с профилем учебного заведения // Вестн. высш. шк. – 1973. – № 2.
3. *Печников, А. П.* Тюремные учреждения Российского государства (1649–1917): историческая хроника. – М., 2004.

Bibliographical list

1. *Voplenko, N. N.* Specialization of Legal Education // Law Journal. – 1975. – № 3.
2. *Kadantsev, P. S.* In Close Connection with the Profile of Educational Institutions // The Higher Education Bulletin. – 1973. – № 2.
3. *Pechnikov, A. P.* Prison Institutions of Russia (1649–1917): Historical Chronicle. – M., 2004.

Д. А. Баландин,
начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Balandin,
head of the chair of economic
and financial-legal disciplines
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УИС**

**Some Problems and Directions of Improving Legal Regulation of the Financial Security
of Operative-Search Activity in the Criminal Executive System**

Аннотация. В данной статье представлены результаты анализа нормативных правовых актов, создающих правовую основу финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Изучены федеральные законодательные акты, в том числе кодифицированные (Гражданский кодекс РФ; Бюджетный кодекс РФ; Трудовой кодекс РФ). Проведен анализ ряда постановлений Правительства РФ.

Исследованы ведомственные нормативные правовые акты федерального уровня, прежде всего Министерства финансов РФ.

Ключевые слова: финансовое обеспечение, оперативно-розыскная деятельность.

Annotation. This article presents the results of the analysis of regulatory legal acts that provide the legal basis for the financial security of operative-search activity in the organs and institutions of the penal system. The author studies federal statutes, including those codified (the Civil Code, the Budget Code, the Labor Code of the Russian Federation), analyzes a number of the RF Government Regulations and investigates departmental regulations at the federal level, especially those of the Ministry of Finance.

Key words: financial security, operative-search activity.

В настоящее время становится очевидным, что стабильное и достаточное финансирование оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) является одним из главных факторов, обеспечивающих эффективную борьбу с преступностью. Проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий (например, проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка, наблюдение, оперативный эксперимент) требует существенных финансовых ресурсов и расходования материальных средств. При этом для содержания оперативных подразделений, осуществляющих ОРД негласно, необходимы значительные финансовые затраты.

На страницах настоящей публикации представлен анализ ряда нормативных правовых актов (Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, федеральные законы: от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного медицинского страхования», от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда в Российской Федерации», от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свиде-

телей и других участников уголовного судопроизводства», от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», от 24 ноября 2008 г. № 204-ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» и др.), создающих правовую основу финансового обеспечения ОРД органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) с целью выявления проблем их применения.

Анализ законодательной базы позволил сделать следующие выводы:

1. Нормы ряда статей Конституции РФ создают надежную правовую основу для финансового обеспечения ОРД, в том числе таких ее важнейших институтов, как оперативно-розыскные мероприятия и содействие граждан органам, осуществляющим ОРД. Мы разделяем мнение С. Н. Емельянова в том, что базовые положения Основного закона страны реализуются, конкретизируются и обеспечиваются нормами федерального, в том числе оперативно-розыскного, законодательства (Емельянов С. Н. Реализация основных положений Конституции Российской Федерации в нормах оперативно-розыскного законодательства // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2008. № 4(9). С. 10–12).

2. Изучение норм Бюджетного кодекса РФ свидетельствует о том, что порядок бюджетирования средств, выделяемых на деятельность органов и учреждений УИС в целом, в частности на

ОРД органов и учреждений УИС, с одной стороны, регламентирован весьма детально и последовательно, с другой – обладает значительным количеством отсылочных норм, как правило, имеющих статус подзаконных нормативных правовых актов (Напр., О Порядке учета бюджетных обязательств получателей средств федерального бюджета : приказ Минфина России от 19 сент. 2008 г. № 98н // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2008. № 43 ; Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации : приказ Минфина России от 25 дек. 2008 г. № 145н // Финансовая газ. 2009. 29 янв. и др.).

3. Нормы Гражданского кодекса РФ создают основу для возникновения гражданских прав и обязанностей между лицами (физическими и юридическими) и оперативными подразделениями УИС на гласной основе. Реализация указанных прав и обязанностей, обеспечение их финансирования происходят путем заключения и исполнения договоров. Предусмотренные гражданским законодательством договоры могут заключаться между оперативными подразделениями УИС и лицами при оказании последними содействия в борьбе с преступностью. Это могут быть: договор аренды транспортных средств, строений, сооружений, жилого помещения, договор возмездного оказания услуг, договор поставки для государственных нужд и др.

4. Положения Трудового кодекса РФ создают понятный алгоритм регламентации трудовых отношений, образующих основу финансового обеспечения лиц, гласно сотрудничающих с оперативными подразделениями УИС. Однако в случае, если это касается лиц, сотрудничающих с данными подразделениями конфиденциально, возникает множество проблем правового характера (Баландин Д. А. Система правового регулирования финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности : науч.-аналит. обзор. Владимир, 2009), решить которые возможно путем внесения изменений и дополнений в названный Кодекс, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349), а также в подзаконные нормативные правовые акты, например, постановление Правительства РФ от 20 ноября 2008 г. № 870 «Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени, ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, повышенной оплаты труда работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда» (Рос. газ. 2008. 28 нояб.).

5. Изучение статей Налогового кодекса РФ показывает, что не подлежат налогообложению

(освобождаются от налогообложения) вознаграждения, выплачиваемые за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта РФ физическим лицам за оказание содействия оперативным подразделениям УИС. Однако в данном случае ничего не сказано об освобождении от налогообложения при других выплатах. Соответственно выплаты физическим лицам за оказание содействия оперативным подразделениям УИС (за исключением вознаграждения) подлежат налогообложению. В связи с этим возникают два вопроса.

Во-первых, как учитывать деятельность физического лица, оказывающего содействие федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим ОРД, если подобного рода трудовая деятельность не предусмотрена Общероссийским классификатором видов экономической деятельности, принятым и введенным в действие постановлением Госстандарта РФ от 6 ноября 2001 г. № 454-ст?

Во-вторых, как будут обеспечены конспирация и безопасность физического лица в случае, если в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности внести изменение, предусмотрев в нем подобного рода вид деятельности?

6. Проблематично с точки зрения законодательства выглядят вопросы реального финансового пенсионного обеспечения и реального финансового обеспечения социальной защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.

Так, например, ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» рассматривает в том числе вопросы социальной защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД. Согласно названной статье период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими ОРД, в качестве основного рода занятий включается в трудовой стаж граждан. Указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации. В случае гибели лица, сотрудничающего по контракту с органами, осуществляющими ОРД, в связи с его участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий семье пострадавшего и лицам, находящимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере десятилетнего денежного содержания погибшего и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по случаю потери кормильца. При получении лицом, сотрудничающим по контракту с органами, осуществляющими ОРД, травмы, ранения, контузии, увечья, наступивших в связи с его участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий и исключаящих для него возможность дальнейшего сотрудничества с органами, осуществляющими

ми ОРД, указанному лицу выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по инвалидности.

При этом особую важность с юридической точки зрения и практической деятельности субъектов ОРД имеют следующие вопросы:

1) на какие конкретно законы ссылается ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

2) не являются ли данные нормы вышеуказанной статьи лишь декларацией;

3) как быть с лицами, которые погибли или получили травмы, ранения, контузии, увечья, в связи с их участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий, сотрудничая на бесконтрактной основе с органами, осуществляющими ОРД?

В ответе на первые два вопроса следует пояснить, что с учетом анализа пенсионного законодательства и законодательства в сфере социальной защиты населения нормы ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» являются лишь декларацией. В действительности ни ресурсно, ни законодательно в Пенсионном фонде РФ и Фонде социальной защиты населения РФ указанные пенсионное обеспечение и социальные выплаты не предусмотрены.

Отвечая на третий вопрос, возможно предположить, что в нормах указанной статьи либо явно обнаруживается правовой пробел, либо законодатель умышленно и непонятно по каким причинам создал несправедливо ущербное социальное положение для лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД на бесконтрактной основе.

В соответствии со ст. 19 «Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на ОРД, осуществляется руководителями государственных органов, в состав которых входят оперативные подразделения, осуществляющие ОРД, а также специально уполномоченными на то представителями Минфина России. Предположим, что в данном случае последними являются работники подведомственных Минфину России Федеральной службы финансово-бюджетного надзора и Федерального казначейства, так как Минфин России в соответствии с постановлением Правительства РФ от 7 апреля 2004 г. № 185 «Вопросы Министерства финансов Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 13 апр.) контрольными (надзорными) функциями не обладает. При этом согласно Указу Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» (Рос. газ. 2008. 13 мая) Федеральную

службу финансово-бюджетного надзора и Федеральное казначейство, на наш взгляд, вряд ли можно назвать представителями Минфина России. В связи с этим, по нашему мнению, открытым остается вопрос о субъекте (представителе Минфина России), специально уполномоченном на осуществление контроля за расходованием финансовых средств, выделяемых на ОРД.

По нашему мнению, в целях упорядочивания общественных отношений в сфере государственного финансового контроля за ОРД, устранения дублирования в деятельности уполномоченных в этой сфере государственных органов, уточнения их правового положения необходимо внести ряд предложений по совершенствованию правовых и организационных основ финансового контроля в сфере ОРД.

Так, необходимо принять единый федеральный закон «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации», в котором, по нашему мнению, следует предусмотреть раздел (главу), посвященный контролю за расходованием финансовых средств, выделяемых на ОРД.

Кроме того, ч. 3 ст. 19 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нужно изложить в следующей редакции: «Контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на оперативно-розыскную деятельность, осуществляется руководителями государственных органов, в состав которых входят оперативные подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, контрольно-ревизионными подразделениями данных органов, федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, а также Счетной палатой Российской Федерации».

7. В соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Рос. газ. 2004. 25 авг.) государственной защите подлежат лица, оказывающие содействие субъектам ОРД, в том числе оперативным подразделениям УИС. Для обеспечения государственной защиты постановлением Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. № 200 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 16, ст. 1739) утверждена Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы. В настоящее время постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 утверждена новая одноименная государственная программа на 2009–2013 годы (Там же. 2009. № 41, ст. 4778). Однако в ней расходы для ФСИН России на 2010 г. составляют лишь 20,7 млн руб. Для сравнения: для ФСКН России – 46,1 млн

руб., ФСБ России – 100 млн руб., а МВД России – 149,9 млн руб. В связи с этим, по нашему мнению, правительству РФ следует пересмотреть распределение затрат среди участников вышеуказанной государственной программы в части увеличения расходов для ФСИН России.

8. Изучение Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (Рос. газ. 2001. 20 дек.) показало, что неясным является механизм пенсионного обеспечения граждан, оказывающих конфиденциальное содействие по контракту в качестве основного рода занятий органам, осуществляющим ОРД. В связи с этим возникают следующие вопросы:

1) кто и на каком основании выдаст вышеуказанным гражданам страховое свидетельство государственного пенсионного страхования;

2) кто и в каком порядке будет перечислять денежные средства в Пенсионный фонд РФ для пенсионного обеспечения граждан, оказывающих конфиденциальное содействие по контракту в качестве основного рода занятий органам, осуществляющим ОРД.

9. Анализ Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (Рос. газ. 1998. 12 авг.) свидетельствует о том, что механизм социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваниях граждан, оказывающих конфиденциальное содействие по контракту органам, осуществляющим ОРД, будет функционировать лишь в том случае, если страхователь – исправительное учреждение УИС или территориальный орган УИС – будет уплачивать страховщику – Фонду обязательного медицинского страхования (его территориальным органам) – страховые взносы.

В случае, если страхователь не уплачивает страховщику страховые взносы, то при возникновении несчастных случаев и профессиональных заболеваниях граждан, оказывающих конфиденциальное содействие по контракту органам, осуществляющим ОРД, страховые выплаты производиться не будут. По нашему мнению, подобная ситуация возникает в отношении граждан, с которыми произошел несчастный случай вследствие оказания конфиденциального содействия органам, осуществляющим ОРД, без контракта.

10. Положение об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (утв. постановлением Правительства РФ от 15 мая 2006 г. № 286 // Рос. газ. 2006. 24 мая) устанавливает ус-

ловия, размеры и порядок оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц (за исключением осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание), получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (далее: застрахованное лицо), являющихся страховыми случаями по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Его анализ показывает, что механизм обеспечения дополнительными расходами на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованного лица, являющегося гражданином, оказывающим конфиденциальное содействие оперативным подразделениям УИС, будет действовать лишь в том случае, если территориальный орган или исправительное учреждение УИС произведет его страхование в Фонде социального страхования РФ. В противном случае финансирование дополнительными расходами на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованного лица осуществляться не будет.

11. Анализ постановления Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» (Рос. газ. 2006. 17 нояб.) позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, финансирование расходов, связанных с выплатой единовременных пособий защищаемым лицам, членам семьи погибшего (умершего) защищаемого лица или лицам, находившимся на его иждивении, осуществляется за счет средств федерального бюджета, предусмотренных на эти цели Федеральному медико-биологическому агентству на соответствующий год. При этом в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 2008 г. № 204-ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» (Рос. газ. 2008. 26 нояб.) в структуре расходов Федерального медико-биологического агентства денежные средства на выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты, не предусмотрены.

Во-вторых, в нем необъяснимо сужен перечень лиц, которые подлежат государственной защите. К ним относятся лишь судья, начальник органа дознания или следователь, в производстве

которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

Таким образом, в данный перечень сотрудники оперативных подразделений и граждане, оказывающие им содействие в процессе уголовного судопроизводства, не включены. Соответственно в действительности данное постановление Правительства РФ не обеспечивает соответствующими пособиями ни сотрудников оперативных подразделений, ни граждан, оказывающих им содействие в процессе уголовного судопроизводства.

В заключение необходимо сделать ряд выводов.

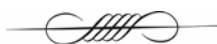
Так, в настоящее время в России на уровне законодательных и подзаконных нормативных правовых актов сформирована определенная правовая основа финансового обеспечения ОРД органов и учреждений УИС. Данная правовая основа требует существенного совершенствования как путем принятия дополнительных нормативных правовых актов, так и путем внесения изменений и дополнений в действующие.

Основные вопросы, требующие решения, касаются финансового обеспечения деятельности

лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям УИС.

Значительную роль в правовом регулировании финансового обеспечения ОРД органов и учреждений УИС играют постановления Правительства РФ и приказы Минфина России, направленные на конкретизацию общих норм анализируемого направления обеспечения ОРД. Среди них особое место занимал приказ Минфина России от 10 декабря 2007 г. № 124н «Об утверждении Положения о порядке организации исполнения расходов федерального бюджета на оперативно-розыскную деятельность», который в настоящее время утратил силу, в связи с чем требуется принятие соответствующего нового ведомственного нормативного правового акта.

Следует отметить, что, по нашему мнению, рассматриваемые нами нормы носят явно декларативный характер, так как в действительности не обеспечены ни механизмами их выполнения, ни необходимыми денежными средствами.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2010.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон : [от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349.
3. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон : [от 15 дек. 2001 г. № 167-ФЗ] // Рос. газ. – 2001. – 20 дек.

Bibliographical list

1. The Constitution of the Russian Federation. – M., 2010.
2. About Criminal Investigation : the federal law : [of Aug. 12, 1995 № 144-FZ] // Collection of the Legislation of the Rus. Federation. – 1995. – № 33, it. 3349.
3. About Obligatory Pensionary Insurance : the federal law : [of Dec. 15, 2001 № 167-FZ] // Rus. Newspaper. – 2001. – Dec., 20.

В. Н. Бодяков,
старший преподаватель кафедры
криминалистики ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

V. N. Bodiakov,
senior lecturer of the chair of forensic studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law

**ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
И СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ**

**An Operational and Tactical Combination as a Form of Joint Activities of the Investigators
and Operational Divisions Officers while Investigating Corruption Crimes in the Penal System of Russia**

Аннотация. В статье раскрывается, что основными средствами тактико-криминалистического обеспечения процесса расследования будут являться не отдельные, самостоятельные следственные действия, оперативно-розыскные, режимные и организационные мероприятия, а комплексы всех этих действий и мероприятий, представляющие собой оперативно-тактические комбинации, которые выступают одной из форм взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе России.

Ключевые слова: взаимодействие, оперативно-тактическая комбинация, коррупционное преступление, должностное лицо, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Annotation. The author of the paper contends that the major means for tactical and forensic support of the process of investigation are not isolated individual acts or operational, detective and organizational measures, but the whole complex of all these activities, which are operational and tactical combinations. The latter are a form of joint activities of investigators and operational divisions officers in investigating corruption crimes committed in the penal system of Russia.

Key words: joint activities, an operational and tactical combination, corruption crimes, official, investigatory acts, crime detection activities.

Расследование коррупционных преступлений в исправительных учреждениях России характеризуется наличием определенных специфических условий. Однако данный факт не изменяет установленного законодательством общего порядка проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Под воздействием этих условий могут лишь изменяться организационно-тактические приемы их подготовки и проведения. Кроме того, скрытое противодействие выявлению и расследованию преступлений рассматриваемой категории со стороны субъектов, их совершающих, и связанных с ними лиц, знание должностными лицами исправительных учреждений приемов и методов проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, понимание сущности и доказательственного значения источников криминалистически значимой информации позволяют прийти к выводу о том, что в сложившихся условиях основными средствами тактико-криминалистического обеспечения процесса расследования будут являться не отдельные, самостоятельные следственные действия, оперативно-розыскные, режимные и организационные мероприятия, а комплексы всех этих действий и мероприятий, представляющие собой оперативно-тактические комбинации.

В криминалистической литературе сложилось неоднозначное мнение относительно понятийно-

го аппарата названного вида деятельности. Так, А. В. Дулов использует понятие «тактическая операция», называя им комплекс однородных или разнородных следственных и иных действий и мероприятий, объединенных единым замыслом для решения конкретной задачи следствия (Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 44). Р. С. Белкин для этого комплекса предложил иное название – «тактическая комбинация», поскольку, по его мнению, термин «комбинация» точнее выражает существо понятия (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 88). При этом Р. С. Белкин, классифицируя тактические комбинации на простые (сочетание тактических приемов) и сложные (сочетание действий и мероприятий), отмечает отсутствие принципиальных различий между сложной комбинацией и операцией (Там же). Таким образом, сейчас в криминалистической литературе равноправными являются два понятия, в принципе отражающих одно и то же явление, – «тактическая операция» и «тактическая комбинация». Кроме А. В. Дулова, термин «тактическая операция» используют Л. Я. Драпкин, В. И. Шиканов и некоторые другие ученые (Драпкин Л. Я. Тактические приемы в структуре следственных действий и тактических операций // Научная информация по вопросам борьбы с

преступностью. М., 1983. Вып. 76 ; Карагодин В. Н. Тактические операции в теории криминалистики и следственной практике // Вопр. совершенствования социального и правового регулирования. Свердловск, 1981 ; Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений ; Его же. Информация к тактической операции. Атрибуция трупа. Иркутск, 1975. С. 21–22). Среди сторонников термина «тактическая комбинация» – А. С. Шаталов (Шаталов А. С. Оперативно-тактическая комбинация как мера по нейтрализации организованного противодействия расследованию уголовных дел // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф., 29–30 окт. 1996 г., г. Руза. М., 1997) и Н. Е. Мерецкий. При этом последний предлагает пользоваться понятием «оперативно-тактическая комбинация», аргументируя это тем, что добиться успеха в расследовании преступлений только на основе использования тактических комбинаций, разработанных криминалистикой, довольно трудно, необходимо применение оперативных данных, внедренных в методику расследования (Мерецкий Н. Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации. М., 2007. С. 14). Имеются и другие варианты, например, Н. А. Селиванов предлагает термин «тактический комплекс» (Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 92).

Учитывая не только целесообразность, а именно необходимость участия следователя в реализации оперативных данных, подготовке комбинации, анализе информации и прочее, по мнению автора, наиболее подходящим для обозначения комплекса приемов тактико-криминалистического обеспечения коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) является термин «оперативно-тактическая комбинация», первоначально предложенный и обоснованный Р. С. Белкиным (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 137–149 ; Его же. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 202–216).

Под оперативно-тактической комбинацией, проводимой при выявлении и расследовании коррупционных преступлений в УИС, автором понимается комплекс следственных действий, оперативно-розыскных, организационных и режимных мероприятий, объединенных единым замыслом и обусловленных конкретной следственной ситуацией.

При научном и практическом решении проблемы в аспекте раскрытия и расследования коррупционных преступлений в УИС России важно

иметь в виду следующее: во-первых, разработка и реализация тактических комбинаций осуществляется как до, так и после возбуждения уголовных дел. Во-вторых, если в ходе расследования, особенно на начальном его этапе, реализуются данные, полученные оперативным путем, то тактическая комбинация может представлять собой сочетание как оперативно-розыскных, так и следственных действий. Такую комбинацию можно назвать оперативно-тактической.

Как известно, законность следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия, образующих оперативно-тактическую комбинацию, зависит от основания для их проведения. Таким основанием является возбужденное уголовное дело. Между тем основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела указаны в ст. 7, 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : комментарий. М., 1997. С. 286–327), поэтому оперативно-тактическая комбинация как форма взаимодействия следователя и оперативного работника может начинаться до возбуждения уголовного дела, а завершаться на стадии предварительного расследования. При этом та часть комбинации, которая осуществляется до возбуждения уголовного дела, выполняется оперативным работником без участия следователя, но по их общему замыслу, и в этом нет ничего противоправного, поскольку в данном случае роль следователя состоит только в участии в разработке плана предстоящей операции, координации работы группы и т. п.

Однако на практике большинство такого рода оперативно-тактических комбинаций организуются и проводятся только оперативно-розыскными подразделениями без координации со следователями. Подобный подход во многом предопределяет непоправимые ошибки, которые совершаются при первоначальных мероприятиях и следственных действиях.

Как показывают результаты анализа автором уголовных дел (в том числе прекращенных и приостановленных), нередко даже несложные оперативно-тактические комбинации проводятся оперативными работниками с грубыми нарушениями процессуального закона, исключаяющими допустимость части или всех доказательств¹. Чаще всего допускаются следующие нарушения законодательства: деньги или иной объект, используемый в качестве предмета взятки, готовятся без поня-

¹ В Московской, Владимирской, Вологодской, Ивановской, Нижегородской, Тульской областях было изучено 154 уголовных дела.

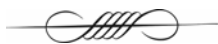
тых, без достаточных идентификационных признаков; предмет взятки после передачи не описывается надлежащим образом в протоколе осмотра, не приобщается процессуальным способом к материалам дела; у виновного лица отбираются лишь довольно скудные объяснения или так называемое чистосердечное признание, от которого оно в дальнейшем отказывается, и т. п.

По мнению автора, участие следователей на стадии подготовки и реализации указанных оперативно-тактических комбинаций в большинстве случаев будет способствовать исключению подобных ошибок, создаст дополнительные возможности для сбора доказательств и в конечном итоге предопределил успех расследования.

Кроме того, при достаточном уровне взаимодействия следователя и оперативного работника, на взгляд автора, максимально обеспечится полнота, всесторонность, продуманность и организованность оперативно-тактических комбинаций, наиболее полноценно будут реализованы все опе-

ративно-розыскные и режимные мероприятия, появится достаточно времени для составления подробного плана расследования, создания следственно-оперативной группы и организации ее работы, станет возможной конфиденциальность, в полной мере будет использован фактор внезапности на первоначальном этапе расследования коррупционных преступлений в УИС России.

Таким образом, есть основания утверждать, что организовывать, планировать и реализовывать оперативно-тактические комбинации наиболее целесообразно объединенными усилиями следователей и оперативно-розыскных подразделений. Причем очевидно, что наибольшую эффективность имеют комбинации, разработанные по совместной инициативе следственных и оперативных работников с целью выявления не одного, а нескольких групп преступлений в соответствии с вышеизложенными способами, т. е. без ожидания иных либо дополнительных поводов и оснований к возбуждению уголовного дела.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 1988.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2006.
3. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М., 2008.
4. *Мерецкий, Н. Е.* Криминалистика и оперативно-тактические комбинации / Н. Е. Мерецкий. – М., 2007.
5. *Шаталов, А. С.* Оперативно-тактическая комбинация как мера по нейтрализации организованного противодействия расследованию уголовных дел / А. С. Шаталов // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф., 29–30 окт. 1996 г., г. Руза. – М., 1997.

Bibliographical list

1. *Belkin, R. S.* Forensic Studies: Problems, Trends, Perspectives. From Theory to Practice / R. S. Belkin. – M., 1988.
2. Forensic Studies / ed. by R. S. Belkin. – M., 2006.
3. Forensic Studies / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. – M., 2008.
4. *Meretsky, N. E.* Forensic Studies and Operational and Tactical Combinations / N. E. Meretsky. – M., 2007.
5. *Shatalov, A. S.* The Operational and Tactical Combination as a Meansure of Neutralization of Organized Resistance to Investigating Criminal Cases / A. S. Shatalov // Organized Resistance to Investigating and Solution of Crimes and Measures for its Neutralization. – M., 1997.

А. В. Грунин,
*старший преподаватель кафедры
боевой и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*

A. V. Grunin,
*senior lecturer of the chair of fighting
and special tactic preparation
of VLI of the FPS of Russia*

РОЛЬ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ

The Role of Special Tactic Preparation in the Formation of Moral Qualities of Cadets and Listeners

Аннотация. В статье раскрывается возможность тактико-специальной подготовки в формировании и развитии нравственных качеств курсантов и слушателей в процессе их обучения в вузе. Роль тактико-специальной подготовки в общем комплексе специальных дисциплин определяется одной из функций правоохранительных органов – обеспечением безопасности; а также специфическими особенностями выполняемых подразделениями уголовно-исполнительной системы служебно-боевых задач.

Ключевые слова: формирование, нравственные качества, обучающиеся, личность, нравственное воспитание, достоинство, долг, воля.

Annotation. The article reveals the potential of special tactic preparation for the formation and development of moral qualities of cadets and listeners during the course of their training in high school. The role of the special tactic preparation in the general complex of special disciplines is determined by one of the functions of law enforcement bodies - safety; and also by the specific features of fighting problems fulfilled by the divisions of the criminally-executive system.

Key words: formation, moral qualities, trained, a person, moral education, advantage, a debt, will.

В условиях роста преступности в самых разных ее проявлениях обучение действиям в экстремальных ситуациях, по мнению ученых и практиков, является приоритетным направлением подготовки персонала правоохранительных органов как в России, так и за рубежом.

В общем комплексе специальных дисциплин, цель которых – научить личный состав своевременному и эффективному выполнению специальных мер по ликвидации последствий любых чрезвычайных происшествий для того, чтобы восстановить общественный порядок, сохранить жизнь и здоровье людей, обеспечить гарантии защиты их естественных прав и свобод, защитить материальные и иные ценности от уничтожения, повреждения, хищения, тактико-специальной подготовке (далее: ТСП) отводится особое место.

Роль ТСП определяется, во-первых, одной из важнейших функций правоохранительных органов – обеспечением безопасности; во-вторых, специфическими особенностями выполняемых подразделениями уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) служебно-боевых задач; в-третьих, характерной для современного состояния УИС (в частности, определяемого развитием альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы) сохраняющейся тенденцией к увеличению числа лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, и периодически провоцирующих разного рода нарушения и экстремальные ситуации, угрожающие стабильности режима и правопорядка в пенитенциарных учреждениях, создающие опасности здоровью и жизни осужденных и персонала.

Поддержание порядка и стабильности в учреждениях УИС, а в случаях их нарушения – быстрые и эффективные действия сотрудников, локализация и ликвидация последствий экстремальных ситуаций с целью недопущения выхода инцидента за пределы изолированной от общества территории требуют от личного состава особой мобилизации физических и психических резервов организма, моральной устойчивости.

Именно экстремальные условия в наибольшей степени обнажают не столько профессиональные, сколько характерологические и нравственные качества сотрудников. По мнению К. М. Левитана, «экстремальные условия экзаменуют каждого, кто в них попадает, и избежать этого невозможно. Они строго, беспристрастно выявляют все достоинства и слабости, беспристрастно, как лакмусовая бумажка, обнаруживают, кто чего стоит» (Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. М., 2008).

В связи с этим среди основных задач ТСП, наряду с овладением знаниями, умениями и навыками в использовании тактических способов и приемов действий в экстремальных условиях, применением оружия, боевой и специальной техники и специальных средств, боевых порядков, маневра силами и средствами, овладением методикой управления, также выделяется задача целенаправленного формирования нравственных качеств курсантов и слушателей, являющихся важнейшими регуляторами и критериями выбора необходимых действий в сложной служебной обстановке. Задача воспитания надежного профессионала, преодолевающего любые опасные ситуации, предполагает формирование нравст-

венных основ поступков в экстремальной ситуации: готовности принять на себя ответственность за самостоятельное решение, высочайшей организованности, личного мужества вплоть до самопожертвования ради блага других.

Для того, чтобы раскрыть возможности ТСП в формировании и развитии нравственных качеств курсантов и слушателей в процессе их обучения в вузе, рассмотрим задачи и содержание дисциплины «Теория и практика подготовки сотрудников ФСИН России к осуществлению служебно-боевых действий».

Основные задачи ТСП состоят:

- в выработке системного подхода к решению служебно-боевых задач;
- формировании у сотрудников высоких моральных и волевых качеств, проявляющихся в любых условиях обстановки.

Теория ТСП исследует экстремальные ситуации, причины их возникновения и условия, им благоприятствующие; раскрывает закономерности и принципы действия сил и средств в этих условиях; изучает возможности сил по ликвидации чрезвычайных обстоятельств и их последствий; разрабатывает способы подготовки и ведения служебно-боевых действий подразделениями ФСИН России.

Поведение сотрудников в каждой из возникающих экстремальных ситуаций имеет универсальные и специфические особенности. Правильность такого поведения определяется уровнем сформированности не только специальных профессиональных знаний, умений и навыков, но и в значительной степени нравственными качествами, которые позволяют самостоятельно и нередко в чрезвычайно сжатые сроки оценить ситуацию, предвидеть возможные сценарии ее развития, возможные последствия различных действий всех участников и принять наиболее целесообразные решения, гарантирующие сохранение правопорядка и законности, исходя из нравственного понятия «причинение наименьшего зла».

Сотрудники ФСИН России (нередко совместно взаимодействующие с органами МВД России, ФСБ России, МЧС России, ВС России) при возникновении чрезвычайных обстоятельств на объектах УИС и прилегающих к ним территориях должны быть готовы и способны к оперативному, разумному, гуманному, строго соответствующему закону и нормам морали выполнению следующих действий:

- пресечение массовых беспорядков и групповых неповиновений в исправительных учреждениях и следственных изоляторах;
- обезвреживание преступников, захвативших заложников на объектах УИС;

- розыск лиц, совершивших побег из исправительных учреждений, следственных изоляторов и при конвоировании;

- отражение нападений на объекты УИС;

- спасение людей, оказание помощи пострадавшим;

- предупреждение и пресечение паники, распространения ложных слухов и др. (Киселев А. М. Подготовка сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях (организационный аспект) : монография. Рязань, 2005. С. 68–70).

В рамках ТСП курсанты и слушатели приобретают навыки:

- по использованию военной топографии в оперативно-служебной деятельности;

- защите личного состава и подразделений ФСИН России от чрезвычайных ситуаций в мирное и военное время;

- действиям личного состава в служебных нарядках, выполняющего задачи в особых условиях (при пресечении массовых беспорядков, розыске и задержании вооруженных и иных особо опасных преступников);

- действиям органов ФСИН России при чрезвычайных обстоятельствах (организация управления силами и средствами; планирование действий; специальные средства обеспечения операций; тактика их применения; основы специальной операции; тактика конвоирования и этапирования арестованных и осужденных лиц и др.).

Обучая курсантов специальным тактическим действиям в экстремальных ситуациях, важно сформировать у них убеждение, что при применении физической силы, специальных средств и оружия сотрудники УИС всегда должны исходить:

- из конституционных норм, закрепляющих права всех граждан (включая лиц, лишенных свободы, чьи права лишь ограничены) и признающих высшей ценностью человека его жизнь;

- цели уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, состоящей в исправлении осужденных и предупреждении совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ);

- первоочередных задач профессии, направленных на регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охраны их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ);

- законодательно закрепленных нравственных принципов, однозначно определяющих необходимость рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (ст. 8 УИК РФ) исключительно в целях обеспе-

чения безопасности лиц, отбывающих наказания, защиты их жизни и здоровья;

- нравственно-философского принципа причинения наименьшего зла.

Последнее из названных оснований деятельности подчеркивает, что нормативные указания не могут являться единственным гарантом достойного выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей, ведущая роль здесь принадлежит личным нравственным ценностям, выработанным в нравственных качествах.

Важнейшим итогом ТСП курсантов и слушателей должна стать их способность разрабатывать и внедрять наиболее эффективные способы, методы и приемы действий персонала в различных условиях обстановки, исходя из нравственного принципа причинения наименьшего зла в целях защиты естественных прав, сохранения жизни, здоровья, обеспечения безопасности всех вовлеченных в ситуацию лиц.

Приоритетность нравственных качеств сотрудников УИС в выборе необходимых тактико-специальных действий определяется самой природой экстремальных ситуаций, которая состоит во взаимосвязи и взаимозависимости:

- вышеназванных объективно существующих источников, условий и обстоятельств, определяемых спецификой потенциально возможной или реально возникшей экстремальной ситуации;
- субъективных факторов, к которым относятся наиболее типичные для всех людей и характерные для отдельных личностей (включая самих пенитенциарных работников) нравственно-психологические особенности поведения в данных ситуациях.

Известно, что сопровождающие экстремальные ситуации массовый страх перед реальной или воображаемой опасностью, возникающее и растущее чувство отчаяния и безысходности, проявления паники, истерии, агрессии или оцепенения, как правило, блокируют способность к рациональной оценке реальности, выбору и осуществлению необходимых действий, могут вести к полной утрате самоконтроля, еще более усиливая угрозу здоровью и жизни людей.

По мнению В. Я. Кикотя и А. М. Столяренко, течение и исход экстремальной ситуации «не являются фатально обусловленными объективными характеристиками, навязывающими человеку послушно-пассивную роль» (Цит. по: Левитан К. М. Указ. соч. С. 432). Внешние причины действуют только через внутренние условия – это важнейшая закономерность психической деятельности, действий и поступков человека, т. е. любые объективные характеристики всегда личностно окрашены, воспринимаются личностью по-своему и в зависимости от этого определяют ее состояние и поведение. Следовательно,

именно человеческий фактор, т. е. субъективная сторона (характерные для большинства и специфические для конкретной личности проявления эмоций и действий, вызванные предельным напряжением сил и возможностей), во многом определяет путь развития ситуации, степень ее сложности, необходимые меры, принятие которых потребуются от сотрудников.

Сотрудники УИС в данных условиях должны уметь сохранять хладнокровие, рассудительность, проявлять уверенность, решительность, нравственную устойчивость. Однако и у личного состава экстремальные ситуации могут вызывать дестабилизирующие обстановку массовые эмоциональные переживания, упадок боевого духа, снижение «моральной планки» в отношениях между людьми и даже панику.

Опыт показывает, что уровень сложности экстремальных ситуаций определяется не только охарактеризованными выше объективными биологическими, природными, техногенными и криминогенными источниками, но и субъективными нравственно-психологическими, личностными. Например, переход потенциальной угрозы в реальность в большей степени зависит не от объективного развития событий, а от состояния и действий самого сотрудника. Его ошибочные, неосторожные, непродуманные действия и поступки, с одной стороны, могут приводить к возникновению дополнительных трудностей и рисков, даже если объективной предрасположенности к ним не существует; с другой – в условиях повышенной опасности могут не соответствовать необходимым требованиям оперативности, разумности, гуманности. И те, и другие действия свидетельствуют о неадекватном восприятии реальной обстановки (недооценке или переоценке потенциальной угрозы) вследствие недостаточной специальной тактической и нравственной подготовленности и, как правило, усугубляют ситуацию.

Понимание этого открывает большие возможности для формирования и развития нравственных качеств курсантов и слушателей на занятиях по ТСП, их убежденности в том, что несвоевременные, неверные с точки зрения узкоспециальных задач и общепринятых нравственных ориентиров действия по ликвидации экстремальных ситуаций могут повлечь за собой еще более тяжелые последствия, распространиться на большую территорию.

Наука и практика свидетельствуют, что у плохо или недостаточно подготовленного сотрудника экстремальные ситуации вызывают растерянность, нерешительность, страх, ослабление самоконтроля и самоуправления, учащение и углубление ошибок, снижение уровня нравственности и др. Напротив, для хорошо подготовленного сотрудника те же

ситуации способствуют мобилизации сил и возможностей, обострению у него чувства долга, ответственности и решимости, настойчивости, готовности к любым неожиданностям, устойчивости к временным неудачам, упрочению нравственных ориентиров и др.

Овладение ТСП позволяет сотруднику:

- твердо и точно знать, с какими экстремальными ситуациями он будет сталкиваться, в чем их особенности, какие трудности его ожидают;
- в совершенстве знать и уметь выполнять как обычные, так и особые профессиональные действия, не ухудшая их качество под влиянием любых факторов и трудностей, свойственных экстремальным ситуациям;
- обладать развитыми нравственными качествами, позволяющими успешно, оперативно, ра-

зумно и гуманно использовать свои полномочия, действуя в сложных ситуациях;

– быть способным ответственно, дисциплинированно, настойчиво, мужественно, принципиально реализовывать поставленные задачи.

Процесс формирования и развития нравственных качеств курсантов и слушателей на занятиях по ТСП, по нашему мнению, достигнет высоких результатов, если методика ТСП исходя из задач, стоящих перед сотрудниками в экстремальных ситуациях, опираясь на объективно-субъективную природу этих ситуаций, используя передовые педагогические технологии с учетом специфики обучения в вузах ФСИН России, будет представлять целостную систему взаимосвязанных, взаимообусловленных, взаимодополняющих элементов.

Библиографический список

1. *Киселев, А. М.* Подготовка сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях (организационный аспект) : монография / А. М. Киселев. – Рязань, 2005.
2. *Левитан, К. М.* Юридическая педагогика : учебник / К. М. Левитан. – М., 2008.

Bibliographical list

1. *Kiselyov, A. M.* Preparation of Employees of the Federal Service for Execution of sentences of Russia for Actions in Extreme Situations (Organizational Aspect) / A. M. Kiselyov. – Ryazan, 2005.
2. *Levitani, K. M.* Legal Pedagogics / K. M. Levitan. – M., 2008.

Е. В. Емельянова,
докторант Академии управления МВД России
кандидат экономических наук, доцент

E. V. Emelyanova,
doctoral candidate of the Academy of Management
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
Candidate of economic sciences, assistant professor

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

Some Problematic Questions of Legal Regulation of Convicts' Labour Motivation

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения трудовой активности осужденных. Представлено современное состояние стимулирования труда осужденных. Обоснована необходимость четкого разделения применения мер поощрения в связи с выполнением трудовых обязанностей или исполнением порядка отбывания наказания.

Ключевые слова: труд осужденных, стимулирование труда, меры поощрения, правопослушное поведение осужденных.

Annotation. The article deals with some urgent problems of raising prisoners' work activity. The up-to-date state of stimulating prisoners' labour activity is shown. The author gives grounds for the necessity of differentiating the implementation of measures of encouragement due to the fulfillment of labour obligations or the compliance with the rules of serving a sentence.

Key words: prisoners' work (prisoners' labor), the stimulation of work, measures of encouragement, prisoners' law-abiding conduct.

Эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы по исполнению уголовных наказаний и исправлению осужденных зависит от многих факторов, к числу которых, на наш взгляд, в первую очередь относятся обеспечение трудовой занятости осужденных, выработка у них устойчивой заинтересованности в результатах своего труда путем применения мер стимулирования их трудовой активности.

Осужденные выступают в труде, с одной стороны, как субъекты производственного процесса, с другой – как объекты процесса исправления посредством труда. Таким образом, организация труда осужденных направлена на решение двуконной задачи – производство и реализация продукции и формирование правопослушного поведения осужденных. Эффективность решения указанной задачи напрямую зависит от применения определенных средств, стимулов и методов воздействия самого разнообразного характера. По нашему мнению, наиболее активная роль принадлежит мерам по стимулированию труда осужденных. Следует подчеркнуть, что система стимулирования труда осужденных существенно отличается от системы стимулирования работников иных предприятий. Это отличие определяется спецификой труда осужденных, их правового положения, которые, в свою очередь, обусловлены правоограничениями, установленными уголовно-исполнительным законодательством.

Как показывают теория и практика, стимулами к труду выступают любые внешние воздействия в сфере труда, побуждающие сотрудника работать качественно, производительно и с полной отдачей. При этом воздействие стимулов на трудовое поведение опосредовано сознанием работника.

Проблему стимулирования труда осужденных изучают многие ученые и практики, рассматри-

вая при этом различные стороны этого процесса (Зубков А. И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы. Рязань, 1980 ; Илюшин Н. Н. Правовые и организационные вопросы стимулирования труда осужденных в исправительных колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998 ; Кузьмин М. А. Стимулирование правопослушного поведения заключенных в исправительно-трудовых лагерях посредством реализации поощрительных норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998 ; Ланкин Н. И. Правовые формы материального стимулирования труда и их роль в исправлении и перевоспитании осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1975). Так, Н. И. Ланкин обосновывает необходимость материального стимулирования труда осужденных, которое представляет собой систему средств и мероприятий, используемых Советским государством для обеспечения материальной заинтересованности осужденных в труде и его результатах в целях успешного выполнения стоящих перед исправительно-трудовым учреждением задач и прежде всего основной из них – исправления и перевоспитания осужденных (Ланкин Н. И. Указ. соч. С. 15). В целом это верное определение, однако стимулирование труда – явление более сложное и многогранное, и его материальная составляющая выступает лишь частью системы повышения трудовой активности осужденных.

Н. Н. Илюшин обращает внимание на то, что в условиях имеющей место безработицы в местах лишения свободы предоставление осужденным работы само по себе выступает стимулом добросовестного качественного труда. В данной ситуации, по его мнению, предпочтительнее не

прямое, а опосредованное стимулирование труда как одно из составляющих правопослушного поведения осужденных, когда основой применения мер поощрения выступает не выполнение норм выработки, а отношение к труду и качество выполненной работы (Илюшин Н. Н. Указ. соч. С. 4). С таким выводом сложно не согласиться, однако если говорить о стимулировании как о целостной системе, включающей множество различных действующих во взаимосвязи форм стимулирования, то необходимо применение сочетания мер прямого и опосредованного стимулирования труда осужденных.

Не случайно еще в середине 70-х гг. прошлого столетия А. И. Зубков отмечал, что система стимулирования осужденных представляет собой самостоятельную и довольно сложную проблему, требующую специального и глубокого изучения (Зубков А. И. Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях. Томск, 1974. С. 104).

Ретроспективный анализ показал, что во время развития пенитенциарной системы к осужденным применялись разнообразные стимулы с целью усиления их трудовой активности.

Исследование тюремных реформ Петра I дало возможность заключить, что в тот период основным средством повышения активности заключенных являлось принуждение.

Анализ законодательства второй половины XVIII в. позволяет сделать вывод, что впервые организация труда заключенных была закреплена в законе от 6 января 1886 г. «О занятии арестантов работами и о распределении от сего доходов» (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. М., 1961. Т. 3. С. 388). В данном нормативном правовом акте была определена обязательность труда для различных категорий заключенных, а также вводилось некоторое денежное вознаграждение за произведенную работу в зависимости от вида лишения свободы. При этом большая часть арестантов изнывала от безделья, имея большое желание работать (Там же. С. 390). Однако администрация тюрем не имела возможности обеспечить занятость всех трудоспособных заключенных.

В годы советской власти была сформирована достаточно эффективная система стимулирования труда осужденных. При этом в зависимости от того или иного периода развития Советского государства применялись различные методы стимулирования.

Материальным стимулом выступала оплата труда, в отношении которой осужденные наравне с продолжительностью рабочего времени и другими вопросами организации труда приравнивались к вольнонаемным рабочим с распростра-

нением на них основных положений Кодекса законов о труде (ст. 70 ИТК РСФСР 1924 г.; ст. 72, 74 ИТК РСФСР 1933 г.; ст. 39 ИТК РСФСР 1970 г.).

Помимо оплаты труда к материальным стимулам в отношении осужденных применялись такие денежные выплаты, как премии. Они выплачивались на основании разработанного в каждом исправительном учреждении Положения о премировании.

Применялись также специфические стимулы, как снабжение и добавочное питание, право дополнительно расходовать деньги на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Кроме того, хорошо работающие осужденные премировались одеждой и обувью. Подчеркивалась необходимость преимущественного и улучшенного снабжения ударников, выполняющих и перевыполняющих нормы.

Со второй половины 30-х гг. XX в. выбор формы поощрения за труд зависел не только от нормы выработки, но и от выполнения установленного режима содержания.

Применялось также моральное стимулирование: вручение грамот, благодарность, предоставление льготного режима содержания, увеличение количества писем в месяц для родственников.

В разные годы стимулом трудовой активности осужденных выступала система зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания. Система зачета рабочих дней в срок отбытого наказания в местах лишения свободы вводилась в 20, 30, 40 и 50-е годы XX в. Так, в соответствии со ст. 52 ИТК РСФСР 1924 г., ст. 127 ИТК РСФСР 1933 г. наблюдательные комиссии могли поощрять особо продуктивную работу лишенных свободы путем зачета двух дней за три дня срока.

Современное состояние стимулирования труда осужденных представляет собой совокупность мер поощрений, применяемых к осужденным не только за добросовестное отношение к труду, но в большей степени за соблюдение установленного порядка отбывания наказания. Так, в соответствии со ст. 113 УИК РФ к осужденным к лишению свободы поощрения применяются за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в работе самодеятельных организаций осужденных и в воспитательных мероприятиях.

Установленный действующим уголовно-исполнительным законодательством перечень мер поощрений можно условно классифицировать на несколько групп. К первой группе относятся: благодарность, награждение подарком, денежная премия (пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 113 УИК РФ). Это те виды поощрений, которые совпадают с закрепленными в ст. 191 Трудового кодекса РФ (далее: ТК РФ) поощрениями работников, добросовестно исполняющих трудовые обя-

занности. В ТК РФ кроме названных содержатся такие виды поощрений, как награждение почетной грамотой и предоставление к званию лучшего по профессии. При этом, например, в ст. 77 ИТК РСФСР 1933 г. за ценные производственные предложения и общественно полезную инициативу к лишенным свободы, кроме общих поощрительных мер, применяемых наблюдательными комиссиями, начальником места лишения свободы, предусматривались следующие меры: публичное одобрение с занесением в личное дело и с доведением до сведения всех заключенных, премирование деньгами или вещами. В ст. 51 ИТК РСФСР 1970 г. были предусмотрены такие поощрения осужденных за трудовые достижения, как занесение на доску передовиков производства и награждение похвальной грамотой. Кроме того, в данной статье в перечне мер поощрений были конкретно выделены поощрения за добросовестный труд: занесение на доску передовиков производства и премирование за лучшие показатели в работе.

В действующем УИК РФ практически исключены меры поощрения осужденных непосредственно за трудовые показатели. Только в гл. 14 УИК РФ «Труд, профессиональное образование и профессиональная подготовка» законодателем предусмотрена оплата труда осужденных в соответствии с его количеством и качеством.

Во вторую группу поощрительных мер входят: разрешение на получение дополнительной посылки или передачи; предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания; разрешение дополнительно расходовать деньги в сумме до $\frac{1}{4}$ минимального размера оплаты труда на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости; увеличение времени прогулки осужденным, содержащимся в строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях и тюрьмах, до двух часов в день на срок до одного месяца; досрочное снятие ранее наложенного взыскания (пп. «г», «е», «ж», «з», «и» ч. 1 ст. 113 УИК РФ). Согласно ч. 2 ст. 113 УИК РФ к осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, может применяться мера поощрения в виде разрешения на проведение за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней. Указанные поощрения предоставляют осужденным дополнительные материальные блага, моральное удовлетворение и в большей степени направлены на стимулирование правопослушного поведения осужденных, а не на формирование их мотивации к труду.

Третья группа поощрительных мер направлена на изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения. В данном случае к положительно характеризующимся осужденным применяются меры,

содержащиеся в ст. 87 УИК РФ. В пределах одной исправительной колонии осужденные к лишению свободы могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии. По общему правилу все осужденные по прибытии в исправительное учреждение направляются на обычные условия отбывания наказания, затем при отсутствии взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду могут быть переведены на облегченные условия содержания либо на строгие (при злостном нарушении режима).

Четвертая группа мер поощрения связана со значительным изменением правового положения осужденных. В соответствии со ст. 78 УИК РФ в зависимости от поведения и отношения к труду осужденным к лишению свободы может быть изменен вид исправительного учреждения.

В отдельную группу необходимо отнести меры поощрения, связанные с досрочным освобождением: во-первых, условно-досрочное освобождение, которое должно состояться, если судом будет установлено, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Для этого суду следует установить факты примерного поведения осужденного и его отношение к труду, данные, характеризующие личность осужденного, его стремление возместить материальный ущерб, его оценку содеянного и т. д. Во-вторых, в отношении положительно характеризующихся осужденных может быть возбуждено ходатайство о помиловании.

Таким образом, представленные в УИК РФ меры поощрения направлены в первую очередь на стимулирование правопослушного поведения осужденных в исправительном учреждении, а не на формирование мотивации к труду. При этом основной задачей, стоящей сегодня перед уголовно-исполнительной системой, является подготовка осужденных к жизни после освобождения. Ее решение потребует не просто обеспечения занятости осужденных, а посредством труда воспитания в них уважения к нему, привычки, а в дальнейшем и потребности постоянно работать. Достичь желаемого результата возможно также с помощью стимулирования трудовой активности осужденных. Одним из первых шагов в этом направлении должно стать отграничение поощрения за трудовые достижения осужденных от мер поощрения за выполнение установленного порядка отбывания наказания в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством. Такие поощрения, как благодарность, награждение ценным подарком и денежная премия, можно применять на производстве исправительного

учреждения только за достигнутые показатели в труде. Вероятно, следует внести изменения в уголовно-исполнительное законодательство, касающиеся четкого разделения применения мер поощрения в связи с выполнением трудовых обязанностей или исполнением порядка отбывания наказания.

Кроме того, необходимо расширить перечень поощрений за трудовые показатели. Так, по данным проведенного нами опроса заместителей начальников исправительных учреждений по производству, наиболее действенным стимулом осужденных к труду может выступать зачет дней

работы для исчисления срока наказания (один день работы за два дня лишения свободы). Это мнение большинства (60 %) респондентов. Кроме того, сотрудники выделили такие стимулы осужденных к труду, как повышение заработной платы (11 %), увеличение гарантированного минимума, зачисляемого на лицевой счет осужденного (8 %), моральное поощрение – благодарность, благодарственное письмо родственникам, занесение на доску почета и др. (8 %).

В заключение следует отметить, что поощрения за трудовые показатели, равно как и взыскания, необходимо закрепить в гл. 14 УИК РФ.

Библиографический список

1. *Голдик, Ю. В.* Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994.
2. *Зубков, А. И.* Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях / А. И. Зубков. – Томск, 1974.
3. *Кузьмин, С. И.* Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936-1960 гг.) / С. И. Кузьмин. – М., 1989.
4. *Сизый, А. Ф.* Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (Проблемы теории и практики) : монография / А. Ф. Сизый. – Рязань, 1994.

Bibliographical list

1. *Golik, Yu. V.* Positive Stimulants in Criminal Law (Definition, Substance, Perspectives). – M., 1994.
2. *Zubkov, A. I.* Theoretical Items of Legal Regulation of Prisoners' Work in Soviet Correctional-Labor Institutions / A. I. Zubkov. – Tomsk, 1974.
3. *Kuzmin, S. I.* Correctional-Labor Establishments' Activities (1936–1960) / S. I. Kuzmin. – M., 1989.
4. *Sizy, A. F.* Encouraging Norms of Criminal Execution Law (Problems of Theory and Practice) / A. F. Sizy. – Ryazan, 1994.

В. С. Злобин,
*адъюнкт заочной формы обучения
лаборатории изучения проблем безопасности
функционирования УИС
НИИ ФСИН России*

V. S. Zlobin,
*post-graduate student of the correspondence form
of learning at the laboratory for penalty system safety
problems investigation of the Scientific Research
Institute of the FPS of Russia*

ПОНЯТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

The Concept of Operational-research Prevention of Violations of the Established Order of Punishment

Аннотация. Автор рассматривает вопросы, связанные с определением понятий «предупреждение», «профилактика», «пресечение». Анализируются особенности оперативно-розысского предупреждения в уголовно-исполнительной системе. Автор приходит к выводу о необходимости оперативно-розысского предупреждения нарушений режима содержания и его влиянии на обеспечение отбывания наказаний.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, профилактика, пресечение, режимные мероприятия, отбывание наказания.

Annotation. The author distinguishes such definitions as «prevention», «precaution», «suppression». He investigates the peculiarities of operative-research prevention connected with imprisonment. The author concludes that prevention helps to counteract criminal processes and events and secure facilities for execution and service of sentence.

Key words: criminality, prevention, precaution, suppression, security measures, service of sentence.

В юридической литературе понятие «предупреждение» давно оспаривается в вопросах соотношения с понятиями «профилактика» и «пресечение» (Токарев А. Ф. Основные понятия криминологии. М., 1989. С. 38–39 ; Холыст Б. Криминология. Основные проблемы. М., 1980. С. 161). Уяснение их содержания имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Указанные понятия используются в различных нормативных актах. Как правильно заметил А. Г. Лекарь, неточность той или иной конкретной рекомендации может повлечь за собой частные ошибки, тогда как неправильность общего, исходного теоретического положения может отрицательно сказаться на целой отрасли практической деятельности (Лекарь А. Г. Некоторые вопросы деятельности органов МООП по предупреждению преступлений // *Вопр. предупреждения преступности.* М., 1965. Вып. 1. С. 6).

Разграничение понятий «профилактика», «предупреждение», «пресечение», по мнению Г. М. Миньковского, противоречит их буквальному смыслу.

Существует также иная позиция, основанная на различиях между данными терминами. Наиболее конструктивной представляется точка зрения А. Ф. Зеленского, который предупреждение преступности рассматривает как систему мер, предпринимаемых обществом для того, чтобы сдержать рост преступности и снизить, по возможности, ее уровень посредством устранения ее причин и способствующих условий, а также путем предотвращения и пресечения конкретных преступлений (Приводится по: Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горь-

кий, 1975. С. 101). Речь идет о том, чтобы не допустить совершения реально возможного преступления или остановить его развитие на ранних стадиях. Профилактика, по его мнению, – это деятельность по устранению, нейтрализации или ослаблению факторов, порождающих преступность или способствующих ей. Предполагается устранение существующих причин и условий (криминальных факторов) безотносительно к конкретному замышляемому кем-то преступному посягательству.

В свою очередь, О. В. Старков рассматривает понятия «предупреждение» и «профилактика» на общесоциальном и личностно-микросредовом уровнях.

Предупреждение преступности и преступления на общесоциальном уровне – недопущение преступности и ее типов. Однако как можно не допустить преступность и ее типы, если она уже существует? Правильнее говорить о каком-то пресечении преступности, усечении ее или – что сейчас модно – о нормировании, удержании в определенных рамках, пределах. На личностно-микросредовом уровне предупреждение представляет собой недопущение преступного поведения и его типов. Однако теоретически преступное поведение нельзя предотвратить, не допустить, так как оно существовало и при первобытно-общинном строе и не исчезнет никогда. Не допустить же можно конкретное преступление, их массу. Именно в этом смысле и используется данное понятие (Старков О. В. Предупреждение преступлений. М., 2005. С. 11).

Профилактика преступлений – это деятельность, направленная на выявление, устранение

или нейтрализацию причин и условий преступлений на всех уровнях, а также на их компенсацию причинами и условиями нормативного, во всяком случае правомерного, поведения, уровень нормативности в обществе в целом. При этом имеется в виду, что на личностно-микросредовом уровне преступление еще не началось и даже не задумано, но уже действуют внутренние (сформировалась агрессивная или корыстная криминогенная мотивация; при наличии таких качеств личности, которые могут содействовать ее реализации, например несовершеннолетие; отсутствие профессионального образования) и внешние (начинает действовать криминогенная ситуация, например безнадзорности; сформировалась благоприятная микросреда – отсутствие работы, семьи, жилья или просто освещения на улице, патрульно-постовой службы в этом месте и т. п.) причины и условия. На общесоциальном уровне профилактика – это нейтрализация противоречий (экономических, политических, межнациональных, религиозных и т. п.); вытеснение криминальной субкультуры общечеловеческой; устранение из системы образования, воспитания в стране, из средств массовой информации пропаганды агрессии, идеи наживы любым путем, аномальной сексуальности и т. д., т. е. факторов, продуцирующих преступность, для ограничения сферы действия преступности, ее нормирования.

Таким образом, профилактика и предупреждение, по мнению О. В. Старкова, – понятия идентичные, действуют на общесоциальном и личностно-микросредовом уровнях; предотвращение и пресечение функционируют на личностно-микросредовом уровне.

А. И. Долгова под предупреждением преступности понимает целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений (Долгова А. И. Криминология. М., 2003. С. 432).

Оперативно-розыскное предупреждение предполагает сбор информации о криминально-активных лицах, степени исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях их личности и системы социальных отношений. Совокупность сведений, которые дают основания для неблагоприятного прогноза, т. е. вывода о вероятности преступного поведения, сразу указывает на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохранил криминальную активность.

Осуществление оперативно-розыскного предупреждения требует привлечения знаний из области криминологии и педагогики, умения про-

гнозировать развитие криминогенной ситуации и индивидуального преступного поведения. Поскольку налицо специфика научных, организационных, методических и тактических основ оперативно-розыскного предупреждения, целей ее осуществления, есть все основания рассматривать этот процесс как самостоятельную форму, в рамках которой решаются важнейшие задачи борьбы с преступностью.

Оперативно-розыскное предупреждение включает в себя оперативно-розыскные меры, обеспечивающие эффективность таких методов, как воздействие через негласных сотрудников, разобщение путем оперативных комбинаций враждующих групп, оперативное прикрытие объектов и т. д.

Для данного изучения используются все возможные гласные и негласные источники информации. Направленность изучения предполагает обнаружение и оценку явлений, свойств личности, ситуаций, имеющих криминогенное значение, т. е. причинно связанных с развитием преступного поведения, а также проверку образа жизни, их причастности или не причастности к нарушениям установленного порядка отбывания наказания. Часть явлений, событий, фактов проявляется открыто, часть – маскируется. Основное внимание должна привлекать среда, где проявляются свойства личности и особенности поведения. Исследование показало, что чаще всего оперативные работники ограничиваются оценкой личности по зафиксированным правонарушениям, чего явно недостаточно: фиксируемые правонарушения не всегда отражают истинный облик тех, кто оказался под оперативным наблюдением.

Работа должна осуществляться одновременно по нескольким направлениям. В основном сотрудники оперативных подразделений пенитенциарных учреждений, принявшие участие в опросе, отметили, что, с одной стороны, необходимы мероприятия по выведению осужденных из-под влияния отрицательно настроенных осужденных, лидеров, устранению тех условий, которые создают им авторитет; с другой – постоянный оперативный контроль за нарушителями и реализация намеченных мер.

Первое направление представляет собой систему мер *общепрофилактического характера*. К ним прежде всего следует отнести создание в местах лишения свободы нормальных условий для осужденных.

Второе направление – *индивидуально-профилактическая работа* с нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

Полномочиями в осуществлении индивидуальной профилактической работы обладают сотрудники исправительных учреждений, которые в соответствии с пп. 1, 3, 9 ст. 14 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и ор-

ганах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 25, ст. 2964) вправе:

- осуществлять контроль за соблюдением режимных требований на объектах учреждений, исполняющих наказания, и территориях, прилегающих к ним;

- требовать от осужденных и иных лиц исполнения ими обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации, и соблюдения правил внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания;

- проводить медицинское освидетельствование осужденных с целью выявления фактов употребления алкоголя, наркотических или токсических веществ, назначать медицинское освидетельствование осужденных.

Сущность индивидуальной профилактической работы заключается в систематическом выявлении администрацией осужденных, допускающих правонарушения либо намеревающихся их совершить, постановке данных лиц на учет и проведении с ними воспитательной работы с целью склонения к отказу от противоправных действий. Характерной особенностью индивидуальной профилактической работы является оказание предупредительного воздействия на конкретных лиц, причем дифференцированно.

В проведении мероприятий индивидуальной профилактики оперативные отделы играют ведущую роль. Они участвуют в размещении осужденных, подборе осужденных для работы по хозяйственному обслуживанию, контролируют пропускной режим, соблюдение правил хранения инструмента, производство обысков, прием передач и проведение свиданий. Постоянно получая данные об изменении оперативной обстановки, сотрудники оперативных служб обязаны своевременно обнаруживать возникающие осложнения и вносить на рассмотрение руководства предложения по нормализации оперативной обстановки и укреплению порядка в учреждении.

Таким образом, осуществляя профилактические мероприятия, оперативные отделы играют

роль органа, координирующего усилия всех служб. По роду своей деятельности они имеют возможность глубоко вникать во все стороны деятельности исправительных учреждений, вскрывать недостатки, способствующие совершению преступлений осужденными и принимать меры к их устранению.

Третье направление – *использование оперативно-розыскных средств и методов в профилактических целях.*

Действующее уголовно-исполнительное законодательство (ст. 78 УИК РФ) позволяет применять к правонарушителям, включая тех, кто пытается сформировать группы отрицательной направленности или совершает иные действия, представляющие угрозу безопасности окружающих, злостно нарушает режим, меры, максимально изолирующие их от основной массы осужденных. В этих целях используются запираемые помещения, штрафные изоляторы, помещения камерного типа, одиночные камеры и т. п. (ст. 115 УИК РФ).

На основании вышеизложенного сформулируем определение *оперативно-розыскного предупреждения нарушений установленного порядка отбывания наказания: это вид деятельности, осуществляемой гласными и негласными методами сотрудниками оперативных аппаратов с использованием профессиональных возможностей работников иных структурных подразделений исправительных учреждений, направленный на устранение причин и условий, способствующих совершению нарушений установленного порядка отбывания наказания, нейтрализацию негативного влияния лиц, отрицательной направленности в целях их профилактики, предотвращения и пресечения, обеспечения безопасности осужденных и персонала учреждений.* Предупреждение нарушений установленного порядка отбывания наказания позволяет противодействовать криминальным процессам и явлениям, обеспечить благоприятные условия для исполнения и отбывания наказания.

Библиографический список

1. Кудрявцев, А. В. Оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания в виде лишения свободы: проблемы теории и практики : монография / А. В. Кудрявцев. – Владимир, 2009.
2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, С. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2004.
3. Старков, О. В. Предупреждение преступлений / О. В. Старков. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Kudryavtsev, A. V. Operative-security Caution of Imprisonment: Problems of Theory and Practise / A. V. Kudryavtsev. – Vladimir, 2009.
2. Operative-research Activity / ed. by K. K. Goryainov, S. S. Ovchinsky, A. Yu. Shumilov. – M., 2004.
3. Starkov, O. V. Prevention of Crimes / O. V. Starkov. – M., 2005.

А. А. Коровин,
адъюнкт лаборатории изучения
проблем управления и правового
обеспечения деятельности УИС
НИИ ФСИН России

A. A. Korovin,
post-graduate student of the research laboratory
for studying the problems of governance
and legal security of the criminal executive system
of Science Research Institute of the FPS of Russia

**ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ:
ИХ РОЛЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ ФСИН РОССИИ**

**European Standards and Foreign Experience: Role in Perfecting the Activity of the Criminal Execution
Inspections of the FPS of Russia**

Аннотация. В статье дается краткий анализ ответов сотрудников уголовно-исполнительных инспекций на следующие вопросы анкеты: насколько практические работники данных инспекций удовлетворены положением дел в регионе; их знание европейских стандартов, имеющих непосредственное отношение к их деятельности, и зарубежного опыта; использование данных документов в повседневной работе; существование проблем в сфере их деятельности.

Ключевые слова: европейские стандарты, зарубежный опыт, альтернативные наказания, уголовно-исполнительные инспекции (УИИ).

Annotation. The article offers a short analysis of the answers given by the staff of the criminal execution inspections to the questionnaire concerning the following items: to what extent the field workers are satisfied with the state of things in their region or inspection; to what degree they are informed about the European standards concerning their activities and foreign good practice; how they can be used in their practical work; what problems can arise due to that.

Key words: european instruments, foreign good practice, alternative sanctions and measures, criminal execution inspections.

В процессе интеграции России с международным сообществом в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) произошли важные изменения. Изучение международных правовых актов, касающихся обеспечения прав человека, борьбы с преступностью, обращения с правонарушителями, заимствование отдельных элементов зарубежного опыта исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества позволили внести изменения и дополнения в отечественное законодательство, усовершенствовать приемы и методы работы сотрудников УИС, в частности уголовно-исполнительных инспекций (далее: УИИ) ФСИН России.

Для определения возможных путей дальнейшего совершенствования повседневной работы сотрудников УИИ был проведен опрос. Анкета состояла из нескольких взаимосвязанных блоков вопросов, позволяющих выяснить, удовлетворены ли практические работники УИИ положением дел в регионе; их знание европейских стандартов, имеющих непосредственное отношение к их деятельности, а также зарубежного опыта; использование данных документов в повседневной работе; существование проблем в сфере их деятельности.

Анализ ответов показал, что более половины респондентов (51,7 %) удовлетворены сложившейся в России системой исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы; 40 % отрицают ее эффективность и лишь 8,3 % затруднились с ее оценкой.

Следует отметить, что сотрудники УИИ в 63,3 % случаев считают удовлетворительной практику применения альтернативных лишению свободы наказаний в своем регионе, а также организацию деятельности УИИ в масштабах субъекта Российской Федерации; 75 % респондентов положительно оценивают уровень организации работы конкретной УИИ.

Большинство участвующих в опросе лиц (74,17 %) считают возможным и необходимым изменение форм и методов работы с осужденными; полностью удовлетворены им лишь 28,02 %; не удовлетворены – 4,17 %. Настоящие данные свидетельствуют о необходимости корректировки сложившихся форм и методов работы сотрудников УИИ. В связи с этим закономерным является вопрос о возможности достижения данного результата с помощью изучения европейских стандартов и зарубежного опыта.

Один из разделов анкеты касался непосредственно европейских документов и зарубежного опыта. Результаты проведенного исследования показали, что 55 % респондентов имеют лишь некоторое представление о них; 27 % дали отрицательный ответ на вопрос о знании отдельных положений европейских стандартов.

Ожидаемым оказался результат выявления уровня информированности о европейских стандартах персонала УИИ. Так, 62,5 % респондентов имеют некоторое представление о данных документах и 18 % сотрудников УИИ нет.

По нашему мнению, особую важность имеет выявление источников, из которых сотрудники УИИ получают информацию о европейских

стандартах и зарубежном опыте исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества. Так, самый большой объем информации (40 %) респонденты приобретают на занятиях в рамках служебной подготовки, а это свидетельствует о том, что руководство подразделений осознает важность изучения европейской модели и ее использования в деятельности УИИ. Другим источником пополнения багажа профессиональных знаний является Интернет, откуда извлекается 28,3 % сведений. В 26 % случаев знания можно получить из средств массовой информации (однако они, по нашему мнению, не всегда дают полную и достоверную картину); 23 % респондентов получают сведения при общении с коллегами. В связи с этим возникает вопрос об информации, которой располагают коллеги, источниках ее получения, а также о том, насколько правильно они ее воспринимают. Кроме того, из иных источников сведения приобретаются в 12,5 % случаев; в ходе командировок – в 6 %; 5 % респондентов вовсе не получают (или не хотят получать) никакой информации о европейских стандартах и зарубежном опыте.

Разработанная нами анкета включала вопрос, где были перечислены четыре, по нашему мнению, наиболее важные для сотрудников УИИ документы Совета Европы: Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями; Рекомендация № Р(92)16 «О Европейских правилах по общим санкциям и мерам»; Рекомендация Р(97)12 «О персонале, исполняющем общественные санкции и меры»; Рекомендация Р(2000)22 «О совершенствовании применения Европейских правил по общим санкциям и мерам», где им было предложено отметить степень знания этих документов. Вызывает удивление тот факт, что сотрудники УИИ в наибольшей степени осведомлены о содержании данной Конвенции (10,8 % «хорошо ее знают», а 60,8 % «кое-что слышали»), тогда как до настоящего времени Российской Федерацией не ратифицирован этот документ, а следовательно, он не действует на территории государства.

Примерно в равной степени сотрудники УИИ осведомлены о названных рекомендациях Р(92)16 и Р(97)12: в совокупности 58 % либо хорошо знают каждую из них, либо кое-что о них слышали. Однако удручает то обстоятельство, что почти 42 % респондентов практически ничего не знают о таком важном основополагающем документе, каковым является Рекомендация о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер.

Что касается Рекомендации о персонале, исполняющем общественные санкции и меры, не

знакомы с ней лишь 3,3 % сотрудников. Можно предположить, что именно эти проблемы в наибольшей степени беспокоят сотрудников УИИ.

Далее рассмотрим возможность, целесообразность, наличие условий для более широкого применения европейских стандартов и зарубежного опыта.

Возможным совершенствование своей работы на основе реализации европейских стандартов и зарубежного опыта считают 40,8 % респондентов. В качестве препятствия этому они видят позицию руководителей территориальных органов и МРУИИ (32 и 37,5 % соответственно), «недостаток сил и средств в подразделениях» (17,5 %), «недопонимание необходимости использования европейских стандартов и зарубежного опыта» (16,6 %). Вполне понятно, что в качестве препятствия в 13,3 % ответов было указано «отсутствие информации о европейских документах и опыте»; а 5 % респондентов отметили низкий уровень компетентности сотрудников. Кроме того, 2,5 % сотрудников УИИ уверены в эффективности сложившейся практики.

По мнению сотрудников УИИ, эффективность исполнения наказаний и мер без изоляции от общества можно повысить, не используя европейские стандарты и зарубежный опыт (52,5 % ответов). Увы, это свидетельствует о недооценке ими роли зарубежной составляющей в совершенствовании отечественной практики. Отрицают эту возможность 13,3 % респондентов, а 34,2 % затруднились ответить на данный вопрос.

Большинство респондентов (62,5 %) полагают, что в России еще не сложились условия для всемерного использования европейских стандартов и зарубежного опыта. В 36,8 % случаях сотрудники УИИ признали необходимым условием для этого «изучение европейских стандартов и зарубежного опыта».

Если сотрудники УИИ в целом не слишком высоко оценивают значение использования европейской составляющей в деле совершенствования отечественной практики, то возникает вопрос: что, по их мнению, может улучшить положение дел в системе, при каких условиях возможно кардинальное улучшение ситуации? Подавляющее большинство респондентов (75 %) полагают необходимым «реформирование законодательства Российской Федерации»; «улучшение условий труда сотрудников» – 63 %; «поднятие уровня правовой и социальной защищенности сотрудников» – 54 % и «расширение круга полномочий сотрудников» – 51 %.

Такое важное, с нашей точки зрения, условие, как «организация изучения и внедрение европейских стандартов и зарубежного опыта», было отмечено лишь 29 % сотрудников УИИ. Вместе с тем данный результат можно признать вполне

удовлетворительным, поскольку в основном респонденты осознают значение зарубежной составляющей как средства улучшения своей профессиональной деятельности.

Следует заметить, что значение отечественного передового опыта оценивается ниже: это условие отмечено лишь в 20 % случаев.

По мнению 29 % сотрудников УИИ, улучшению положения дел в системе будет способствовать повышение эффективности взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

С точки зрения респондентов, европейские стандарты и зарубежный опыт не могут применяться в масштабах одного региона (68,8 %), отдельно взятой инспекции (83,3 %), отдельным сотрудником (87,5 %). Таким образом, зарубежная составляющая вначале должна быть внедрена в масштабах всей системы исполнения альтернативных наказаний, а затем применяться на всех уровнях.

На вопрос: «должны ли европейские стандарты и зарубежный опыт применяться в деятельности УИИ системно и в полном объеме?» – респонденты не смогли прийти к единому мнению. Так, большинство (39 %) сотрудников УИИ затруднились ответить; дали положительный ответ 32 %, отрицательный – 29 %. В основном опрошенные считают возможным лишь заимствование отдельных элементов зарубежных стандартов и опыта (67,5 %).

В заключение инспекторам УИИ было предложено оценить по пятибалльной системе уровень сотрудничества российского и европейского ведомств, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества. Оценки распределились следующим образом: 3 – 49 %; 2 – 24 %;

1 – 16 %. Таким образом, в совокупности неудовлетворительную оценку выставили 40 % сотрудников УИИ.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В целом сотрудники УИИ недостаточно удовлетворены сложившейся в России системой исполнения альтернативных наказаний и мер, однако их вполне устраивает работа собственных подразделений.

Не все из них и не в полном объеме знакомы с европейскими стандартами и опытом своих коллег, хотя и получают об этом информацию даже на служебной подготовке.

В настоящее время инспекторы УИИ не могут дать положительный ответ на вопрос совершенствования своей работы на основе зарубежной составляющей, однако допускают внедрение некоторых элементов зарубежного опыта.

Улучшить работу УИИ возможно с помощью реформирования законодательства Российской Федерации и решения кадровых проблем: улучшения условий труда сотрудников, поднятия уровня их правовой и социальной защищенности, расширения круга полномочий.

Отдавая должное работе своих руководителей, сотрудники УИИ тем не менее полагают, что руководство различного уровня не использует все возможности для внедрения зарубежной составляющей в практическую деятельность как средство ее совершенствования. По их мнению, препятствием этому служат: недостаток сил и средств в подразделениях, отсутствие информации, недопонимание руководителями необходимости использования европейских стандартов и опыта, а в ряде случаев их невосприимчивость к новому и консерватизм.

Библиографический список

1. Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями : заключена в г. Страсбурге 30 нояб. 1964 г. // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М., 1998.

2. О Европейских правилах по общим санкциям и мерам : рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(92)16 : принята 19 окт. 1992 г. // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М., 1998.

Bibliographical list

1. European Convention on the Supervision of Conditionally Sentenced or Conditionally Released Offenders : Concluded in Strasbourg, 30 Nov. 1964 // Collection of Documents of the Council of Europe in the Field of Human Rights and the Fight Against Crime. – M., 1998.

2. On the European Rules on Common Sanctions and Measures : the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe № R(92)16 : Accepted Oct. 19, 1992 // Collection of Documents of the Council of Europe in the Field of Human Rights and the Fight Against Crime. – M., 1998.

А. В. Кудрявцев,
заместитель начальника кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

A. V. Kudryavtsev,
deputy chief of the chair of organizing operative works
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Modern State of the Problem of Scientific Cognition in the Operative-Research Activity

Аннотация. Автор рассматривает главные особенности научного познания в оперативно-розыскной деятельности. В основе данной публикации лежит тезис о том, что теория оперативно-розыскной деятельности является наукой с присущими ей признаками, характерными для данной сферы человеческой деятельности.

Ключевые слова: преступность, юридическое познание, оперативно-розыскная деятельность.

Annotation. The author studies the main features of cognition realized in the theory of operative-research activity. The foundation of this publication is the thesis that the operational research activity is the science with its own distinctive features which are typical for this sphere of human activity.

Key words: criminality, legal cognition, operative-research activity.

Как известно, юридические науки с известной долей условности можно классифицировать по четырем группам: 1) теоретические и исторические науки о государстве и праве (теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений; 2) науки, изучающие зарубежное государство и право (римское право, конституционное (государственное) право зарубежных стран и международное право; 3) отраслевые юридические науки (гражданское право, уголовное право и др.); 4) прикладные юридические науки (криминология, оперативно-розыскная деятельность, судебная медицина, судебная психиатрия, юридическая психология и др.) (Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 26).

Научное познание необходимо для того, чтобы регулировать ту или иную сферу человеческой деятельности. При этом существуют и иные виды познания, отличные от научного, выполняющие данную функцию. К ним, в частности, относятся обыденное, философское, религиозное, художественно-образное, игровое и мифологическое познание. Кроме того, ненаучными формами познания считаются магия, алхимия, астрология, парапсихология, мистическое и эзотерическое познание, так называемые оккультные науки и т. п. (Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2002. С. 73–79).

Ориентация науки на изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность (либо актуально, либо потенциально – в качестве возможных объектов ее будущего преобразования), и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития составляют первую главную особенность

научного познания, отличающую его от других форм познавательной деятельности человека (Степин В. С., Горохов В. Г., Розов В. А. Философия науки и техники. М., 1996. С. 17).

В этой связи возникает вопрос об объектах изучения теории оперативно-розыскной деятельности. Главным ее назначением, по мнению Д. В. Гребельского, «была и продолжает оставаться эффективная защита охраняемых законом... жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств... с помощью оперативно-розыскных мер» (Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 8). Далее автор отмечает: «Как известно, частные, конкретные науки в качестве своего предмета обозначают соответствующую сферу познания объективной действительности, исходя, прежде всего, из характера общего объекта познания и особенностей его отражения. В качестве такого общего объекта познания для теории оперативно-розыскной деятельности, как и для других криминологических отраслей юридической науки, выступает преступность» (Там же. С. 55).

Изучая объекты, преобразуемые в деятельности, наука не ограничивается познанием только тех предметных связей, которые могут быть освоены в рамках наличных, исторически сложившихся на данном этапе развития общества типов деятельности. Цель науки заключается в том, чтобы предвидеть возможные будущие изменения объектов, в том числе и те, которые соответствовали бы будущим типам и формам практического изменения мира (Степин В. С., Горохов В. Г., Ро-

зов В. А. Указ. соч. С. 18). Применительно к рассматриваемой проблематике можно сказать, что исторически оперативно-розыскная деятельность возникла в ответ на потребность в выявлении и раскрытии преступлений, установлении лиц, их совершивших, и розыске скрывшихся преступников с использованием в этих целях специфических сил, средств и методов, что, в свою очередь, потребовало создания специальных государственных органов, на которые возложена задача ведения борьбы с преступностью.

Сегодня в науке оперативно-розыскной деятельности проводятся исследования, не только обслуживающие современную практику оперативных подразделений различных правоохранительных органов, но и нацеленные на применение их результатов только в практике будущего. Иными словами, движение познания в области теории оперативно-розыскной деятельности обусловлено уже не столько непосредственными запросами настоящего времени, сколько познавательными интересами, через которые проявляются потребности общества в прогнозировании будущих способов и форм практического освоения проблем противодействия преступности.

Согласно общей теории философии науки любая деятельность (в том числе оперативно-розыскная) характеризуется наличием двух элементов. Первый отражает предметную структуру деятельности – взаимодействие средств с предметом деятельности и превращение последнего в продукт благодаря осуществлению определенных операций. Второй представляет субъектную структуру – субъекта деятельности (с его целями, ценностями, знаниями операций и навыками), осуществляющего целесообразные действия и использующего для этого определенные средства деятельности.

Исходя из этого мы разделяем мнение профессора А. Ю. Шумилова, согласно которому признаками, присущими всем родам и видам профессиональной сыскной деятельности, объединяющими их в общий деятельностный комплекс, является двуединство объективно-субъективных начал, включающих в себя группу объективных признаков и группу субъектно-субъективных признаков. К первой группе автор относит: наличие так называемого информационного компонента профессионального сыска; осуществление типичных сыскных поведенческих актов; использование как гласных, так и негласных сил, средств и методов; реальное или потенциальное причинение вреда определенным правоохраняемым интересам. Вторая группа включает: профессиональную принадлежность участников деятельности; наличие поставленных властью целей в профессиональном сыске и определенных ею же для решения соответствующих

задач; зависимость уровня правового регулирования общественных отношений в сфере сыскной деятельности от волеизъявления государственной власти (Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография. М., 2007. С. 10–12).

Следует также отметить, что указанные выше признаки вытекают из законодательного определения оперативно-розыскной деятельности. Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то данным Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Таким образом, теория оперативно-розыскной деятельности является наукой, познающей суть и особенности осуществления данной деятельности. При этом основой последней как вида социально полезной деятельности служит познание окружающей действительности, а именно познание юридическое.

Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова под познанием понимается приобретение знания, постижение закономерностей окружающего мира (М., 1981. С. 485). Иными словами, это такое взаимодействие объекта и субъекта, результатом которого является новое знание о мире. В свою очередь, термин «знание» обычно употребляется в трех основных значениях: а) способности, умения, навыки, которые базируются на осведомленности, как что-либо сделать, осуществить; б) любая познавательная информация; в) особая познавательная единица, гносеологическая форма отношения человека к действительности, существующая наряду и во взаимосвязи со «своим другим» – с практическим отношением. Второй и третий аспекты и есть предмет рассмотрения гносеологии (теории познания) и эпистемологии – теории научного познания (Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания) : учеб. пособие для аспирантов. Ростов н/Д, 2005. С. 6).

Особенностями научного познания (критериями научности) являются следующие: безграничность; объективность; связь с практикой; системность; использование специфических материальных средств и методов; строгая доказательность; обоснованность полученных результатов;

достоверность выводов об истинности знания; методологическая рефлексия; открытость для критики; возможность многократного воспроизведения (другими лицами, в разное время, в различных странах) полученных выводов; принципиальная эмпирическая (в наблюдении, эксперименте, практике) проверяемость знания, т. е. его подтверждение (верификация) или опровержение (фальсификация) (Боруленков Ю. П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009. С. 59–61).

Философской основой познания является учение о познаваемости объективной действительности и круг гносеологических проблем, связанных с познанием. Учение о познании объективной действительности в полной мере относится и к оперативно-розыскной деятельности, так как в рамках ее проведения осуществляется познание фактических обстоятельств совершения противоправных деяний. При этом методологическую основу познания составляет диалектика как учение о развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности явлений.

Познание в рамках оперативно-розыскной деятельности представляет собой сложный процесс, требующий наличия у оперативного работника соответствующих теоретических знаний, профессиональных качеств и навыков и связанный со значительными психологическими и физическими нагрузками. Иными словами, познание оперативным работником обстоятельств правонарушения фактически представляет собой процесс установления истины.

Одна из особенностей оперативно-розыскного познания как разновидности юридического познания заключается в его интеграции с системой иных видов научного познания. Это обусловлено главным образом тесной связью теории оперативно-розыскной деятельности с другими науками, что, безусловно, создает определенные трудности при отнесении ее к собственно наукам.

Неслучайно Г. А. Матусовский отмечает, что «в отношении фундаментальных наук ни у кого не вызывает сомнения принадлежность их к определенной отрасли знания. Более того, они сами образуют научные отрасли, семейства наук. Так обстоит дело с физикой, химией, историей, экономикой и другими науками, на базе которых сложились группы отраслевых дисциплин. Вместе с тем при решении данного вопроса относительно прикладных наук, в большей части являющихся промежуточными дисциплинами, возникают определенные затруднения» (Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976. С. 24).

В связи с этим следует признать вполне обоснованным вывод профессора М. А. Шматова, со-

гласно которому для определения принадлежности теории оперативно-розыскной деятельности к юридической науке требуются и другие основания (Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук (по материалам органов внутренних дел) : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 65). В качестве таковых, по его мнению, могут выступать следующие:

- исторические закономерности зарождения оперативно-розыскной деятельности и ее социальные задачи;

- закономерности развития теории оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной отрасли научного знания;

- особенности методов научного исследования в области теории оперативно-розыскной деятельности;

- общность объекта научного исследования для оперативно-розыскной теории и других уголовно-правовых наук;

- характер межнаучных связей оперативно-розыскной теории с другими юридическими науками.

Бесспорным, на наш взгляд, является существующее в современной теории науки утверждение, что существовавшие прежде резкие разграничительные линии, разделявшие науки в результате дифференционных процессов, в настоящее время стали стираться под воздействием процессов интеграции наук. Появились целые области, которые не столько разделяют, сколько связывают между собой ранее обособленные сферы научного знания.

Вместе с тем, несмотря на интеграционные процессы в сфере юридических наук, сохраняется относительная обособленность теории оперативно-розыскной деятельности, обусловленная наличием специфических правоотношений.

Так, профессор А. Ю. Шумилов говорит о наличии в оперативно-розыскной деятельности отношений, присущих ряду общепризнанных отраслей права, в частности, уголовного, уголовно-процессуального и административного (рассматривались в работах Д. В. Гребельского, С. В. Дякова, М. П. Карпушина, В. А. Азарова, И. А. Климова, М. П. Полякова, М. А. Шматова и др.), и собственно уголовно-сыскных правоотношений (Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты) : монография. М., 2008. С. 35).

Относительно последних авторов, по нашему мнению, весьма справедливо замечает, что они не урегулированы в должной мере никакой «традиционной» отраслью права. Под этими правоотно-

шениями следует понимать возникающую на основе норм уголовно-сыскного права правовую связь между субъектами оперативно-розыскной деятельности (в основном конспиративного свойства) по поводу совершения преступления или достаточной вероятности его совершения, характеризующую наличием единства юридических прав и обязанностей и гарантируемую принуди-

тельной силой государства (Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности... С. 35–42).

Таким образом, оперативно-розыскное право является весьма динамично развивающейся отраслью российского права, а теория оперативно-розыскной деятельности – перспективным направлением научных знаний.

Библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2004.
2. Степин, В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, В. А. Розов. – М., 1996.
3. Шумилов, А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография / А. Ю. Шумилов. – М., 2007.

Bibliographical list

1. Operative-research Activity / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, A. Yu. Shumilov. – M., 2004.
2. Stepin, V. S. Philosophy of Science and Technology / V. S. Stepin, V. G. Gorokhov, V. A. Rozov. – M., 1996.
3. Shumilov, A. Yu. The Phenomenon of Scientific Schools of Professional Criminal Investigation / A. Yu. Shumilov. – M., 2007.

Ю. Л. Померанцев,
*адъюнкт заочной формы обучения
Московского университета МВД России*

Yu. L. Pomerantsev,
*post-graduate student of correspondence forms
of learning at Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ОСНОВАМ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД
С КУРСАНТАМИ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ**

**Designing Integrated Lessons on the Basics of Personal Safety of Internal Affairs Officers with Cadets
of Graduate Courses of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

Аннотация. В статье проводится анализ системы подготовки курсантов при соблюдении ими основ и правил личной безопасности. Автор предлагает в целях усовершенствования системы подготовки курсантов использовать в учебно-воспитательном процессе блочно-модульную форму проведения занятий, направленных на решение оперативных задач, в различных условиях служебно-боевой деятельности.

Ключевые слова: обеспечение личной безопасности, сотрудники ОВД, преступность, образовательная программа, дисциплина боевой подготовки, тактика, методы, навыки, служебная деятельность, блочно-модульная форма обучения.

Annotation. The author analyses the improvement of cadet training system when they observe personal safety rules. The author examines personal safety problems in different situations of service activity. He considers that one of the solutions to this problem is the introduction of a special system of conducting classes aimed at solving operational tasks in different conditions of duty activity.

Key words: bases to personal safety, internal affairs officers, crime, educational program, discipline of combat preparation, tactics, methods, skills, official activity, block-module form of the education.

Современное развитие российской государственности во многом предопределяется сложностью задач, решаемых органами внутренних дел (далее: ОВД) в условиях происходящих изменений в политической и экономической жизни нашего общества и государства.

О сложной и напряженной оперативной обстановке в стране свидетельствует статистика последних лет. Так, потери, связанные с гибелью сотрудников ОВД при исполнении ими служебных обязанностей, ежегодно составляют более 300 человек, количество раненых и травмированных – до 6000 человек. Причем с каждым годом эти цифры только возрастают.

В связи с этим Министерство внутренних дел Российской Федерации обращает особое внимание на необходимость научной разработки проблемы обеспечения безопасности сотрудников, в частности, на обучение курсантов образовательных учреждений МВД России тактике и методам обеспечения личной безопасности (Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации : утв. приказом МВД России от 6 нояб. 2003 г. № 829. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

Несмотря на определенные успехи, уровень служебно-боевой подготовленности выпускников образовательных учреждений МВД России еще отстает от желаемого, что приводит к ранениям, гибели граждан и даже сотрудников элитных подразделений ОВД.

Опыт работы практических сотрудников ОВД доказывает, что соблюдение основ и правил лич-

ной безопасности – важная часть процесса обучения и воспитания курсантов-выпускников в условиях выполнения поставленных перед ними задач.

Проведенные исследования по методике развития профессиональных качеств курсантов позволяют говорить о том, что одним из компонентов успешной профессиональной подготовленности в условиях противоборства правонарушителям являются огневая, тактико-специальная, физическая подготовка, элементы боевого взаимодействия в различных ситуациях.

В этой связи возрастает актуальность ускорения адаптации курсантов к новым условиям предстоящей профессиональной деятельности в процессе изучения дисциплины «Основы личной безопасности сотрудников ОВД» (далее: «ОЛБ»). В целях разрешения обозначенной проблемы необходимо усовершенствовать систему подготовки курсантов на завершающем этапе обучения за счет внедрения в образовательный процесс блочно-модульных форм проведения занятий, направленных на отработку оперативных задач в условиях, приближенным к реальным.

Тематический план дисциплины «ОЛБ» составлен нами таким образом, чтобы обучение проводилось 2–3 преподавателями при активном участии кафедр физической, боевой и тактико-специальной подготовки.

Согласно рабочей учебной программе по дисциплине «ОЛБ» 2009 г., подготовленной в Московском университете МВД России, основной раздел состоит из десяти тем. Причем часть из них, такие как «Огневая подготовка», «Физическая

культура», «Тактико-специальная подготовка», являются смежными, так как изучаются в рамках дисциплин, закрепленных за кафедрами физической, боевой и тактико-специальной подготовки.

В связи с этим для наиболее рационального обучения курсантов по дисциплине «ОЛБ» мы проанализировали перечень дисциплин Государственного образовательного стандарта по огневой, физической и тактико-специальной подготовке.

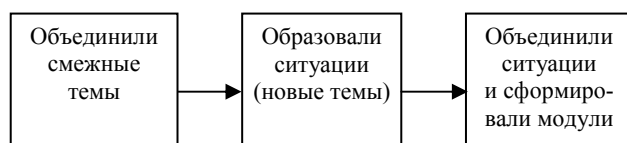
Итогом проведенного анализа стала разработка экспериментальной методики обучения курсантов выпускных курсов. В ней мы предлагаем смежные темы изучаемых дисциплин объединить в блоки (модули), тем самым организовать блочно-модульную форму проведения занятий с использованием учебно-тренировочного полигона.

Данная методика предполагает интегральное обучение курсантов по разделам блока боевой подготовки дисциплины «ОЛБ». Проанализировав смежные темы дисциплин блока боевой подготовки (огневой, физической, тактико-специальной) и основываясь на тематическом плане учебной дисциплины «ОЛБ» 2009 г., мы сформировали ситуации – темы учебных занятий.

Основной раздел дисциплины «ОЛБ» у нас состоит из десяти тем.

Исходя из предложенных 10 ситуаций (тем) дисциплины «ОЛБ», мы предлагаем сформировать четыре модуля: модуль № 1 – для изучения теоретического материала; модули № 2 и 3 – для отработки практических действий сотрудников в условиях выполнения оперативно-служебных задач. Заканчивать обучение мы планируем модулем итогового контроля № 4, используя полигонную форму проведения занятий.

Таким образом, наши действия можно изобразить в виде следующей схемы:

Не выходя за рамки установленных 120 часов учебного времени, предусмотренных рабочей учебной программой Московского университета МВД России по дисциплине «ОЛБ» в 2009 г., мы предлагаем обучение курсантов построить таким образом: **модуль № 1** – теоретические основы обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД; **модуль № 2** (участковые уполномоченные милиции) – задержание правонарушителя при нарушении общественного порядка; **модуль № 3** (уполномоченные уголовного розыска) – действия по задержанию особо опасного преступника.

Подводя итоги обобщенного материала и решая вопросы боевого взаимодействия по подразделениям, мы в конце занятия предлагаем приступить к отработке этих же вопросов в целом. При этом обязательным условием является выполнение курсантами нормативных требований при меняющейся оперативной обстановке, которая не имела повторений в ходе проводимых испытаний.

Завершить обучение планируется модулем итогового контроля № 4, где предусмотрено практическое выполнение одновременно нескольких учебных заданий на одном из мест учебно-тренировочного полигона: **модуль** итогового контроля **№ 4** – обеспечение личной безопасности сотрудников ОВД в различных ситуациях.

Особенностью данной методики является блочно-модульная форма проведения занятий, которые сочетают в себе отработку практических умений и навыков по блоку взаимосвязанных дисциплин боевой подготовки. Занятия планируется проводить в интегральной форме, которая требует участия нескольких преподавателей на учебных местах.

Предложенная нами форма проведения занятий по дисциплине «ОЛБ», учитывая актуальность проблемы совершенствования практической деятельности сотрудников ОВД, позволит повысить уровень образовательного процесса, качество практических знаний, а также улучшить умения и навыки курсантов.

Библиографический список

1. *Вдовиченко, В. П.* Типовое планирование процесса индивидуальной боевой подготовки сотрудника милиции (физическая, огневая, комплексная подготовка) / В. П. Вдовиченко. – Н. Новгород, 1995.
2. *Дворяк, И. А.* Боевая подготовка работников органов внутренних дел : учебник. – М., 1991.
3. *Колухов, В. Г.* Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел : учеб. пособие / В. Г. Колухов. – М., 2006.

Bibliographical list

1. *Vdovichenko, V. P.* Type Planning of the Individual Training Process of Militia Officer (Physical, Fire and Complex Training) / V. P. Vdovichenko. – N. Novgorod, 1995.
2. *Dvoriak, I. A.* Combat Training of Internal Affairs Officers / I. A. Dvoriak. – M., 1991.
3. *Kolyukhov, V. G.* Physical Training of Internal Affairs Officers / V. G. Kolyukhov. – M., 2006.

М. В. Сорокин,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
А. В. Звонов,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России

M. V. Sorokin,
lecturer of the chair of the penal law
of VLI of the FPS of Russia
A. V. Zvonov,
lecturer of the chair of the penal law
of VLI of the FPS of Russia

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ К ГРАЖДАНАМ ЗА ПЕРЕДАЧУ И ПОПЫТКУ ПЕРЕДАЧИ
ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ЛИЦАМ, СОДЕРЖАЩИМСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ**

**Application of Administrative Measures to Individuals for Passing or an Attempt of Passing Forbidden Objects
to the Individuals Kept in Pre-Trial Prisons**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения норм КоАП РФ в отношении граждан за передачу подозреваемым, обвиняемым и осужденным, содержащимся в следственных изоляторах, запрещенных к хранению и использованию предметов и продуктов питания. Рассмотрены порядок административного задержания, ведения производства по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, следственный изолятор, незаконная передача запрещенных предметов, противоправные действия, административная ответственность, личный досмотр, административное задержание, административное правонарушение.

Annotation. The article is devoted to the research of application of norms of The Administrative Code of the RF on administrative offences for passing objects forbidden to be stored or used to suspects, accused and convicted people kept in pre-trial prisons. The paper also deals with the process of administrative apprehension and action.

Key words: the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, pre-trial prison, illegal transfer of forbidden objects, unlawful acts, administrative responsibility, personal search, administrative detention, administrative offence.

Нестабильность общественных отношений, вызванная преобразованиями в различных сферах жизнедеятельности российского общества, способствовала обострению криминогенной обстановки в стране. На этом фоне одной из серьезных проблем является довольно напряженная обстановка в следственных изоляторах (далее: СИЗО), сопряженная с нарушениями установленного порядка содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В настоящее время в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС) входят 225 СИЗО и 164 помещения, функционирующие в режиме СИЗО при исправительных колониях и тюрьмах (Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года : проект. URL: <http://www.ukrprison.org.ua/index.php?id=1264936781>). Согласно статистической отчетности в последние годы в СИЗО зарегистрировано увеличение числа изъятых у спецконтингента запрещенных к хранению и использованию вещей и предметов. Однако данные учреждения находятся практически в осаде гражданских лиц, желающих любыми способами доставить заключенным запрещенные к использованию предметы и вещества.

За передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предусмотрено административное

наказание в соответствии со ст. 19.12 КоАП РФ. Следует отметить, что это единственная статья в КоАП РФ, в которой использован термин «попытка совершения правонарушения». Вместе с тем данное понятие здесь не раскрывается, а административная ответственность предусматривается только за оконченное правонарушение.

Перечень должностных лиц УИС, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, утвержден приказом ФСИН России от 8 июня 2009 г. № 246.

В случае составления протокола об административном правонарушении неправомочным лицом протокол признается ничтожным и рассмотрению не подлежит.

Со вступлением в действие с 1 июля 2002 г. КоАП РФ были существенно расширены права должностных лиц УИС по применению мер административного воздействия к гражданам, оказывающим неповиновение законному распоряжению сотрудника УИС (ст. 19.3 КоАП РФ). В частности, ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ применяется при исполнении сотрудниками УИС их служебных обязанностей (например, розыск лиц из числа спецконтингента, совершивших побег), а ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ – в связи с исполнением сотрудниками УИС обязанностей по обеспечению безопасности и охране учреждений, поддержанию в них установленного режима.

При этом администрация СИЗО вправе осуществлять контроль за соблюдением режимных требований как на объектах учреждения, так и на территории, прилегающей к нему, применять административное задержание и другие предусмотренные российским законодательством об административных правонарушениях меры (Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 3 сент. 2007 г. № 178 // Рос. газ. 2007. 12 сент.).

Порядок досмотра лиц, их вещей, транспортных средств, находящихся на территории СИЗО и на прилегающей к нему территории, на которых установлены режимные требования, регламентируется приказом Минюста России от 25 августа 2006 г. № 268. Кроме того, личный досмотр граждан, их вещей (п. 2 ст. 27.7 КоАП РФ) и транспортных средств (п. 2 ст. 27.9 КоАП РФ) может производиться в местах задержания при совершении этими лицами на территории учреждения, режимной территории и вблизи транспортных средств, предназначенных для конвоирования, преступления или административного правонарушения, сопровождающегося неповиновением законным требованиям сотрудника УИС.

В целях профилактики попыток передачи подозреваемым, обвиняемым и осужденным, содержащимся в СИЗО, запрещенных к хранению и использованию предметов и продуктов питания необходимо доводить до их родственников требования нормативно-правовых актов, указанных в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Рос. газ. 1995. 20 июля), приказе Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2005. № 46), и об административной ответственности за передачу либо попытку передачи.

Также, на наш взгляд, многих граждан, покушающихся на незаконную передачу запрещенных предметов и продуктов питания, может остановить наличие информации о том, что сотрудники СИЗО вправе осуществлять доставку и административное задержание на основании п. 11 ч. 1 ст. 27.2, п. 7 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ.

Фактически основанием доставки лица в служебное помещение СИЗО является деяние, содержащее признаки административного правонарушения, а также обстоятельства, препятствующие составлению протокола на месте совершения правонарушения: невозможность ус-

тановить личность нарушителя; его поведение, препятствующее составлению протокола на месте; необходимость проведения дополнительной проверки по выявлению обстоятельств правонарушения.

КоАП РФ (ст. 1.5), как и УК РФ, предусматривает презумпцию невиновности граждан, в отношении которых имеется подозрение в совершении административного правонарушения. Это значит, что бремя доказывания факта наличия административного правонарушения возлагается на органы и учреждения, обнаружившие его. Следовательно, протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.3, 19.12 КоАП РФ, составление которых возложено в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ на сотрудников учреждений УИС, должны соответствовать требованиям, предъявляемым КоАП РФ, и подтверждаться подробными объяснениями свидетелей административного проступка.

Дело об административном правонарушении считается возбужденным (ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ) с момента составления протокола:

- о доставлении, административном задержании;
- личного досмотра, досмотра вещей, транспортного средства, находящихся при физическом лице;
- медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Вместе с тем практика по делам об административных правонарушениях показывает, что составление протоколов о доставлении и административном задержании необязательно. Достаточно составить подробный рапорт на имя начальника учреждения, в котором указать и факт доставления гражданина для разбирательства в служебное помещение СИЗО, и факт задержания, а также сделать соответствующую запись в протоколе об административном правонарушении.

Правовой основой административного задержания сотрудниками СИЗО граждан, совершивших либо подозреваемых в совершении административного правонарушения, является ст. 27.3 КоАП РФ. Однако задержать они могут только тех лиц, которые совершили административное правонарушение, подведомственное органам УИС как в части рассмотрения, так и в части компетенции по составлению протоколов по этим нарушениям, т. е. предусмотренные ст. 19.12 КоАП РФ.

Объектом указанного правонарушения является порядок содержания лиц под стражей в СИЗО. Объективную сторону составляют противоправные действия, выражающиеся в передаче или попытке передачи предметов или продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию.

Субъектами данного правонарушения выступают граждане, достигшие шестнадцатилетнего

возраста, которые за такое правонарушение несут административную ответственность.

Срок административного задержания не должен превышать трех часов (ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ).

Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, задержанном за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 19.12 КоАП РФ, проводятся на основании ст. 27.7 КоАП РФ, а при обнаружении запрещенных предметов производится их изъятие на основании ст. 27.10 КоАП РФ с составлением протоколов: личного досмотра, изъятия или единого протокола личного досмотра и изъятия запрещенных предметов, вещей.

Личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола. В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых (п. 4 ст. 27.7 КоАП РФ).

Дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения (ст. 29.5 КоАП РФ), в нашем случае – в районе, где расположен СИЗО.

Решение о привлечении граждан, совершивших административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.3, 19.12 КоАП РФ, к административной ответственности в виде штрафа в пределах санкций, установленных данными статьями, может быть принято постановлением начальника учреждения либо его заместителя (ст. 22.2, 23.4. КоАП РФ). При этом конфискация предметов, не изъятых из гражданского оборота, возможна только по решению суда (денег, вещей, находящихся в свободной продаже). В то же время не является конфискацией изъятие из незаконного владения лица, со-

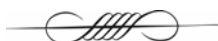
вершившего административное правонарушение, предмета или орудия административного правонарушения, подлежащих возврату законному владельцу либо изъятых из оборота, либо находившихся в противоправном владении лица по иным причинам и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению (ст. 3.7 КоАП РФ).

Срок рассмотрения дела об административном правонарушении составляет 15 дней с момента получения судьей, органом, должностным лицом, правомочными рассматривать дело, протокола об административном правонарушении и других материалов дела (ст. 29.6 КоАП РФ).

При рассмотрении дела об административном правонарушении в учреждении УИС начальник учреждения выносит постановление по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 29.10 КоАП РФ.

Исполнение постановления о наложении административного штрафа производится в соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ.

В заключение отметим, что в настоящее время, на наш взгляд, необходимо в законодательном порядке уточнить перечень должностных лиц УИС, обладающих правом рассматривать дела об административных правонарушениях, и расширить перечень правонарушений, по которым эти должностные лица имели бы право решать вопросы по существу. Кроме того, необходимо предоставить органам и учреждениям УИС право на рассмотрение дел об административных правонарушениях по ст. 19.12 КоАП РФ, за исключением принятия решений в отношении изъятых предметов (наложение штрафа с возвращением предмета, послужившего предметом административного правонарушения, если он приобретен законным путем).

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : [федер. закон : от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 23 нояб. 2009 г. № 261-ФЗ] // Рос. газ. – 2009. – 23 дек.
2. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон : [от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 20 июля.
3. Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 3 сент. 2007 г. № 178 // Рос. газ. – 2007. – 12 сент.

Bibliographical list

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences : [Federal Law : of Dec. 30, 2001 № 195-FZ : Adopted by the Gos. Duma on Dec. 20, 2001 : in the Edition of Federal law of Nov. 23, 2009 № 261-FZ] // Rus. Newspaper. – 2009. – Dec. 23.
2. On Keeping in Custody Individuals Suspected and Accused of Crimes : Federal Law : [from July 15, 1995 № 103-FZ] // Rus. Newspaper. – 1995. – July 20.
3. On Passing Regulations of Regime Requirements on the Territory Adjoining the Institution under the Jurisdiction of a Corresponding Organ of the Penal System : the Order of the Ministry of Justice of Russia from Sept. 3, 2007 № 178 // Rus. Newspaper. – 2007. – Sept. 12.

О. К. Хоткина,
*адъюнкт кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
Академии права и управления ФСИН России*

O. K. Khotkina,
*post-graduate student of the chair of criminology
and organization of crime prevention
of the Academy of Law and Management
of the FPS of Russia*

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА**

**Socio-Demographic and Criminological Characteristics of the Personality of the Correctional System
Employee who Committed the Crime of Corruption**

Аннотация. В статье раскрывается важность изучения социально-демографической и криминологической характеристик личности пенитенциарного преступника-коррупционера для проведения эффективной профилактики коррупционной преступности в системе исполнения наказаний.

Ключевые слова: социально-демографическая характеристика личности преступника, криминологическая характеристика личности преступника, пол, возраст, семейное положение, образование.

Annotation. The given article proves the importance of studying socially demographic characteristics of the personality of the criminal and criminological characteristics of the person of the criminality of the criminal for effective corruptive crime prevention in the penal system.

Key words: socially demographic characteristics of the personality of the criminal, criminological characteristics of the person of the criminality of the criminal, sex, age, the marital status, education.

Одним из условий эффективной организации процесса исполнения наказаний является наличие разносторонней информации, позволяющей иметь полное представление об осужденном, использовать ее в процессе оказания воспитательного воздействия и профилактики данного вида преступлений.

В криминологической и иной социологической литературе изучение личности преступника, как правило, начинается с анализа ее социально-демографических признаков. «Обнаружение в массе преступников каких-либо значительных отличий от населения в целом может свидетельствовать о повышенной предрасположенности к преступной деятельности отдельных общественных слоев или групп, об их “вкладе” в преступность» (Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 136). Без социально-демографической характеристики изучение личности преступника будет неполным. Не случайно ее признаки отражаются при расследовании уголовного дела, в процессе оперативно-розыскной деятельности.

«Социально-демографические свойства личности преступника сами по себе не криминогенны. Но они связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности, взаимодействуют с ними, с потребностями, мотивацией, социальными ролями личности. Поэтому социально-демографические свойства являются существенным компонентом обобщенного представления о личности преступника и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения» (Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 125).

Таким образом, личность преступника включает прежде всего общие признаки: пол, возраст, социальное положение, образование, профессию, семейное положение и т. д. Данные признаки имеют важное значение, поскольку в структуре личности преступника они приобретают особое содержание. По личностным свойствам сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления коррупционного характера, можно судить и об иных качествах их личности. Например, по уровню и виду образования можно сделать вывод о наличии у человека профессиональных знаний, по длительности времени службы – о компетентности, наличии опыта и т. д.

Поведение человека, его особенности, как правило, в значительной степени обуславливаются его возрастом. Лица среднего и старшего возраста имеют больший жизненный опыт, сформировавшийся характер, их действия часто являются следствием обдуманных решений. Для молодежи более характерны такие свойства личности, как импульсивность, агрессивность, не всегда четкое представление о последствиях своих действий. С возрастом происходит и социальное формирование личности, интересов, потребностей человека, что определяет формы его деятельности значительно больше, чем просто биологические возрастные изменения.

Для сотрудников уголовно-исполнительной системы возраст имеет не только социальное, биологическое значение, но и оказывает влияние на его правовое положение как сотрудника. С определенным возрастом обуславливается прием и увольнение на службу в органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания. Возраст

принимается во внимание также при определении характера (вида) службы сотрудника с учетом его возможности переносить физические и психологические нагрузки.

Возрастная характеристика позволяет делать выводы о криминологической активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп, обусловленных психологическими особенностями их представителей (Антонян Ю. М., Эминов В. Е., Еникеев М. И. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 20). Криминологическая активность проявляется при рассмотрении навыков выхода из конфликтных ситуаций, а также в адаптационных возможностях.

Социологический опрос сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, показал, что в основном это лица более старшего возраста. Средний возраст респондентов составляет 44,6 лет. Довольно зрелый возраст данной категории можно объяснить тем, что преступления коррупционного характера совершают в абсолютном большинстве лица, занимающие руководящие должности.

Следует отметить существование зависимости характеристики совершенных преступлений от семейного положения. Общеизвестна антикриминальная роль семьи: «Семейное положение и его изменение у лиц, совершивших преступления, воздействует на формирование личностных качеств; определенным образом оно влияет на направленность и устойчивость преступного поведения...»

В целом распространенность преступности среди лиц, имеющих семью, ниже, чем среди холостяков и одиноких. В большинстве случаев семья стимулирует положительное поведение, осуществляет социальный контроль» (Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. С. 127).

Проведенные исследования показали, что доля сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в браке на момент совершения преступления, превышает долю сотрудников, не имеющих семьи.

В литературе распространено мнение, согласно которому на совершение преступления, как правило, идут лица, не имеющие семьи, не испытывающие ее положительного влияния, не задумывающиеся о последствиях, наступающих от совершенного ими деяния, для близких. Вместе с тем следует отметить, что данное положение неприменимо к лицам, являющимся объектом нашего исследования.

Важной социально-демографической характеристикой выступает также уровень образования. Побудить к пересмотру своих жизненных взглядов невозможно без убеждения осужденного в ошибочности избранного им преступного образа жизни.

Изменение сложившихся асоциальных убеждений связано с обращением прежде всего к сознанию осужденного, его разуму. Главное условие формирования убеждений – уровень образования.

Разумеется, между теми или иными (в том числе антиобщественными) формами поведения человека и уровнем его грамотности, образования, культуры нет прямой корреляционной зависимости. Н. Н. Кондрашков отмечает, что «уровень образования служит лишь благоприятным или неблагоприятным условием нравственного формирования личности» (Кондрашков Н. Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971. С. 45). Тем не менее необходимо выяснять образовательный уровень, так как он является важной составной частью криминологического изучения личности.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволил сделать вывод, что удельный вес лиц из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих высшее образование, превышает долю лиц с другим образованием. Выше у рассматриваемой категории лиц и такой показатель, как средний уровень образования.

Кроме того, исследование показало, что основную долю преступлений коррупционного характера (53,0 %) при исполнении наказаний совершают выпускники гражданских, а не ведомственных высших учебных заведений. По нашему мнению, данный факт можно объяснить лучшей адаптационной способностью к деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, выпускников образовательных учреждений ФСИН России. Антикоррупционная составляющая в учебных планах данных вузов занимает значительное место. Помимо учебного процесса борьба с коррупционными преступлениями ведется также другими средствами, в частности проведением целенаправленных воспитательных мероприятий, индивидуальной воспитательной работой и т. д. Немаловажным моментом является и наличие династий в уголовно-исполнительной системе. Так, около одной трети обучающихся имеют родственников, служивших и служащих в пенитенциарных учреждениях. В связи с этим представители молодого поколения дорожат честью своих родственников, преданных своему служебному и гражданскому долгу, стараются не нарушать закон.

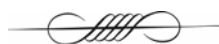
Изучение социально-демографических признаков показало, что сотрудники учреждений и органов, исполняющих наказания, совершившие преступления коррупционного характера, имеют достаточно солидный возраст – 44,6 лет, который в значительной мере объясняет наличие у них в большинстве случаев семьи (63,2 % ее имеют); характер совершенных преступлений презюмирует наличие определенного должностного положения,

что, в свою очередь, предъявляет требования к образовательному уровню. Большинство сотрудников, совершивших преступление коррупционного характера, окончили гражданское высшее учебное заведение или среднее профессиональное учебное заведение МВД и ФСИН России. Характерно, что среди респондентов не оказалось ни одного выпускника вуза ФСИН России. По нашему мнению, указанные факты необходимо учитывать в работе по профилактике коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе.

Очевидно, что борьба с преступностью в целом и преступлениями коррупционного характера, в частности, не может быть эффективной без глубокого анализа личности субъектов и причин, по которым они совершают преступления. Оценка состояния и динамики преступности, прогноз ее тен-

денций зависят от обобщенных данных о личности людей, совершающих преступления, характеристики контингента этих лиц по полу, возрасту, семейному положению, культурно-образовательному уровню, т. е. по тем характерным признакам, которые в своей совокупности составляют социально-демографическую и криминологическую характеристики личности преступника.

Таким образом, изучение личности пенитенциарного преступника-коррупционера позволяет выявить типовые особенности субъектов и ситуаций совершения преступления, которые необходимы для организации предупредительной работы на уровне изучаемого вида преступности (преступности в уголовно-исполнительной системе, или пенитенциарной преступности) и категорий преступников (пенитенциарных преступников).

Библиографический список

1. *Антонян, Ю. М.* Психология преступления и наказания / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов, М. И. Еникеев. – М., 2000.
2. *Кондрашков, Н. Н.* Количественные методы в криминологии / Н. Н. Кондрашков. – М., 1971.
3. Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
4. *Шестаков, Д. А.* Криминология. Преступность как свойство общества / Д. А. Шестаков. – СПб., 2001.

Bibliographical list

1. *Antonjan, Yu. M.* Psychology of Crime and Punishment / Yu. M. Antonjan, V. Ye. Emminov, M. I. Enikeev. – M., 2000.
2. *Kondrashkov, N. N.* Quantitative Methods in Criminology / N. N. Kondrashkov. – M., 1971.
3. Criminology / ed. by N. F. Kuznetsova, V. V. Lunev. – 2nd ed. – M., 2004.
4. *Shestakov, D. A.* Criminology. Criminality as a Feature of a Society / D. A. Shestakov. – SPb., 2001.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

А. П. Алексеев,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

A. P. Alekseev,
*post-graduate student
of the faculty for training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

КОНТРАФАКТНАЯ АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Counterfeit Audiovisual Production: State of the Problem

Аннотация. В статье дается общая характеристика современного состояния проблемы контрафактной аудиовизуальной продукции.

Автор показывает, что масштабы распространения данного явления составляют угрозу экономической безопасности государства и требуют объединения усилий криминалистической науки и практики в целях эффективного расследования преступлений указанной группы.

Ключевые слова: контрафакт, аудиовизуальная продукция, правообладатель, незаконное коммерческое использование, экономическая угроза безопасности страны.

Annotation. In the article the general characteristic of the current state of the problem of counterfeit audiovisual production is given.

The author emphasizes the fact that the scale of distribution of the given phenomenon poses a threat to the economic safety of the state and requires consolidation of efforts of criminalistic science and practice for effective investigation of crimes of the specified group.

Key words: piracy, audiovisual production, the legal owner, illegal commercial use, economic threat of safety of the country.

С юридической точки зрения аудиовизуальные произведения – это «воплощенные на материальном носителе звуки и подвижные (динамические) изображения объектов окружающего мира, в частности, исполнения произведений литературы, предназначенные для зрительного и слухового восприятия с помощью или посредством различных технических средств» (Сударинов С. А. Интеллектуальная собственность. М., 2007. С. 159).

На рынке аудиовизуальной продукции под словом «контрафакт» подразумевается продукция, изготовленная и продаваемая без ведома правообладателей (авторов произведений, композиторов, авторских и исполнительских коллективов, наследников правообладателей, кинокомпаний и т. д.).

О. Д. Соловьев уточняет, что контрафакция, являясь разновидностью фальсификации, представляет собой «намеренное, в коммерческих целях, незаконное введение в коммерческий оборот объектов, на которые распространяются действия законов Российской Федерации об авторском праве и смежных правах, интеллектуальной собственности, а также международных договоров» (Соловьев О. Д. Выявление контрафактной и фальсифицированной продукции на потребительском рынке с использованием спе-

циальных знаний : учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2008. С. 17).

Масштабы распространения контрафактной аудиовизуальной продукции достигли за считанные годы таких размеров, что стали общемировой проблемой, вышедшей за рамки научных исследований и правоохранительных мероприятий.

Анализ статистических данных об удельном весе контрафактной продукции в товарообороте отдельных отраслей производственного сектора свидетельствует о том, что наибольшую ее долю составляют видеопроодукция (в среднем 50 % – в мире и 80 % – в России) и музыкальные записи (33 % и 70 % соответственно) (URL: <http://www.retail.ru/biblio/label02.htm>).

В частности, по неофициальным данным, девять из десяти видеофильмов, фонограмм и программ для ЭВМ в России производятся с нарушением авторского права и смежных прав. Так, согласно информации департамента государственной инспекции по торговле, качеству товаров и защите прав потребителей Министерства экономического развития и торговли РФ, доля пиратских видеокассет составляет 83 % в общем обороте видеопродукции, аудиокассет – 76 %, DVD – 80 % (URL: www.economy.gov.ru).

Эксперты музыкальной и видеоиндустрии констатируют, что современные информацион-

ные технологии содействуют достижению беспрецедентного уровня фальсифицированной аудиовизуальной продукции при одновременном уменьшении затрат производителей пиратской продукции и повышении качества нелегальных копий. Пираты не платят за авторские права, уклоняются от налогообложения. При этом уровень затрат на первоначальный «выход» на рынок, т. е. требуемый размер капиталовложений, у пирата значительно ниже, чем у производителей лицензионной продукции, а расчетная окупаемость инвестиций в два раза короче (вместо 5 лет – от 1,5 до 2,5 лет) (Близнец И., Иванова М., Замирович Е. Вопросы контрафакта // Интеллектуал. собственность. 2006. № 2. С. 30).

Широкое распространение на потребительском аудио- и видеорынке нелегальной («пиратской») продукции объясняется в первую очередь главным экономическим законом, согласно которому спрос определяет предложение. Поскольку фильмы и музыка являются сильнейшими средствами воздействия на мысли, эмоции и даже поступки человека, «пираты» используют все возможности для получения прибыли, быстро реагируя на запросы потенциального покупателя и предлагая дешевый и достаточно качественный товар, намного опережая официальных производителей.

Динамика распространения рассматриваемого вида преступной деятельности, степень организованности преступных сообществ, размеры наносимого ущерба, увеличивающегося с появлением новейших технологий, совершенствование производства массово тиражируемых аудиовизуальных произведений, полиграфической упаковки, а также отработанность каналов сбыта готовой продукции относят проблему защиты интеллектуальной собственности и потребительского рынка от оборота и распространения фальсифицированной и контрафактной продукции к ряду особо сложных.

Как известно, преступные нарушения авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере отличаются высокой степенью латентности, обусловленной тем, что многие потерпевшие (главным образом – правообладатели) не обращаются за защитой в правоохранительные органы, а нередко и сами становятся соучастниками противоправной деятельности по распространению нелегальной продукции. В результате за рамками правового воздействия оказывается значительная часть преступных групп, превративших контрафактный бизнес в основную статью дохода. Кроме того, специфика данной разновидности преступлений заключается в особенностях предметов преступного посягательства и места со-

вершения преступления, которое в большинстве своем не однородно, а включает места изготовления, оптового распространения и розничной продажи данной нелегальной продукции. Специфичны также способы подготовки, совершения и сокрытия этих преступлений.

Вместе с тем изучение практики расследования уголовных дел по ст. 146 УК РФ свидетельствует о том, что сама эта деятельность страдает существенными недостатками. В основном данные недостатки проявляются в работе следователей на первоначальном этапе досудебного производства по уголовному делу, в то время как именно от качества проведения этого этапа зависит успех расследования в целом. Как правило, такими недостатками являются: нечеткое определение круга обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе проверочных мероприятий и в процессе производства первоначальных следственных действий; неполнота использования методических приемов и средств расследования данных преступлений, в связи с чем предварительная проверка материалов о совершенном преступлении необоснованно затягивается, что, в свою очередь, приводит к утрате важных источников доказательств. Часто в расследовании уголовных дел рассматриваемой категории следователи далеко не всегда учитывают содержание обстоятельств, подлежащих доказыванию, особенности проведения отдельных следственных действий и организационно-тактических мероприятий. В результате во многих случаях к ответственности привлекаются лишь непосредственные исполнители, а организаторы и наиболее активные члены преступных сообществ остаются неустановленными.

Таким образом, накопленный практикой определенный опыт расследования преступных нарушений авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере отражает только эмпирический уровень познания тех закономерностей, которым подчиняется процесс выявления и расследования данных преступлений, что является явно недостаточным и требует серьезных теоретических разработок в этой области, в частности, детальной разработки методики расследования преступлений в сфере авторских и смежных прав, особенно на важнейшем – первоначальном – ее этапе. Это позволит обеспечить поиск важной и необходимой информации для выдвижения следственных версий и рационального планирования расследования указанной группы преступлений.

Иными словами, сегодня проблема уже не заключается только в усовершенствовании нормативной базы, а состоит в эффективном применении законодательства об интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. *Близнец, И.* Вопросы контрафакта / И. Близнец, М. Иванова, Е. Замирович // Интеллектуал. собственность. – 2006. – № 2.
2. *Соловьев, О. Д.* Выявление контрафактной и фальсифицированной продукции на потребительском рынке с использованием специальных знаний : учеб.-практ. пособие / О. Д. Соловьев. – Н. Новгород, 2008.
3. *Судариков, С. А.* Интеллектуальная собственность / С. А. Судариков. – М., 2007.

Bibliographical list

1. *Bliznets, I.* Piracy Questions / I. Bliznets, M. Ivanova, E. Zamirovich // Intellectual Property. – 2006. – № 2.
2. *Soloviov, O. D.* Identification of Counterfeit and Forged Production in the Consumer Market with the Use of Special Knowledge / O. D. Soloviov. – N. Novgorod, 2008.
3. *Sudarikov, S. A.* Intellectual Property / S. A. Sudarikov. – M., 2007.

А. Е. Андреева,
*соискатель кафедры международного права
Санкт-Петербургского
государственного университета*

A. E. Andreeva,
*applicant of the chair
of the international law of
St.-Petersburg State University*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРТОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Port State Control: Problems of Improving Russia's Legislation

Аннотация. В статье исследуется вопрос о совершенствовании российского законодательства в сфере государственного портового контроля. Сформулированы предложения автора по изменению гл. V Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации. Особо следует отметить научную новизну направления, избранного автором.

Ключевые слова: портовый контроль, безопасность международного мореплавания, региональные соглашения о портовом контроле, капитан морского порта, должностное лицо, осуществляющее контроль (ДЛЮК).

Annotation. This article explores the question of improving Russia's legislation on port state control. The author formulates the proposals for changing chapter V of the Shipping Code of Russian Federation of 1999. The scientific novelty of the direction chosen by the author is particularly noteworthy.

Key words: port control, the safety of international shipping, regional agreements on port control, seaport master, Port State Control Officer (PSCO).

Российская Федерация является участницей трех региональных меморандумов о портовом контроле: Парижского меморандума о взаимопонимании по контролю судов государством порта 1982 г. (далее: Парижский меморандум), Меморандума о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1993 г. (далее: Токийский меморандум), Меморандума о взаимопонимании о контроле судов со стороны государства порта в регионе Черного моря 2000 г. (далее: Черноморский меморандум) (Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Токийский меморандум). СПб., 2006 ; Меморандум о взаимопонимании о контроле судов со стороны государства порта в регионе Черного моря. СПб., 2006 ; Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта (Парижский меморандум). СПб., 2002).

Российская Федерация, как и другие участники соглашений, взяла на себя обязательства по поддержанию эффективной системы портового контроля для того, чтобы иностранные торговые суда, посещающие ее порты, удовлетворяли требованиям международных конвенций в сфере безопасности мореплавания (п. 1.3 Парижского меморандума; п. 1.3 Токийского Меморандума; п. 1.2 Черноморского меморандума).

Развивает и уточняет положения региональных меморандумов Резолюция А.787(19) Международной морской организации (далее: ИМО) «Процедуры контроля судов государством порта» (Процедуры контроля судов государством порта (резолюция А.787 (19) ИМО с поправками в А.882(21) от 25 нояб. 1999 г.). СПб., 2004.).

Этот документ является обязательным для Российской Федерации – члена ИМО.

Участие Российской Федерации в региональной системе портового контроля нашло отражение в структуре Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее: КТМ РФ) от 30 апреля 1999 г. (Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. Комментарий / под ред. Г. Г. Иванова. М., 2005). Впервые в него была введена гл. V «Государственный портовый контроль» (ст. 74–84).

Однако анализ содержания положений данной главы показывает, что из 10 статей (ст. 77 утратила силу) только 2 имеют непосредственное отношение к государственному портовому контролю (ст. 79 «Контроль за судами»; ст. 80 «Разрешение на выход судов из морского порта»). Остальные восемь статей относятся к другим институтам торгового мореплавания.

Так, в ст. 81 КТМ РФ перечислены основания задержания судна и груза портовыми властями в целях обеспечения морских требований. Заметим, что такой вид задержания напрямую связан с институтом ареста морских судов и не относится к институту портового контроля. В связи с этим было бы вполне логично поместить ст. 81 в гл. XXIII КТМ РФ «Арест судна».

Оставшиеся 7 статей гл. V КТМ РФ регламентируют правовой статус капитана морского порта: ст. 74 «Капитан морского порта»; ст. 75 «Подчиненность капитана морского порта»; ст. 76 «Функции капитана морского порта»; ст. 78 «Распоряжения капитана морского порта»; ст. 82 «Строительство в зоне действия средств навигационной обстановки»; ст. 83 «Привлечение судов к спасанию людей и судов»; ст. 84 «Ответствен-

ность за нарушение правил, касающихся безопасности мореплавания и порядка в порту».

Таким образом, законодатель подменяет институт «государственный портовый контроль» институтом «капитан морского порта», что является недопустимым. В связи с этим считаем целесообразным ст. 74, 75, 76, 78, 82, 83, 84 выделить в качестве самостоятельной главы КТМ РФ и назвать ее «Капитан морского порта».

Теперь подробнее остановимся на ст. 79, 80 КТМ РФ, которые, по-нашему мнению, отражают содержание государственного портового контроля. Согласно ст. 79 КТМ РФ капитан морского порта осуществляет контроль за судами, выходящими в море, в целях проверки наличия судовых документов, соответствия основных характеристик судовым документам и выполнения требований, касающихся укомплектования экипажей судов. В случае отсутствия судовых документов или наличия достаточных оснований полагать, что судно не удовлетворяет требованиям безопасности мореплавания, капитан морского порта может подвергнуть судно осмотру. В целях проверки и устранения недостатков, препятствующих выдаче разрешения на выход судна из морского порта, капитан морского порта может провести контрольный осмотр судна (Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. Комментарий. С. 148–149).

В соответствии со ст. 80 КТМ РФ каждое судно до выхода из морского порта обязано получить разрешение капитана морского порта на выход из порта. Капитан морского порта имеет право отказать в выдаче разрешения на выход судна из морского порта (Там же. С. 150–151).

Следовательно, в соответствии с положениями КТМ РФ государственный портовый контроль в российском порту возложен исключительно на капитана морского порта и сводится к проверке свидетельств и документов, имеющихся на борту иностранного судна, а также к осмотру судна. В случае, если судно отвечает конвенционным требованиям, капитан морского порта разрешает судну выйти в море, если нет, то он вправе запретить выход до устранения несоответствий.

Однако содержание ст. 79 и 80 КТМ РФ расходится с положениями региональных меморандумов и «Процедур контроля судов государством порта», а также со сложившейся в последнее время практикой инспектирования иностранных судов в российских портах. Так, меморандумы ввели такое понятие, как «должностное лицо, осуществляющее контроль» (далее: ДЛОК) и определили, что при исполнении своих обязательств морские власти должны производить инспектирование иностранных судов, заходящих в порты, привлекая для этого ДЛОК, которое действует под их ответственностью (п. 3.5 Парижского меморандума; п. 3.5 То-

кийского меморандума; п. 3.1 Черноморского меморандума). В п. 1.6.6 гл. 1 «Процедур контроля судов государством порта» дается определение ДЛОК: «...это лицо, надлежащим образом уполномоченное компетентным органом Стороны для проведения проверок в рамках контроля судов государством порта и подотчетное исключительно этой Стороне».

В Черноморском меморандуме (п. 3.1.1) для обозначения должностного лица, осуществляющего контроль, используется термин «инспектор портового контроля».

В соответствии с п. 2.4.4 «Процедур контроля судов государством порта» полномочия инспектора на право проведения инспекций иностранных судов обычно подтверждаются специальным удостоверением, которое выдается государством порта и уполномочивает его на осуществление контроля судов. При проверках инспекторы, в том числе и российские, неукоснительно руководствуются этим правилом.

Под обычной инспекцией понимается «посещение судна для проверки как действительности судовых свидетельств и других документов, так и для проверки общего состояния судна, его оборудования и экипажа» (п. 1.6.4 «Процедур контроля судов государством порта»). То есть предметом инспекции являются не только судовые документы, но также и общее состояние судового оборудования и судового экипажа.

Детальная проверка подразумевает инспекцию, выполняемую при наличии явных оснований того, «что состояние судна, его оборудования или его экипажа в значительной степени не соответствуют содержанию судовых свидетельств и дипломов» (п. 1.6.5 «Процедур контроля судов государством порта»). К явным основаниям можно отнести: обнаружение недействительных документов, отсутствие судовых журналов, наличие серьезных повреждений или износ корпуса и т. д.

Таким образом, из положений региональных меморандумов и «Процедур контроля судов государством порта» следует, что: во-первых, проверка иностранных судов в портах возложена на специально обученного инспектора, а не на капитана морского порта; во-вторых, объем инспекций в международных документах шире, чем в КТМ РФ. Однако большинство российских портов имеют инспекторов, которые прошли специальную подготовку и, как правило, входят в службу капитана морского порта, т. е. сложившая практика инспектирования судов в российских портах соответствует положениям региональных соглашений.

Между тем в КТМ РФ и Федеральном законе от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации.

2007. № 46, ст. 5557) статус инспектора до сих пор не определен, не принято Положение об инспекторе портового контроля. При этом законодатель продолжает расширять объем полномочий капитана морского порта в сфере государственного портового контроля. Так, в Положении о капитане морского порта, утвержденном приказом Минтранса России от 19 декабря 2006 г. № 156 (Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2007. № 6), к функциям капитана морского порта только в сфере безопасности международного мореплавания добавились следующие:

1) процедуры контроля иностранных судов в морском порту, установленные международными договорами Российской Федерации, относящимися к торговому мореплаванию;

2) взаимодействие и обмен информацией с другими морскими портами по выполнению процедур контроля иностранных судов в морском порту;

3) обеспечение информационного обмена с информационными центрами по контролю российских и иностранных судов;

4) осмотры и контрольные осмотры судов, находящихся в морском порту, включая проверку судовых документов, дипломов и подтверждений к дипломам, квалификационных и специальных свидетельств членов экипажей судов, льготных разрешений лиц командного состава судов, а также их соответствия фактическому состоянию судов и их экипажей (ст. 13 Положения о капитане морского порта).

Но вполне очевидно, что капитан морского порта не может выполнять такое количество функций. В связи с этим назрела необходимость скорейшего определения на законодательном уровне вопросов: о правовом статусе инспекторов портового контроля, об их полномочиях, разграничении полномочий между капитаном морского порта и инспектором портового контроля и т. д.

Полагаем, что для устранения существующего пробела в правовом регулировании статуса инспекторов российских портов, а также унификации отечественных правовых норм с междуна-

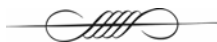
родными в области торгового мореплавания в структуру гл. V КТМ РФ нужно внести следующие изменения.

1. Статью 74 необходимо сформулировать так: «Капитан морского порта осуществляет государственный портовый контроль за торговым мореплаванием в Российской Федерации по обеспечению безопасности мореплавания».

2. Статью 76 предлагаем назвать «Органы государственного портового контроля Российской Федерации» и изложить в следующей редакции: «Государственный портовый контроль возложен на службу капитана морского порта. В состав службы входит капитан морского порта и Инспекция портового контроля, которую он возглавляет». В п. 2 этой же статьи нужно указать, что «Инспекция портового контроля осуществляет осмотры и контрольные осмотры судов, находящихся в морском порту, включая проверку судовых документов, дипломов и подтверждений к дипломам, квалификационных и специальных свидетельств членов экипажей судов, льготных разрешений лиц командного состава, а также их соответствия фактическому состоянию судов и экипажей». В связи с этим следует исключить п. 5 ст. 76 КТМ РФ и п. 10 ст. 13 Положения о капитане морского порта, так как эта функция возложена на инспекцию портового контроля.

3. Далее должны следовать ст. 79 и 78 КТМ РФ. В ч. 1, 2 ст. 79 слова «капитан морского порта» следует заменить словами «инспекция государственного портового контроля».

4. Отдельная статья должна быть посвящена задержанию капитаном морского порта морского судна вследствие его немореходности. Статью необходимо сформулировать в следующем виде: «Капитан морского порта вправе задержать судно в порту в тех случаях, когда состояние судна и его экипажа в значительной степени не соответствуют требованиям международных конвенций в сфере торгового мореплавания, до тех пор, пока его плавание не будет представлять опасности для самого судна, экипажа или пассажиров, а также грузов, находящихся на борту, и окружающей морской среды».

Библиографический список

1. Меморандум о взаимопонимании о контроле судов со стороны государства порта в регионе Черного моря (Черноморский меморандум). – СПб., 2006.

2. Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Токийский меморандум). – СПб., 2006.

3. Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта (Парижский меморандум). – СПб., 2002.

Bibliographical list

1. Memorandum of Understanding on the Control of Ships by the Port State in the Black Sea Region (Black Sea MOU). – SPb., 2006.

2. Memorandum of Understanding on Port State Control in the Asia-Pacific Region (Tokyo MOU). – SPb., 2006.

3. Paris Memorandum of Understanding on Port State Control (Paris MOU). – SPb., 2002.

А. А. Ашин,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
О. Р. Рузевич,
ассистент кафедры
уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного университета

A. A. Ashin,
chief of the chair of criminal law and process
of the faculty of law and psychology
of Vladimir State University
Candidate of law, assistant professor
O. R. Ruzevich,
assistant of the chair of criminal law and process
of the faculty of law and psychology
of Vladimir State University

УГРОЗА КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Threat as a Constituent Element of a Crime against Property

Аннотация. В статье рассматривается угроза как конститутивный признак преступлений против собственности (разбой и вымогательство). На основе критического анализа имеющихся в правовой литературе точек зрения по поводу способа совершения преступления авторы формулируют его определение и исследуют место в структуре преступного посягательства против собственности. Авторы рассматривают возможность выделения способа в преступлениях, совершаемых путем бездействия и по неосторожности.
Ключевые слова: конститутивный признак, способ совершения преступления, орудия и средства совершения преступления, разбой, вымогательство.

Annotation. This article deals with a threat as a constituent element of a crime against property (robbery and extortion). On the basis of the critical analysis of all the existing in the legal literature viewpoints concerning criminal modus operandi the authors formulate their definition of this phenomenon and analyze its place in the structure of the criminal offense against property. The authors also consider the possibility of the modus operandi severance in the crimes committed by failure and negligence.

Key words: a constituent element (criminal), tools and means of committing a crime, robbery, extortion.

Угроза как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 и ч. 1 ст. 163 УК РФ, выступает в качестве способа его совершения¹. Поэтому исследование угрозы в преступлениях против собственности целесообразно начать с анализа способа совершения преступления вообще.

В правовой литературе по данному вопросу нет единого мнения, хотя он всегда был в центре внимания ученых. Причем следует заметить, что, по сути, эта проблема является междисциплинарной. Так, в уголовном праве она рассматривается как специально (Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971 ; Панов Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987 ; Пономарева Н. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970 ; Яценко Б. В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983), так и при анализе объективной стороны преступления (Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М.,

1963 ; Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991 ; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960 ; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961 ; Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957).

В уголовно-правовой науке существует несколько точек зрения относительно существа способа преступления. Способ представлен как: а) определенный образ действий, прием, метод поведения лица во время совершения преступления (Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Сов. государство и право. 1957. № 8. С. 32); б) метод конкретной целенаправленной деятельности, носящей общественно опасный характер (Кругликов Л. Л. Указ. соч. С. 60); в) порядок, метод, последовательность движений и приемов, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления (Панов Н. И. Указ. соч. С. 68).

Авторы Юридического энциклопедического словаря обращают внимание на форму выражения способа: «Под способом совершения преступления следует понимать внешнюю форму, в которой выразилось действие» (Юридический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 668).

В криминалистике способ совершения преступления рассматривается или как «комплекс

¹ Вряд ли можно согласиться с С. М. Кочои, признающим угрозу в этом случае средством совершения преступления (Кочои С. М. Преступления против собственности. Комментарий главы 21 УК РФ. М., 2001. С. 37).

действий, совершенных в определенном порядке и направленных на достижение преступной цели» (Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступления. М., 1957. С. 65), или как «система действий или бездействия, избираемая субъектом преступления для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и обстановкой совершения преступления» (Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 159).

Названные подходы нельзя признать ошибочными, однако ни один из них, на взгляд авторов, не раскрывает сущности способа совершения преступления в полном объеме.

В Философском словаре термин «способ» используется при характеристике понятия метода (Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 329).

Если рассматриваемый признак состава преступления воспринимать в качестве «образа действий, приема, метода поведения лица во время совершения преступления», то его содержание будет раскрываться, во-первых, через взаимно пересекающиеся понятия, во-вторых, через термины, суть которых вообще вряд ли имеет отношение к способу. Так, образ действий означает не что иное, как тип, характер поведения (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 426); прием – «отдельное действие, движение, способ в осуществлении чего-нибудь» (Краткий толковый словарь русского языка / под ред. В. В. Розановой. М., 1982. С. 151). Следовательно, первый термин скорее отражает сущность деяния, второй – ограничивает содержание рассматриваемого признака. Способ – более сложное образование, чем просто прием выполнения какого-либо, даже наиболее важного, действия. В данном случае целесообразнее говорить о совокупности приемов, как это делают А. В. Наумов, С. И. Никулин (Объективная сторона преступления (факультативные признаки). М., 1995. С. 72). В. А. Номоконов, например, пишет: «Способ – это совокупность приемов, которые использует преступник для совершения преступления» (Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 368).

Вряд ли можно характеризовать способ как «порядок, последовательность движений и приемов». Во-первых, одно из значений слова «порядок» – последовательный ход чего-нибудь (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 556). Таким образом, используются два понятия, одно из которых полностью входит во второе, а значит, в предлагаемой дефиниции не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки. Во-вторых,

нельзя говорить о способе и в другом значении слова «порядок» – как о правилах, по которым совершается что-нибудь, существующем устройстве, режиме (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 556).

И. Ш. Жордания, основываясь на системно-структурном подходе, представил способ совершения преступления как систему взаимосвязанных актов поведения, имеющую собственную структуру, которая включает определенные взаимосвязанные подструктуры или совокупность отдельных элементов. В данном случае движения признаются способом осуществления приемов, совокупность приемов – способом осуществления операций, совокупность операций – деятельностью. При этом подчеркивается, что «каждый способ осуществляется своими способами» (Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С. 2–17, 18).

Однако такой подход подвергся критике. В частности, Н. И. Панов пишет: «Подобное “атомизирование” действия на мелкие составляющие его части с определением, какая из них является способом совершения другой, представляется несущественным, не имеющим теоретического и практического значения» (Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 31).

По сути, анализируемая проблема во многом заключена в определении соотношения двух понятий: деяния и способа его выполнения. В. Н. Кудрявцев, подчеркивая одномоментность их существования, писал: «Способ только тогда способ, когда он сливается с деянием (действием или бездействием)» (Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 4–5).

Одни ученые, исходя из философских категорий содержания и формы, относят способ к форме деяния (Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. С. 7; Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 36 и др.).

По мнению Г. Г. Зуйкова, позиция представителей подобного направления в науке свидетельствует об «условности самого исходного положения о соотношении действия и способа совершения преступления». В связи с этим он предлагает исходить из соотношения между категориями абстрактного и конкретного.

«Уголовно-правовое понятие действия (бездействия), – пишет Г. Г. Зуйков, – является достоянием Общей части теории уголовного права, а в Особенной части абстрактное действие (бездействие) приобретает конкретную форму уголовно наказуемых способов посягательства на ту

или иную группу общественных отношений, обладающих в каждом случае конкретным выражением общих черт, характеризующих преступное деяние; способ совершения преступления – эта конкретная форма существования преступного действия в действительности, находящая свое правовое выражение в статьях Особенной части» (Зуйков Г. Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления // Тр. Высш. шк. МВД СССР. М., 1969. С. 45).

На взгляд авторов, Г. Г. Зуйков допускает, по крайней мере, две неточности. Во-первых, говоря о «конкретной форме существования преступного действия в действительности», он на самом деле указывает не на способ совершения преступления, а на способ нарушения общественных отношений; во-вторых, неверно представлять нормы Особенной части абсолютно конкретными правовыми образованиями. Диспозиции уголовно-правовых норм содержат максимально обобщенные характеристики соответствующих преступлений, в противном случае сфера их действия ограничивалась бы одним конкретным деянием.

В философии термин «форма» употребляется, в частности, для обозначения внутренней организации содержания и связан, таким образом, с понятием структуры. Во взаимоотношении содержания и формы первое представляет подвижную, динамичную сторону целого, а второе охватывает систему устойчивых связей предмета (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 621).

Основываясь на этом положении, Л. Л. Кругликов и Н. И. Панов критикуют анализируемое направление в определении способа совершения преступления, отмечая, что преступный способ не обладает указанными свойствами (Кругликов Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления» // Сб. аспирант. работ. Свердловск, 1970. Вып. 2. С. 189; Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 29–30).

В то же время Н. И. Панов подчеркивает, что «способ необходимо рассматривать не как нечто самостоятельное, отдельно стоящее от действия, а как один из важнейших признаков деяния, выступающий в качестве необходимого условия, приема, обеспечивающего исполнение основного действия, образующего объективную сторону преступления» (Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 96).

Представляет интерес подход, в целом разделяемый авторами, Л. Л. Кругликова к определению рассматриваемого признака. Он выделяет два вида деяния, один из которых – основной,

второй – дополнительный; они объединяются формулой: «Одно деяние – для, ради другого деяния» (Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 44). В этом случае способ совершения преступления понимается как деяние вспомогательного характера, являющееся служебным по отношению к основному деянию и состоящее в преднамеренном использовании виновным факторов, облегчающих совершение преступления. Поэтому способ посягательства «мыслим лишь в пределах этого общественно опасного поведения и притом только наряду с другим явлением, составляющим один из основных элементов объективной стороны состава преступления» (Там же).

При отсутствии указанной связи между основным и вспомогательным действием единое (единичное) преступление отсутствует. Пока не установлены данная связь и зависимость первого от последнего, речь может идти о самостоятельных, причем не всегда преступных, деяниях, не образующих единого, обладающего конкретной спецификой посягательства.

Таким образом, по мнению Л. Л. Кругликова, любое преступление состоит из двух или более «простых» образований: преступного деяния, выступающего его определяющим признаком, и способа, играющего значительную роль в криминализации основного деяния, но занимающего по отношению к нему подчиненное положение (Там же. С. 47, 70).

В структуре преступного посягательства способ указывает на операционное (динамическое) своеобразие его реализации. Внешнее его проявление не всегда одинаково: он либо входит в содержание преступления, определяя форму его внешнего выражения (например, в побоях, истязании), либо представлен в виде отдельного действия, назначение которого – обеспечение выполнения основного действия, либо находится с последним в органическом единстве, выступая в качестве операции его реализации (например, угроза в преступлениях против собственности).

Способ сам по себе является общественно опасным, его опасность нередко отлична от опасности, присущей деянию (основному действию), что, например, характерно для преступлений против собственности, совершаемых путем угрозы. Последняя, выступая способом их совершения, отражая специфику данных посягательств, придает деянию особое уголовно-правовое значение.

Рассматриваемый признак преступления, таким образом, характеризует преступное деяние с качественной стороны.

Принципиальное значение имеют вопросы, связанные с соотношением способа с орудиями и средствами совершения преступления. В теории

уголовного права они получили неодинаковые оценки, многие из которых обусловлены различным пониманием последних. Например, одни ученые считают, что орудия и средства со способом совершения преступления имеют тесную функциональную связь, причем во многом они оказывают влияние на выбор способа совершения преступления (Денисова А. С. Уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступления. М., 2005. С. 70–93 ; Кирюхина Л. Н. Вооруженное насилие как способ совершения преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 28–29 ; Романков А. Н., Букаев Н. М. Насилие как способ совершения преступления против собственности. Сургут, 2001. С. 11 и др.); данные признаки могут выступать в качестве его факультативной характеристики (Сахаров В. Н. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 17).

В целом с данными утверждениями можно согласиться. Однако влияние орудия и средства совершения преступления на его способ, на взгляд авторов, преувеличено.

Если уж и говорить в этом случае о связи указанных признаков, то ее можно характеризовать по направленности как прямую и обратную. Другими словами, не только орудия и средства совершения оказывают влияние на выбор способа совершения преступления, но и предварительно определенный способ обуславливает выбор орудия и средства совершения преступления. Последнее имеет место, например, во всех тех случаях, когда осуществляется их изготовление или приискание для совершения конкретного посягательства, например, газовое оружие переделывается в огнестрельное для осуществления разбойного нападения и др.

В связи с вышесказанным представляется необоснованным включение в способ совершения преступления приискания и приспособления средств для этого (Жордания И. Ш. Указ. соч. С. 24). Указанные действия присущи стадии приготовления к преступлению, поэтому они не могут относиться к признаку, который проявляется на следующих этапах реализации преступного намерения (покушении и оконченного преступления).

Таким образом, расширение содержания способа совершения преступления за счет орудий и средств, используемых виновным в процессе его реализации, ничем не оправдано. Они являются самостоятельными признаками объективной стороны преступления. Из этого исходят законодатель, теория и практика.

В науке уголовного права по вопросу о том, можно ли говорить о способе преступления, совершаемого путем бездействия, дискуссии ве-

дутся на протяжении уже почти двух веков. Одни авторы отрицают правомерность выделения способа совершения в преступлениях такого рода. Например, М. И. Ковалев писал: «Криминалисты... под способом понимают то, что в науке уголовного права представляет собой ближайшее последствие преступления, то есть нарушение норм и правил безопасности, либо конкретизацию обязанности, которую субъект не выполнил. Но все это нельзя назвать приемами, методами и т. д., тем, что характеризует способ с точки зрения уголовного права. С позиции криминалистики бездействовать можно только одним способом – не делать того, что нужно, не выполнять свой долг или свою обязанность. Что же делает в этот момент сам виновный, лежит или занимается бурной, но посторонней деятельностью, не имеет никакого значения» (Ковалев М. И. Указ. соч. С. 118–119).

Многие же ученые признают обоснованным выделение способа совершения преступления, объективная сторона которого выполняется путем бездействия (Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. С. 60 ; Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 38–39 и др.). В ряде уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступное бездействие, также отражен данный признак объективной стороны (ст. 156, 198 УК РФ и др.).

О способе совершения преступления в большинстве случаев речь идет применительно к умышленным преступлениям. Более того, некоторые криминалисты полагают, что в неосторожных преступлениях его выделение невозможно в принципе. Например, М. И. Ковалев утверждал: «Способ совершения преступления как юридический феномен отсутствует в неосторожных преступлениях в том смысле, что он не выделяется из объективной стороны состава преступления и не играет юридической роли в решении судьбы обвиняемого» (Ковалев М. И. Указ. соч. С. 121).

Думается, что это утверждение не соответствует ни сути способа в неосторожных преступлениях, ни тому значению, которое дается ему законодателем в нормах Особенной части УК РФ. Если есть объективная сторона состава преступления, значит, нельзя исключать и способ его совершения. Законодатель, исходя из данного положения, в ст. 168 УК РФ указал: «Уничтожение или повреждение имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности...». Предлог «путем» отражает способ совершения преступления. Таким образом, ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение имущества ограниче-

на указанным способом (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2009. С. 461–462 ; Шарипов А. М. Уголовно-правовая оценка уничтожения и повреждения чужого имущества. Владимир, 2005 и др.).

Способы совершения преступления разнообразны и во многом зависят от вида воздействия на объект. В связи с этим их необходимо классифицировать, что позволит решить вопросы, касающиеся дифференциации ответственности, криминологического изучения его структуры (Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений // Сов. государство и право. 1967. № 6. С. 43 ; Методология науки. Научное познание: формы, методы, подходы. М., 2001 и др.).

При осуществлении группировки способа совершения преступления по видам следует исходить из характера деяния – заключается ли оно в физическом (энергетическом) или информационном (интеллектуальном) воздействии.

Угроза относится к информационному воздействию на жертву преступления, поэтому интерес представляют те виды, которые входят в эту группу. Их классификация позволит, во-первых, определить круг таких видов, во-вторых, выявить сходные по ряду признаков с угрозой виды, в-третьих, установить соотношение между ними. Кроме того, данный прием даст возможность выделить виды самой угрозы.

Все информационные виды способа совершения преступления А. А. Крашенинников классифицирует следующим образом:

- 1) письменная речь;
- 2) документы, справки, удостоверения, которые носят официальный характер и исходят от имени должностных лиц и учреждений;
- 3) устная речь и звуковое сопровождение человеческих действий (требование, приказ, угроза, насмешка, просьба, совет, сообщение);
- 4) вспомогательные средства общения: мимика, жесты, телодвижения (Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 28–29).

Изучение угрозы в преступлениях против собственности показало, что круг вспомогательных средств, применяемых в сочетании с угрозой, намного шире. В частности, нередко встречаются имитации, как правило, применения холодного или огнестрельного оружия, погребения заживо, утопления, сжигания и т. д. В то же время мимика как вспомогательное действие ни по одному из дел не была выделена, вероятно, она не воспринималась жертвой во время осуществления угрозы.

Информационную нагрузку несет ситуация, которая усиливает или, наоборот, уменьшает силу психического воздействия на жертву. Она, по

мнению авторов, учитывается виновным, и в зависимости от нее используются соответствующие виды угроз и вспомогательные средства. Иначе говоря, ситуация, в криминологическом плане являясь самостоятельным элементом механизма совершения преступления, в уголовном праве может использоваться при характеристике видов угроз как вспомогательное средство для подавления воли потерпевшего с целью изъятия имущества или неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством.

Физическое действие необходимо оценивать как вспомогательное средство, в противном случае будут необоснованно расширяться границы угрозы за счет включения в его содержание указанного воздействия.

На взгляд авторов, данное обстоятельство не учитывается Л. Д. Гаухманом, который приводит следующий пример. Виновный подталкивает потерпевшего к открытой двери тамбура движущегося поезда, требуя от него прекратить законную деятельность (Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 37). Данный автор неоправданно усматривает здесь физическое воздействие, хотя в целом и оценивает это как применение угрозы. При таких обстоятельствах указанное физическое воздействие не имеет самостоятельного значения, так как только конкретизирует содержание угрозы (сбросить с поезда) и подтверждает ее реальность. Это воздействие составляет элемент угрозы как соответствующей информации.

Другим основанием для классификации видов способа совершения преступления выступает характер общественных отношений, являющихся объектом посягательства. Исходя из этого основания, выделяют способы, посягающие:

- 1) на материальные общественные отношения, например, имущество;
- 2) нематериальные общественные отношения, например, честь и достоинство (Фомичева М. А. Угроза как способ совершения преступления (основание криминализации, виды и характеристика) : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. Владимир, 2007. С. 49–50).

В структуре общественного отношения выделяют три составляющих его элемента: субъект, предмет и взаимные права и обязанности (социальная связь). Данная структура общественного отношения также выступает основанием для классификации видов способа совершения преступления.

I вид. Способы воздействия на субъект общественных отношений, среди которых различают: насилие, психическое воздействие, ненасильственные посягательства.

В свою очередь, способы, соединенные с насилием, в зависимости от степени обществен-

ной опасности можно сгруппировать на совершенные:

1) с помощью насилия, опасного для жизни или здоровья;

2) посредством применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

II вид. Способы воздействия на предмет общественных отношений:

1) способы непосредственного воздействия (путем уничтожения, повреждения, разрушения, видоизменения, изъятия, замены, создания);

2) способы опосредованного воздействия на предмет преступления через субъект общественных отношений (хищение путем обмана или злоупотребления доверием).

III вид. Способы воздействия на социальную связь, подразделяющиеся на совершенные с использованием:

1) беспомощного, зависимого или подчиненного положения другого лица;

2) условий общественного бедствия;

3) служебного положения;

4) общеопасного способа.

По ч. 1 ст. 162 УК РФ содержанием угрозы является применение насилия, опасного для жизни или здоровья, по ч. 1 ст. 163 УК РФ – применение насилия, уничтожение или повреждение чужого имущества, распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и интересам потерпевшего или его близких. Таким образом, угроза в вымогательстве, во-первых, охватывает более широкий круг интересов потерпевшего, чем в разбое, во-вторых, эти интересы могут иметь отношение не только к самой жертве, но и к близким ей лицам.

Исходя из способа совершения разбоя, некоторые авторы предлагают признавать его корыстным преступлением против собственности без признаков хищения (Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 98). «Современная законодательная конструкция разбоя, – пишет Н. А. Лопашенко, – находится в глубоком противоречии с... законодательным определением хищения. Нападение в целях хищения имущества, соединенное с определенным физическим или психическим воздействием на потерпевшего, не равнозначно хищению. Более того, хищение вообще остается за рамками разбоя. Поэтому считать разбойное нападение формой хищения нет никаких оснований. Для этого следовало бы... изменить уголовный закон, сформулировав состав разбоя как материальный» (Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 69).

На взгляд авторов, Н. А. Лопашенко существо проблемы подменяет приемом законодательной

техники. От того, каков состав по конструкции (материальный, формальный или усеченный), существо преступления и его социальная направленность не меняются.

Многие ученые не разделяют данной позиции, однако при этом приводят различные доводы (Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 78 и др.). Например, А. П. Севрюков указывает, что «во-первых, все шесть форм хищения, признаваемые большинством российских ученых, отличаются по конструкции составов преступления. Однако их объединяет не только корыстная цель, но и целый ряд иных признаков хищения (изъятие и (или) обращение чужого имущества, причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества и др.). Во-вторых, при официальном толковании вопросов, касающихся определения круга деяний, относимых к разряду хищений (постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации), допускается известный компромисс. К хищениям относятся не только те деяния, которые содержат все, без исключения, признаки хищения (кража, грабеж), но и те формы преступных посягательств на собственность, которые содержат не все признаки хищения (разбой, мошенничество, присвоение или растрата), но тем не менее по своей общей направленности и ряду признаков могут быть отнесены к разряду хищений» (Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 56).

Однако приведенные доводы несколько не убеждают. Все дело в том, что А. П. Севрюков приписывает разбою свойства, которыми он не обладает: это преступление не характеризуется изъятием имущества (оно вообще находится за пределами состава преступления, на что обоснованно указывает Н. А. Лопашенко); в связи с первым обстоятельством причинение имущественного ущерба также не входит в состав разбоя и т. д. Станным выглядит исключение из форм хищения, по крайней мере, присвоения и растраты. Нет никаких оснований для вывода и об указанных компромиссах в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных вопросам судебной практики по делам о хищениях вообще и разбое, в частности.

Кроме того, говоря, что в разбое нет всех признаков хищения, авторы исходят из понятия последнего, данного в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ, априори считая дефиницию научно обоснованной и полной. По мнению авторов, скорее всего она обладает дефектами, не отражает всех форм хищения, в том числе и рассматриваемой.

Ч. Ф. Мустафаев, признавая разбой формой хищения, основывается на том, что «подавляющее большинство конкретных разбойных напа-

дений завершается фактическим завладением чужого имущества» (Мустафаев Ч. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с хищениями. Баку, 1994. С. 67).

Как представляется, подобное утверждение тоже не может служить убедительным доводом в пользу признания разбоя хищением. Достаточно сказать, что в абсолютном большинстве случаев при вымогательстве имеет место завладение чужим имуществом, однако это не превращает данное преступление в хищение.

А. Ю. Филаненко, оспаривая позицию С. М. Кочои, обоснованно указывает на ее противоречивость: «Разбой отнесен к корыстным преступлениям против собственности, не содержащим признаков хищения, тогда как одним из признаков разбоя является цель хищения» (Филаненко А. Ю. Уголовная ответственность за хищение чужого имущества по уголовному законодательству Российской Федерации. Челябинск, 2006. С. 216–217).

На это обстоятельство обращает внимание и А. Г. Безверхов: «Современная доктрина и судебная практика признают самостоятельной формой хищения также разбой. С оговоркой эту позицию следует поддержать, так как разбой, согласно ст. 162 УК РФ, совершается “в целях хищения”» (Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 190). К сожалению, сущность своей оговорки данный автор не раскрывает, что в принципе делает невозможной дискуссию.

На взгляд авторов, прав А. И. Рарог, утверждая, что «разбой – это специфическая форма хищения, не соединенная с нарушением права владения, а лишь преследующая цель хищения чужого имущества» (Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 152).

А. И. Бойцов обоснованно отмечает, что современное место разбоя в системе Особенной части УК РФ определяется его направленностью против собственности. Этим самым законодатель подчеркивает доминирующую цель виновного – завладение имуществом, а посягательство на личность (в том числе путем угрозы потерпевшему) служит способом достижения данной цели. «При этом помещение состава разбоя в главе о преступлениях против собственности ни в коей мере не умаляет уголовно-правовой охраны личности. Об этом свидетельствует отнесение разбоя к числу тяжких преступлений и признание его оконченным с момента нападения, а не с момента завладения имуществом, как это требуется по отношению к другим хищениям» (Полный курс уголовного права. Т. 3. С. 180).

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 де-

кабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» насилием, опасным для жизни или здоровья, следует признавать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2003. № 2). Следовательно, содержанием угрозы должно охватываться причинение вреда здоровью указанной тяжести. Угроза убийством подпадает под признаки ч. 1 ст. 162 УК РФ и самостоятельной юридической оценки не требует.

Кроме того, надо иметь в виду, что в соответствии с п. 23 вышеуказанного постановления демонстрацию оружия или угрозу заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например, макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. п., без намерения использовать их для причинения обозначенного выше вреда здоровью, следует квалифицировать как разбой, совершенный путем угрозы (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

В рассматриваемой уголовно-правовой норме адресат угрозы не назван, как это, например, сделано в частях первых ст. 131 и 132 УК РФ, согласно которым она может быть обращена как к самой потерпевшей (потерпевшему), так и иным лицам.

Если собственник, а также другие лица, во владении, ведении или под охраной которых находится имущество, бесспорно, могут выступать жертвой угрозы в разбое, то ситуация с признанием иных лиц таковыми не столь очевидна. Авторы исходят из цели угрозы – сломить волю потерпевшего для того, чтобы противоправно изъять имущество. При таком подходе угроза может быть адресована и к другим лицам, психическое воздействие на которых вынуждает потерпевшего уступить виновному имущество (например, угроза обращена к несовершеннолетнему ребенку, находящемуся при потерпевшем, престарелой матери и т. д.). Она может относиться к лицам, пытавшимся воспрепятствовать хищению, и т. д. «...Ответственность... наступает не только тогда, когда угроза насилием являлась средством преодоления сопротивления потерпевшего, но и тогда, когда она являлась средством преодоления препятствий к завладению имуществом в виде противодействия со стороны какого бы то ни было лица. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду, так как потерпевший, имуществом которого пытался завладеть виновный, мог находиться в таком состоянии, что для осуществления задуманного не требовалось применить к нему никакого насилия. Однако если надобность в таковом возникает в связи с попыткой другого лица воспрепятствовать этому, то учиненное в

отношении его насилие обязывает квалифицировать содеянное как хищение с применением насилия» (Полный курс уголовного права. Т. 3. С. 180).

Угроза в разбое должна обладать определенными признаками: наличием, конкретностью и реальностью.

Наличие означает, что угроза действительно существует как явление объективного мира, проявлена вовне в любой понятной форме, доводится до жертвы непосредственно.

Выделяются два аспекта конкретности: первый – адресная конкретика, она предполагает, что из содержания угрозы достаточно ясно, к кому она обращена; второй – содержательная конкретика; она характеризует то, чем угрожал виновный и каким образом он предполагал привести угрозу в исполнение.

В п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что в тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т. д.

В отличие от ст. 119 УК РФ в ч. 1 ст. 162 УК РФ не подчеркивается реальный характер угрозы, т. е. наличие достаточных оснований опасаться приведения ее в исполнение. Однако данный признак является обязательным. Еще Н. С. Таганцев обращал внимание на то, что угроза является уголовно наказуемой «благодаря тому беспокойству, волнению, которое угроза или похвальба производит в угрожаемом лице или обществе» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 1. С. 292).

Следует заметить, что в современной юридической литературе высказано и другое мнение. Так, В. И. Зубкова предлагает отказаться от реальности угрозы как ее обязательного признака в уголовно-правовом понимании исходя из того, что, во-первых, в ряде случаев практически невозможно это доказать, во-вторых, при требовании реальности угрозы ее трудно отграничить от приготовления или покушения на совершение другого преступления против личности (Зубкова В. И. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за угрозу // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1987. № 1. С. 39).

Полемизируя с данным автором, Т. К. Агузаров пишет: «Ни один из этих доводов не является убедительным. Предметом доказывания по делам об угрозе является не ее объективная реальность, а *восприятие* ее потерпевшим как реальной. Второй же аргумент вряд ли требует особого анализа, поскольку он связан с уже утратившим актуальность вопросом об отличии обнаружения умысла от неоконченного преступления» (Агузаров Т. К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей. М., 2004. С. 73).

То есть реальность угрозы ставится в зависимость от ее оценки жертвой. Так же считает А. И. Парог, отмечая, что «определяющим моментом для оценки юридической сущности деяния является субъективное восприятие характера выраженной в его адрес угрозы самим потерпевшим» (Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Парога, А. И. Чучаева. М., 2009. С. 209).

Такой подход к оценке реальности угрозы в разбое разделяют не все специалисты. В частности, Р. А. Левертова отмечает, что мнение потерпевших может быть ошибочным: одни из них могут преуменьшать значение угрозы, другие, наоборот, преувеличивать (Левертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 1972. С. 36–37).

В правовой литературе высказаны и другие точки зрения, например: реальность угрозы – это ее способность вызвать убеждение в ее осуществимости (Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 83); определить реальность угрозы значит доказать наличие достаточных оснований опасаться приведения ее в исполнение (Уголовное право России. Часть Особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. С. 81); реальной признается угроза, при которой у потерпевшего были основания опасаться ее осуществления (Красиков А. Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 79); реальная угроза создает у потерпевшего впечатление немедленного приведения ее в исполнение (Ткаченко В. И. Преступления против личности. М., 1981. С. 34) и др.

Л. В. Сердюк в качестве критериев, влияющих на восприятие угрозы как реальной, предлагает считать: 1) серьезность причин, вызвавших угрозу; 2) внешнюю активность проявления угрозы; 3) наличие у виновного возможности ее осуществления; 4) обстоятельства, характеризующие личность виновного (Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 151).

Таким образом, указанный автор отдает предпочтение обстоятельствам, характеризующим

преступное действие, обстановке совершения преступления, количеству преступников, отношениям между виновным и потерпевшим и т. п.

Б. С. Райкес, отрицая признак реальности угрозы, исходит из ее законодательного закрепления. «Предусмотренная ст. 119 УК РФ угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью действительно является наказуемой, если имелись основания опасаться ее осуществления. В этом случае требование реальности угрозы содержится в самом законе». В других же уголовно-правовых нормах, где она упоминается в качестве способа совершения преступления, этого нет (Уголовная ответственность за преступления против правосудия. М., 2003. С. 57–58).

Думается, в этом случае выхолащивается сущность угрозы как способа воздействия на жертву. Если у потерпевшего нет оснований опасаться ее осуществимости, то такая угроза не способна вызывать у него чувство страха или беспокойства, следовательно, не может повлиять на волю лица. Кроме того, отказ от рассматриваемого признака сделает невозможным отграничить преступление от безтактного поведения лица.

В ч. 1 ст. 163 УК РФ содержание угрозы зафиксировано иначе, чем в ч. 1 ст. 162 УК РФ, оно охватывает: а) применение насилия; б) уничтожение или повреждение чужого имущества; в) распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких; г) распространение иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Специфика вымогательства заключается в том, что в этом случае угроза, в отличие от разбоя, обращена в будущее, имеет отлагательное условие – если потерпевший не выполнит предъявленного к нему требования. Именно поэтому угроза в вымогательстве направлена не только на то, чтобы парализовать волю потерпевшего, подавить ее, но и на этом фоне заставить потерпевшего осуществить требуемые виновным действия. «Смысл угрозы при вымогательстве, – считает Л. К. Малахов, – заключается в том, чтобы облегчить завладение имуществом, во-первых, и осуществление его предполагается в будущем в качестве мести за отказ передачи требуемых благ, во-вторых» (Малахов Л. К. Ответственность за вымогательство: квалификация и наказание по российскому и зарубежному праву. Н. Новгород, 1995. С. 27).

В. Н. Сафонов высказал иное мнение: «...Вымогательство отличает не будущий характер угрозы, а главным образом момент получения требуемого. Именно с длительностью достижения этой цели и связана характеристика вымогательства как домогания, постоянного преследования и т. п. Если бы вымогательство определялось бу-

дущим характером насилия, то виновному нечего было бы домогаться...» (Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000. С. 53).

Подобный подход стирает грань между разбоем и вымогательством. При разбое факт возможного изъятия имущества также отдален от угрозы, которая предшествует ему. При вымогательстве же, что охватывается сущностью самого данного термина, имеет место следующая формула: требование передачи имущества, права на имущество, совершение других действий имущественного характера; угроза нарушением предусмотренных в ст. 163 УК РФ интересов жертвы; в случае отказа выполнить требуемые действия следует применение соответствующей «санкции» – обещание реализовать угрозу.

Как и при разбое, адресатом угрозы в вымогательстве может быть достаточно широкий круг лиц: потерпевший, его близкие, в собственности, ведении или под охраной которых находится имущество, и др.

Первый вид угрозы – применение насилия, его содержание в законе не конкретизировано. «Редакция действующей нормы о вымогательстве снижает требования к степени конкретизации угрозы насилием... Отказ... законодателя от дифференциации угрозы насилием понятен, ибо в ряде случаев ее конкретизация затруднена, так как носит завуалированный характер, что влечет следственные и судебные ошибки, затягивание рассмотрения уголовных дел, снижает эффективность закона при незначительном различии в общественной опасности» (Сафонов В. Н. Указ. соч. С. 56–57).

Под данным видом следует понимать угрозу убийством, причинением вреда здоровью, нанесением побоев, применением пыток, изнасилованием, совершением мужеложства, лишением свободы и т. д. Все они охватываются ч. 1 ст. 163 УК РФ, и дополнительной юридической оценки не требуют.

Второй вид угрозы – уничтожение или повреждение чужого имущества. Во-первых, следует обратить внимание на принадлежность имущества – оно не принадлежит виновному лицу. Во-вторых, это имущество: а) представляет для жертвы определенную ценность, возможная утрата которого подавляет ее волю; б) лишение которого ставит потерпевшего в сложную (безвыходную) ситуацию (например, повреждение двигателя, проколы шин на дальних трассах у водителей-дальнобойщиков и т. д.). Уничтожение предполагает приведение имущества в полную негодность, когда ее восстановление невозможно или экономически нецелесообразно; повреждение – это приведение имущества в состояние, когда его использование по назначению

невозможно без соответствующего ремонта (Шарипов А. М. Указ. соч.).

Два оставшихся вида угроз (распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких; распространение иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких) относятся к шантажу, осуществляемому вымогателем.

Первая группа сведений, распространением которых угрожает виновный, должна порочить самого потерпевшего или его близких. Понятие «близкие потерпевшего» раскрывается в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 1990 г. № 23 «О судебной практике по делам о вымогательстве», в соответствии с которым под ними понимаются близкие родственники, а также иные лица, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся жизненных обстоятельств дороги потерпевшему (Сб. постановлений Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации. 1961–1993. М., 1994. С. 282).

При признании сведений позорящими потерпевшего или его близких в научной литературе предлагается исходить либо из их фактического характера, либо из их восприятия самим лицом, в отношении которого они распространяются. Например, в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве» позорящими предлагается признавать сведения, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство.

По мнению же ряда криминалистов, мотивирующим воздействием обладают только сведения, имеющие для потерпевшего личностный смысл; другими словами, необходимо исходить из того значения информации, которое ей придается самой жертвой (Дмитриев О. Д. К понятию вымогательства в уголовном праве // Актуальные вопросы правоведения в современный период / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1995. С. 217 ; Сафонов В. Н. Указ. соч. С. 60).

Еще в 30-е гг. прошлого века Г. И. Волков писал, что надо учитывать оценку таких сведений «шантажистом: шантажист должен полагать, что потерпевший эти сведения считает позорящими... Считал ли в действительности потерпевший такие сведения позорящими – несущественно, так как в положительном случае шантажист не ошибся, в отрицательном – налицо фактическая ошибка субъекта (шантажиста), которая не устраняет умысла и только превращает деяние в неоконченное, то есть покушение на шантаж»

(Волков Г. И. Имущественные преступления. Харьков, 1928. С. 189).

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» порочащими, в частности, признаются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство потерпевшего (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2005. № 4).

К иным относятся сведения, которые, во-первых, не являются порочащими, во-вторых, обладают способностью при их огласке причинить вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, в-третьих, этот вред должен быть существенным. Существенность вреда – дело факта. Прежде всего существенным следует признать нарушение конституционных прав и свобод гражданина и человека, например неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны и т. д.

Характеристика понятия распространения дана в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», в соответствии с которым под ним следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио- и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме не скольким или хотя бы одному лицу.

Надо иметь в виду, что угроза разглашения сведений о действительно совершенном преступлении не может расцениваться как способ вымогательства. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2001 г. по делу С., О. и других указано: «...С. и О., достоверно зная о совершенном Б. и Р. преступлении (поскольку О. был одним из соучастников этого преступления), имели своей целью завладеть определенной частью денежных средств, похищенных Б. и Р. при разбойном нападении... Диспозиция ст. 163 УК определяет вымогательство как требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, позорящих потерпев-

шего, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего.

Угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Б. и Р. либо причиняющим вред их законным интересам» (Суд первой инстанции необоснованно признал наличие в действиях осужденных состава преступления – вымогательства // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2001. № 10. С. 13–14).

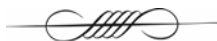
Для рассматриваемого способа вымогательства не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается данное преступление. При фактическом разглашении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких либо подрывающих их репутацию, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 129 и 163 УК РФ, а при оскорблении указанных лиц – по ст. 130 и 163 УК РФ.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Как способ совершения преступления против собственности угроза представлена в виде отдельного вспомогательного действия, назначе-

ние которого – обеспечение выполнения основного действия (хищения, вымогательства или неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством), находится с последним в органическом единстве, выступая в качестве операции его реализации.

2. Вопреки утверждениям некоторых авторов угроза, являясь способом нарушения психической неприкосновенности личности, не меняет и не может изменить социальной сущности разбоя как особой формы хищения, при которой не нарушаются права владения, а лишь преследуется цель хищения чужого имущества. Место нормы о разбое в системе Особенной части УК РФ определяется его направленностью против собственности, что отражает доминирующую цель виновного – завладение имуществом, посягательство же на личность (в том числе путем угрозы потерпевшему) служит способом достижения данной цели. Это не умаляет уголовно-правовой охраны личности. Она обеспечивается, во-первых, отнесением разбоя к числу тяжких преступлений, во-вторых, признанием преступления оконченным с момента нападения, а не с момента завладения имуществом, как предусмотрено по отношению к другим формам хищениям.

Библиографический список

1. Кочои, С. М. Преступления против собственности. Комментарий главы 21 УК РФ / С. М. Кочои. – М., 2001.
2. Кругликов, Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971.
3. Панов, Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1987.
4. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1 / под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008.
5. Яценко, Б. В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983.

Bibliographical list

1. Kochoi, S. M. Crimes against Property. The Commentary on Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation / S. M. Kochoi. – M., 2001.
2. Kruglikov, L. L. Criminal Modus Operandi (Theoretical Study). – Sverdlovsk, 1971.
3. Panov, N. I. Basic Problems of Criminal Modus Operandi in the Soviet Criminal Law. – Kharkov, 1987.
4. Complete Course of Criminal Law. In 5 vol. Vol. 1 / ed. by A. I. Korobeev. – SPb., 2008.
5. Yatsenko, B. V. Criminal Law Concept of Criminal Modus Operandi. – M., 1983.

А. В. Баринов,
заместитель начальника
кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
В. С. Трифонова,
курсант ВЮИ ФСИН России

A. V. Barinov,
deputy of the chief
of the chair of civil law disciplines
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor
V. S. Trifonova,
cadet of VLI of the FPS of Russia

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ НУЖДЫ»
ПРИ ИЗЪЯТИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Some Aspects of the Definition of «State and Municipal Needs»
in the Seizure of Immovable Property in Russia**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия «государственные и муниципальные нужды», которые касаются гражданских, жилищных и земельных правоотношений в Российской Федерации. Анализируя опыт зарубежного законодательства и мнения отечественных специалистов в области юриспруденции, авторы обосновывают необходимость закрепления данного понятия в законодательстве РФ.

Ключевые слова: государственные и муниципальные нужды, изъятие, земельный участок, жилое помещение.

Annotation. The article is devoted to the examination of the concept «state and municipal needs» concerning civil, housing and land relations in Russia. Analyzing the experience of foreign laws and opinions of Russian experts in the field of law, the authors ground the necessity of consolidation of this concept in the legislation of Russia.

Key words: state and municipal needs, withdrawal, land plot, floor – space.

Вопрос об определении понятия «государственные и муниципальные нужды» до сих пор широко обсуждается в отечественной юридической литературе, так как законодательство не содержит четкой дефиниции «государственные и муниципальные нужды», которые касаются права собственников жилых помещений при изъятии земельных участков.

В Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» сформулировано определение данных нужд (Рос. газ. 2005. 28 июля). Под ними в общем смысле понимаются потребности в товарах, работах, услугах, необходимых для выполнения функций государства. Удовлетворение таких потребностей осуществляется путем размещения заказов и связано с бюджетными отношениями. Таким образом, это определение имеет узкую направленность и касается обеспечения потребностей в рамках обязательственных отношений и не касается отношений собственности.

На практике этот пробел в законодательстве приводит к многочисленным коллизиям, особенно в сфере жилищных и земельных правоотношений. Отсутствие легального определения государственных и муниципальных нужд в данной сфере приводит к нарушениям со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, поскольку за ними остается право самостоятельно определять, что признавать в качестве таких нужд.

Первые попытки осмысления понятия «государственные и муниципальные нужды» были предприняты еще в Древнем Риме. Там данные нужды связывали с общепользовными целями: строительством различных общественных сооружений, водопроводов, клоак, виадуков и т. п. В средние века государственные и муниципальные нужды были ориентированы на волю короля, и вопрос о принудительном отчуждении имущества практически не возникал (Макарчук Н. В. Административно-правовое регулирование порядка принудительного отчуждения имущества для государственных и муниципальных нужд в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007).

В современном зарубежном законодательстве государственные и муниципальные нужды заменяются другими понятиями: в Испании – это «общественная целесообразность или социальные интересы», в Швеции – «важные общественные интересы», в Италии – «общие интересы», в Португалии – «общественные интересы», в Германии – «общие блага» (Конституции государств Европы. М., 2001. Т. 3. С. 602 ; Т. 2. С. 111, 767 ; Т. 1. С. 306, 585), в США – «общественно полезные цели» (Галятин М. Ю. США: Правовое регулирование использования земли. М., 1991. С. 40).

Точное определение критерия общепользовности имеет важное значение, так как размытая формулировка дает возможность трактовать его в ущерб частным собственникам: «...национальные власти обладают определенной свободой усмотрения, что является “общественно полез-

ным», так как они первыми ощущают наличие проблемы, оправдывающей в интересах общества лишение собственности, и находят меры для разрешения» (Европейский Суд по правам человека : избр. решения. М., 2000. Т. 2. С. 154).

Так, принудительное изъятие участка у собственника в Польше допускается только в случаях, когда публичные цели не могут быть достигнуты иным способом, как отчуждением права собственности в пользу государственной казны или в пользу гмины. Перечень публичных надобностей включает: строительство и эксплуатацию публичных дорог и публичных средств связи; строительство сооружений в области охраны окружающей среды, зданий для публичных учреждений; строительство и эксплуатацию школ, больниц, домов социальных служб; строительство и эксплуатацию оборонных объектов, а также объектов обеспечения общественной безопасности, включая тюрьмы и колонии для несовершеннолетних, и др. (Земельный участок: собственность, аренда и иные права в Российской Федерации и иностранных государствах / под ред. В. В. Залесского. М., 2006. С. 184–185).

Изъятие земельных участков только в интересах общества возможно и в Германии. Кроме того, цели изъятия должны быть вескими и четко определенными законом. К ним относятся: строительство объектов общего пользования (дороги, аэропорты, объекты промышленности, транспорта, энергетики и др.) и объектов социального назначения (дома престарелых, образовательные учреждения, учреждения культуры т. п.); сохранение обликов городов и живописных местностей; обеспечение сохранности памятников природы и культуры; удовлетворение нужды безопасности и обороны и др. (Герасин С. И. Изъятие земельных участков в общественных интересах по законодательству Германии // Государство и право. 2005. № 2. С. 69–62).

В строительном законодательстве Чехии общепользовными целями считаются: осуществление строительства в общественных интересах на основании плана территориального развития; создание санитарно-гигиенических и охранных зон и территорий; санитарное благоустройство жилых массивов; создание необходимого доступа к земельным участкам и строениям, а также целевое ограничение в военных округах (Там же. С. 189).

Вышеперечисленные цели изъятия земельного участка могут быть связаны и со сносом жилых домов собственников жилых помещений.

В российской юридической науке существует мнение о необходимости замены определения «государственные и муниципальные нужды» другим. Так, О. И. Крассов считает, что применяемое отечественным законодательством словосочетание

«государственные и муниципальные нужды» «не отражает в полной мере комплекса всех тех целей, для которых может быть изъят земельный участок», и более точным был бы термин «общественное использование» (Крассов О. И. Право частной собственности на землю. М., 2000. С. 349). В качестве примера можно привести случай, когда земельный участок может быть изъят согласно Земельному кодексу Российской Федерации в связи с выполнением международных обязательств Россией. При этом необязательно, чтобы этот участок подлежал непосредственному использованию для цели, определенной в международно-правовом акте, достаточно, если данный участок будет функционально связан с этой целью. Например, земельный участок может быть изъят, если он попадает в зону охраны, устанавливаемую вокруг объекта, определенного международным договором (Земельное право : учебник / под ред. Г. Е. Быстрова, Р. К. Гусева, А. В. Бабанова. М., 2006. С. 318).

В. А. Евстегнеев приходит к выводу, что «государственные и муниципальные нужды» представляют собой публичные нужды, удовлетворение которых идет на пользу либо всего населения страны, либо жителей муниципального образования или региона. При этом указанные нужды могут включать в себя не только публичные потребности, но и частнохозяйственные интересы органов как обычных собственников. И если в первом случае они направлены на удовлетворение потребительских нужд граждан, таких как, например, прокладка новой автодороги, то во втором случае целью операции с землей становятся денежные интересы соответствующего административно-территориального образования (например, строительство кинотеатра для последующей сдачи его в аренду) (Евстегнеев В. А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журн. рос. права. 2004. № 8. С. 17).

С точки зрения Н. А. Сыроедова, было бы целесообразно вернуться к понятию «общественные нужды», так как понятие «государственные и муниципальные нужды» не всегда совпадает с действительными потребностями общества. Однако довольно часто такие виды деятельности, как строительство дорог, разработка месторождений полезных ископаемых и т. п. осуществляются не государственными, а коммерческими организациями. Таким образом, вряд ли данные случаи можно будет охарактеризовать понятием «государственные нужды» (Сыроедов Н. А. Возникновение прав на землю // Государство и право. 2004. № 10. С. 69).

По мнению И. Д. Грачева, «необходимо определить и закрепить либо списком, либо алгоритмом в Жилищном, Земельном и Гражданском кодексах, что такое государственные и муниципальные нужды. Например, если нам надо поста-

вить какие-то оборонные объекты, то это, бесспорно, является государственными нуждами. Или если в муниципалитете нет ни одной больницы, то это можно признать муниципальными нуждами» (URL: <http://newtimes.ru/news/>).

На основании вышеизложенного, учета опыта зарубежного законодательства, мнений отечественных специалистов в области юриспруденции, анализа действующего жилищного, гражданского и земельного законодательства Российской Федерации мы пришли к выводу о необходимости закрепления четкого понятия «государственные и муниципальные нужды» в Жилищном, Земельном и Гражданском кодексах Российской Федерации.

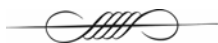
Под государственными и муниципальными нуждами, по нашему мнению, следует понимать определенную законом объективно возникшую необходимость Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в использовании недвижимого имущества собственника для обеспечения исполнения международных обязательств, нужд национальной безопасности и обороны государства, строительства социально значимых объектов, сохранения памятников природы и культуры и иных обязательств, исполнение которых невозможно без прекращения права собственности частных лиц. К социально значимым объектам относятся: дороги, образовательные учреждения, учреждения культуры, объекты транспорта, промышленности, энергетики, аэропорты, больницы, городские парки, площадки отдыха и т. д. Строительство жилых домов можно признать таковыми объектами только тогда, когда оно не преследует коммерческих целей, финансируется за счет бюджета государственного или муниципального

органа и удовлетворяет социально значимые потребности населения.

Вопрос о том, есть ли необходимость изъятия недвижимого имущества, всякий раз должен решаться с учетом конкретных обстоятельств, а в случае спора – судом. Такой необходимостью не является реализация полностью коммерческих проектов (строительство торговых и деловых центров, коммерческих предприятий), иначе получается удовлетворение одних частных интересов за счет нарушения других частных прав и интересов. В этом случае частные стороны должны договариваться между собой самостоятельно, без вмешательства публичной власти.

Кроме того, необходимость изъятия должна определяться с учетом невозможности решения социальных задач иным способом (на иной территории), без изъятия частной недвижимости. Такая невозможность должна подтверждаться соответствующими актами государственных органов на основе проведения градостроительных и технических экспертиз и с учетом затрат на альтернативное решение социального проекта. С точки зрения экономии бюджетных средств при изъятии недвижимого имущества необходимо соотносить стоимость затрат, связанных с изъятием имущества со стоимостью альтернативного решения социального проекта.

Законодательное закрепление предложенного нами определения понятия «государственные и муниципальные нужды» позволило бы избежать размытых формулировок и не трактовать их в ущерб частным собственникам, а следовательно, обеспечить их соответствующими гарантиями при ограничении прав на земельный участок и находящийся на нем объект недвижимости.

Библиографический список

1. *Галятин, М. Ю.* США: Правовое регулирование использования земли / М. Ю. Галятин. – М., 1991.
2. *Герасин, С. И.* Изъятие земельных участков в общественных интересах по законодательству Германии / С. И. Герасин // Государство и право. – 2005. – № 2.
3. Земельный участок: собственность, аренда и иные права в Российской Федерации и иностранных государствах / под ред. В. В. Залесского. – М., 2006.
4. *Макарчук, Н. В.* Административно-правовое регулирование порядка принудительного отчуждения имущества для государственных и муниципальных нужд в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

Bibliographical list

1. *Galiatin, M. Yu.* The USA: Legal Regulation of Land Use / M. Yu. Galiatin. – M., 1991.
2. *Gerasin, S. I.* Land Confiscation in Public Interests in Accordance with German Law / S. I. Gerasin // State and Law. – 2005. – № 2.
3. Land: Property, Rent and other Rights in Russia and Foreign States / ed. by V. V. Zaleskii. – M., 2006.
4. *Makarchuk, N. V.* Administrative and Legal Regulation of the Compulsory Acquisition of Property in Russia for State and Municipal Needs. – M., 2007.

**СОСТАВ ТЕХНИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

On the Corpus of the Technique of Establishment of Factual Circumstances of a Juridical Affair

Аннотация. Рассматриваемая в данной статье проблема является одной из основополагающих и не имеющих однозначного и общепринятого решения в юридической науке. Автор анализирует точки зрения различных ученых на этот счет, излагает собственное видение состава техники установления фактических обстоятельств дела, в заключение делает вывод о том, что дискуссионность отдельных положений способна привлечь внимание научного сообщества к проблеме состава юридической техники.

Ключевые слова: состав юридической техники, технико-юридические правила, приемы, средства.

Annotation. The corpus of the juridical technique definition is one of fundamental problems in the science of law that have no generally accepted solution. In the article the viewpoints of different authors are examined and the author shares her own vision of the corpus of the juridical technique of factual circumstances of the case establishment. As a result, the author draws a conclusion that argumentativeness of separate positions can attract attention of the scientific community to the problem of the corpus of the juridical technique.

Key words: the corpus of the juridical technique, technical legal rules, methods, facilities.

Проблема определения состава юридической техники является одной из основополагающих и до сих пор не имеющей однозначного и общепринятого решения в науке. В настоящее время в юридической литературе существует несколько точек зрения по этому поводу. Так, И. Л. Брауде, Д. А. Ковачев, В. В. Лазарев, Ю. А. Тихомиров говорят только о правилах (Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Сов. государство и право. 1957. № 6. С. 53 ; Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М., 1977. С. 94 ; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 1998. С. 253 ; Тихомиров Ю. А. Законодательная техника: понятие и элементы // Законодательная техника : науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 8); Т. А. Лесниевски-Костарева – о приемах (Уголовное право : словарь-справочник / авт.-сост. Т. А. Лесниевски-Костарева. М., 2000. С. 328); А. Б. Венгеров – о правилах и приемах (Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1999. С. 504–505); Б. А. Миренский, А. Ф. Черданцев – о правилах, средствах, приемах и методах (Общая теория государства и права : акад. курс / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 368); С. С. Алексеев, В. М. Галкин – о средствах и приемах (Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 105 ; Галкин В. М. Проблемы уголовно-законодательной техники // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды. М., 1980. № 18. С. 170); И. К. Ильин, Н. В. Миронов – о приемах и методах (Ильин И. К., Миронов Н. В. О форме и стиле правовых актов (некоторые вопросы законодательной техники) // Сов. государство и право. 1960. № 12. С. 66).

В диссертационных исследованиях, посвященных правоприменительной технике, последняя рассматривается исключительно как техника оформления правоприменительных актов (Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008 ; Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999). В то же время техника установления фактических обстоятельств юридического дела является относительно самостоятельным элементом единой системы правоприменительной техники и как вполне самостоятельное правовое явление имеет собственную структуру.

Однако, несмотря на узкий подход к понятию правоприменительной техники в указанных работах, заслуживает внимания точка зрения А. Н. Илясова, согласно которой структура правоприменительной техники состоит из принципов (основа), правил и средств. Позиция данного автора интересна тем, что, помимо традиционных правил и средств, в составе техники А. Н. Илясов выделяет принципы. При этом принципы права он рассматривает в качестве элемента правоприменительной техники постольку, поскольку они выступают в качестве жизненно необходимых ориентиров, руководствуясь которыми и в рамках которых осуществляется регулирование общественных отношений, субъекты реализуют принадлежащие им права, государство понуждает к исполнению юридических обязанностей (Илясов А. Н. Указ. соч. С. 88). По нашему мнению, идея рассмотрения принципов права в качестве элемента состава правоприменительной техники заслуживает дальнейшего изучения и развития.

Разнообразие подходов к определению состава юридической техники, на наш взгляд, обусловлено отсутствием единого, общепринятого понимания основы классификации элементов состава. Стремясь четко разграничить данные элементы, авторы, как правило, обращаются к справочной литературе с целью установления их значения. Так, если сравнить определения слов «средство», «прием», «правило» в ряде словарей (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М., 1985 ; Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4 ; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. Т. 3), то увидим, что, во-первых, понятия «средство», «прием» являются взаимоопределяемыми, а во-вторых, термин «правило» фактически не используется при определении понятия «техника». Данное обстоятельство значительно усложняет установление состава юридической техники, так как вышеперечисленные термины не носят юридического характера, и определяя их значение, ученые-юристы вынуждены обращаться к иным, неюридическим, областям научного знания.

Кроме того, при изучении состава юридической техники следует принимать во внимание то, что, с одной стороны, для нее типично видовое разнообразие (правотворческая, правоинтерпретационная, правоприменительная техника), а с другой – единство (одни и те же элементы могут входить в содержание как правотворческой, так и правоприменительной техники, в частности, общелингвистические, терминологические правила).

Предназначение юридической техники заключается прежде всего в обеспечении высокого качества результата определенной деятельности, как-то: создание законов, толкование либо применение права. В этой связи состав юридической техники находится в определенной зависимости от специфики того или иного вида юридической деятельности.

Рассматривая состав техники установления фактических обстоятельств юридического дела, необходимо учитывать, что это особый вид познавательной деятельности, в значительной степени регламентированный нормами права. На наш взгляд, специфику элементного состава анализируемого вида юридической техники наиболее полно и точно отражают категории «средство», «прием» и «правило».

Средства представляют собой исходные положения, инструменты, применение которых в конечном счете позволяет установить круг обстоятельств – фактическую основу дела. Средства могут быть разделены на общенаучные (правила и законы логики), собственно юридические и технические.

Особенностью средств установления обстоятельств (как собственно юридических, так и технических) является то, что они фактически нейтральны по отношению к соответствующей фактической деятельности и не раскрывают алгоритм правильного и рационального их использования. Техничко-юридические средства могут либо непосредственно способствовать установлению фактической основы дела (например, такие следственные действия, как: осмотр места происшествия, допрос потерпевшего и т. д.) либо опосредованно влиять на результаты познания¹.

Для их успешного и эффективного применения необходимы соответствующие правила и приемы. При этом методологически важно четко разграничивать правила и приемы, поскольку и те, и другие описывают определенный алгоритм использования средств.

На наш взгляд, разграничивать приемы и правила техники установления фактической основы дела следует с точки зрения формы их закрепления.

Формой закрепления правил выступает законодательство. Конкретное же содержание приемов отражается в доктринальных источниках. В качестве источников систематического представления о рациональных приемах деятельности правоприменителей по установлению фактической основы юридического дела представляется необходимым указать на такие области научного знания, как криминалистика и юридическая психология.

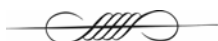
Качественное своеобразие технико-юридических приемов установления фактических обстоятельств юридического дела может быть раскрыто в следующих чертах: 1) системная взаимосвязь со средствами и правилами установления фактических обстоятельств; 2) единство научного и прикладного аспектов содержания; 3) специфика эффективной и рациональной деятельности субъектов по установлению фактической основы дела; 4) отсутствие обязательной нормативности; 5) непрерывность развития.

¹ В качестве примера можно привести оценочные понятия. Неопределенность их содержания предоставляет правоприменителю свободу действий в определенных рамках и тем самым способствует всестороннему установлению фактической основы дела. Для наглядности приведем положения некоторых норм УПК РФ. Часть 3 ст. 164 УПК РФ: «Производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства»; ч. 5 ст. 165 УПК РФ: «В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки изложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество... не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения».

В силу того, что формой закрепления технико-юридических правил является законодательство, то важной особенностью правил применения средств и приемов правоприменительной техники является их обязательность. Представляется, что нормы права могут быть рассмотрены не только в качестве формы, но и содержания технико-юридических правил установления фактической основы дела. При этом следует различать исходные правила, которые обладают общим характером и играют организующую роль в познании фактических обстоятельств (например, правовые принципы, презумпции, преюдиция), и правила, непосредственно предписывающие определенный вариант поведения по использованию того или иного средства (так, важное значе-

ние имеют процессуальные нормы, определяющие последовательность, сроки совершения процессуальных действий и т. д.).

Таким образом, вышеизложенное понимание состава техники установления фактических обстоятельств юридического дела, конечно же, не является бесспорным. Дискуссионность отдельных положений способна, на наш взгляд, привлечь внимание научного сообщества к данной проблеме, исследование которой представляется важным для юридической науки, так как только точное и непротиворечивое определение состава юридической техники позволит сформировать правильное представление о действительных возможностях и пределах ее использования.

Библиографический список

1. *Лазарев, В. В.* Теория государства и права : учеб. для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М., 1998.
2. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М., 1985.
3. Уголовное право : слов.-справ. / авт.-сост. Т. А. Лесниевски-Костарева. – М., 2000.

Bibliographical list

1. *Lazarev, V. V.* Theory of State and Law / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. – M., 1998.
2. *Ogegov, S. I.* Dictionary of the Russian Language / S. I. Ogegov ; ed. by N. Yu. Shvedova. – M., 1985.
3. The Criminal Law / author T. A. Lesnievsky-Kostareva. – M., 2000.

В. Г. Булгаков,
*докторант факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Волгоградской академии МВД России
кандидат технических наук, доцент*

V. G. Bulgakov,
*doctoral candidate of the faculty
for training scientific-pedagogical staff
of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Candidate of engineering, assistant professor*

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ДИНАМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ ЧЕЛОВЕКА В РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**Possibilities of Using Information about the Dynamic Features of People
in the Disclosure and Investigation of Crimes**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможности использования информации о динамических признаках человека в ходе раскрытия и расследования преступлений. Определены основные направления и формы использования информации о динамических признаках человека в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: динамические признаки человека, походка, жестикуляция, мимика лица, артикуляция речевого аппарата, системы видеонаблюдения, антропометрические точки, раскрытие и расследование преступлений.

Annotation. The article is devoted to considering the possibility of use of the information on dynamic signs of a person during the disclosure and investigation of crimes. The basic directions and forms of use of the information on dynamic signs of a person in disclosing and investigating crimes are defined.

Key words: dynamic signs of a person, gait, gesticulation, the facial expression, articulation, video observation systems, antropometrics points, disclosing and investigation of crimes.

В настоящее время информация о динамических признаках человека ограниченно используется в практике раскрытия и расследования преступлений, несмотря на то, что отличительные особенности походки, жестикуляции, мимики лица, артикуляции речевого аппарата, а также другие динамические признаки человека достаточно часто воспринимаются потерпевшими и свидетелями в процессе наблюдения и общения с преступниками. Результаты проведенных нами исследований показали, что ряд динамических признаков человека (особенности походки и жестикуляции) обладают высокой информационной значимостью на больших расстояниях наблюдения (20–100 м), в условиях, когда традиционные анатомо-морфологические признаки недоступны для восприятия или имеют средние значения (Булгаков В. Г. Криминалистическая оценка значимости различных признаков внешности человека в зависимости от расстояния наблюдения // Судеб. экспертиза. 2008. № 4(16). С. 83–91).

Двигательные проявления человека значительно богаче и разнообразнее, чем другие его внешне воспринимаемые свойства, например, анатомо-морфологические. Динамические признаки походки и жестикуляции, помимо общих свойств, позволяющих отнести походку и жестикуляцию того или иного человека к определенной группе, содержат также индивидуальные особенности человека, позволяющие его идентифицировать.

Признаки внешности человека, проявляющиеся в динамике, характеризуются индивиду-

альностью, относительной устойчивостью, избирательной изменчивостью, что позволяет их использовать для решения криминалистических задач. Предпосылками возможности криминалистического исследования динамических признаков человека являются основополагающие положения психологии, физиологии движения, психофизиологии и биомеханики.

Сегодня новым информационным источником динамических признаков человека можно считать системы видеонаблюдения. Последнее время в России и за рубежом преступная деятельность фиксируется такими системами довольно часто. При использовании самых современных систем видеонаблюдения, имеющих большую разрешающую способность, высокую частоту кадров, функцию детекции движения и установленных в соответствии с требованиями стандартов, может быть получена информация, пригодная для исследования динамических проявлений человека (Баратов А. К., Тюхов Б. П. Предпосылки и проблемы создания систем интеллектуального видеомониторинга // Спец. техника. 1999. № 4. С. 42).

Методами криминалистического исследования динамических признаков человека выступают оптоэлектронные компьютерные методы, предусматривающие анализ последовательности видеок кадров и позволяющие оценить динамические характеристики человека. Данные, полученные в результате видеосъемки и обработки изображений, представляют собой количественную информацию об особенностях движения че-

ловека, могут храниться в памяти компьютера, составляя так называемый «динамический образ» его движений.

Динамические проявления могут выступать в качестве источников информации о человеке. Эти данные дают возможность получать в первую очередь разнообразную диагностическую информацию, например, динамические признаки походки человека позволяют судить о его возрасте, поле, наличии у него патологии опорно-двигательного аппарата (в силу различных заболеваний, травм), состоянии его обуви, а также о том, имеются ли у него спортивные, профессиональные или иные навыки, переносит ли он груз и т. д. Некоторые заболевания сопровождаются характерным изменением походки и по ее особенностям можно диагностировать тот или иной недуг. В медицине (неврологии и ортопедии) выделяются 11 типов нарушений походки, так называемых патологических походок (Батышева Т. Г., Скворцов Д. В., Труханов А. И. Современные технологии диагностики и реабилитации в неврологии и ортопедии. М., 2005. С. 15–20).

По характерной жестикуляции можно судить о принадлежности человека к определенной группе людей, в среде которых приняты специальные жесты, понятные только им (Гейльман И. Ф. Языки дружбы (Жестика): Словарь. Упражнения. Разговорник. СПб., 2003. С. 5–20). По жестикуляции также можно установить национальную или профессиональную принадлежность некоторых узких групп людей, например, по морским или строительным жестам, жестам биржевых маклеров и т. д.

При исследовании артикуляции речевого аппарата, визуально воспринимаемой на лице человека при достаточной степени ее выраженности, есть возможность идентифицировать не только произносимую речь, но и конкретного человека (Волочай С. Н. Артикуляция звука речи как признак в исследовании фальсифицированных материалов видеозаписи // Человек как источник криминалистически значимой информации : материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. Саратов, 2002. Ч. 1. С. 58–59).

Данные о динамических признаках человека, полученные системами видеонаблюдения, могут быть использованы в качестве ориентирующей информации в оперативно-розыскных целях, а также в ходе доказывания по уголовным делам.

В оперативно-розыскных целях динамические признаки человека могут применяться при соотношении полученных в процессе проведения негласных мероприятий данных о личности лица, возможно имеющего отношение к совершению преступления, со сведениями о динамических и других признаках лица, зафиксированных в памяти очевидцев преступления, информационных

массивах видеотек, видеоматериалах, на других носителях информации, а также установлении на этой основе его причастности к совершению преступления (Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике : учеб.-метод. пособие / под ред. Р. С. Белкина. М., 1996. С. 73).

При этом наиболее распространенными формами отождествления будут выступать опознание по видеоматериалам или словесному портрету, а также поиск по горячим следам с участием потерпевших и очевидцев происшедшего события.

К основным направлениям использования данных о динамических признаках человека в ходе доказывания по уголовным делам относятся: производство следственных и иных процессуальных действий; оценка полученных таким образом данных следователем и судом.

Преобразование информации о динамических признаках в доказательственную будет происходить в рамках проведения таких следственных действий, как осмотр, предъявление для опознания, получение экспериментальных образцов для сравнительного исследования и судебных экспертиз.

При осмотре места происшествия следователем может быть получена информация о динамических признаках преступника в виде материалов записей систем видеонаблюдения или изображений из различных электронных баз данных (Жуланов В., Ищенко Е. Осмотр места происшествия с целью получения информации из электронных баз данных // Законность. 2006. № 6. С. 10–12). К последним относятся электронные базы данных и видеожурналы архивов систем безопасности банкоматов, казино, кассовых аппаратов сетевых супермаркетов и т. п. Такие видеоархивы содержат результаты видеозаписи на охраняемых объектах за достаточно продолжительное время от одной до нескольких недель.

Динамические признаки человека могут использоваться при проведении такого следственного действия, как предъявление для опознания. Опознание при этом может проводиться по таким динамическим признакам объекта, как особенности походки, жестикуляции и другим, а также по признакам голоса и речи. Дело в том, что люди по-разному воспринимают отдельные элементы внешности человека. Одни в большей мере акцентируют свое внимание на анатомических признаках, особых и бросающихся в глаза приметах (рост, телосложение, тип лица и т. п.), другие же лучше воспринимают признаки внешности, проявляющиеся в динамике (особенности походки, жестикуляции, мимики лица и т. п.). Из ч. 1 ст. 193 УПК РФ следует, что в качестве опознающего могут выступать свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый.

При производстве предъявления для опознания по походке, признакам голоса и речи в ряде случаев есть вероятность, что предъявляемое для опознания лицо может умышленно изменить исследуемые динамические признаки.

По мнению В. Н. Чулахова, если в процессе опознания все-таки обнаруживается факт сознательного искажения динамических признаков походки, речи и других, то целесообразно продолжать следственное действие, так как «усилия контролировать себя не могут быть продолжительными и особенности подлинной походки и речи неминуемо проявятся» (Чулахов В. Н. Криминалистическое исследование навыков и привычек человека : монография. М., 2004. С. 141–142). В криминалистической литературе встречается другое предложение, согласно которому предупредить возможное изменение походки можно «форсированием темпа ходьбы, движений, повторением их несколько раз» (Самолаева Е. Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей. М., 2004. С. 106).

По нашему мнению, для предупреждения умышленного искажения динамических признаков походки необходимо создать условия, в которых управление двигательными действиями человека перейдет на нижележащий неосознаваемый уровень и будет автоматизировано. Это можно сделать, например, если предложить опознаваемому в процессе ходьбы осуществлять устный счет или говорить.

Довольно часто опознание проводится по материалам видеозаписей. Ряд авторов уже отмечали положительные результаты такого опознания при грамотном использовании видеозаписи и последующем правильном оформлении протокола при расследовании особо тяжких преступлений (Бецуков А. Опознание по «фейсменеджеру» и видеозаписи // Законность. 2000. № 3. С. 29). Необходимость предъявления для опознания по материалам видеозаписи возникает в тех случаях, когда опознаваемого надо предъявить в движении, воссоздавая ситуацию, в которой его наблюдали, но непосредственное предъявление его нецелесообразно в интересах опознающего.

При опознании по динамическим признакам, и прежде всего по походке, нужно подобрать людей, во-первых, имеющих близкие антропометрические параметры; во-вторых, тех, чья походка похожа по динамике движений, положению и постановке стоп, степени их поднимания и другим признакам (темпу, равномерности, симметричности), позволяющим отнести походки предъявляемых лиц к одному виду.

Узнавание человека по походке, жестикуляции, особенностям фигуры связано с условиями освещения, расстоянием, с которого наблюдался субъект. Опознание необходимо проводить в помещении

достаточного размера, чтобы обеспечить обзор предъявляемых лиц и демонстрацию динамических признаков. Освещение должно быть по возможности близким к тому, при котором происходило первоначальное восприятие объекта (субъекта).

Отождествление по динамическим признакам (походке и голосу) может производиться как в качестве составных частей процесса опознания по всему внешнему облику обвиняемого, так и в виде самостоятельного акта.

Для целей опознания могут успешно применяться видеотеки, создаваемые в подразделениях уголовного розыска и экспертно-криминалистических подразделениях. В правоохранительных органах ведутся, пополняются и используются в практической деятельности видеотеки, содержащие следующие изображения: лиц, задержанных в порядке ст. 91 УПК РФ; осужденных за совершение других преступлений, вернувшихся из мест лишения свободы. Видеозаписи комплектуются по различным категориям: полу, возрасту, антропометрическим характеристикам, сведениям о прежних судимостях и т. д. Часто лица в видеотеках классифицируются по смешанным основаниям, например, судимости, возрасту и др.

Данная форма ведения учета позволяет установить личность преступника путем предъявления потерпевшим и свидетелям хранящихся в видеобанке (видеотеке) изображений. В настоящее время в органах внутренних дел уже созданы компьютерные аппаратно-программные комплексы хранения и использования динамических видеоизображений.

С целью проведения экспертных исследований материалов записей систем видеонаблюдения, в которых содержатся отображения динамических признаков человека, пригодные для проведения портретной, фоноскопической и других экспертиз, целесообразно получать образцы для сравнительных исследований путем фиксации с помощью видеозаписи внешнего облика в динамике и голоса. При этом могут быть использованы свободные, условно-свободные и экспериментальные образцы для сравнительного исследования в зависимости от времени и условий их получения (возникновения). При этом получение образцов для сравнительного исследования целесообразно проводить в том же месте, где лицо было зафиксировано системами видеонаблюдения в момент совершения им преступления, с использованием тех же средств видеофиксации.

Дальнейшие исследования динамических признаков человека возможны только на основе использования специальных знаний в области видеозаписи, фоноскопии, лингвистики, компьютерных технологий и других научных направлений. Решается указанная задача путем проведения комплексной судебной экспертизы.

Экспертные исследования материалов видеозаписи, содержащих информацию о динамических признаках человека, могут выполняться на базе компьютерной обработки динамических изображений в аналоговом или цифровом формате с выделением отдельных кадров и фрагментов изображения. Механизм синхронной обработки фонограммы и изображения материалов видеозаписи (речь и артикуляция речевого аппарата; действия и сопровождающие их звуки) могут быть реализованы в настоящее время на основе фотоскопических методов с использованием компьютерных технологий.

Исследование динамических признаков человека по материалам видеозаписи, например особенностей походки, целесообразно производить путем покадрового компьютерного анализа изображений. Для этого следует осуществлять разметку каждого отдельного кадра видеоряда, выделяя на изображениях человека так называемые антропометрические точки.

В качестве таких точек будут выступать межзвенные сочленения – суставы нижних конечностей (тазобедренный, коленный, голеностопный, плюснефаланговый и др.) для исследования походки, а также суставы верхних конечностей (плечевой, локтевой, лучезапястный и др.) для исследования жестикуляции. Если рассмотреть особенности перемещения этих точек с фронтальной и боковой точки съемки относительно движущегося человека, то можно получить точную количественную информацию о походке или жестикуляции. На основе такой информации могут быть построены двумерные и трехмерные математические модели походки или жестикуляции человека. Кроме того, зная, что кадры видеозаписи сняты с известной скоростью, например 25 кадров в секунду, легко могут быть установлены скоростные параметры движения (темп ходьбы и его изменение), особенности относительного перемещения частей тела человека и т. д. К динамическим характеристикам человека, которые могут быть измерены, относятся также изменения углов между элементами конечностей при ходьбе. В соответствии с данными из биомеханики и физиологии движений у разных людей будут значительно отличаться продолжительность периода и диапазон изменений углов между элементами конечностей (амплитуда). Выявленные в результате экспериментального исследования отличительные признаки походки людей позволяют классифицировать типовые походки, установить количественные значения их характеристик для отнесения к тому или иному типу.

Рассматривая в динамике изменение морфологии элементов лица, а также морщин, складок на коже лица, можно обнаружить, что форма, величина и положение этих элементов значительно

меняются. Так, например, размещение складок на лбу или морщин вокруг глаз относительно других элементов лица может меняться во времени в зависимости от выраженности мимики, особенностей артикуляции того или иного лица. Исследования динамики появления (исчезновения) и выраженности различных признаков мимики лица могут проводиться при наличии видеосюжетов, по отдельным кадрам которых также следует произвести разметку точек, соответствующих рассматриваемым признакам, и количественно оценивать их изменения во времени.

Необходимо отметить, что исследования визуально воспринимаемой артикуляции речевого аппарата человека должны проводиться только в комплексе с использованием фотоскопических методов анализа звуковой дорожки видеозаписи и покадрового анализа изображения. При этом следует сопоставлять отдельные звуки речи и зафиксированные отдельными кадрами элементы артикуляции. Решение таких задач возможно только в рамках комплексных габитоскопических и фотоскопических исследований.

Рассматриваемые динамические признаки человека должны анализироваться во взаимосвязи друг с другом и в комплексе с другими признаками внешности человека (например, анатомо-морфологическими и сопутствующими) для увеличения их идентификационной значимости при решении различных криминалистических задач.

Приведем пример удачного комплексного использования информации о динамических проявлениях человека в криминалистических исследованиях. Так, при проведении портретной экспертизы удалось установить тождество человека, зафиксированного видеозаписью системы наблюдения банкомата на основе комплекса анатомо-морфологических признаков лица (отобразились только общие признаки) и динамического признака, заключавшегося в особенностях движения кисти правой руки в виде неразгибаемости мизинца, приобретенной в результате травмы. Благодаря достаточному количеству криминалистически значимой информации удалось идентифицировать лицо, причастное к совершению преступления (Архив ЭКЦ ГУВД по Волгогр. обл. Заключение эксперта № 1602 от 6 апр. 2005 г.).

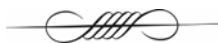
При оценке доказательств следователем и судом сопоставляется информация о динамических признаках человека, например, содержащаяся в материалах видеозаписи, которые выступают в качестве вещественных доказательств и других источников доказательств. Если эта информация подтверждается другими доказательствами, то юридическая сила такого доказательства увеличивается. Например, подозреваемого, динамические признаки внешности которого были зафиксированы видеокамерами систем наблюдения и

охраны офиса, видели входящим и выходящим из подъезда дома, где была совершена кража, что закреплено в свидетельских показаниях. Кроме того, в материалах видеозаписи имелись отметки даты и времени, которые соответствовали свидетельским показаниям о времени нахождения подозреваемого, зафиксированного в материалах видеозаписи, в доме, где была совершена кража.

Динамические признаки человека, зафиксированные, например, в материалах записи систем видеонаблюдения, являясь источниками объективной и достоверной (неискаженной) фактиче-

ской информации, могут выступать в качестве полноценных доказательств, а при соблюдении процессуального порядка их собирания, закрепления, проверки и оценки, несомненно, будут способствовать установлению имеющих значение для дела обстоятельств, а также обоснования выводов и процессуальных решений.

Таким образом, новые возможности использования криминалистически значимой информации о динамических признаках человека могут способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Библиографический список

1. *Булгаков, В. Г.* Криминалистическая оценка значимости различных признаков внешности человека в зависимости от расстояния наблюдения / В. Г. Булгаков // Судеб. экспертиза. – 2008. – № 4(16).
2. *Волочай, С. Н.* Артикуляция звука речи как признак в исследовании фальсифицированных материалов видеозаписи / С. Н. Волочай // Человек как источник криминалистически значимой информации : материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. – Саратов, 2002. – Ч. 1.
3. *Чулахов, В. Н.* Криминалистическое исследование навыков и привычек человека : монография / В. Н. Чулахов. – М., 2004.

Bibliographical list

1. *Bulgakov, V. G.* The Criminalistical Estimation of the Importance of Various Signs of Appearance of a Person Depending on Supervision Distance / V. G. Bulgakov // Judicial Examination. – 2008. – № 4(16).
2. *Volochay, S. N.* Articulation of a Speech Sound as a Sign in Research of the Forged Materials of Videorecording / S. N. Volochay // A Person as a Source of Significant Information in Criminalistics. – Saratov, 2002. – P. 1.
3. *Chulakhov, V. N.* The Criminalistical Research of Skills and Habits of a Person / V. N. Chulakhov. – M., 2004.

**ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, И ИХ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

**Characteristics of Organized Criminal Groups who Commit Terrorist Crimes and Their Criminal Activities
in Russia and the Republic of Azerbaijan**

Аннотация. Статья посвящена криминологической характеристике участников и организаторов организованных преступных формирований, совершающих преступления террористического характера, и их преступной деятельности. Проанализирован и обобщен опыт борьбы с транснациональными организованными преступными формированиями в Азербайджанской Республике. Высказываются предложения, направленные на оптимизацию борьбы с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом.

Ключевые слова: организованные преступные формирования, терроризм, личность террориста.

Annotation. The article deals with the criminological characteristics of participants and organizers of organized criminal groups who commit terrorist crimes and considers their criminal activities. The experience in dealing with transnational organized criminal groups in Azerbaijan is analyzed and summarized. Suggestions are made to optimize the fight against organized crime, terrorism, and extremism.

Key words: formation of organized crime, terrorism, the identity of terrorists.

В криминологической науке большое значение имеют изучение личности преступника во взаимодействии с социальной средой, а также выявление закономерностей преступного поведения, его детерминации и причинности. Мы разделяем мнение С. В. Познышева в том, что «главные силы, определяющие поведение человека, сводятся к двум категориям: во-первых, к многообразным действиям на личность среды, прежде всего среды социальной, и, во-вторых, к тем более или менее устойчивым и постоянным психическим комплексам, которые составляют элементы духовной личности человека, служащие призмой, через которую преломляются действия среды. Отдельные факты поведения являются сложными продуктами сочетания разнообразных действий фактов того и другого рода» (Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника, в частности. М., 2007). Таким образом, под личностью преступника следует понимать «совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» (Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004).

По мнению А. И. Долговой, в условиях обострения разнообразных социальных противоречий важную роль играют субъекты, имеющие ценностные ориентации и установки, не просто расходящиеся с теми, которые отражены в законах, но откровенно лично- и клановоэгоистические, че-

ловеконенавистнические, допускающие принесение любых жертв в угоду личному и клановому эгоизму (Долгова А. И. Криминология. 3-е изд. М., 2005. Гл. 20. С. 595–619). Тип криминогенной личности, по ее мнению, отличаются следующие компоненты в их совокупности: формирование личности в условиях интенсивного противоправного и аморального поведения окружающих (семья, товарищи), наличие системы аморальных проступков и разного рода правонарушений, которые повторяются и после принятия установленных мер воздействия, отчуждение от ценностно-нормативной системы общества и государства, отсутствие чувства социальной ответственности, привыкание к негативной оценке своего поведения, выработка социально-психологических механизмов самозащиты, активность в ситуации совершения преступления (Опыт криминологического изучения личности преступника / под ред. А. И. Долговой. М., 1981. С. 30–31, 141–142).

В последнее время особую актуальность приобрело изучение личности организованного преступника, совершающего преступления террористического характера. Так, ряд ученых, рассматривая проблемы личности террориста, придают особое значение и этноконфессиональным признакам. Ю. М. Антонян, анализируя причины этнорелигиозного терроризма в России и во всем мировом сообществе, отмечал, что «национальный характер связан с... бессознательным коллективным опытом, порожден им, он может быть назван духом или душой нации (этноса)» (Антонян Ю. М. Причины этнорелигиозного терроризма. Криминология: вчера, сегодня, завтра //

Тр. Санкт-Петербург. криминолог. клуба. 2006. № 1(10). С. 237–246). По его мнению, современный этнорелигиозный терроризм представляет собой главным образом столкновение двух мировых культур – «ислама и христианства, Востока и Запада, столкновение двух ментальностей, двух мировосприятий, двух отношений к жизни и труду...» (Там же).

Аналогичной позиции придерживается и Э. Р. Алиев: «Сама национальная культура, включая сюда национальную психологию, может стимулировать террористическое поведение, особенно если эта культура агрессивная, если она опирается на свою необычность, избранность и исключительность, несомненное превосходство над другими народами; если в национальном характере ярко выражены нарциссические черты, если данный характер отличает ригидность, т. е. застреванность, когда давние обиды вновь и вновь актуализируются, несмотря на заметно изменившиеся внешние условия. У народа с такими чертами террористическое убийство всегда будет расцениваться как героизм» (Алиев Э. Р. Мотивация терроризма и «личность террориста» в контексте проблем современной криминологической науки // Рос. криминолог. взгляд. 2009. № 2. С. 344).

В ходе проведенного нами криминологического исследования личности организаторов и участников террористических формирований было установлено, что значительная часть террористов ранее совершали преступления, являлись членами организованных преступных формирований, так как организованная преступность первична по отношению к терроризму и экстремизму, продуцирует их (Белоцерковский С. Д. Роль органов прокуратуры в борьбе с организованной преступностью в России // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 63).

Общую структуру террористической организации в своих трудах М. В. Виноградов определил следующим образом: первую, высшую, ступень в иерархии террористической деятельности занимают идеологи терроризма; вторую – руководители террористических операций; третью – специалисты (в основном с хорошим знанием психологии и технологий), осуществляющие вербовку, специальную обработку и психологическую подготовку исполнителей терактов; четвертую – непосредственные исполнители терактов; пятую – разнообразные посредники террористической деятельности, в состав которых входят люди, обеспечивающие террористам проезд, транспорт, документы, оружие и взрывчатые вещества, продукты питания (Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова. М., 2005. С. 237).

На территории Российской Федерации террористические организации создаются в основном идеологами терроризма, военными или политическими лидерами террористов. Это лица исключительно мужского пола, вменяемые, четко мотивированные. Их террористическая деятельность прежде всего связана с корыстными устремлениями, использованием терроризма в первую очередь в качестве криминального предпринимательства (Фочкин О., Азман Ю., Мохель Р. Слоеный пирог с тротиловой начинкой. Почему чеченские бандиты так вольготно чувствуют себя в столице? // Московский комсомолец. 2002. 1 нояб. С. 72) и извлечения сверхдоходов, получения власти и политического влияния. Организаторы и лидеры террористических организаций по своему национальному составу – это преимущественно представители Северо-Кавказского региона, среди них есть иностранные граждане, выступающие одновременно в роли идеологов и руководителей конкретных банд. Именно через данную категорию лиц осуществляется финансирование терроризма на Северном Кавказе и в целом по России. Изучением материалов уголовных дел и приговоров по субъектам Южного и Северо-Кавказского федеральных округов установлено, что организаторы террористической деятельности, в том числе иностранные граждане, к сожалению, крайне редко привлекаются к уголовной ответственности.

Более подробно рассмотрим факты совершения террористических преступлений террористами-смертниками, специально подготавливаемыми инструкторами-профессионалами, владеющими приемами психопрограммирования. В основном объектом подобного воздействия оказываются молодые девушки («невесты аллаха») и женщины средних лет («черные вдовы»). Их подготовка носит еще более индивидуализированный характер (Сундиев И. Ю., Серый Ф. Г. Мотивация преступного поведения террористических и экстремистских организаций, истоки формирования таких организаций // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия). М., 2004. С. 77–87). Исполнителями террористических актов становятся также глубоко верующие мужчины среднего возраста, совершившие религиозные или бытовые преступления и осужденные шариатскими судами к смертной казни, лица, страдающие смертельными заболеваниями, а также несовершеннолетние и малолетние дети.

Проведенное нами анкетирование лиц, осужденных за совершение преступлений указанной категории, показало, что участникам организованных преступных формирований, осуществляющим террористическую деятельность, свойственны готовность к насилию, решительность в

действиях, преданность интересам преступной группировки, враждебность к иным лицам, отсутствие каких-либо сомнений в правильности своего поведения и колебаний при совершении преступлений. Данные черты характеризуют личность участников и организаторов террористических организаций как особо опасных преступников, определяют специфику работы правоохранительных органов при проведении контртеррористических операций, вызывают необходимость решительных и стремительных действий.

Поскольку подавляющее количество преступлений террористического характера зарегистрировано в Чеченской Республике, проанализируем криминологически значимые характеристики выявленных лиц, совершивших преступления по ст. 205 УК РФ в 2000–2007 гг.: возраст (табл. 1), образование (табл. 2), социальное положение (табл. 3).

Таблица 1

Возраст	Год		
	2006	2007	2008
До 25 лет	4	5	20
От 25 до 29 лет	407	421	248
От 30 до 49 лет	26	23	24

Таблица 2

Образование	Год			
	2004	2005	2006	2007
Среднее	18	20	12	2
Среднее специальное	0	1	3	0
Высшее	0	3	1	0

Таблица 3

Социальное положение	Год			
	2004	2005	2006	2007
Без постоянного источника дохода	21	23	14	3
Учащиеся, студенты	1	1	0	0
Служащие, рабочие	0	0	4	0

За указанный период времени выявлено всего лиц: до 25 лет – 77 человек, от 25 до 29 лет – 56, от 30 до 49 лет – 38. Имеют среднее образование 134 человека, среднее специальное – 11 и высшее – 8.

Таким образом, лицами, совершившими данные преступления, являются молодые люди в возрасте до 25 лет (77 человек) и 25–29 лет (56 лиц), имеющие среднее образование, однако у них нет постоянного источника дохода.

Аналогичные характеристики выявлены у организаторов и участников незаконных воору-

женных формирований (ст. 208 УК РФ относится к преступлениям террористического характера). В исследовании было выявлено таких лиц: в 2006 г. – 456, 2007 г. – 506, 2008 г. – 228.

Возрастные показатели выявленных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Возраст	Год		
	2006	2007	2008
До 25 лет	163	129	122
От 25 до 40 лет	237	254	197
От 40 лет и старше	56	76	48

Образовательные показатели выявленных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, отражены в табл. 5.

Таблица 5

Образование	Год		
	2006	2007	2008
Начальное	4	5	20
Среднее	407	421	248
Среднее специальное	26	23	24
Высшее	19	10	9

Социальные показатели выявленных лиц, совершивших рассматриваемое преступление, представлены в табл. 6.

Таблица 6

Социальное положение	Год		
	2006	2007	2008
Без постоянного источника дохода	183	250	141
Учащиеся, студенты	5	8	4
Служащие, рабочие	11	4	19

Определенную помощь в реагировании на преступления террористического характера, совершенные организованными преступными формированиями, может оказать использование положительного опыта по пресечению деятельности членов организованных преступных формирований международного характера. Так, в ходе расследования одного из уголовных дел о террористической деятельности было установлено, что гражданин Исламского Государства Афганистан Н., будучи зарегистрированным в качестве беженца в г. Мешхед Исламской Республики Иран и проживая в г. Баку, организовав преступную группу в составе граждан Российской Федерации И., Б., Т., А., а также гражданина Великобритании Э., гражданина Королевства Йор-

дании Х. и других лиц, по предварительному сговору с последними о совершении взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинении значительного имущественного ущерба либо наступлении иных тяжких последствий, а также об умышленном приобретении денежных средств и другого имущества, в целях совершения терроризма, приступил к выполнению подготовительных действий к совершению данных преступлений. Н., пройдя курсы подготовки по изготовлению и использованию взрывных устройств с дистанционным управлением, взяв с собой изготовленные им указанные взрывные устройства, предварительно договорившись с С. Б. и А. Б. об их использовании для совершения террористических актов на территории РФ, в целях реализации своего преступного умысла сообщил о своих намерениях Э., с которым познакомился в г. Баку в июле 2003 г., после этого переписывался с ним посредством электронной почты, а затем пригласил его в Азербайджан. Н. с целью приобретения имущества, взрывных устройств, необходимых для совершения запланированных терактов, и осуществления материального обеспечения членов террористической группы на территории Азербайджана получал от А. Х. неоднократно в разное время и различными путями денежные средства в крупных размерах, часть из которых израсходовал по назначению; 8 тыс. долл. США отправил путем экстренного перевода посредством компании «Вестерн Юнион» при посредничестве И. с банковского счета Б. в Великобританию Э. для того, чтобы последний приехал в г. Баку; 25 тыс. долл. США передал Б. с помощью И., отправив последнего 23 июня 2004 г. в Китайскую Народную Республику для приобретения 100 раций марки «Кенвуд», а 80 тыс. долл. США хранил на квартире, арендуемой для Э. и И. Приехав 30 сентября 2004 г. в г. Баку и проживая на квартире, арендованной для него И., Э. обучал участников преступной группы изготовлению взрывных устройств с использованием различных электронных схем и оборудования, а также изготовил совместно с ними взрывное устройство, способное приводить в действие детонатор посредством электроволн, поступающих с трех аудиоманитофонов, рации и мобильного телефона, которое они намеревались использовать для совершения террористических актов на территории России. Однако 14 октября 2004 г. сотрудниками Антитеррористического центра МНБ Азербайджанской Республики преступники были задержаны на месте преступления и по независящим от их воли обстоятельствам не смогли довести свой преступный умысел до конца. По данному факту Главным следственным управлением МНБ Азербайджанской Республики

15 октября 2004 г. было возбуждено уголовное дело по факту приготовления к совершению террористического акта и проведено предварительное расследование. За совершение указанных преступлений Н., И., Б. и другие лица привлечены к уголовной ответственности по ст. 28, 214.2.1, 28, 214.2.3, 28, 214-1, 229.2.1, 228.1, 318.2, 320.1 и другим статьям УК Азербайджанской Республики, в отношении них избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а 2 апреля 2005 г. уголовное дело в отношении них было передано в суд. У преступной террористической группы были обнаружены и изъяты в большом количестве военное снаряжение и специальные комплекты для связи, оружие и боеприпасы, схемы взрывных устройств с дистанционным управлением и др. Приговором Суда Азербайджанской Республики по делам о тяжких преступлениях перечисленные лица были осуждены к различным срокам наказания.

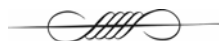
Приведем другой пример осуждения за террористическую деятельность в Азербайджанской Республике. В конце июля 2008 г. в Суде по тяжким преступлениям в г. Баку завершился процесс в отношении вооруженной группы во главе с гражданином Саудовской Аравии Б. по прозвищу Абу-Джафар (URL: <http://www.centrasia.ru/>), осужденным к 14 годам лишения свободы. В ночь со 2 на 3 ноября Абу-Джафар и еще семь человек были задержаны. При этом Абу-Джафар, воспользовавшись людской толпой, оказал сопротивление и грозил оперативной группе гранатой с выдернутой чекой. Однако был обезврежен войсками отряда спецназначения МНБ «Гартал» без человеческих потерь. В эту же ночь в результате спецоперации были задержаны еще ряд лиц. В ходе обыска у подозреваемых членов группы было найдено и изъято: автомат Калашникова, три пистолета, один обрез охотничьего ружья, 12 ручных гранат, 11 запалов, более 1 кг тротильных шашек, 4 метра бикфордова шнура, 91 детонатор, 4 магазина, более 600 патронов к автомату и др. По факту Следственным управлением МНБ возбуждено уголовное дело по ст. 279.2 «Создание незаконных вооруженных формирований», 315.2 «Оказание вооруженного сопротивления представителям властей» и 228.2.1 «Незаконное приобретение оружия и боеприпасов группой лиц» УК Азербайджанской Республики. Абу-Джафар прошел подготовку в Панкийском ущелье и в течение 6 лет участвовал в боевых действиях в Чечне и Дагестане. Летом 2007 г. он прибыл в Азербайджан и создал там незаконную вооруженную группу из числа лиц, ранее воевавших в Чечне, и радикальных ваххабитов (URL: <http://kavkaz-uzel.ru/>).

Члены международных организованных преступных формирований террористического ха-

рактера, будучи вытесненными из Чечни и России, продолжая террористическую деятельность, перемещаются по Европе, перевозят оружие и взрывчатые вещества, иногда становясь жертвами преступлений. Ясно просматривается стремление транснациональных организованных преступных формирований разрушить российскую государственность, овладеть национальными богатствами страны, особенно нефтью и газом, в связи с чем продолжается финансирование терроризма и экстремизма, проникновение на территорию России эмиссаров и наемников международных террористических организаций. В связи с этим председатель Правительства РФ В. В. Путин, поддерживая инициативу Президента РФ Д. А. Медведева о заключении нового договора об общеевропейской безопасности, уточнил: «...мы также предлагаем в новом документе закрепить базовые параметры контроля над воо-

ружениями, отразить фундаментальный принцип разумной достаточности и прописать механизмы взаимодействия в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, наркотрафиком, терроризмом и организованной преступностью...» (Шестые Мартеновские чтения: современные проблемы международного гуманитарного права : междунар. науч.-практ. конф. // Право и безопасность. 2008. № 4(29). С. 10).

Таким образом, интеграция основных компонентов борьбы с проявлениями организованной преступности – теории, политики, законодательства и правоприменительной практики, – а также совместные, скоординированные действия правоохранительных органов и спецслужб заинтересованных государств могут положить конец активной террористической деятельности членов международных организованных преступных формирований.

Библиографический список

1. Алиев, Э. Р. Мотивация терроризма и «личность террориста» в контексте проблем современной криминологической науки / Э. Р. Алиев // Рос. криминолог. взгляд. – 2009. – № 2.
2. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – СПб., 2004.
3. Белоцерковский, С. Д. Роль органов прокуратуры в борьбе с организованной преступностью в России / С. Д. Белоцерковский // Экстремизм и другие криминальные явления. – М., 2008.
4. Познышев, С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника, в частности / С. В. Познышев. – М., 2007.
5. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Aliev, E. R. The Motivation of Terrorism and «Terrorist Personality» in the Context of the Problems of Modern Criminological Science / E. R. Aliev // Rus. Criminological View. – 2009. – № 2.
2. Antonian, Yu. M. Identity of the Perpetrator / Yu. M. Antonian, V. N. Kudriavtsev, V. E. Eminov. – SPb., 2004.
3. Belotserkovsky, S. D. The Role of Prosecutors in the Fight Against Organized Crime in Russia / S. D. Belotserkovsky // Extremism and Other Criminal Phenomenon. – M., 2008.
4. Poznyshchev, S. V. Forensic Psychology: Criminal Types. On the Psychological Study of a Personality as a Subject of Behaviour in General and on Exploring the Identity of the Offender in Particular / S. V. Poznyshchev. – M., 2007.
5. Terrorism. Legal Aspects. Statutory and International Legislation with Commentaries, Research Papers / ed. by I. L. Trunov. – M., 2005.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБОРОТА КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ

An Institutional Characteristic of the Circulation of Counterfeit Production

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с регулированием вопросов интеллектуальной собственности в области защиты средств индивидуализации. Автор к числу институциональных относит факторы коллизии правовых институтов (гражданского, уголовного, административного) в вопросе борьбы с контрафактной продукцией.

Ключевые слова: контрафактная продукция, интеллектуальная собственность, нелегальный бизнес.

Annotation. In the article legal problems connected with the regulation of intellectual property in the field of protecting means of individualization are considered. Among institutional factors the author considers factors of collision of legal institutes (civil, criminal, administrative) in the question of struggling against counterfeit production.

Key words: counterfeit production, intellectual property, illegal business.

На рынке потребительских товаров в связи с неправомерным использованием фирменных торговых марок присутствует иерархия участников, которые стратифицируются по степени соблюдения интеллектуальных прав собственности. Можно говорить о трех таких категориях:

- компании-правообладатели фирменных торговых марок;
- компании, занимающиеся параллельным ввозом и дистрибуцией фирменных торговых марок;
- компании, занимающиеся изготовлением и дистрибуцией контрафактной продукции (подделками фирменных торговых марок).

Анализируя институциональную динамику и формальные правила в области интеллектуальной собственности, которая представляет собой развитый корпус нормативных правовых актов, мы пришли к выводу, что отечественное законодательство в основном соответствует международному праву.

Так, в Конституции РФ содержится ряд положений о том, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Россия участвует в 18 международных соглашениях, регламентирующих вопросы интеллектуальной собственности, в том числе в наиболее значимых соглашениях в области защиты средств индивидуализации: Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (URL: <http://www.relcom.ru/Archive/1997/ComputerLaw/InterLaws/Paris2.htm>); Мадридском соглашении о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. (URL: http://www.wipo.int/madrid/ru/legal_texts/madrid_agreement.html).

Следующий уровень российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности представлен ч. 4 ГК РФ; КоАП РФ; УК РФ и УПК РФ.

Завершают иерархию правового регулирования в этой области следующие законы: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (Рос. газ. 2006. 27 июля), Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Там же. 1996. 16 янв.), Федеральный закон от 22 июня 1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» (Там же. 1998. 25 июня), Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (Там же. 1995. 29 нояб.) и т. д.

Таким образом, за нарушение прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации предусмотрены гражданская, административная и уголовная формы ответственности.

В настоящее время гражданским законодательством предусмотрена возможность ликвидировать регистрацию юридического лица или приостановить деятельность индивидуального предпринимателя, а также конфисковать используемое оборудование и материалы.

Необходимо обратить особое внимание на введение такой меры, как ответственность за неоднократное или грубое нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в виде конфискации у нарушителя оборудования, прочих устройств и материалов, использованных или предназначенных для совершения нарушения. При этом повторность действия вменяется не только совершаемым во времени, но и приобретению одновременно нескольких партий товаров с нанесенными разными торговыми знаками.

Если в утратившем силу Законе РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товара» (Рос. газ. 1992. 17 окт.)

имелось положение, согласно которому правообладатель был вправе требовать вместо возмещения ущерба компенсацию в размере от 1000 до 50000 минимальных размеров оплаты труда, установленных федеральным законом, то в соответствии с ч. 4 ст. 1515 ГК РФ правообладатель имеет право требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

- в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

- в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Введение фиксированной компенсации объясняется тем, что оценка нанесенного ущерба в результате неправомерного использования товарного знака весьма сложна, и подобное упрощение правил призвано способствовать их более эффективной реализации.

В УК РФ нарушения в сфере интеллектуальной собственности, в частности нарушение исключительного права на товарный знак, переведено в разряд тяжелых. Так, ч. 3 ст. 180 (Незаконное использование товарного знака) УК РФ предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

В ст. 14.10 КоАП РФ говорится о наложении административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до сорока тысяч рублей с конфискацией предметов за незаконное воспроизведение товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара.

Вместе с тем в новом законодательстве сохраняются определенные несоответствия и пробелы. Иногда они компенсируются на уровне практики правоприменения, но происходит это далеко не всегда.

Поскольку в правовых нормах Российской Федерации нет точного разделения таких понятий, как «контрафакт», «товар-имитатор» и «фальсификат», наказание и ответственность за данные действия не дифференцированы. Отсутствует дифференциация наказания и в отношении нарушителей – импортеров, продавцов и производителей.

«Использование “сходного до степени смешения торгового знака” (имитация) касается только сходных групп товаров. Если товарный знак помещен на другую линейку товаров, то формально такое действие может не считаться

правонарушением. Хотя на практике в отдельных случаях задержание таких товаров все же производится» (Защита прав на интеллектуальную собственность: Авторские и смежные права, изобретательские и патентные права, права на средства индивидуализации : практ. руководство / отв. ред. В. А. Михно. М., 2004. С. 271).

Введенные в ГК РФ новые объекты охраны (право на коммерческое обозначение, право на фирменное наименование и т. д.) не регулируются уголовным и административным законодательствами. Они регулируют только право на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара.

В связи с введением в действие ч. 4 ГК РФ необходимо высказать ряд субъективных опасений.

Во-первых, эти меры несвоевременны. Поскольку в большинстве развитых стран интеллектуальная собственность регламентируется специальным законодательством, такие изменения могут поставить под угрозу вступление России в ВТО (URL: <http://finam.fm/news/34633/>).

Во-вторых, ГК РФ, в отличие от специальных правовых норм, менее мобилен, в связи с этим оперативно отреагировать на происходящие трансформации рынка на законодательном уровне в будущем будет значительно сложнее.

В-третьих, изменение законодательных норм может разрушить сложившуюся за последние годы практику правоприменения, и тогда потребуются значительный отрезок времени, чтобы, например, суды освоили их в полной мере.

Вызывает также сомнение и целесообразность перевода споров, касающихся исключительных прав и средств индивидуализации, в ведение гражданского права: «...в сфере гражданско-правовых отношений устанавливается ущерб, нанесенный правообладателю, а ущерб для потребителя и государства не учитывается» (Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М., 2001). При этом, если правообладатели не захотят нести соответствующих издержек, особенно при нарушении прав в отдаленных регионах, то многие нарушители могут остаться безнаказанными.

«Существует мнение о том, что снижение роли уголовных (т. е. персонифицированных) наказаний снижает риски для нелегального бизнеса» (Латов Ю. В. Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики). М., 2001. С. 31). Если для представителей законного бизнеса, совершивших недобросовестные действия, часто бывает достаточно предупреждений и штрафов, то теневые дельцы всегда могут возобновить свою деятельность, открыв другое предприятие.

Ряд вопросов вызывает ввод института коммерческого обозначения. Поскольку оно не подлежит государственной регистрации или внесе-

нию в учредительные документы, не понятно, как устанавливать первое право возникновения. Кроме того, поскольку для индивидуализации одного предприятия не могут одновременно использоваться два и более коммерческих обозначения, то в числе нарушителей могут оказаться, например, мультиформатные розничные сети, так как переход к мультиформатному развитию является с 2005 г. одной из выраженных тенденций для большинства ведущих ритейлеров.

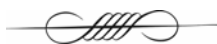
Сомнительным считается введение «солидарной ответственности» лицензиата и лицензиара в отношении контроля качества товара ввиду того, что правообладатель (например, иностранная фирма) не всегда в состоянии отвечать за качество товара, производимого в России.

Сохраняется неопределенность с измерением ущерба для правообладателя. Единая методика его измерения отсутствует. Чаще всего используется показатель стоимости задержанного товара. Однако не всегда ясно, следует ли считать ущерб по цене аналоговой оригинальной продукции правообладателя или по цене контрафакта (разница составляет от десятка до сотен процентов). Многие правоприменители ставят вопрос о необходимости оценки ущерба, нанесенного бренду, имиджу компании. И хотя это весьма субъективный измеритель, который очень трудно объективно замерить, решать данный вопрос необходимо, поскольку расчеты по стоимости контрафакта часто не позволяют доказать крупный размер ущерба (от 250 тысяч рублей), и выявленные правонарушители отделываются «легким испугом».

Реализация нормы о конфискации оборудования у нарушителя также наталкивается на серьезные препятствия. Большинство нарушителей не оформляют оборудование в собственность, а берут его в аренду (часто аренда является фиктивной и организуется через схемы с подставными фирмами).

Принципиальным для правообладателей является вопрос и об отсутствии законодательной нормы об уничтожении контрафактной продукции. На это правообладатели постоянно обращают внимание. Однако с правовой точки зрения ситуация не изменилась. А поскольку уничтожение продукции не значит в числе обязательных санкций, то суды в своих решениях склонны ограничиваться мерой конфискации контрафакта и не предписывают его уничтожение. По нашим оценкам, например, в Кабардино-Балкарской Республике это происходит более чем в половине рассмотренных судами дел. Отсутствуют также четко прописанные регламенты такого уничтожения. Не сложилась практика приглашения правообладателей, которые получают лишь письменные подтверждения о факте уничтожения (хотя формально их участие не запрещено). Нет четкого определения, за чей счет должна уничтожаться контрафактная продукция (издержки могут быть достаточно велики, например, в случае с высокотехнологичной продукцией, галантерейными изделиями), и что должно происходить, если правообладатель не в состоянии или отказывается нести эти издержки. В результате сохраняются опасения повторного ввода задержанного контрафакта на потребительский рынок, хотя, по общему признанию, подобные риски уменьшаются.

В связи с этим мы предлагаем ввести норму в УК РФ и КоАП РФ о конфискации оборудования, на котором производилась поддельная продукция, в независимости от его формы собственности, что могло бы существенно усилить экономический вес применяемых санкций. Однако введение данной нормы может вызвать множество возражений, поскольку вопрос об ответственности фактического собственника в данном случае не является однозначным.

Библиографический список

1. *Грибанов, В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – 2-е изд., стер. – М., 2001.
2. *Дауров, А. Х.* Нейтрализация контрафактной продукции / А. Х. Дауров // Рос. предпринимательство. – 2009. – № 7, т. 2.
3. *Латов, Ю. В.* Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики) / Ю. В. Латов. – М., 2001.

Bibliographical list

1. *Gribanov, V. P.* Realization and Protection of Civil Rights / V. P. Gribanov. – 2nd ed., ster. – M., 2001.
2. *Daurov, A. H.* Neutralization of Counterfeit Production / A. H. Daurov // The Rus. Business. – 2009. – № 7, vol. 2.
3. *Latov, Yu. V.* Out-of-law Economy (Sketches on the Theory and History of the Shadow Economy / Yu. V. Latov. – M., 2001.

Н. С. Ерохина,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

N. S. Erokhina,
*applicant of the faculty for training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

**ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

The Legal Mechanism of Prevention of the Self-destructive Behaviour: Problems of Improvement

Аннотация. В статье обосновывается необходимость нормативного закрепления гражданско-правовой ответственности гражданина за умышленно причиненный вред своему здоровью как правового механизма предупреждения аутодеструктивного поведения.

Ключевые слова: аутодеструктивное поведение, вред, юридическая ответственность, последствия поведения.

Annotation. The article is devoted to explaining the necessity of normative strengthening of the civil-law responsibility of the citizen for deliberately caused damage to the health, as a legal mechanism of the prevention of autodestructive behaviour.

Key words: autodestructive behaviour, damage, the legal responsibility, consequences of the behaviour.

Вечная жизнь достигается
не умерщвлением и уничтожением
страстной напряженности жизни,
а ее духовным преображением.

Н. Бердяев

Аутодеструктивное поведение представляет собой преднамеренные поступки при неосознавании возможности смертельного исхода как их результата, следствием которых является физическое или психическое разрушение личности. Такое поведение рассматривается в качестве одной из форм аутоагрессивного (саморазрушительного) поведения, отклоняющегося от медицинских и психологических норм, угрожающего целостности и развитию самой личности (Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 43).

Аутоагрессивное поведение проявляется либо в осознанных действиях, направленных на добровольное лишение себя жизни (суицидальное поведение – самоубийство), либо в различных формах умышленных самоповреждений (самоотравлений), целью которых не является добровольное лишение себя жизни, но ведущее к физическому (психическому) саморазрушению личности (аутодеструктивное поведение) (Руженков В. А., Лобов Г. А., Боева А. В. К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение». URL: <http://www.visma.ac.ru/publ/vest/032/article/index4.htm>).

В современной научной литературе данные понятия были подробно разработаны Эрихом Фроммом. По его мнению, к саморазрушительному поведению в ряде случаев относят: злоупотребление алкоголем, наркотическими, сильнодействующими медикаментозными средствами, курение; намеренную рабочую перегрузку; упорное нежелание лечиться; рискованный стиль вождения транспортных средств, особенно управление в нетрезвом состоянии; увлечение

некоторыми видами спорта, когда оно связано с неоправданным риском (альпинизм, парашютный спорт и т. п.) (Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 56).

В более широком смысле аутодеструктивными действиями можно считать некоторые религиозные обряды, сопровождающиеся самоистязанием и жертвами; жестокую эксплуатацию; войны, т. е. все те осознанные ауто- и гетероагрессивные действия, которые приводят к индивидуальному или массовому саморазрушению и самоуничтожению людей.

В современной России особое беспокойство вызывает аутодеструктивное поведение подростков. Именно в подростковом возрасте человек открывает для себя много нового, что требует от него большой внутренней эмоциональной работы, перепроверяет заново все представления о том, как на самом деле устроен мир и человеческая жизнь. В связи с этим игры со смертью для данной возрастной группы – это естественное стремление пройти по краю, почувствовать этот край, понять, где он находится. Так, жаждущие скорости увлекаются уличными гонками на машинах. Это так называемые стритрейсеры. Кому-то нравится бейсджампинг – бытовой парашютизм. Иногда подобные эксперименты заканчиваются трагедией. Такое аутодеструктивное поведение, причиняющее ущерб как самой личности, так и обществу, еще именуют отклоняющимся (девиантным) поведением в силу того, что оно не соответствует принятым в обществе социальным и этическим нормам (отклоняется от них).

Отклоняющееся поведение личности регулируется различными социальными институтами. Общественное воздействие может носить характер правовых санкций, медицинского вмешательства, педагогического влияния, социальной поддержки и психологической помощи. В силу сложного характера поведенческих нарушений

их предупреждение и преодоление требуют хорошо организованной системы социальных воздействий (Змановская Е. В. Указ. соч. С. 43).

В разных странах и в разное время использовались различные меры общественного воздействия на лиц с социальными отклонениями как в виде религиозно-нравственных, так и правовых санкций. Так, в дореволюционной России в случае самоубийства запрещался традиционный церковный обряд погребения, усопшего не хоронили на общем кладбище, а его волеизъявление (завещание) признавалось юридически недействительным. В случае же неудачной попытки самоубийства суициденту грозило тюремное заключение.

Однако с течением времени отношение общества к саморазрушающему поведению его членов менялось и сейчас стало более либеральным.

Средством противодействия аутодеструктивному поведению в первую очередь может являться совершенствование механизма правового регулирования. Как справедливо полагал выдающийся русский правовед И. А. Покровский, «право есть некоторая социально-психологическая сила, регулирующая поведение людей; оно есть некоторое состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному поведению» (Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 60). Именно эта, как подметил указанный автор, социально-психологическая сила, но только правильно выстроенная и примененная, способна противостоять нравственному саморазрушению человека.

В данном смысле право, с одной стороны, вряд ли может остановить человека, «играющего со своей жизнью» и, в лучшем случае, причиняющего вред только своему здоровью. Но, с другой стороны, превентивная функция права может оказать тормозящее воздействие на людей, склонных к аутодеструктивным действиям. При таком поведении вред человеку причиняется в результате его собственных действий, которые нельзя рассматривать как противоправные, а само поведение – правонарушением. Тем не менее при аутодеструктивных действиях наносится вред здоровью человека, а последнее является одной из высших ценностей, поэтому такое поведение нельзя считать нормальным и оно не может быть безразлично обществу. Кроме того, для восстановления здоровья пострадавшего в результате аутодеструктивного поведения общество несет дополнительные затраты, связанные с оказанием медицинской помощи или спасением человека (например, спасение рыбаков, оказавшихся на льдине, альпинистов, избравших опасный маршрут, и т. п.). Парадоксальность ситуа-

ции состоит в том, что общество не может оставить таких пострадавших без помощи, оно обязано спасти людей. Однако эта помощь является следствием безрассудного, в определенной степени безнравственного поведения самого пострадавшего.

Не случайно в этике существует положение о том, что «правовая ответственность за поведение по сути дела является определенным, закрепляемым в законоустановлениях минимумом моральной ответственности. Этот минимум заключается в себе те моральные требования к поведению, которые, безусловно, запрещают его общественно опасные формы» (Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. М., 1985. С. 114). Таким образом, установление юридической ответственности за последствия аутодеструктивного поведения как поведения, противоречащего моральным нормам, – мера необходимая и целесообразная.

Однако ни российскими, ни зарубежными учеными до сих пор не выработано общее представление, а тем более единое определение юридической ответственности (Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник. М., 2007. Т. 2: Право. С. 636). В отечественной правовой литературе общепринятым считается положение, согласно которому юридическая ответственность возникает лишь за совершенное правонарушение, выступающее в качестве юридического факта, предусмотренного гипотезами правоохранительных норм (Самошенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 197). «Юридическая ответственность, – отмечал С. Н. Братусь, – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно» (Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 4). В свою очередь, Н. С. Малеин пишет: «Юридическую ответственность можно охарактеризовать тремя признаками: государственным принуждением, осуждением правонарушения и его субъекта, наличием неблагоприятных последствий для правонарушителя» (Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 134). В случае же аутодеструктивного поведения неблагоприятные последствия связаны только с дополнительными имущественными потерями, поэтому ответственность должна носить гражданско-правовой характер.

Так, по мнению О. С. Иоффе, под гражданско-правовой ответственностью следует понимать санкцию за правонарушение, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложение новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей (Иоффе О. С.

Избр. тр. СПб., 2004. Т. 3: Обязательственное право. С. 141). А В. П. Грибанов гражданско-правовую ответственность связывает с «возложением невыгодных имущественных последствий на нарушителя гражданских прав и обязанностей, которое связано с применением санкций» (Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 311). Следовательно, в качестве гражданско-правовой санкции при причинении гражданином вреда своему здоровью в результате аутодеструктивного поведения будет выступать обязанность такого лица возместить повлекшие затраты на его лечение. При отсутствии же вреда здоровью возмещению подлежат расходы по проведению спасательной операции.

В настоящее время в нашей стране таким образом решается вопрос только в отношении лиц, осужденных к лишению свободы и совершивших аутодеструктивные действия. На них, в частности, возлагается обязанность по возмещению ущерба, причиненного исправительному учреждению, дополнительных затрат, связанных с его побегом, а также его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью (ч. 2 ст. 102 УИК РФ).

Что же касается остальных граждан Российской Федерации, то любой пострадавший, в том числе и в результате совершения аутодеструктивных действий, имеет право на бесплатную медико-социальную помощь в учреждениях системы здравоохранения в соответствии со ст. 20, 37.1, 39 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов Совет Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1318). Однако данное положение ни в коей мере нельзя рассматривать как запрет на возможность возмещения затрат лечебному учреждению со стороны лиц, причинивших умышленный вред своему здоровью.

На такую возможность неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в своем постановлении от 24 мая 2007 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части двенадцатой статьи 230 Трудового кодекса Российской Федерации по запросу Ухтинского городского суда Республики Коми» при рассмотрении вопросов, связанных с возмещением вреда в рамках обязательного социального страхования, он отметил следующее: «Осуществляя правовое регулирование отношений по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, федеральный законодатель вправе предусматривать определенные отрицательные последствия для лиц, претендующих на обеспечение по страхованию, при наличии умысла на причинение вреда

собственному здоровью или жизни, – статья 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающая равенство прав и свобод человека и гражданина, не может рассматриваться как гарантирующая равенство прав лица, пострадавшего в результате обстоятельств, признаваемых Федеральным законом "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" страховым случаем, и лица, пострадавшего в результате не признаваемого страховым случаем умышленного причинения вреда своему здоровью» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 23, ст. 2829). Продолжая далее, Конституционный Суд Российской Федерации специально указал: «...федеральный законодатель, исходя из природы и целей данного вида страхования, вправе вводить ограничения права на обеспечение по страхованию как для самого застрахованного, так и для иных указанных в законе лиц в том случае, когда причиненный здоровью или жизни застрахованного лица вред стал следствием его умысла (курсив наш – Н. Е.), что само по себе не означает нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом и несоразмерное ограничение их прав и свобод. Однако при этом правовые нормы, которые будут положены в основу правоприменительных решений, включая судебные, должны быть точными и конкретными, с тем чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 г. № 2-П) (Там же). Таким образом, исходя из этих положений, в законодательстве должны быть установлены отрицательные последствия и для лиц, которым была оказана медицинская помощь, в том числе и за счет средств фонда медицинского страхования, при наличии умысла на причинение вреда собственному здоровью.

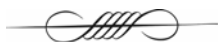
Однако ст. 67 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан предусматривает, что средства, затраченные на оказание медицинской помощи гражданам, потерпевшим от противоправных действий, возмещаются с предприятий, учреждений, организаций, ответственных за причиненный вред здоровью граждан, в пользу учреждений государственной или муниципальной системы здравоохранения, понесших расходы, либо в пользу учреждений частной системы здравоохранения, если лечение проводилось в учреждениях частной системы здравоохранения. А в ст. 28 Закона РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском

страховании граждан в РСФСР» установлено право страховой медицинской организации требовать от юридических или физических лиц, ответственных за причиненный вред здоровью гражданина, возмещения ей расходов в пределах суммы, затраченной на оказание застрахованному медицинской помощи (Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27, ст. 920). Как видим, указанные нормы не предоставляют права лечебным учреждениям и страховым медицинским организациям требовать с гражданина, умышленно причинившего вред своему здоровью, возмещения им соответствующих расходов, хотя в судебной практике уже можно встретить и иные решения.

Так, «в Ижевске людям, которые нанесли урон своему или чужому здоровью, придется платить за услуги “скорой помощи”. В столице Удмуртии возник первый в российской судебной практике прецедент. Прокуратура попросила женщину оплатить расходы “скорой помощи” в сумме почти 2 тысяч рублей. Досконально изучив программу государственных гарантий оказа-

ния гражданам России бесплатной медицинской помощи, местная прокуратура пришла к выводу, что некоторые пациенты “скорой” не вписываются в общий список. Из перечня, по мнению надзорного органа, выпадают люди, пострадавшие от чужих рук либо самоистязаний» («03» через кассу – спорная тема // Рос. газ. 2009. 4 авг.). Такой подход органов прокуратуры с учетом вышеприведенных конституционных положений представляется правильным.

Для того чтобы снять все сомнения в обоснованности взыскания средств, затраченных на лечение лица, умышленно причинившего вред своему здоровью, необходимо внести соответствующие изменения в ст. 67 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и ст. 28 Закона РФ «О медицинском страховании граждан в РСФСР». Данное нормативное положение позволит гражданам выбирать наиболее безопасный вариант своего поведения, осознавая его последствия, особенно в ситуациях, когда человек намеренно рискует своей жизнью и здоровьем.

Библиографический список

1. *Анисимов, С. Ф.* Мораль и поведение / С. Ф. Анисимов. – М., 1985.
2. *Братусь, С. Н.* Юридическая ответственность и законность. Очерк теории / С. Н. Братусь. – М., 1976.
3. *Грибанов, В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2001.
4. *Малеин, Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. – М., 1985.
5. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. – М., 1994.

Bibliographical list

1. *Anisimov, S. F.* Moral and Behaviour / S. F. Anisimov. – M., 1985.
2. *Bratus, S. N.* The Legal Responsibility and Legality. Sketch of the Theory / S. N. Bratus. – M., 1976.
3. *Gribanov, V. P.* Realization and Protection of the Civil Rights / V. P. Gribanov. – M., 2001.
4. *Malein, N. S.* Offence: Notion, Reasons, Responsibility / N. S. Malein. – M., 1985.
5. *Fromm, E.* Anatomy of the Human Destructiveness / E. Fromm. – M., 1994.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТЕХНИЧЕСКОГО СТАНДАРТА

The Concept and the Legal Nature of the Technical Standard

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам определения понятия и правовой природы технического стандарта. Автором обобщено и критически переосмыслено состояние научной разработки исследуемой проблемы с учетом современных тенденций развития российского общества и государства; установлены основные черты стандартизации в РФ; сформулировано авторское определение понятия «технический стандарт»; дана теоретико-правовая характеристика технических стандартов.

Ключевые слова: стандарт, стандартизация, технические нормы, социальные нормы, правовая природа стандарта, концепции сущности стандарта, понятие технического стандарта.

Annotation. The article is devoted to the pressing questions of the concept and the legal nature of the technical standard. The author has generalized and critically rethought the state of the scientific development of the given problem taking into account modern lines of development of the Russian society and the state. In the article the basic lines of standardization in the Russian Federation are established; the author's definition of the concept «the technical standard» is formulated; the teoretico-legal characteristic of the technical standards are given.

Key words: the standard, standardization, technical norms, social norms, the legal nature of the standard, the concept of essence of the standard, the concept of the technical standard.

В настоящее время вопросу о понятии и правовой природе технического стандарта не уделяется должного внимания. Пик интереса к данной проблеме пришелся на середину 70-х гг. XX в. во времена научно-технической революции. Как известно, в развитии любых технологий существуют инновационные циклы. Каждые 25–30 лет происходит резкий рывок и на смену старым техническим положениям приходят новые. Сегодня мы переживаем третью волну научно-технической революции (первая – индустриализация (1925–1941 гг.); вторая – научно-техническая революция (1960–1980 гг.) – переход к инновационным методам развития экономики, который начался в 2000 г. Этот переход означает развитие наукоемких технологий, увеличение промышленного производства, замену экспорта сырья на его переработку внутри страны.

В результате мирового финансового кризиса осени 2008 г. состояние промышленности резко ухудшилось. С одной стороны, бурный финансовый приток нефтегазовых долларов в начале и середине 2000-х гг. не способствовал переходу на новые уровни промышленного производства, с другой стороны, имеющийся в настоящее время технический потенциал есть результат развития страны в 70–80-е гг. прошлого века.

Переход к инновационной экономике невозможен без разработки и повсеместного внедрения, изменения технических стандартов. Ситуация с инновациями очень напоминает ту, которая сложилась в 1970-е гг., когда на самом высоком уровне была провозглашена «пятилетка эффективности и качества». Все имеющие отношение к экономике организации дружно бросились по-

вышать качество и эффективность своей продукции. И, по данным Госстандарта СССР, добились в этом огромных успехов: резко увеличилась доля промышленной продукции, удостоенной «Знака качества», т. е. соответствующей так называемому мировому уровню (Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Эконом. стратегии. 2008. № 2(60). С. 162–164).

Стандартизация является ключевым фактором для поддержания проводимой политики в отношении конкурентоспособности, инноваций, торговли на основе взаимной выгоды, защиты интересов потребителей, уменьшения барьеров в торговле, защиты окружающей среды и закупок для государственных нужд. Как было отмечено выше, бурное развитие страны в 60–80-е гг. прошлого века явилось следствием повышенного научного интереса к техническим стандартам и стандартизации. Вместе с тем, с одной стороны, стандарты распространяют инновации и способствуют передаче знаний, с другой стороны, медленные, негибкие, устаревшие или несоответствующие технические стандарты скорее служат препятствием для инноваций, чем способствуют им.

Следует отметить, что в плановом социалистическом хозяйстве стандарт выступал не только техническим нормативом качества, но и экономическим, и юридическим (Львов Д. С., Семенов В. И., Сиськов В. И. Стандарт и качество. Экономический аспект проблемы. М., 1970. С. 45). Необходимо четко разграничивать и вместе с тем столь же ясно понимать социально-органическую взаимосвязь трех основных аспектов стандартизации – технического, экономиче-

ского и правового. Сущность технического аспекта стандартизации заключена не в самой технике (орудиях и средствах производства), а в теме технических идей, концепций, методов, расчетов и иных «технических компонентов», находящихся свое выражение во взвешенном виде в определенном техническом решении. Для экономического аспекта стандартизации характерно то, что он включает в себе экономическое обоснование соответствующего технического решения, определяя рамки экономической возможности и необходимости, а следовательно, уровень эффективности и социальной оптимальности проведения стандартизации в определенной сфере общественной жизни. Что касается правового аспекта стандартизации, то он находит выражение и закрепление в различных конкретных правовых формах, используемых в процессе стандартизации, главными из которых являются технические стандарты и технические условия. Каждый технический стандарт обладает своей спецификой, отражающей особенности объекта стандартизации, имеет собственное экономическое обоснование и вместе с тем обладает единой для всех стандартов правовой формой.

В настоящее время понятие технического стандарта не раскрыто ни в нормативно-правовых актах, ни в специальной литературе. В ст. 2 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (Рос. газ. 2002. 31 дек.) дается новое определение стандарта, отличное от ранее существовавших: стандарт – это документ, в котором в целях добровольного многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг. Стандарт также может содержать правила и методы исследований (испытаний) и измерений, правила отбора образцов, требования к терминологии, символике, маркировке или этикеткам и правилам их нанесения.

Указанное определение стандарта, на наш взгляд, содержит ряд недостатков. Во-первых, оно является общим, в нем не раскрывается специфика регулирования общественных отношений, указанных в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О техническом регулировании».

Во-вторых, понятие стандарта сводится к понятию документа. Согласно ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (Рос. газ. 1994. 29 дек.) под документом понимается материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи,

изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. Сведение стандарта к документу полностью нивелирует суть стандарта. Законодатель, раскрывая его сущность, поставил во главу угла не содержание (нормы права, требования, правила) и даже не форму (нормативный акт), а форму формы, т. е. документальную форму нормативных актов, которыми утверждаются соответствующие стандарты.

В-третьих, законодатель наделяет документ нормотворческой силой. С позиции законодателя, стандарт – это документ, устанавливающий комплекс норм (правил, требований). Однако никакой документ не обладает и не может обладать нормотворческой способностью. Нормотворчество – прерогатива соответствующих органов государственной власти, а не документов, способных быть лишь носителями информации. Справедливости ради следует отметить, что ныне действующее определение стандарта немногим отличается от определений стандарта, данных в ранее действовавших ГОСТах. Так, в ГОСТе 1.0-68 стандарт определялся как нормативно-технический документ по стандартизации, устанавливающий комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации и утвержденный компетентным органом. «Стандарт разрабатывается на основе достижений науки, техники, передового опыта и должен предусматривать решения, оптимальные для общества. Стандарт может быть разработан как на материальные предметы (продукцию, эталоны, образцы веществ и т. п.), так и на нормы, правила, требования к объектам организационно-методического и общетехнического характера» (ГОСТ 1.0-68. Государственная система стандартизации. Основные положения. М., 1975. С. 8–9).

ГОСТ 1.0-85 определял стандарт как нормативно-технический документ, устанавливающий требования к группам однородной продукции, а в необходимых случаях – к конкретной продукции, правила, обеспечивающие ее разработку, производство и применение, а также требования к иным объектам стандартизации, устанавливаемым Советом Министров СССР. «Стандартизация – это деятельность, заключающаяся в нахождении решений для повторяющихся задач в сфере науки, техники и экономики, направленная на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области» (ГОСТ 1.0-85. Государственная система стандартизации. Основные положения. М., 1986. С. 3, 5).

Таким образом, в настоящее время назрела потребность пересмотреть понятие стандарта, содержащееся в Федеральном законе «О техническом регулировании», в части указания на спе-

цифику стандарта (технический стандарт) и изъятия из определения понятия слово «документ». Однако окончательно сформулировать определение технического стандарта невозможно без раскрытия его сущности.

Кроме того, не менее важным является определение правовой природы технического стандарта. Данная проблема тесно связана с более широкой проблемой соотношения и взаимодействия норм технических и социальных.

В литературе, посвященной исследованию этого вопроса, были высказаны различные, порой прямо противоположные, взгляды. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые считают, что технические нормы одновременно являются социальными (Емельянова М. Б. Качество, стандартизация и право. Рига, 1977. С. 10 ; Полежаий П. Т., Шелестов В. С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1960. № 10. С. 13–21). Любое правило, в том числе «чисто техническое», если в его соблюдении заинтересовано общество, становится социальным и закрепляется в определенном порядке. Как справедливо отметила М. Б. Емельянова, «для юридической науки и правовой практики технические нормы могут иметь значение только как разновидность норм социальных. При этом технические нормы, обладающие определенной спецификой, не теряют ее от признания их социальными, соотносясь как вид и род» (Емельянова М. Б. Указ. соч. С. 22).

Проблема определения сущности стандарта также является дискуссионной, она давно привлекает к себе внимание ученых. В частности, О. А. Красавчиков выделяет четыре важнейшие концепции сущности стандарта (Красавчиков О. А. Государственный стандарт – система правовых норм // Сов. государство и право. 1977. № 5. С. 73–76).

Первая из них – «результативная концепция» – обязана своим появлением определению стандарта, которое сформулировала Международная организация по стандартизации (ИСО). Согласно данному определению стандарт есть результат конкретной работы по стандартизации, принятый компетентной организацией. Этот результат может быть в виде: 1) документа, содержащего ряд требований (норм), подлежащих выполнению; 2) основной единицы или физической константы (например, ампер, абсолютная шкала температур – шкала Кельвина); 3) какого-либо предмета для физического сравнения, например, метр (Основы стандартизации и контроля качества / под ред. В. В. Ткаченко. 2-е изд. М., 1973. С. 20–21). Идея о том, что стандарт – это результат конкретной работы по стандартизации, была воспринята

преимущественно в технической литературе (Баудиш Ш., Градек В., Штясный И. Стандартизация – средство повышения эффективности народного хозяйства. М., 1970. С. 12). Отстаивая приведенное выше определение стандарта, В. В. Кузьмин пишет: «Наиболее распространенной ошибкой является понимание под стандартом только нормативного документа... В Советском Союзе принята несколько расширенная формулировка термина “стандарт”, отражающая специфику стандартизации в нашей стране: “Стандарт есть результат конкретной работы по стандартизации, выполненной на основе достижений науки, техники, практического опыта и принятой (утвержденной) компетентной организацией”» (Основы стандартизации и контроля качества. С. 21).

Вторая – «документальная концепция» – первоначально также возникла в технической литературе, в какой-то мере отразилась в правоведении и, наконец (что самое существенное), получила официальное признание в ГОСТе 1.0-68 (в редакции 1975 г.). Как было отмечено выше, в качестве одной из ключевых в понятийном аппарате стандартологии в этом ГОСТе рассматривается категория нормативно-технического документа.

Третья концепция – «концепция нормативного акта» – является наиболее распространенной в юридической литературе. Согласно данной точке зрения, стандарт представляет собой нормативный акт с техническим (техничко-правовым, нормативно-техническим) содержанием. В этом смысле понимают сущность стандарта М. Б. Емельянова, В. М. Огрызков, Я. Е. Парций, В. И. Новоселов, Ю. Х. Калмыков, Л. И. Брославский и многие другие исследователи проблемы (Напр.: Емельянова М. Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы). М., 1971. С. 68 ; Огрызков В. М. Правовое регулирование качества продукции. М., 1973. С. 74 ; Парций Я. Е. Совершенствование законодательства в области стандартизации и измерительного дела // Правовые проблемы стандартизации, метрологии и качества продукции. М., 1972. С. 81 и др.).

Так, М. Б. Емельянова, формулируя определение стандарта, прямо указывает, что это «нормативный акт, устанавливающий оптимальный комплекс и уровень предъявляемых к продукции требований, методы и средства измерений, испытаний и контроля продукции, требований к маркировке, упаковке, транспортировке и хранению, разрабатываемый и утверждаемый компетентными органами в установленном законом порядке и обязательный для соблюдения» (Емельянова М. Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы). С. 68).

Наконец, сторонники четвертой, «нормативной», концепции (сравнительно узкий круг ис-

следователей: правоведы И. А. Халап и А. Л. Белахов; экономисты Д. С. Львов, В. И. Седов, В. И. Сиськов и некоторые другие) считают, что стандарт – это норма права (норматив, технический регламент и т. д.) (Львов Д. С., Седов В. И., Сиськов В. И. Указ. соч. С. 45 ; Халап И. А., Белахов А. Л. Правовое регулирование деятельности предприятия в области стандартизации // Сов. государство и право. 1968. № 7. С. 44 ; Шелестов В. С. Гражданско-правовые формы борьбы за качество товаров народного потребления. М., 1960. С. 13 ; Экономические основы стандартизации. М., 1975. С. 14).

Многообразие точек зрения относительно сущности стандарта определяется целым комплексом причин, среди которых, с одной стороны, различие самих подходов (технический, экономический и правовой) к уяснению сущности стандарта и, с другой стороны, недоработанность собственно правовой теории стандарта.

Основная дискуссия относительно сущности стандарта развернулась между сторонниками третьей и четвертой концепций. Причем очень часто сторонники третьей концепции (стандарт как нормативно-правовой акт) проявляли непоследовательность в отстаивании своих позиций. Так, М. Б. Емельянова, указав, что стандарт есть нормативный акт, в дальнейшем ведет рассуждение о нем как о норме права (Емельянова М. Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы). С. 68–69, 71–75 и т. д. и сл.). По мнению И. А. Халапа, «стандарт является нормативно-техническим актом, устанавливающим в отношении стандартизируемых объектов правила (нормы), разработанные, согласованные, утвержденные и изменяемые в порядке, предусмотренном государственной системой стандартизации» (Халап И. А. Правовые проблемы стандартизации в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1969. С. 6). Однако в другой работе И. А. Халап называет его (стандарт) нормой права, нормативно-техническим документом (документацией) (Халап И. А., Белахов А. Л. Указ. соч. С. 44, 47).

По мнению З. Г. Крыловой, стандарт одновременно является правовой нормой и нормативным актом (Крылова З. Г. Юридическая природа стандарта // Правовые проблемы стандартизации, метрологии и качества продукции. М., 1975. С. 133–134). Вместе с тем данная точка зрения в литературе была подвергнута обоснованной критике (Красавчиков О. А. Юридическая природа стандарта // Там же. С. 46–47). Дело в том, что стандарт не может быть одновременно нормой права и нормативным актом. Правовая норма есть первичная (неделимая) «клеточка» системы права, т. е. внутренней формы права, а нормативный акт является аналогичной

«клеточкой» системы законодательства, т. е. внешней формы права.

Рассмотренные выше точки зрения относительно сущности стандарта представляют собой важный вклад в исследование указанной проблемы, и их анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) названные концепции отражают подходы различных ученых к раскрытию содержания категории «стандарт» («результативный», «документальный», «нормативного акта»);

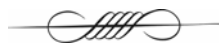
2) в этих концепциях правильно отражены те или иные признаки стандарта, однако далеко не все указанные черты характеризуют в полной мере существо исследуемого явления;

3) раскрывая сущность стандарта, необходимо исходить прежде всего из его содержания, так как оно является одним из важных моментов ее выражения.

Мы разделяем позицию тех авторов, которые считают, что стандарт есть система правовых норм. Исходя из социальной сущности стандартизации, а также конкретного содержания стандартов, О. А. Красавчиков пришел к выводу, что «стандарт – это система правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу объектов стандартизации» (Красавчиков О. А. Государственный стандарт – система правовых норм. С. 79).

Приведенное высказывание основывается на сопоставлении признаков правовых норм с общими чертами стандартов. «Такое определение стандарта, – указывает далее О. А. Красавчиков, – может вызвать упрек в том, что подобная трактовка стандарта размывает социальные границы стандартизации, снимает водораздел между техническими нормами, стандартами и “обычными нормами” права и т. д. С точки зрения стратегических целей стандартизации этот упрек, может, и обоснован. Что же касается реального положения дел, то в настоящее время он принят быть не может» (Там же). Добавим только, что, на наш взгляд, понятие стандарта следует конструировать несколько шире, чем у О. А. Красавчикова, т. е. не только как систему правовых норм, но и как систему правовых актов либо единичный акт, несущий соответствующие нормы.

Таким образом, изложенные выше обстоятельства позволяют нам сформулировать собственное определение технического стандарта: это правовое предписание, устанавливающее технические характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг.

Библиографический список

1. Емельянова, М. Б. Качество, стандартизация и право / М. Б. Емельянова. – Рига, 1977.
2. Емельянова, М. Б. Стандарты и качество продукции (правовой аспект проблемы) / М. Б. Емельянова. – М., 1971.
3. Красавчиков, О. А. Государственный стандарт – система правовых норм / О. А. Красавчиков // Сов. государство и право. – 1977. – № 5.
4. Полежай, П. Т. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе / П. Т. Полежай, В. С. Шелестов // Сов. государство и право. – 1960. – № 10.

Bibliographical list

1. Yemelyanova, M. B. Quality, Standardization and Law / M. B. Yemelyanova. – Riga, 1977.
2. Yemelyanova, M. B. Standards and Quality of Production (Legal Aspect of the Problem) / M. B. Yemelyanova. – M., 1971.
3. Krasavchikov, O. A. State Standard – a System of Legal Norms / O. A. Krasavchikov // The Soviet State and Law. – 1977. – № 5.
4. Polezhaj, P. T. On the Parity of Legal and Technical Norms in a Socialist Society / P. T. Polezhaj, V. S. Shelestov // The Soviet State and Law. – 1960. – № 10.

И. Ю. Колесник,
*соискатель факультета
подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

I. Yu. Kolesnik,
*post-graduate student of the faculty
for training scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ВИДЫ

Environmental and Legal Activities and Their Types

Аннотация. В статье обосновывается необходимость комплексного изучения эколого-правовой деятельности с использованием деятельностного подхода к познанию явлений правовой действительности. Эколого-правовая деятельность рассматривается как понятие, объединяющее все виды деятельности в экологической сфере. В структуре эколого-правовой деятельности, помимо природоохранной и природоресурсной, выделяются организационная и юрисдикционная деятельность.

Ключевые слова: эколого-правовая деятельность, деятельностный подход, субъект-объектная связь, юрисдикционная деятельность, организационная деятельность.

Annotation. In this article the necessity of complex studying of ecological-legal activity with the use of activities approach to the cognition of the phenomena of legal reality is grounded. Ecological-legal activity is examined as a concept which unites all types of activities in the sphere of ecology. Besides nature-protection and nature-resource activities in the structure of ecological-legal activity organizational jurisdiction activity are considered.

Key words: ecological-legal activity, subject-objective connection, jurisdiction activity, organizational activity.

Правовая деятельность в экологической сфере по своей структуре неоднородна. Помимо традиционно выделяемых видов деятельности – природоресурсной и природоохранной – можно говорить, например об организационной деятельности. Так, деятельность по созданию общественных объединений, фондов и иных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, не является природоохранной, поскольку направлена на *установление* субъективных прав и обязанностей сторон. В качестве же природоохранной деятельности следует рассматривать только деятельность уже созданной организации по *защите* нарушенных прав в экологической сфере. Очевидно, что и природоресурсной вышеуказанная деятельность не является. В связи с этим возникает вопрос о том, к какому виду деятельности она относится. По нашему мнению, ее можно называть организационной.

Организационные отношения уже давно выделяют в самостоятельный вид правоотношений. Дискуссионным является лишь вопрос об отношении их к элементу предмета наук, отличных от науки административного права. Так, на наличие организационных отношений в гражданском праве обратил внимание научного сообщества О. А. Красавчиков еще в 1966 г. Он доказал, что организационные отношения могут строиться на началах не только субординации, но и координации социальных связей (Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Категории науки гражданского права. Избр. тр. М., 2005. Т. 1. С. 45–56).

Выделение организационных отношений происходит на фоне укрепления отношений собственности и в связи с необходимостью введения различного рода регистрационных процедур. Другая причина обособления организационных отношений вызвана усилением правовой активности граждан и формированием институтов гражданского общества. К их числу можно отнести общественные объединения, фонды и иные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды. Возможность их создания предусмотрена п. 2 ст. 11 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Рос. газ. 2002. 12 янв.).

Таким образом, деление правовой деятельности в экологической сфере только на природоресурсную и природоохранную алогично. По справедливому замечанию Е. В. Ракитиной, «логика выделяет четыре закона деления понятия: 1) деление должно вестись только по одному основанию; 2) деление должно быть исчерпывающим; 3) члены деления должны взаимно исключать друг друга; 4) деление должно быть непрерывным. Каждый из этих законов может нарушаться исходя из соображений целесообразности правового регулирования... Вопрос о признании нарушения правил логики алогизмом, имеющим право на существование, решается каждый раз отдельно, исходя из понимания целей правового регулирования, с учетом принципов правового регулирования» (Ракитина Е. В. Алогизмы в трудовом законодательстве // Юрид. техника. 2008. № 2. С. 107).

Рассматриваемый алогизм в области экологического права, по нашему мнению, ничем не обоснован. «Деление экологических правоотношений на виды на первый взгляд может показаться чисто теоретическим упражнением, не играющим роли в реальном осуществлении прав и обязанностей. На самом деле, как и любая систематизация, классификация правоотношений позволяет не только эффективно упорядочить в законотворческом процессе общественные отношения, выявить пробелы и недостатки, *но и правильно квалифицировать ту или иную конкретную деятельность* (курсив наш – И. К.), определить линию поведения», – отмечает И. О. Краснова (Цит. по: Экологическое право : учебник / отв. ред. Г. Е. Быстров, Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М., 2008. С. 39).

При изучении юридической деятельности особого внимания заслуживает такой ее вид, как *эколого-правовая деятельность*. С ее помощью в совокупности с иными видами юридической деятельности возможно максимальное покрытие деятельности составляющей экологических правоотношений. Теоретическое обоснование содержательной стороны понятия «эколого-правовая деятельность» безусловно столкнется с необходимостью аргументации целесообразности вычленения самостоятельного вида юридической деятельности. «Каждому, кто когда-либо начинал трудный путь научной деятельности, знакомо мощное давление авторитетов, признанных точек зрения, привычных дефиниций и аргументов, нередко растворяющих попытки интеллектуального творчества в стремлении заранее вписать новые решения в уже готовую систему взглядов на предмет, представляя их этапом в развитии знания о предмете», – справедливо замечает В. П. Малахов (Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие. М., 2002. С. 59).

Определенный пессимизм может навевать и фактическое отсутствие терминов экологической группы в действующем законодательстве. Мы имеем в виду используемые в правовой доктрине понятия «экологическое законодательство», «экологическое право», «экологические нормативные правовые акты». Следует признать, что указанные категории не теряют своей познавательной ценности и способствуют познанию квинтэссенции экологического права, даже оставаясь исключительно научными, несмотря на то, что терминологические неточности юридической доктрины и правореализующей практики ведут порой к необходимости уточнения терминов. Например, М. И. Байтин, исследуя экологическую функцию как одну из основных функций государства, уточняет ее название, используя следующую оговорку: «экологическая функция, или *функция охраны природы и рационального*

использования природных ресурсов (курсив наш – И. К.)» (Байтин М. И. Функции государства // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 68).

По справедливому замечанию И. А. Игнатьевой, «требуется обоснование введения термина “экологический” в названных и им подобных правовых понятиях в дальнейшем процессе развития законодательства» (Игнатьева И. А. Кодификация экологического законодательства: современные проблемы и условия применения // Эколог. право. 2008. № 1. С. 17).

Существенным шагом на пути такого обоснования может стать комплексное изучение эколого-правовой деятельности. Ее осмысление позволит создать теоретические предпосылки для объединения отраслей законодательства об охране окружающей среды и природоресурсных в единый законодательный массив. Мы разделяем мнение И. А. Игнатьевой в том, что «нельзя отрицать взаимосвязи существующих отраслей законодательства, регулирующих отношения по охране окружающей среды и природопользованию. Такая взаимосвязь имеет юридическую основу в Конституции РФ, определившей как сферу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды в одном пункте (п. «к» ч. 1 ст. 72). Эта взаимосвязь подчеркивается каждым законодательным актом, возглавляющим соответствующую отрасль законодательства» (Там же).

Уверенность в выделении эколого-правовой деятельности возникает в связи с поднятой в науке дискуссией относительно необходимости вычленения эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности (Напр.: Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 39–48). В частности, М. М. Бринчук отмечает, что важность признания в структуре юридической ответственности эколого-правовой состоит в том, что это послужит сильным фактором как для обеспечения возмещения экологического вреда, так и для достижения более перспективной цели – создания условий благоприятного социально-экономического развития (Там же). Кроме того, имеются также другие аргументы в пользу выделения и доктринального изучения эколого-правовой деятельности. Например, в России существует Центр эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук (руководитель – доктор юридических наук, профессор М. М. Бринчук). В этой связи закономерно возникает вопрос: можно ли говорить о том, что вышеуказанный центр занимается эколого-правовой деятельностью? Ведь не назвали же его центром

природоресурсных и природоохранных исследований или же более банально – центром экологических исследований. Несомненно, формой существования такого и иных подобных центров является *деятельность*.

В структуре эколого-правовой деятельности важное место занимает *юрисдикционная деятельность*. Данный вид деятельности присущ всем органам государственного управления, в том числе тем, в компетенцию которых входит охрана окружающей среды. Данная деятельность осуществляется посредством принятия акта управления (используя терминологию административного права) или же правоприменительного акта (в терминологии теории права). «Акты государственного управления – это правовая форма выражения воле государственным органом своей управленческой компетенции, проявление действия исполнительно-распорядительного содержания; это реализация властных, организаторских, воспитательных и экономических методов управления», – отмечает А. Е. Лунев (Лунев А. Е. Природа, право, управление. М., 1981. С. 56).

Эколого-правовую деятельность логично рассматривать как понятие, объединяющее все виды деятельности в экологической сфере. В чем ценность такого подхода? Он подобно таблице Менделеева позволяет систематизировать различные виды деятельности в экологической сфере, выделять новые виды деятельности, использовать более точные формулировки. Экологическое законодательство не отличается логичностью и непротиворечивостью. Для его гармонизации необходимо соединить юридические аспекты исследования правовых явлений с неправовыми (философскими, социальными, психологическими и др.). Благоприятной почвой для подобных исследований выступает деятельностный подход. «Интегрирующим началом, образующим единство всех социальных процессов, т. е. их “сущностью”, мы можем считать **деятельность** организованных в устойчивые сообщества человеческих индивидов. Этот подход позволит нам без натяжек и противоречий обобщить все многообразие социальных явлений в нескольких фундаментальных понятиях, каждое из которых определяется как структурный элемент (часть), отношение частей, свойство субстанционально понятай деятельности», – справедливо отмечает В. С. Гржевов (Цит. по: Философия : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М., 2003. С. 474–475). В связи с этим возникает ряд вопросов: как адекватно отражать философский аспект деятельностной составляющей в экологической сфере; какой терминологический аппарат при этом применять; зачем засорять исследование частностями при наличии единого стержня?

В пользу избранного нами «широкого» понимания эколого-правовой деятельности свидетельствует тот факт, что иногда точность приносят в жертву терминологическому единству. Например, А. П. Сергеев, анализируя объект организационных отношений в гражданском праве, пришел к выводу о том, что «значительная часть организационных отношений имеет своим объектом не юридическую процедуру как таковую, а *согласованные действия* участников правоотношений. Так, акционеры, обладающие в совокупности необходимым пакетом акций, могут договориться о совместном выдвижении тех или иных инициатив при решении вопросов корпоративного управления, о взаимной поддержке кандидатов при выборе совета директоров и т. п. Заключая долгосрочный договор об организации перевозок грузов, его участники договариваются о действиях, которые должны совершаться каждым из них для бесперебойного осуществления перевозок и т. п. В принципе, в целях упрощения терминологии согласованные действия участников гражданских правоотношений могут также охватываться условным термином “юридическая процедура”» (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 1. С. 392–393).

Деятельность выступает общим условием развития всех социальных процессов. Не является исключением и правовая сфера. Деятельностный подход в ее исследовании позволяет обобщить все многообразие социально-правовых явлений, используя несколько фундаментальных понятий. Во-первых, это эколого-правовая деятельность, объединяющая все возможные виды деятельности в экологической сфере. В связи с этим можно говорить и о *систематизирующей функции* эколого-правовой деятельности. Ее изучение позволяет классифицировать знания в эколого-правовой сфере в целях исключения системных противоречий и ликвидации правовых пробелов.

Во-вторых, деятельностный подход позволяет оптимизировать элементный состав в описании явлений правовой действительности. «Так, люди, при всем разнообразии своих черт и качеств, выступают прежде всего в качестве **субъектов** деятельности, а созданные и используемые ими для достижения своих целей орудия – от примитивного рубила до компьютера – как ее **объекты**», – справедливо отмечает В. С. Гржевов (Философия. С. 475). Оперирование указанными категориями с целью познания и объяснения правовых явлений часто предпочтительнее, чем такими абстракциями, как «способы», «средства», «правила», «методы» и т. п. Так, способы использования фотоаппарата и применение компьютера уже пытаются признать частью юридической тактики (Напр.: Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о со-

отношении) // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 19). Подобные приемы описания явлений правовой действительности не имеют познавательной ценности, поскольку строятся в разрыве субъект-объектной связи. Нельзя рассматривать технические средства в отрыве от субъекта их использования. В. Н. Карташов утверждает, что юридическую технику образует совокупность различных средств, в число которых он включает множительную технику, компьютеры, оргтехнику и т. п. (Там же. С. 18). По справедливому замечанию В. С. Гржевова, «разрыв субъект-объектной связи выводит наблюдаемые процессы за пределы социальной сферы, лишая их компоненты соответствующих свойств и признаков. Так, любой созданный трудом человека предмет, выпадая по тем или иным причинам из потока человеческих действий, в тот же самый миг теряет социальное качество, в таком случае он существует просто как объект физического мира» (Философия. С. 483). Право, как известно, — явление всегда социальное, так как оно регулирует отношения в обществе между людьми и не может регулировать отношения, например, между человеком и фотоаппаратом или человеком и компьютером. Соответственно нелогично говорить о том, что совокупность каких-либо средств образует юридическую технику, если понимать

под средствами объекты материального мира, разрывая таким образом субъект-объектную связь. Не вдаваясь в подробности, становится очевидным, что предпринятая В. Н. Карташовым попытка обоснования юридической технологии как совокупности юридической техники, тактики и стратегии (Карташов В. Н. Указ. соч. С. 22) противоречит основным постулатам социальной философии.

В рамках настоящей публикации приведены лишь некоторые виды правовой деятельности, опосредующие экологические правоотношения. В заключение следует отметить, что, по нашему мнению, деятельностный подход требует более широкого применения. Разработанная в общей теории права теория юридической деятельности оказалась практически не востребованной специалистами в области экологического права. То же самое можно сказать и относительно основательно разработанной в общей теории права теории правоотношений. Между тем не следует забывать о том, что общая теория государства и права *играет важную методологическую роль* в изучении российской правовой науки.

Сам по себе деятельностный подход не способен решить эколого-правовые проблемы, но использование его инструментальных возможностей позволит посмотреть на проблему под иным углом зрения и найти новые пути в решении поставленных задач.

Библиографический список

1. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность — самостоятельный вид юридической ответственности / М. М. Бринчук // Государство и право. — 2009. — № 4.
2. Игнатьева, И. А. Кодификация экологического законодательства: современные проблемы и условия применения / И. А. Игнатьева // Эколог. право. — 2008. — № 1.
3. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права : избр. тр. В 2 т. Т. 1. — М., 2005.
4. Ракитина, Е. В. Алогизмы в трудовом законодательстве / Е. В. Ракитина // Юрид. техника. — 2008. — № 2.
5. Философия : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. — М., 2003.

Bibliographical list

1. Brinchuk, M. M. Ecological-Legal Activity — an Independent Kind of Legal Responsibility / M. M. Brinchuk // State and Right. — 2009. — № 4.
2. Ignatieva, I. A. The Codification of Ecological Legislation: Modern Problems and Terms of Application / I. A. Ignatieva // Ecological Law. — 2008. — № 1.
3. Krasavchikov, O. A. Civil Organizational-Legal Relations / O. A. Krasavchikov // Categories of the Civil Law Science. In 2 vol. Vol. 1. — M., 2005.
4. Rakitina, E. V. Inconsistencies in Labour Legislation / E. V. Rakitina // Legal Technique. — 2008. — № 2.
5. Philosophy / ed. by A. F. Zotov, V. V. Mironov, A. V. Razin. — M., 2003.

М. В. Ланцов,
*помощник начальника по строительству
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

А. Э. Устинов,
*доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат экономических наук*

В. М. Ланцов,
*заведующий кафедрой менеджмента
Казанского государственного
архитектурно-строительного университета
кандидат физико-математических наук,
доктор химических наук, профессор*

M. V. Lantsov,
*assistant for the chief lieutenant of internal service
of the Kazan Branch of VLI of the FPS of Russia*

A. E. Ustinov,
*assistant-professor of the chair of humanitarian
and social and economic disciplines
of the Kazan Branch of VLI of the FPS of Russia
Candidate of economic sciences*

V. M. Lantsov,
*chief of the chair of management
of Kazan State Architecturally-Building University
Candidate of mathematical and physical sciences,
Doctor of chemistry, professor*

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В МНОГOKВАРТИРНОМ ДОМЕ И СПОСОБ ЕЕ РЕШЕНИЯ

The Problem of Determining the Share of Right of Common Ownership in an Apartment House and the Way of Its Solution

Аннотация. Ситуация, вызывающая споры между собственниками помещений в многоквартирном доме и управляющей организацией, связана с неопределенностью (многозначностью) нормы, установленной в ч. 1 ст. 37 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Авторы полагают, что предложенный подход может быть использован при разрешении споров и для развития правовой культуры.

Ключевые слова: юридическая неопределенность, собственник помещений, методика оценки, общая собственность, правовой метод, имущество.

Annotation. The situation causing arguments between owners of lodgings and a managing organization is connected with the uncertainty of the standard fixed in part 1 article 37 of Housing code of the Russian Federation.

The authors consider that the suggested approach may be used for solving arguments and for developing legal culture.

Key words: legal uncertainty, the proprietor of premises, estimation technique, common property, legal method, property

Одна из причин, вызывающая споры между собственниками помещений в многоквартирном доме и управляющей организацией, связана с неопределенностью (многозначностью) нормы, установленной в ч. 1 ст. 37 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее: ЖК РФ). До тех пор, пока законодательно эта неопределенность не будет устранена, у судов будет возникать проблема разрешения спора между собственниками помещений или таких собственников с управляющей домом организацией по поводу оценки доли собственника помещения в праве общей долевой собственности.

В качестве примера спора по указанной правовой проблеме и характера ее разрешения приведем материалы судебного разрешения спора в Советском районном суде г. Казани (25 июня 2008 г.; 12 ноября 2008 г.) и в порядке кассационного определения Верховного Суда Республики Татарстан (7 августа 2008 г.; 11 декабря 2008 г.). В данных судебных материалах и решениях рассматривался спор между гр. Вильдановым Р. Г. и ТСЖ «Защита» по вопросу о методике расчета доли Вильданова Р. Г. в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме.

Экономическая причина спора состояла в несогласии истца с суммой начисляемых ему ком-

мунальных платежей. Считая себя потребителем коммунальных услуг, Вильданов Р. Г. обвинил ТСЖ «Защита» в неправомерном начислении коммунальных платежей и нарушении прав потребителя. Правовым основанием для спора послужило, по существу, разночтение истцом (Вильдановым Р. Г.) и ответчиком (ТСЖ «Защита») ч. 1 ст. 37 ЖК РФ.

Вильданов Р. Г. настаивал на определении своей доли в праве общей собственности путем деления площади его квартиры на сумму площадей всех квартир в доме и площади мест общего пользования (в доме). Ответчик настаивал на определении этой доли путем деления площади квартиры Вильданова Р. Г. только на площадь всех квартир в доме.

Судам первой и второй инстанции при первом и повторном рассмотрении необходимо было определить принцип расчета доли собственника помещения в праве общей собственности. Однако законодательно суды не смогли назвать данный принцип. Не рассматривая подробно аргументы судов и их соответствие действующему в России законодательству, отметим, что суд первой инстанции принял по сути позицию ответчика, а Верховный Суд Республики Татарстан в первом кассационном определении – позицию

истца. Окончательное (повторное) решение суда в первой инстанции от 12 ноября 2008 г., оставленное в силе решением Верховного Суда Республики Татарстан, гласило: «В удовлетворении иска Вильданова Рамиля Галимзяновича к Товариществу собственников жилья «Защита» о признании расчетов недействительными, обязанности начислять плату соразмерно доле в праве и заключении договора – отказать».

Суд принял по сути, но не форме, верное, хотя не обоснованное решение. Суды не сумели разобраться в существе спора и методе его решения. Более того, формулировка данного решения не соответствует нормам ч. 1, 2 ст. 39 ЖК РФ, согласно которым бремя расходов собственника помещения в многоквартирном доме должно быть соразмерным доле в праве общей собственности, а отказ в праве заключения обязательного договора является нарушением ст. 445 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Прежде чем предложить правовой метод разрешения подобных споров, используя и развивая идеологию работы (Жилищно-коммунальное хозяйство: основы теории и критический анализ российского опыта / В. М. Ланцов [и др.]. Казань, 2008), раскроем сущность юридической неопределенности, допущенной в ч. 1 ст. 37 ЖК РФ. Так, согласно данной норме доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения в этом доме пропорциональна размеру общей площади указанного помещения.

Неопределенность состоит в том, что коэффициент пропорциональности в ст. 37 ЖК РФ не определен. Поэтому невозможно вычислить долю собственника помещения в многоквартирном доме, руководствуясь только нормами названной статьи. Раскроем характер неопределенности. В арифметической (и буквенной) форме ч. 1 ст. 37 ЖК РФ характеризуется выражением (формулой расчета доли δ_i):

$$\delta_i = S_i / X, \quad (1)$$

где δ_i – доля собственника, i – квартира (жилое помещение), S_i – площадь данной квартиры, X – неизвестная величина, не установленная законодателем. Неизвестное значение X порождает неопределенность законодательной нормы. Величина $k = 1/X$ принята законодателем за коэффициент пропорциональности и поэтому в ч. 1 ст. 37 ЖК РФ доля собственника объявлена «пропорциональной размеру общей площади указанного помещения» ($\delta_i = kS_i$). Без знания величины k невозможно определить долю δ_i .

Сущность спора указанных выше лиц сводилась к следующему. Позиция ТСЖ «Защита» (ответчика) состояла в использовании формулы

$$\delta_i = S_i / \sum(S_i), \quad (2)$$

где $\sum(S_i)$ – сумма площадей всех помещений в многоквартирном доме, которые обособлены в частную, в том числе единоличную, собственность.

Позиция истца – использование формулы

$$(\delta_i)_\Sigma = S_i / [\sum(S_i) + S_{\text{ia}}], \quad (3)$$

где S_{ia} – площадь мест общего пользования в многоквартирном доме.

Поскольку $(\delta_i)_\Sigma$ существенно меньше величины δ_i , истец, используя соотношение (3), стремился уменьшить свое бремя коммунальных платежей, переложив их на других членов ТСЖ. Такова экономическая сущность правового спора.

Применяя неопределенность ч. 1 ст. 37 ЖК РФ и соответствующей ей формулы (1), указанные или другие спорщики могли бы использовать иные соотношения, например:

$$(\delta_i)_\Pi = S_i / [\sum(S_i) + S_{\text{об}} + S_{ki} + S_g], \quad (4)$$

где S_{ki} – площадь гаражей, хозяйственных построек, находящихся на участке домовладения в собственности владельца квартиры (вместе с площадью земельного участка под таким строением); S_g – общая площадь земельного участка, входящего в состав домовладения.

Перед судом, адвокатами и другими специалистами, участвовавшими в разрешении спора, возникла проблема: какую формулу расчета доли необходимо принять и как такое решение должно быть обосновано строго в соответствии с законом?

Поскольку участники указанных судебных процессов не смогли дать ответ, основанный на содержании и сущности Закона, предложим авторское решение такой актуальной и значимой задачи.

Опираясь на норму ст. 1 ЖК РФ («жилищное законодательство основывается на... необходимости беспрепятственного осуществления вытекающих из отношений, регулируемых жилищным законодательством, прав...»), авторы руководствуются следующим юридическим принципом: «неопределенность, допущенная в какой-либо статье закона, не должна использоваться для нарушения (несоблюдения) других статей закона». Таким образом, в законе необходимо найти такие обязательные (императивные) правила, установленные в других статьях, которые позволяют снять неопределенность.

В ЖК РФ существуют две группы правил, установленных в разных статьях закона, которые позволяют суду однозначно разрешить спор между указанными субъектами в пользу ТСЖ «Защита». Использование одной группы императив-

ных правил для разрешения спора можно условно назвать «экономико-правовым методом» разрешения указанного спора, а другой – «организационно-правовым и управленческим методом».

Целями настоящей публикации являются раскрытие сущности и обоснование обоих правовых методов.

В ответе на вопрос об обоснованности разрешения спора необходимо учитывать, что любая доля – это часть целого и поэтому использование понятия «доля» всегда сопровождается «условием нормировки», т. е. сумма всех долей должна быть равна единице:

$$\sum \delta_i = 1,0. \quad (5)$$

Только при соблюдении условия (5) определение δ_i будет носить корректный (определенный), а не субъективный характер.

Из приведенных выше соотношений (2–4) следует, что только (2) соответствует данному условию:

$$\sum \delta_i = \sum (S_i) / \sum (S_i) = 1,0. \quad (6)$$

При использовании соотношений (3) и (4) будет выполняться неравенство

$$\sum \delta_i < 1,0 \text{ или } \sum \delta_i \ll 1,0. \quad (7)$$

С учетом указанных обстоятельств рассмотрим другие статьи ЖК РФ:

1. «Количество голосов, которым обладает каждый собственник помещения в многоквартирном доме на общем собрании собственников помещений в данном доме, пропорционально его доле в праве общей собственности на общее имущество в данном доме» (ч. 3 ст. 48 ЖК РФ).

2. «Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме правомочно (имеет кворум), если в нем приняли участие собственники помещений в данном доме, обладающие более чем пятьюдесятью процентами голосов от общего числа голосов...» (ч. 3 ст. 45 ЖК РФ).

3. «Решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам, поставленным на голосование, принимаются... за исключениями, предусмотренными пунктами 1–3.1 части 2 статьи 44 настоящего Кодекса, большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме...» (ч. 1 ст. 46 ЖК РФ).

Согласно ст. 48 ЖК РФ величина доли в праве общей собственности на общее имущество используется для определения числа голосов, которым обладает каждый участник общей собственности при принятии общего решения. При этом величина доли выражается в процентах и округляется до целочисленной величины, оставаясь пропорциональной значению доли.

Статья 45 ЖК РФ неявно содержит условие, что все совладельцы общего имущества («общее

число голосов») обладают 100 % голосов (сумма долей равна 1,0). В ст. 45 и 48 ЖК РФ установлены условия принятия решения числом голосов более 50 % и числом голосов не менее 75 % от «общего числа голосов».

Если при разрешении указанного выше спора суд поддержит позицию истца, то это будет означать, что общее число голосов, принадлежащих всем собственникам помещений в многоквартирном доме, может быть меньше 100 %, в том числе меньше 50–70 %. В связи с этим применение императивных правил, установленных в ст. 45 и 46 ЖК РФ, окажется невозможным. Для обеспечения возможности исполнения этих правил необходимо величину доли рассчитывать таким образом, чтобы сумма всех долей была равна 1,0, а сумма голосов, принадлежащих всем собственникам помещений, составляла 100 %. Данному условию соответствует только позиция ответчика (ТСЖ «Защита»). Поэтому при разрешении указанного спора доля собственника должна определяться соотношениями (2) и (5). Такое обоснование является сущностью использования одного из указанных выше методов.

Далее рассмотрим организационно-правовой и управленческий методы. В связи с этим интерес вызывают следующие нормы ЖК РФ:

1. «Собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме.

Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника» (ч. 1, 2 ст. 39 ЖК РФ).

2. «Товарищество собственников жилья обязано... обеспечивать выполнение всеми собственниками помещений в многоквартирном доме обязанностей по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с их долями в праве общей собственности на данное имущество» (п. 5 ст. 138 ЖК РФ).

Для того чтобы собственники помещений в многоквартирном доме могли соблюдать указанные нормы ЖК РФ, необходимо величину конкретного бремени, принятую за 100 %, разделить между собственниками помещений пропорционально их доли в праве общей собственности. Только при таком условии вклад всех участников бремени полностью обеспечит денежное покрытие бремени. Данному условию (100-процентному распределению общего бремени содержания общего имущества между всеми участниками такой собственности) соответствуют выражения (2) и (5).

Если участники ТСЖ для расчета доли собственника будут использовать соотношения (3) или (4), то они распределят между собой лишь часть не-

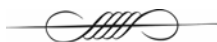
обходимого бремени, например 30–50 %. Остальная часть бремени будет непокрыта средствами участников общей собственности. В понятие «бремя» входят не только затраты на возмещение коммунальных платежей, но и бремя налога на недвижимое имущество. Согласно ч. 1 ст. 1 Налогового кодекса Российской Федерации каждый собственник должен нести бремя налога на свое имущество.

Если совладельцы многоквартирного дома станут уклоняться от бремени содержания своего имущества, то возникает проблема: кто и на какой законной основе будет нести бремя содержания их имущества (Управление многоквартирным домом: проблема выбора / В. М. Ланцов [и др.]. Казань, 2007)? В случае, если это бремя будет возложено на других собственников помещений в данном доме или на других граждан, то это приведет к нарушению не только указанных статей ЖК РФ, но и ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Во избежание нарушения норм указанных законов суд при разрешении рассматриваемого спора обязан предусматривать полное распределение бремени содержания общего имущества между

участниками общей долевой собственности. Следовательно, величина доли собственника должна определяться соотношениями (2) и (5), а не (3), (4) и (7). Коэффициент пропорциональности, предусмотренный ч. 1 ст. 37 ЖК РФ, равен $1/\sum(S_i)$.

Поскольку при обосновании методики оценки указанной доли авторы основывались на необходимости соблюдения иных норм ЖК РФ, кроме ст. 37, а также соблюдения Конституции РФ, предложенный метод можно назвать методом выявления и использования «смысла («духа») Закона». Достоинство предложенного метода заключается в том, что для принятия судебного решения при таком подходе не требуется использования подзаконных нормативных актов и спорных (субъективных) толкований закона. По нашему мнению, предложенный подход может быть использован при разрешении споров по указанной проблеме, а также лицами, обладающими правом законодательной инициативы, для обоснования внесения изменений в ЖК РФ. Предложенный метод направлен на развитие правовой культуры собственников жилья и практикующих юристов.

Библиографический список

1. Ланцов, В. М. Жилищно-коммунальное хозяйство: основы теории и критический анализ российского опыта / В. М. Ланцов, А. Н. Шаймарданова, Т. М. Киреева, А. Э. Устинов. – Казань, 2008.
2. Ланцов, В. М. Ростовщичество и лихва в кредитных договорах и в финансовой политике / В. М. Ланцов, Т. М. Киреева, А. Э. Устинов, А. Г. Фаррахов, Р. Р. Фаизова. – Казань, 2009.
3. Ланцов, В. М. Стратегии России: примеры анализа : учеб.-метод. пособие / В. М. Ланцов, А. Н. Шаймарданова. – Казань, 2005.

Bibliographical list

1. Lantsov, V. M. Housing and Communal Services: Bases of the Theory and Critical Analysis of the Russian Experience / V. M. Lantsov, A. N. Shajmardanov, T. M. Kireeva, A. E. Ustinov. – Kazan, 2008.
2. Lantsov, V. M. Usury and Extortion in the Credit Contracts and Financial Policy / V. M. Lantsov, T. M. Kireeva, A. E. Ustinov, A. G. Farrakhov, R. R. Faizova. – Kazan, 2009.
3. Lantsov, V. M. Russian Strategies: Examples of the Analysis / V. M. Lantsov, A. N. Shajmardanov. – Kazan, 2005.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Some Problems of Application of Probation

Аннотация. Статья посвящена проблемам применения условного осуждения. Поднимаются вопросы, связанные с правовой природой условного осуждения. Условное осуждение рассматривается как форма уголовной ответственности, кроме того, изучаются его сущность и содержание. Особое внимание уделяется условно осужденным к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Ключевые слова: институт, наказание, условное осуждение, уголовная ответственность, преступление, лишение свободы.

Annotation. The article is devoted to the problems of application of probation. The questions connected with the legal nature of probation are discussed. Probation is analyzed as a type of criminal liability, the concept content and essence are also studied. Special attention is paid to the probationers who committed grave and extra-grave crimes.

Key words: institute, punishment, probation, criminal liability, crime, imprisonment.

Развитие идеи освобождения осужденных от отбывания наказания привело к возникновению института условного осуждения. Для России его становление имело ряд особенностей.

Анализ норм данного института и теоретических источников показал, что в уголовном праве еще не накоплен достаточный материал для признания его самостоятельным и специальным направлением в теории. В связи с этим в оценке правовой природы условного осуждения трудно было выяснить происхождение тех или иных признаков, отличающих его от других институтов уголовного права (Мананников Д. Ю. О становлении института условного осуждения в уголовном праве // Гражданин и право. 2007. № 11).

С развитием общественных отношений институт условного осуждения постоянно трансформировался, обогащаясь достижениями правовой науки, обретая современное содержание. В его историческом развитии в России можно выделить несколько периодов: дореволюционный, советский и постсоветский. В конце XIX – начале XX в. в России в силу того, что политико-государственные институты (уголовное право, судебная система) и теория права еще не были развиты до уровня восприятия идей и практики Запада, данный институт в качестве формы борьбы с преступностью не воспринимался как вполне приемлемый для условий России. Против возможности введения условного осуждения выступали ученые – представители классической школы уголовного права: Н. Д. Сергеевский, Л. И. Петражицкий, И. Г. Щегловитов. Так, например, Н. Д. Сергеевский видел в условном осуждении лишь элемент безнаказанности и слабости государства (Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям. СПб., 1884).

А. А. Пионтковский понимал условное осуждение как систему испытания, суть которого заключалась в «отпущении осужденного на определенный период времени на испытание, вместо немедленного применения к нему причитающегося ему за совершенное преступное деяние наказания в той или иной его материальной форме, под угрозой применения к нему этого исполнением приостановленного наказания, на случай нарушения им в период испытания указанных для него условий» (Пионтковский А. А. Уголовная политика и условное осуждение. Одесса, 1895).

Представитель отечественной правовой науки С. К. Гогель, разделяя взгляды А. А. Пионтковского, полагал, что при условном осуждении при некоторых маловажных нарушениях приговор, вступивший в законную силу, вполне можно было бы не приводить в исполнение.

В 1898 г. проводился съезд русской группы союза криминалистов, на котором с научными докладами выступили А. А. Пионтковский, А. А. Жижиленко, С. К. Гогель. Основная мысль ученых сводилась к желанию и возможности введения данного института в России.

Съезд криминалистов все же признал большинством голосов желательным скорейшее введение института условного осуждения «ради справедливости, человечности и государственной пользы». Однако редакционная комиссия по составлению проекта Уголовного уложения высказалась против его введения «ввиду отсутствия еще надлежащих указаний опыта и пользы введения и ввиду теоретических и практических сомнений, им вызываемых» (Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб., 1897. Т. 1. С. 516–517).

Последующая теоретическая и законодательская работа по включению в уголовное законодательство России условного осуждения так и не получила своего логического завершения.

Однако полученный в дореволюционной России опыт по вопросу принятия института условного осуждения позволил достичь определенных положительных результатов. За это время был сформирован научно-категориальный аппарат, в котором нашли свое отражение правовые категории: «условное осуждение», «отсрочка исполнения приговора», «условное неприменение наказания» и др.

Условное осуждение в советское время вошло в уголовное законодательство в качестве правового института, который был апробирован в судебной практике.

Объективная востребованность приведения правовых основ борьбы с преступностью в соответствие с изменившимися социально-политическими условиями в стране после распада СССР проявилась, с одной стороны, в появлении условий более широкого применения мер государственного антикриминального принуждения, позволяющих не только не устранять (изолировать) правонарушителей из обычной социальной среды, а, наоборот, активно использовать ее позитивный воспитательный ресурс для поступательной и эффективной ресоциализационной работы с лицами, совершившими преступления впервые в силу определенных жизненных обстоятельств.

С другой стороны, в мерах по гуманизации уголовной политики России нашло отражение стремление государства последовательно выполнять принятые на себя обязательства в связи со вступлением в Совет Европы:

- создать действенную систему альтернатив лишения свободы, направленную на противодействие увеличению количества спецконтингента;

- последовательно устранять нарушения прав человека в механизме функционирования мест лишения свободы.

В систему мер, направленных на решение указанных проблем, включена также модернизация института применения и исполнения условного осуждения.

В связи с тем, что условное осуждение еще не в полной мере обрело законченную и достаточно совершенную правовую форму, а также эффективный механизм реализации ресоциализационного потенциала, данный институт как форма уголовной ответственности является объектом внимания отечественной уголовно-правовой науки.

Кроме того, институт условного осуждения в современных условиях стал одним из наиболее важных направлений развития альтернатив уго-

ловному наказанию, в частности лишению свободы.

Реализация принципов справедливости, гуманизма, достижения целей уголовной ответственности без реального исполнения наказания сориентировала судебную практику на широкое применение условного осуждения. В настоящее время каждый третий приговор суда, определяющий наказание в виде лишения свободы, содержит решение о неисполнении наказания в силу применения положений об условном осуждении (Подчинок О. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых условно осужденными : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 4).

Общая позитивная тенденция реализации уголовной ответственности в форме условного осуждения в целом не дает основания для того, чтобы не замечать некоторых «слабых сторон» в правовом регулировании данного института. Это касается оснований его применения, правового положения условно осужденных, осуществления контроля за условно осужденными и др.

Практика широкого применения судами условного осуждения при назначении ими наказания в виде лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие виды преступлений порождает определенные сомнения в части полной совместимости данного института и реализации принципов уголовной ответственности: справедливости и равенства граждан перед законом (ст. 4, 16 УК РФ). Отсутствие четкого правового регламента на применение условного осуждения позволяет судам не всегда обоснованно прибегать к его применению при осуждении лиц за совершение особо тяжких видов преступлений, а также при рецидиве преступлений.

По нашему мнению, применение условного осуждения затрагивает не только проблему освобождения от отбывания наказания, но и сущность и содержание уголовной ответственности, поскольку наказание в уголовном праве всегда отражало степень и меру ответственности. Освобождение от отбывания наказания за тяжкие, и в том числе особо тяжкие, виды преступлений фактически «ломают» традиционную правовую конструкцию юридической (уголовной) ответственности. Классификация преступлений по категориям основана на признании прямого соотношения тяжести преступления и степени его общественной опасности. Согласно ч. 1 ст. 15 и ч. 5 ст. 18 УК РФ повышенная степень общественной опасности деяний проявляется в тяжких и особо тяжких видах преступлений, а также в рецидиве. Как правило, за тяжкие виды преступлений законодатель устанавливает наказание в виде лишения свободы с отбыванием в исправи-

тельной колонии общего режима; за особо тяжкие преступления, при опасном и особо опасном рецидиве отбывание лишения свободы установлено в исправительной колонии строгого или особого режима, а также в тюрьме (ч. 1 и 2 ст. 57 УК РФ).

По логике ст. 68 УК РФ назначение наказания при рецидиве преступлений предусматривает применение к осужденному именно наказания. Это вытекает из требования норм ч. 2 и 3 ст. 68 УК РФ, которая определяет, что при назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений. Срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Настоящие требования норм указывают на обязательность применения при рецидиве преступлений именно наказания и достаточно строгого. Такое усиление ответственности при рецидиве преступлений отрицает возможность освобождения от его отбывания в порядке условного осуждения. Однако в ст. 73 УК РФ не предусмотрено ограничений на применение условного осуждения при рецидиве преступлений.

Законодатель допускает при любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК РФ, назначение срока наказания менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Также при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, судом может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. При этом мы полагаем, что законодатель предусматривает применение смягченной формы наказания и его реальное исполнение. В связи с этим пределы смягчения уголовной ответственности в форме наказания этим и должны быть ограничены, не допуская и далее применение положений ст. 73 УК РФ.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что до настоящего времени неясным остается вопрос о юридической природе условного осуждения.

Поэтому исследование сущности данного института, практики назначения и механизма правового регулирования его исполнения, а также оснований и процедуры отмены требует дополнительного изучения, формулирования новых теоретических оценок и положений для возможности его законодательного усовершенствования в целях повышения эффективности практики применения.

Применение условного осуждения возможно при назначении судом наказаний в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы на срок до восьми лет. При этом суд должен прийти к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ).

При исследовании судебной практики по применению условного осуждения выяснилось, что более всего данная мера применяется судами при назначении лишения свободы – 93 %, в то время как доля исправительных работ в условном осуждении составила лишь 7 % (Скобелкин С. Ю. Условное осуждение: Криминологический и уголовно-исполнительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. С. 16). Учитывая, что условное осуждение достаточно редко применяется при назначении таких видов наказаний, как ограничение по военной службе и содержание в дисциплинарной воинской части, наряду с этим другие виды наказаний, не связанные с лишением свободы, применяются достаточно редко или вообще не применяются (ограничения свободы), то становится очевидным, что условное осуждение представляет собой альтернативу преимущественно лишению свободы.

Вместе с тем условному осуждению подвергается достаточно широкий круг лиц, совершивших преступления, различающиеся по степени общественной опасности – от небольшой тяжести до особо тяжких.

За преступления небольшой и средней тяжести к осужденным в основном применяются наказания, не связанные с лишением свободы, а также лишение свободы, не связанное с изоляцией осужденных, направляемых в колонии-поселения (ч. 1 ст. 58 УК РФ). Применение условного осуждения к этой группе наказаний, существенно отличающейся по своей сущности (карательному свойству) от лишения свободы, позволяет утверждать, что это универсальная уголовно-правовая мера. Универсальность ее состоит в том, что она подводит к единому правовому «знаменателю» ответственность осужденных к указанным двум группам наказаний, уравнивает правовые последствия довольно широкого спек-

тра требований, относящихся к применению и исполнению наказаний, делает единым их правовое положение. Например, применение наказаний в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы ориентировано на достижение целей, определенных законом (ч. 1 ст. 43 УК РФ), посредством реализации свойственных им по характеру и объему кары правоограничений. Однако применение условного осуждения также преследует цель исправления осужденных – формирования правомерного поведения, но она достигается следующими специфическими средствами:

- факт освобождения от отбывания наказания в форме условного осуждения с усеченным сроком судимости пределами испытательного срока (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ);
- потенциальная возможность реального исполнения назначенного наказания;
- контроль за поведением условно осужденных;
- принуждение к выполнению ими обязанностей, возложенных на них судом;
- правовое положение условно осужденных в период испытательного срока.

По сути, это специфические средства исправления условно осужденных, которые отличают настоящий институт от процедуры исправления осужденных в период исполнения наказания. Общими для них являются приговор суда, нормативно определенный порядок исполнения, цель исправления. Однако при отбытии наказания правовым последствием выступает наличие судимости, а при истечении испытательного срока и правопослушном поведении условно осужденного имеет место погашение судимости (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

Таким образом, условное осуждение – это особая правовая форма освобождения осужденных от отбывания указанных в законе видов наказаний, предусматривающая установление специальной процедуры их исправления в течение испытательного срока и погашения судимости.

При совершении тяжкого преступления наказание предусматривается в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет (ч. 4 ст. 15 УК РФ), а после отбытия такового действует правовое последствие в виде судимости в течение 6 лет (п. «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Лицо, осужденное за тяжкое преступление к лишению свободы, в связи с его отбыванием может находиться в режиме судимости более 10 лет, а при условном осуждении, как правило, до 5 лет.

Условное осуждение действительно является «благом» для всех категорий осужденных, но ес-

ли его соотносить с соответствующим видом назначенного наказания в зависимости от степени его строгости, то и значимость для конкретного лица, а также уровень проявленного гуманизма и доверия государства конкретному лицу будет не равнозначная. Степень общественной опасности совершенного преступления выражена в наказании (ст. 15 УК РФ). Примененное судом наказание указывает на степень общественной опасности совершенного преступления. Например, назначение судом наказания в виде лишения свободы с изоляцией осужденных путем помещения в исправительную (воспитательную) колонию или тюрьму возможно за совершение тяжкого и более опасного преступления (пп. «б», «в», «г» ч. 1, ч. 2, ст. 58 УК РФ). Тем самым применение условного осуждения при назначении судом лишения свободы является, как правило, освобождением от наказания за преступления с повышенной степенью общественной опасности. Поэтому, чтобы это «благо» не выглядело односторонним только по отношению к осужденному, мы полагаем необходимым (что подтверждают также данные проведенного нами исследования), чтобы к осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений против личности либо личного имущества граждан положения ч. 1 ст. 73 УК РФ применялись при условии согласия об этом потерпевших лиц или их законных представителей. С нашей точки зрения, здесь должен реально срабатывать механизм признания вины, а также «примирения» виновного лица и потерпевшего в качестве первого и реального элемента исправления.

Естественно, при назначении лишения свободы условно суд берет на себя наивысшую ответственность, «избавляя» осужденного, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, от изоляции в исправительном учреждении и связанных с ней других достаточно значительных правоограничений, а также принудительного пребывания в опасной и деморализованной криминальной «этикой» среде, негативные стороны которой продуцирует советская система исправительных колоний. Поэтому и процедура условного освобождения от отбывания лишения свободы должна отличаться от подобного освобождения от других видов наказаний.

По своему карательному содержанию другие виды наказаний, такие как исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, будучи ориентированными в основном на применение за преступления небольшой и средней тяжести, в значительной степени при применении условного осуждения «освобождают» от менее значительного бремени право-

ограничений: осужденные не подвергаются изоляции и практически коренным образом не меняют образа жизни, профессиональной или иной деятельности, которые они вели до осуждения. Объем правоограничений в них в сравнении с исправительным принуждением в условном осуждении не столь значительный. Поэтому это не привносит определенного диссонанса в оценках лиц, потерпевших от преступления, а также в формировании общественного мнения на предмет обоснованности, справедливости и гуманизма применения условного осуждения.

Рассматривая неоднозначность блага, предоставляемого различным категориям осужденных, при применении условного осуждения, следует отметить, что правовое положение условно осужденных к различным видам наказаний также не может быть одинаковым как в части ограничений, связанных с выполнением обязанностей, возложенных судом, так и с организацией контроля за их поведением.

По-видимому, нельзя признать правильным отсутствие дифференцированного подхода к оценке противоправного поведения условно осужденных к различным видам наказаний. Необходимо уделить особое внимание условно осужденным к лишению свободы. Если соотносить исполнение лишения свободы и условного осуждения, то за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания в исправительном учреждении осужденному может быть усилена степень изоляции путем водворения в штрафной изолятор и перевода его в помещение камерного типа (одиночную камеру), единое помещение камерного типа (пп. «в», «г», «д», «е» ч. 1 ст. 115 УИК РФ) или в тюрьму (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ), тогда как в отношении условно осужденных действует относительно «мягкая» система реагирования на их противоправное поведение. Так, даже при совершении нового преступления (по неосторожности либо умышленного небольшой тяжести) судам предоставляется право не отменять условного осуждения (ч. 4 ст. 74 УК РФ) лицам, наказанным лишением свободы. По нашему мнению, применительно к осужденным к наказаниям, не связанным с лишением свободы, такой подход в оценке их ответственности вполне оправдан. Однако повторно условно осужденному к лишению свободы недопустимо смягчать ответственность, освобождая от наказания при совершении нового преступления. Мы полагаем, что в случае совершения условно осужденным к лишению свободы в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести условное осуждение должно отме-

няться судом обязательно. Такой подход логически вытекает из требования нормы ч. 1 ст. 73 УК РФ, которая ставит в зависимость применение условного осуждения от возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Факт последующего преступного поведения дает основания считать ошибочным первоначальный вывод суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Новое преступление, совершенное условно осужденным, характеризуется наличием рецидива, который должен влечь более строгое наказание (ч. 5 ст. 18 УК РФ), но законодатель прямо указал на невозможность признания рецидивом совершение нового умышленного преступления условно осужденным в период испытательного срока (п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ). Это обстоятельство не позволяет такое противоправное поведение условно осужденных отнести и к категории обстоятельств, отягчающих наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

С нашей точки зрения, если судимость условно осужденных не учитывается при определении рецидива преступлений, то факт совершения умышленного преступления в период испытательного срока должен учитываться при назначении наказания (ч. 1 ст. 86 УК РФ). Однако если условное осуждение было применено к лицам за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, за которое было назначено лишение свободы, то есть основание признать совершение в период испытательного срока нового умышленного преступления отягчающим обстоятельством наряду с рецидивом. В связи с этим, по нашему мнению, в ч. 1 ст. 63 УК РФ необходимо внести дополнение: «рецидив преступлений и совершение умышленного преступления в период испытательного срока осужденным к лишению свободы».

Поэтому, исходя из предписаний указанных норм уголовного закона, совершение условно осужденным к лишению свободы в период испытательного срока нового преступления должно влечь отмену условного осуждения и назначение наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ).

Осуждение к наказанию и условное его исполнение должно, на наш взгляд, проявиться и в усилении предупредительных оснований отмены условного осуждения.

Альтернативный характер условного осуждения по отношению к наказанию требует не только теоретического обоснования его отличий от уголовно-правовой кары, но и более полно и точно отразить данные особенности в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Библиографический список

1. Мананников, Д. Ю. О становлении института условного осуждения в уголовном праве / Д. Ю. Мананников // Гражданин и право. – 2007. – № 11.
2. Пионтковский, А. А. Уголовная политика и условное осуждение / А. А. Пионтковский. – Одесса, 1895.
3. Подчинок, О. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых условно осужденными : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005.
4. Скобелкин, С. Ю. Условное осуждение: Криминологический и уголовно-исполнительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003.
5. Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. – Спб., 1897. – Т. 1.

Bibliographical list

1. *Manannikov, D. Yu.* The Institution of Probation in the Criminal Law and Its Coming into Force / D. Yu. Manannikov // The Citizen and the Law. – 2007. – № 11.
2. *Piontkovsky, A. A.* Criminal Policy and Probation / A. A. Piontkovsky. – Odessa, 1895.
3. *Podchinok, O. V.* Criminological Characteristics and Prevention of Crimes Committed by Probationers. – Riazan, 2005.
4. *Skobelkin, S. Yu.* Probation: Criminological and Criminal-Executive Aspects. – Krasnoyarsk, 2003.
5. Criminal Code. The Drafting Committee Project and Explanation to it. – Spb., 1897. – Vol. 1.

В. В. Мамчун,
начальник факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

V. V. Mamchun,
chief of the faculty of training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor

О ПОНЯТИЯХ И ОПРЕДЕЛЕНИЯХ РИСКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

On the Concepts and Definitions of Risk in the Legal Doctrine and the Legislation

Аннотация. Статья посвящена анализу дефиниций понятия «риск» в юридической науке и законодательстве. С целью получения наиболее полного представления о многообразных проявлениях риска в праве рассматриваются различные виды определений, отражающие разные уровни научной интерпретации этого феномена.

Ключевые слова: риск, право, термин, категория, понятие, определение, смысл, юридическая конструкция, вербальная конструкция, опасность, вред, возможность, вероятность.

Annotation. The article is devoted to the analysis of definitions of the concept «risk» in jurisprudence and the legislation. Various kinds of definitions reflecting different levels of scientific interpretation of this phenomenon are considered for the purpose of getting a complete idea of the diverse displays of risk in the law.

Key words: risk, law, term, category, concept, definition, sense, juridical construction, verbal construction, danger, harm, opportunity, possibility.

В последние десятилетия в юридической науке и практике понятие риска стало весьма востребованным. С его помощью описываются юридически значимые явления как в отраслевых юридических науках, так и в теории права. Значительно выросло и количество нормативно-правовых актов, в нормах которых используется термин «риск»¹.

При этом наблюдается тенденция движения к ситуации, сложившейся в свое время в социальной рискологии, когда рост научного интереса сопровождался одновременно двумя особенностями: эффектом мультипликации рисков и эффектом бумеранга. Иными словами, происходил многократный рост контекстов употребления и числа значений риска, приводящий к еще большей запутанности относительно содержания этого понятия.

Для того чтобы исправить такое положение, одной из первоочередных задач в исследовании изучаемого явления должно быть уяснение содержания понятия «риск», что, в свою очередь, делает необходимым обзор и критику уже существующих дефиниций.

В рискологической литературе широко распространено понимание риска как некоего единого феномена, который по-разному проявляется

в различных областях общественных отношений. Так, когда говорят об экономических, политических, экологических, правовых и других аспектах риска, может складываться впечатление о существовании изначальной материальной первоосновы общественной жизни, объективно независимой от состояния общества и уровня развития научного знания, которая в определенные моменты развития общества являет себя в тех или иных ситуациях. Это провоцирует уравнивание понятия риска с понятиями общественной жизни, деятельности, поведения.

В связи с этим исследователь поневоле задается вопросом о том, существует ли некий единый социальный риск, объективирующийся в различных сферах социальной жизни, или есть самостоятельные явления, объединяемые общим термином?

По нашему мнению, ответ следует искать исходя из представления об изначальной цельности человеческого бытия, о связности разных его сфер и взаимопроникновении составляющих его отношений, что одновременно не исключает рассмотрения их как существующих относительно обособленно.

Будучи опосредованы правом, многие экономические, политические, экологические, технологические, медицинские риски приобретают юридическое значение. В свою очередь, правотворческое или правоприменительное решение, сопряженное с риском, может затрагивать различные области общественных отношений и становиться значимым с экономической, политической или иной точек зрения.

Вместе с тем нужно принимать во внимание и то, что в методологическом плане для юридической науки значим в первую очередь «собствен-

¹ По запросу «риск» по состоянию на март 2010 г. справочно-правовая система «КонсультантПлюс» выдает 2568 нормативно-правовых актов и 2252 правоприменительных решения. В связи с этим трудно согласится с С. О. Беляевым, который, справедливо указывая на отсутствие однозначного понимания сущности риска, одновременно утверждает, что риск полностью игнорируется нашим законодательством (Беляев С. О. Классификация рисков: классический и неклассический подходы // *Философия права*. 2008. №1(26). С. 126).

но юридический» аспект риска: его правовая природа, связи с правовыми явлениями – механизмом и процессом правового регулирования, элементами юридической надстройки, остальными элементами правовой системы общества. Для юридической науки и практики риск важен с точки зрения его юридической значимости. В прикладном отношении интерес представляет лишь тот риск, который выступает предметом юридической оценки либо может осложнить или, напротив, облегчить процесс достижения целей правового регулирования. Однако включенность права в социальный контекст предполагает и академический интерес к риску в силу необходимости отличия его от иных проявлений этого феномена, не обладающих юридической значимостью.

Таким образом, риск в праве следует рассматривать и как относительно самостоятельный элемент правовой реальности, и как явление более широкого порядка, включенное в соответствующий социальный контекст.

Все случаи приложения понятия «риск» к разным жизненным ситуациям объединяет то, что оно обозначает характерные проявления социальной динамики, отражает противоречивость ее протекания в разных случаях при стечении определенных обстоятельств. Сочетание это всегда конкретно, но при этом обладает определенными типическими чертами, которые позволяют отграничивать его от других сочетаний конкретных жизненных обстоятельств, отражаемых в других понятиях и выражаемых иными терминами.

Степень абстракции при рассмотрении сочетания жизненных обстоятельств образует разные уровни научной интерпретации риска. Рассматривая риск на предельно абстрактном уровне, мы воспринимаем его как философскую категорию. Абстрагирование в границах предмета той или иной области науки влечет за собой рассмотрение риска как отраслевого понятия (экономической теории, психологии, социологии, юридической науки). В рамках же юридической науки на основе обобщения конкретных ситуаций формируются отраслевые юридические категории риска, внутри которых действуют понятия, различающиеся по степени обобщенности и специализации. Отсюда следует, что в онтологическом аспекте как предмет отражения соответствующих понятий риск обладает определенным набором признаков: всеобщих (философский уровень), типологических (общетеоретический уровень юридической науки), внутритиповых (уровень отраслей юридической науки) и оригинальных (конкретные проявления риска).

Раскрыть понятие риска в праве – значит охарактеризовать его сущностные, всеобщие признаки, которые характерны для всех юридически

значимых типов, видов и конкретных проявлений в общественных отношениях, регулируемых разными отраслями права. Следовательно, анализируя риск в праве с целью формирования общеправового понятия, нужно помнить, что, с одной стороны, такое понятие соотносится с понятием «риск» философского уровня как общее и частное, а с другой – существует такое же соотношение между понятиями риска в общей теории права и в отраслевых юридических науках. Общее (общетеоретическое) понятие риска конкретизируется в понятиях риска, используемых в отраслевых юридических науках и в действующем законодательстве. Познать общее, не обратившись к конкретным определениям риска в научной литературе и нормативно-правовых актах, нельзя.

Важно обратить внимание еще на один момент. Общее понятие риска в теории права может конкретизироваться через понятия, являющиеся элементами понятийно-категориальных рядов категории общей теории права. Нужно оговориться, что вопрос о соотношении понятия риска с этими понятиями не прост. Риск не входит в число основных категорий общей теории права и далеко не всеми из них может быть соотнесен. К числу тех категорий, которые могут быть конкретизированы с его помощью, относятся: «юридическая деятельность», «правотворчество», «правоприменение», «правоинтерпретация», «реализация права», «правосознание», «правовая культура», «правонарушение», «правовое поведение».

В юридической практике риск проявляется в правотворчестве, правоприменении, толковании права, в процессе реализации субъективных прав и юридических обязанностей их непосредственными адресатами. В связи с этим принято говорить о правотворческом, интерпретационном, правоприменительном и правореализующем рисках. Они могут быть соотнесены с общим понятием риска в праве как видовые с родовым и, в свою очередь, обладают способностью к конкретизации или, выражаясь языком формальной логики, к ограничению объема понятия, поскольку закон обратного отношения между объемом и содержанием выполняется только при последовательном добавлении признаков. Например, применительно к риску в правотворчестве линия ограничения понятия «правовой риск» выражается в следующей последовательности: «риск в юридической деятельности», «правотворческий риск», «законотворческий риск», «активный правотворческий риск», «обоснованный законотворческий риск».

Вместе с тем следует иметь в виду, что риск – сложная категория, наполненная множеством смысловых оттенков и полутонов, выявляющихся в зависимости от контекста. Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о его

многофункциональности и многоаспектности, а с другой – предупреждает об опасности жестких дефиниций, которые могут исказить основную идею исследователя, помешать ее адекватной передаче другим участникам дискурса.

Риск – имя сущности. Раскрыть понятие – значит охарактеризовать существенные признаки объекта мысли – явления объективного мира. Вместе с тем нужно помнить, что сущность всегда дается не непосредственно, а только в понятиях (Петров Н. М. Начала содержательной логики // Категории. Филос. журн. 1997. № 1. С. 67). Понятие – идеальный образ; мысль, которая объективирована, выражена вовне в вербальной форме – в слове. Поскольку в вербальном мышлении логический аспект неразрывно связан с лингвистическим, то можно выделить следующую триаду взаимосвязанных аспектов мысли: понятие – слово – вещь (явление). Понятие представляет содержание мысли, слово – ее выражение, а вещь (объект) рассматривается как предмет мысли. Каждый аспект триады образует свой особый мир – мир понятий (смыслов), мир слов (языка) и мир вещей, которые, кроме взаимосвязей между собой, имеют и свои собственные законы порождения и существования (Там же).

Ключ как к миру смыслов, так и к миру вещей – в мире слов. Ведь слово – это универсальный инструмент мышления, с помощью которого на основе обобщения признаков реально существующего явления создаются понятия. Следовательно, необходимым этапом анализа риска в праве является идентификация и анализ определений риска в юридической литературе и законодательстве. Для этого полезным видится применение положений формальной логики, в частности, положений, относящихся к классификации понятий.

В формальной логике выделяются разные виды определений: аналитические, генетические, классические, явные и неявные, номинальные, операциональные, остенсивные, реальные, синтаксические, семантические, контекстуальные и др. (Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Краткий словарь по логике / под ред. Д. П. Горского. М., 1991. С. 130–136).

В юридической литературе и законодательстве встречаются различные определения риска. Явные определения имеют форму равенства, совпадения двух понятий. Общая схема таких определений: «А есть (по определению) В». А и В – два понятия, причем не имеет принципиального значения, выражается каждое из них одним словом или сочетанием слов (Ивин А. А. Логика : учеб. пособие. 2-е изд. М., 1998. С. 72). В числе явных определений риска – большинство доктринальных его дефиниций, а также легальные определения в законодательстве.

Схема «А есть (по определению) В» широко используется в исследовательской практике и правотворчестве. Так, с помощью понятия «опасность» определяет риск в гражданском праве А. А. Собчак: «Риск – это всегда опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет» (Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55). Здесь А – риск (определяемое), а В – опасность возникновения неблагоприятных последствий (определяющее). Такие определения еще называют родовидовыми. Опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера) – указание на род, а неизвестность относительно того, наступят они или нет, – видовое уточнение. Определения подобного вида весьма распространены в юридической литературе. По этой же схеме В. Ф. Попандопуло определяет и понятие коммерческого риска как возможные неблагоприятные имущественные последствия деятельности предпринимателя, не обусловленные какими-либо упущениями с его стороны (Попандопуло В. Ф. Понятие коммерческого права // Государство и право. 1993. № 8. С. 74).

Риск может определяться и одним словом. Например, с помощью слов «возможность» и «вероятность» раскрывается смысл риска при его характеристике в отдельных видах юридической деятельности. Риск в оперативно-розыскной деятельности, по мнению Д. В. Гребельского, возникает тогда, «когда реально наличествует возможность наступления неблагоприятных последствий как для самого оперативного работника, так и для других лиц» (Цит. по: Озеров И. Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 54). Подобным образом определяет криминалистический риск и Р. С. Белкин: «Возможность наступления отрицательного результата или отрицательных последствий при производстве следственных действий» (Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 192).

К использованию этой схемы прибегает и законодатель при создании нормативно-правовых актов. Так, в Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» риск определяется как «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5140).

В значительном числе случаев термин «риск» используется без объяснения его значения, что позволяет говорить о *контекстуальном определении*, представляющем собой разновидность неявного определения. Любой отрывок текста, любой контекст, в котором встречается понятие риск, является в некотором смысле его неявным определением. Контекст связывает это понятие с другими и тем самым косвенно раскрывает его содержание (Ивин А. А. Указ. соч. С. 72–73).

В юридической литературе и в законодательстве можно встретить термин «риск» в сочетании со словами «вред», «вредное воздействие», «ущерб» и пр. Так, в нормативно-правовых актах упоминается: о риске причинения ущерба (Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3813. Ст. 24.7), риске возможного вреда и риске для здоровья (О радиационной безопасности населения : федер. закон от 9 янв. 1996 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 141), риске потенциально вредного воздействия генно-инженерной деятельности на человека и окружающую среду (О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348. Ст. 7), риске катастроф техногенного характера (Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 17 дек. 1997 г. № 1300 // Рос. газ. 1997. 26 дек.), повышенном риске радиационного ущерба (Об организации военно-врачебной экспертизы в органах Федеральной службы безопасности и пограничных войсках : приказ Федеральной службы безопасности России от 29 июня 2004 г. № 457 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2004. № 35–36), риске увольнения (О занятости населения : закон Рос. Федерации от 19 апр. 1991 г. № 1032-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1915) и др.

Используются также такие выражения, как: «риск признания полученных доказательств недопустимыми» (Феоктистов А. М. Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4), «риск невозможности исполнения обязанности» (Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11, 16) и др. Из контекста видно, что слово «риск» в указанных случаях используется в качестве синонима слов «возможность», «вероятность»: «вероятность наступления опасных последствий», «возможность возникновения нежелательных событий» и пр.

Такие контекстуальные определения позволяют максимально полно использовать богатый смысловой потенциал термина «риск», однако при этом обладают некоторыми отрицательными чертами.

Одной из таких черт является то, что они всегда остаются в значительной мере неполными и неустойчивыми. О неполноте контекстуальных определений речь может идти, например, при использовании в качестве синонима риска понятия вероятности. Из определения не видно, при каких обстоятельствах вероятность является риском. Ведь риск всегда может быть ассоциирован с вероятностью, но последняя далеко не всегда есть риск (Буянов В. П., Кирсанов К. А., Михайлов Л. М. Рискология (управление рисками) : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 12). Поэтому часть существенных признаков, таких как случайность, неопределенность и др., оставаясь за границей текста определения, вычленяется логическим путем.

Неустойчивость связана с возможностью замены одного определяющего понятия на другой без ущерба для общего смысла. Понятие возможности наступления нежелательных последствий может быть заменено понятием вероятности.

Другой отрицательной чертой контекстуальных определений является то, что, позволяя отличить один вид риска от другого, они в большинстве случаев ничего не сообщают о нем по существу.

Сложность и многоаспектность явления риска в правовой жизни и многозначность обозначающего его термина приводят к тому, что большинство доктринальных определений риска – это определения аналитические, представляющие собой явное формулирование значения термина, существующего в сфере права и уже ранее определенного явно по отношению к конкретной исследовательской ситуации, или образованные контекстуально. Развитие и усложнение отношений, регулируемых правом, приводит к возникновению новых модификаций риска и обуславливает необходимость расщепления значения употребляемого термина, ранее представлявшегося единым, а также формулирование дефиниций каждого из его значений, образовавшихся в результате процесса расщепления.

Так, в результате расщепления понятия «риск» появились дефиниции правоприменительного (Мамчун В. В. Правоприменительный риск: Проблемы теории : монография / под ред. В. М. Баранова. Владимир, 2001. С. 32), право-реализующего (Дятлов Ю. А. Правореализующий риск (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 9) и интерпретационного риска (Александров Д. В. Интерпретационный риск в юридиче-

ской деятельности и правореализующей практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 7).

Нужно также различать реальные и номинальные определения. В юридической литературе большинство определений риска являются реальными, т. е. они направлены на то, чтобы дать верное описание действительности, претендуют на истинность. Необходимо, чтобы данные дефиниции раскрывали сущность рассматриваемых объектов и тем самым однозначно отграничивали их от всех других явлений.

Примером реального определения может послужить дефиниция законотворческого риска: «...это элемент политической профессиональной деятельности субъектов и участников законотворчества, представляющий собой объективно существующий набор вероятных вариантов действия норм, среди которых наряду с достижением регулятивного эффекта существуют возможности наступления негативных социально-правовых последствий как для адресатов норм, содержащихся в принимаемом законе, так и для иных субъектов» (Малышева И. В. Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 8–9).

В основном явные определения риска в законодательстве являются номинальными, и упреки в адрес законодателя о том, что то или иное определение недостаточно полно описывает риск, едва ли справедливы, поскольку необходимо не описать явление, а определить требования к пониманию риска в том или ином случае в связи с потребностями правового регулирования определенных общественных отношений. Удачное номинальное определение характеризуется как эффективное, целесообразное и т. п.

Так, номинальным определением является определение банковского риска: «Присущая банковской деятельности возможность (вероятность) понесения кредитной организацией потерь и (или) ухудшения ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними факторами (сложность организационной структуры, уровень квалификации служащих, организационные изменения, текучесть кадров и т. д.) и (или) внешними факторами (изменение экономических условий деятельности кредитной организации, применяемые технологии и т. д.)» (Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах : положение Банка России от 16 дек. 2003 г. № 242-П // Вестн. Банка России. 2004. № 7).

К числу номинальных относятся и определения кредитного риска: «Риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие не-

исполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств перед кредитной организацией в соответствии с условиями договора... и др.» (О типичных банковских рисках : письмо Банка России от 23 июня 2004 г. № 70-Т // Вестн. Банка России. 2004. № 38).

Следует обратить внимание на то, что в действующем законодательстве определения формулируются не однообразно. В нормативно-правовых актах разных отраслей права встречаются дефиниции, которые, будучи по своей природе номинальными, выглядят как реальные, поскольку построены по описательному принципу. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» социальный страховой риск – «предполагаемое событие, влекущее изменение материального и (или) социального положения работающих граждан и иных категорий граждан, в случае наступления которого осуществляется обязательное социальное страхование» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 28, ст. 3686).

Несмотря на то, что выглядит это определение как описательное, его назначение – отграничить случаи, в которых это событие приобретает юридическое значение и становится юридическим фактом. Это прослеживается и в содержащем в том же законе определении понятия страхового случая: «Событие, представляющее собой реализацию социального страхового риска, с наступлением которого возникает обязанность страховщика, а в отдельных случаях, установленных федеральными законами, – также и страхователей осуществлять обеспечение по обязательному социальному страхованию» (Там же).

Каждое из рассмотренных выше определений риска дано применительно к конкретной исследовательской или юридической ситуации и вполне удовлетворяет тем нуждам, для которых оно создавалось. Вместе с тем если мы зададимся вопросами – достаточно ли в этих определениях сведений о признаках риска для того, чтобы составить о нем полное целостное представление и охватывает ли какое-либо из них своим содержанием все возможные модификации риска в юридической практике, то вынуждены будем ответить на эти вопросы отрицательно.

Любое определение действует в довольно узком интервале. С одной стороны, он ограничен тем, что уже признано очевидным и не нуждающимся в особом разъяснении. С другой – область успешного применения определений ограничена тем, что остается пока еще недостаточно изученным и понятным, для того, чтобы дать им точную характеристику (Ивин А. А. Указ. соч. С. 84). Это, безусловно, верно. Однако применительно к

проблеме риска можно констатировать, что главным ограничением любой дефиниции является предмет ее отражения, т. е. само явление объективной действительности. Предмет отражения детерминирует и объем понятия. Последний, в свою очередь, определяет количество конкретных проявлений риска, которые можно описать с помощью той или иной дефиниции.

Крайне важно обратить внимание еще на одну грань рискованной проблематики в праве, имеющую непосредственное отношение к вопросу о понятиях и определениях риска. При обсуждении проблем, связанных с риском, в специальной литературе очень часто употребляется слово «конструкция». В сфере права этот термин может использоваться в нескольких случаях: для обозначения понятия, определения правового средства – юридической конструкции. Ряд исследователей обращает внимание на различие между понятием риска и юридической конструкцией, при этом, однако, не раскрывая мысль полностью.

Так, анализируя все случаи употребления термина «риск» в ГК РФ, И. А. Волкова выделяет четыре группы рисков, принципиально различных между собой: 1) риск предпринимательства, непосредственно связанный с осуществлением предпринимательской деятельности (ст. 2); 2) «игровой риск» (ст. 1063); 3) обязательственный риск (ст. 19, 312, 382 и др.); 4) страховой риск (гл. 48). «Во всех отмеченных случаях, – пишет она, – речь идет о разных правовых конструкциях, объединяет которые одинаковая категория “риск”» (Волкова И. А. Страхование предпринимательского риска в гражданском праве России : монография / науч. ред. А. А. Травкин. Волгоград, 2006. С. 19).

Автор полагает, что понятие «страховой риск» является базовым, поскольку именно страховому риску в наибольшей степени присущи характерные, составляющие суть риска признаки – вероятность и случайность (п. 1 ст. 944 ГК РФ) (Там же).

Мы разделяем мнение И. А. Волковой в том, что в гражданском праве используются различные юридические конструкции риска, однако при этом нужно уточнить, что объединяет их в первую очередь использование термина «риск», который в зависимости от особенностей регулируемых отношений законодатель наделяет специальным значением.

Безусловно, И. А. Волкова права в том, что все эти значения основываются на категории риска как на предельно обобщенном, абстрактном понятии. Однако понятия, которые лежат в основе разных конструкций риска, являются конкретными, специальными и соотносятся с категорией «риск» как часть и целое, общее и особенное.

Соотношение же между категорией «риска» и его юридическими конструкциями несколько иное. Говоря о понятиях, определениях и юридических конструкциях риска, нужно указать на различия между ними.

Риск-понятие – это идеальное образование. Как форма мысли оно фиксирует существенные признаки явления объективной действительности, отражение которых в идеальной форме и является его элементами.

Риск-определение – это конструкция вербальная. Как средство внешнего выражения и существования понятия она складывается из слов, единство которых позволяет объективировать его смысл и содержание.

Вербальными конструкциями являются и термины независимо от того, состоят ли они из одного слова или из нескольких. Если понятия – имена сущностей, то термины как средства обозначения соответствующих понятий – «имена имен» сущностей.

Риск как юридическая конструкция представляет собой модель урегулированных правом общественных отношений или их отдельных элементов, служащую методом познания права и общественных отношений, урегулированных им (Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 131). Эта модель отражает связи между юридическими фактами и правоотношениями, субъективными правами и юридическими обязанностями, ответственностью и другими юридическими явлениями в связи с тем или иным риском. Соответственно элементами, из которых формируются юридические конструкции, выступают правовые средства и иные элементы материи права.

Различие состоит и в назначении этих конструкций: у понятия – это фиксация сущностных признаков риска-явления, у определения – объективация понятия имени-риска, у термина – обозначение имени риска-понятия или имени риска-конструкции, а у самой же юридической конструкции – регулирование общественных отношений, связанных с риском.

Юридические конструкции риска объединяет то, что в их основе лежит специальное понятие, образованное в результате расщепления общего понятия риска. Определение же включает в себя общее понятие в качестве логической основы, которое конкретизируется посредством прибавления признаков риска, характерных для той или иной юридической конструкции.

В. М. Баранов отмечает, что каждое понятие есть акт теоретического познания, который показывает, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, отграничивает от других объектов. Выработка та-

кого определения – сложный, длящийся процесс, нередко ведущий к множественности дефиниций (Баранов В. М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы : материалы междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сент. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. С. 35). Наличие разных определений риска – явление вполне нормальное, поскольку различен и объем определяемых понятий и объемы, в них отражаемые.

В том или ином определении риска могут акцентироваться одни признаки, составляющие содержание категории, в то время как другие только подразумеваются. Предметом дефинирования может выступать риск как явление правовой действительности, как общественное отношение, на которое направлено регулятивное правовое воздействие, а может быть и юридическая конструкция. Все это обуславливает множественность определений риска.

В действующем праве используются разные конструкции риска. Так, в частном праве – гражданско-правовые конструкции: «риск убытков» (ст. 82 ГК РФ), «риск случайной гибели имущества» (ст. 211 ГК РФ); в трудовом – «нормальный хозяйственный риск» (ст. 239 Трудового кодекса РФ); уголовном и административном – «обоснованный риск» (ст. 41 УК РФ; п. 2 ст. 3 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и ст. 22 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»); военном – «оправданный служебный риск» (п. 3 ст. 3 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»), «риск ответственности» (постановление Правительства РФ от 26 мая 2005 г. № 333 «О порядке предоставления государственной гарантии Российской Федерации по обязательствам страхования военных рисков, рисков угона и других подобных рисков ответственности авиаперевозчиков перед третьими лицами»; ст. 94, 95, 109, 110, 140 и др. Таможенного кодекса РФ; ст. 13 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности»; ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и др.

Понятие риска положено также в основу таких юридических конструкций, как правовые принципы. Так, в ст. 2 ГК РФ риск – один из важнейших признаков предпринимательской деятельности и одновременно ее основопола-

гающий принцип. В числе основных принципов деятельности аварийно-спасательных служб и спасателей называется принцип оправданного риска (Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей : федер. закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 35, ст. 3503. Ст. 3).

Таким образом, анализ определений риска в юридической литературе и законодательстве приводит к мысли о том, что в юридической и научно-исследовательской деятельности используются как классические понятия-определения, так и понятия-образы, а в отдельных случаях и понятия-символы (Герасимова И. А. Понятие, понимание и культура // Теория и практика аргументации. М., 2001. С. 50).

В понятиях-образах содержание мысли ясно выражать необязательно, достаточно лишь указать (а не определить!) на смысл через контекст или путем сравнения, метафоры. В использовании понятий-образов в познании и общении акцент делается на иной когнитивной функции – создании целостного представления, сопровождающегося активизацией чувственной и эмоциональной сфер.

Понятия-символы близки по психологическому воздействию к понятиям-образам, но часто трудноопределимы или же вообще неопределимы. В них выражается духовный опыт, порой уникальный и недоступный для большинства людей. Понятия-символы также, скорее, указывают на смысл, а не определяют его. При этом они соединяют в себе множественность смыслов, одни из которых как бы видны на поверхности и доступны рациональному пониманию и интерпретации, а другие скрыты, но при особой культуре чувств доступны созерцательному постижению. Понятия-символы тесно связаны с явлениями энантиосемии, которая представляет собой разновидность антонимии или разносмысленности, когда противоположные смыслы выражаются одним и тем же словом (Герасимова И. А. Указ. соч. С. 54).

В определениях риска, как и в понятиях-образах и понятиях-символах, особенно выраженных в контекстуальной форме, часто указывается на смысл (особенно когда речь идет о понятиях, положенных в основу юридических конструкций), и этот смысл становится ясен и доступен юристу, хотя его восприятие может составить трудность для носителя обыденного правосознания.

Понятие риска роднит с понятиями-символами то, что оно включает в себе множество смыслов, которые не только разноплановы, но и противоречивы и которые, будучи результатом расщепления общего понятия, являются основой

юридических конструкций в различных отраслях законодательства. Смысл некоторых понятий риска, положенных в основу правовых принципов, например, предпринимательского риска, разворачивается в понятиях, лежащих в основе целого ряда статей нормативно-правового акта.

Смысл понятия – это то, что по определению Б. Рассела, «остается после перевода понятия с одного языка на другой» (Цит. по: Герасимова И. А. Указ. соч. С. 50). Смысл, заключенный в общем понятии риска, – это то, что несут в себе различные определения независимо от тех слов и конкретных понятий, с помощью которых этот смысл объективируется. Это та логическая основа, которая объединяет понятия дискретных онтологических феноменов в разнообразных общественных отношениях, урегулированных правом, в единое общее понятие. Он в большинстве случаев воспринимается умозрительно, трудновыразим вербально, но вместе с тем интуитивно ясен независимо от особенной конкретной ситуации риска.

Сказанное свидетельствует об удивительной пластичности понятия «риск» и еще раз подтверждает высказанную в социологической литературе мысль о его способности к многократной многовариантной операционализации, что способствует его изначальной популярности и разворачиванию в обширный массив исследовательских направлений: «Преобразование, переформулировка абстрактного понятия в конкретные термины на основе субъективных предпочтений и переход от концептуального осмысления к операциональному рассмотрению проблемы, – пишет К. А. Феофанов, – этой способностью не обладал ни один другой термин» (Феофанов К. А. Что такое социальная рискология // Соц.-гуманит. знания. 2005. № 5. С. 119).

Для сравнения автор указывает на то, что понятия «угроза», «опасность», «ущерб», «кризис» и «катастрофа» явно не столь метатеоретичны и многозначны, они имеют более низкий эвристический потенциал, труднее поддаются операционализации, не обладают должным познавательным оптимизмом, скорее, констатируя свершившиеся нежелательные ситуации, а не возможность их избежать и минимизировать.

Определение риска в законодательстве через понятия опасности, отрицательной вероятности, возможности ущерба, убытков и др. может спровоцировать вывод о том, что в праве понятию риска придается исключительно негативная смысловая окраска. Однако при более детальном рассмотрении такой вывод оказывается преждевременным. В законодательстве имеются примеры, когда в риске подразумевается наличие не только отрицательных, но и положительных сто-

рон. Так, определяя понятие предпринимательской деятельности как осуществляемой на свой страх и риск, законодатель фактически говорит: предпринимательство – это своя прибыль и свои убытки. Точно так же, как прибыль остается у предпринимателя, так и убытки он не вправе возлагать на кого-либо.

Негативной смысловой окраски лишены и алеаторные риски¹. Регулируя деятельность по организации и проведению азартных игр на территории РФ, законодатель оперирует понятиями «азартная игра», «пари», «деятельность по организации и проведению игр» (О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1), ст. 7) и др. Понятие «азартная игра» определяется в законе как «основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры, по правилам, установленным организатором азартной игры» (Там же). Необходимо отметить, что в законе отсутствует определение понятия самого алеаторного риска. Вполне очевидно, что при этом смысл, содержащийся в понятии риска, не совпадает со смыслом, заключенном в понятиях, которыми оперирует законодатель в других нормативно-правовых актах, например, в ГК РФ, где риск преимущественно понимается как вероятность отрицательных событий, последствий («риск случайной гибели» и т. п.).

Рассуждая логически, можно прийти к выводу о том, что в этом конкретном случае риск не ассоциируется с отрицательной вероятностью, вернее, ассоциируется не только с отрицательной, но также и с положительной вероятностью, ведь риск в азартных играх подразумевает не только возможность проигрыша, но и выигрыша. В противном случае понятие азартной игры теряет всякий смысл. Отсюда следует также предположение о том, что в данном контексте под риском понимается неопределенность исхода игры, связанная с наличием двух прямо противо-

¹ Трудно согласиться с мнением А. Эрделевского, утверждающего, что законодатель неодобрительно относится к организации игр и пари и участию в них (Эрделевский А. Игры и пари. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В этом случае вполне обоснован вопрос: если не одобряет, то почему разрешает? Даже если допустить, что в данном случае отношение законодателя к играм и пари – это отношение к неизбежному злу, то степень этого «зла» явно не достигает уровня общественной опасности, необходимого для установления правового запрета.

положительных вероятностей – выигрыша и проигрыша. Это, в свою очередь, позволяет говорить еще об одной логико-смысловой конструкции, которая вербально может быть выражена как «риск-неопределенность».

Весьма показательным является и отношение законодателя к риску обоснованному, социально оправданному. Для регламентации ситуаций социально полезного риска (обоснованного риска в уголовном праве, нормального производственно-хозяйственного – в трудовом, социально оправданного – в административном, оправданного служебного – в военном) он использует поощрительный метод правового регулирования. Выводя эти деяния из числа противоправных, законодатель фактически стимулирует социально полезное правоактивное поведение, поскольку без риска порой практически невозможно достичь высоких экономических результатов, он имманентен правоохранительной, правозащитной деятельности, с ним сопряжена медицинская, научно-исследовательская и иная деятельность. Тем самым он признает, что риск не только опасное явление, способное причинить вред правоохраняемым интересам личности, общества и государства, но и мощный фактор социального прогресса.

Вместе с тем возможность неблагоприятного развития ситуации в виде опасности, возможности причинения имущественного, личного или личного неимущественного вреда, неполучения прибыли, нежелательного для субъекта развития событий – это обязательное условие для существования риска. Если возможность существует только в виде положительных вероятностей, то о риске не может быть и речи, как впрочем, не может быть речи о риске в случае только отрицательных вероятностей.

Таким образом, определения рисков в праве, включая и явные (родовидовые доктринальные и легальные), и неявные (контекстуальные), заключают в себе смыслы, которые можно выразить в следующих логико-вербальных конструкциях: «риск-опасность», «риск-вред», «риск-возможность/вероятность неблагоприятных (нежелательных) последствий», «риск-отрицательная вероятность», «риск-мера», «риск-неопределенность».

Все эти конструкции являются проекцией общеправовой категории «риск» на конкретные участки правовой действительности. Возможность использования слова «риск» в этих конструкциях связана с его многозначностью, а также с тем, что категориальное значение для него не единственное. В юридической литературе и законодательстве слово «риск» употребляется по меньшей мере в трех некатегориальных значениях:

1) в узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории, что находит выражение в конструкциях: «риск-опасность», «риск-вред», «риск-возможность/вероятность неблагоприятных (нежелательных) последствий»; «риск-отрицательная вероятность»;

2) расширенном значении, когда слово «риск» используется для обозначения деятельности, элементом которой он же и является;

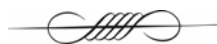
3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию, когда, например, слово «риск» употребляется в значении «мера».

Наряду с конкретными смыслами, обусловленными спецификой отражаемого в определяемом понятии явления социально-правовой действительности, эти определения несут в себе в снятом виде указание на общий смысл риска, противоположный смыслу, заключенному в понятии блага, который Я. М. Магазинер выразил как понятие возможности зла (Магазинер Я. М. Заметки о праве // Правоведение. 2000. № 5. С. 215–216).

При этом понятие риска может нести и позитивный смысл, который в определениях прямо не формулируется, но выявляется при анализе таких юридических конструкций, как обоснованный, нормальный производственно-хозяйственный, социально оправданный, оправданный служебный риск.

В разных отраслях права риск имеет различное правовое значение, для его регулирования используются разные правовые средства и методы. Рисковая проблематика в праве не исчерпывается только лишь гражданско-правовыми или уголовно-правовыми рисками. Риск возможен и в экономической, и в экологической, и в политико-правовой сферах. Ситуации риска могут возникать в правоохранительной, научно-исследовательской, образовательной деятельности, в спорте и др. Соответственно и подходы к его пониманию и оценке могут различаться. Единого шаблона понимания и регулирования риска в разных областях регулируемых правом отношений нет и быть не может, что обуславливает существование множества доктринальных определений и легальных дефиниций различных рисков.

Таким образом, правовой риск – понятие предельно широкое. Как элемент общей системы правовых категорий он представляет собой подсистему частных категорий и понятий (Балашов Л. Е. Ошибки и перекося категориального мышления. М., 2002. С. 5), которые отражают разные уровни и явления правовой действительности и само существование которых обосновывает необходимость права как упорядочивающего начала общественной жизни.

Библиографический список

1. *Балашов, Л. Е.* Ошибки и перекосы категориального мышления / Л. Е. Балашов. – М., 2002.
2. *Баранов, В. М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен / В. М. Баранов // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы : материалы междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сент. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007.
3. *Герасимова, И. А.* Понятие, понимание и культура / И. А. Герасимова // Теория и практика аргументации. – М., 2001.
4. *Магазинер, Я. М.* Заметки о праве / Я. М. Магазинер // Правоведение. – 2000. – № 5.
5. *Мамчун, В. В.* Правоприменительный риск: Проблемы теории : монография / В. В. Мамчун ; под ред. В. М. Баранова. – Владимир, 2001.

Bibliographical list

1. *Balashov, L. E.* Errors and Warps of Categorical Thinking / L. E. Balashov. – M., 2002.
2. *Baranov, V. M.* Legislative Definition as a General Law Phenomenon / V. M. Baranov // Legislative Definition: Logical-gnoseological, Political-legal and Practical Problems / ed. by V. M. Baranov, P. S. Patsurkivsky, G. O. Matiushkin. – N. Novgorod, 2007.
3. *Gerasimova, I. A.* Concept, Understanding and Culture / I. A. Gerasimova // The Theory and Practice of Argumentation. – M., 2001.
4. *Magaziner, Ya. M.* Notes on the Law / Ya. M. Magaziner // Pravovedenie. – 2000. – № 5.
5. *Mamchun, V. V.* Enforcement Risks: Problems of the Theory / V. V. Mamchun ; ed. by V. M. Baranov. – Vladimir, 2001.

В. М. Мартынюк,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Московского университета МВД России
кандидат юридических наук

V. M. Martynjuk,
the deputy chief of the chair of operatively-search activity
of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of law

ТОЧНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Accuracy of Terminology in the Legislation as a Factor in Enhancing the Effectiveness of Law Enforcement

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы использования на государственном уровне терминологии в сфере правоохранительной деятельности. На основе анализа существующих и используемых в настоящее время терминов делается вывод о том, что с позиции экспрессии они не в полной мере обеспечивают практическую деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: терминология, экспрессия, контроль над преступностью, воздействие на преступность, противодействие преступности, борьба с преступностью.

Annotation. In the article some questions of use of terminology in sphere of law-enforcement activity at the state level are considered. On the basis of the analysis of terms existing and used now the conclusion is drawn that, from an expression position, they do not provide practical activities of operative divisions of law-enforcement bodies in full measure.

Key words: terminology, expression, the control over criminality, influence on criminality, criminality counteraction, struggle against criminality.

В настоящее время в научной литературе развернулась дискуссия об используемой на государственном уровне терминологии в сфере правоохранительной деятельности.

Очень ярко и образно суть данной проблемы отражена в цитате из книги М. Веллера и А. Буrowsкого «Гражданская история безумной войны»: «...словосочетание “Учредительное собрание” – не хорошее: не простое, не краткое, не экспрессивное, не примагничивает, не вдохновляет. Что-то в нем чиновничье, учительское, конторское, крючкотворское... Тягомотина, ряд канцелярских стульев, толстые протоколы, формализм. Ударности нет! “Совнарком”, “Реввоенсовет”, “ВЦИК”. И знаете что? В неэргетичности названия всегда находит свое выражение неэргетичность тех, кто себя им называет. Вялость, ограниченность, рутинность. Не орлы, не тигры. Ох, не суждено им было победить с таким названием. ... Так что не смейтесь свысока над наивной экспрессией самоназваний: “Международный летучий смертельный матросский отряд пролетарского гнева!!!” Пока Вы смеетесь – они Вас перешлепают, как семечки лузгают...» (Веллер М., Буrowsкий А. Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 25–26).

В последнее десятилетие в рассматриваемой терминологии происходит ряд трансформаций, когда общепонятные термины меняются на высоконаучные выражения, не несущие, как было сказано ранее, экспрессии.

В частности, в научном обороте все чаще стали употребляться такие термины, как «контроль над преступностью», «воздействие на преступ-

ность», «противодействие преступности» (Бодренков В. А., Зникин В. К. К началу дискуссии о содержании криминальной безопасности общества (государства) и роли ОРД в ее обеспечении // Оперативник (сыщик). 2008. № 2(15). С. 17–23 ; Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 35–37 ; Шумилов А. Ю. Криминальная безопасность – истинная цель оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2007. № 3(12). С. 9–12).

Разноплановость данных понятий вызывает разнородность в их прочтении и понимании.

Рассмотрим данные понятия с позиции экспрессии, означающей выразительность, яркое значительное проявление чувств, настроений, мыслей (Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 1533).

Контроль над преступностью. В. Н. Кудрявцев выделяет две интерпретации этого термина.

Первая вытекает из социологического понятия «социальный контроль» и предопределяет следующие методы контроля над преступностью: «информационный – разъяснение норм права, ценностей права и морали; применение санкций – наказание преступников; социальная профилактика – устранение внешних причин и условий антисоциального поведения; медико-биологическое воздействие – преодоление внутренних причин отклонения от нормы» (Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 36).

Во втором случае, как отмечает автор, «термин “контроль” может пониматься и иначе, как невозможность одолеть преступность: ее якобы

мы в состоянии лишь “контролировать”, т. е. просто наблюдать за положением дел» (Там же. С. 36).

Добавим, что термин «контроль» предполагает некоторую включенность в криминальные процессы. Правоохранительные органы, контролируя преступность, формально становятся участниками криминальных процессов, что, в свою очередь, не может не сказаться на отношении общества к их деятельности.

Таким образом, с позиции экспрессии термин «контроль» не несет позитивного заряда, более того, он обладает отрицательным импульсом, влияющим как на отношение общества к правоохранительной деятельности, так и на отношение сотрудников к собственной службе.

Воздействие на преступность. Это чрезвычайно сложный термин, поскольку до настоящего времени он не имеет однозначного толкования.

Так, А. Ю. Шумилов определяет воздействие на преступность как форму обеспечения криминальной безопасности государства наряду с предупреждением преступных посягательств. При этом автор выделяет следующие разновидности воздействия по признаку их сложности:

- простая форма (мирное сосуществование с преступностью и контроль над ней);
- сложная форма (противодействие, борьба, полное подавление или уничтожение).

Кроме того, А. Ю. Шумилов называет универсальные способы воздействия на преступность: защиту (активную и пассивную); охрану (активную и пассивную); оборону (активную и пассивную) (Шумилов А. Ю. Указ. соч. С. 11).

В свою очередь, соглашаясь с А. Ю. Шумиловым в том, что воздействие на преступность является компонентом криминальной безопасности государства, В. А. Бодренков и В. К. Зникин структурируют данный термин по-своему.

Так, к числу простых форм воздействия на преступность авторы относят:

- мирное сосуществование с преступностью;
- контроль над преступностью;
- противодействие преступности.

Сложная форма воздействия на преступность, по мнению В. А. Бодренкова и В. К. Зникина, включает объявление войны преступности, однако оно возможно только в исключительных случаях (Бодренков В. А., Зникин В. К. Указ. соч. С. 20–21).

Таким образом, очевидно, что термин «воздействие на преступность» в структурно-содержательном плане достаточно сложен для понимания. Признавая необходимость и полезность научной дискуссии по данному вопросу, отметим: то, что приемлемо на страницах научных трактатов, не всегда может использоваться в практической деятельности.

Оперативному составу, вступающему в непосредственное соприкосновение с преступностью, не до высоконаучных рассуждений. Здесь на первый план выходит решение конкретных задач, обозначенных в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором о воздействии на преступность ничего не сказано. Кроме того, включение в толкование данного термина такой формы, как мирное сосуществование, вообще теоретически ставит под сомнение необходимость функционирования оперативных подразделений, что вовсе не способствует повышению активности их деятельности.

В целом термин «воздействие на преступность» слабо эмоционален. Его слабость заключается в том, что преступность в этом случае предстает как нечто незначительное, вовсе не требующее максимальной концентрации усилий и средств. Не случайно в качестве примеров использования слова «воздействовать» в «Толковом словаре русского языка» приведены такие выражения, как «воздействовать на ребенка лаской» и «исправиться под воздействием коллектива» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 92).

Противодействие преступности. Следует отметить, что в последнее время указанный термин наиболее часто используется законодателем, хотя его содержание достаточно четко не определено. Так, в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» противодействие определяется как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления:

- а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
- б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);
- в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма (Рос. газ. 2006. 10 марта).

Аналогичный подход законодатель использует и в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Согласно ст. 1 данного Закона противодействие коррупции – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений (Рос. газ. 2008. 30 дек.).

Таким образом, законодатель включает в понятие противодействия преступности два основных элемента:

- профилактику преступности (причем речь, очевидно, идет об общей профилактике);
- борьбу с преступностью.

Выделяемые законодателем действия по минимизации или ликвидации последствий преступных проявлений в теории оперативно-розыскной деятельности применительно к деятельности оперативных подразделений всегда рассматривались как неперенный атрибут оперативной разработки и раскрытия преступлений, в связи с чем мы их не касаемся.

Приведенная законодателем структурно-содержательная схема противодействия кажется достаточно стройной и логически непротиворечивой. Однако в ее реализации возникает много сложностей.

Так, например, после принятия Федерального закона «О противодействии терроризму» в ряд законодательных актов были внесены изменения.

В частности, в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ в редакции от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О федеральной службе безопасности» ч. 1 ст. 8 «Направления деятельности органов федеральной службы безопасности» изложена в следующей редакции:

- контрразведывательная деятельность;
 - борьба с терроризмом;
 - борьба с преступностью;
 - разведывательная деятельность;
 - пограничная деятельность;
 - обеспечение информационной безопасности
- (Рос. газ. 2006. 29 июля).

Из чего следует, что именно органы ФСБ осуществляют борьбу с терроризмом, т. е. занимаются выявлением, предупреждением, пресечением, раскрытием и расследованием террористического акта.

Вместе с тем ст. 10 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», определяющая обязанности милиции, дополнена п. 32, вменяющим в обязанность милиции участвовать в противодействии терроризму и обеспечении правового режима контртеррористической операции (Рос. газ. 2006. 29 июля).

Не принимая во внимание вопросы обеспечения правового режима контртеррористической операции, поскольку они выходят за рамки нашей статьи, остановимся на формулировке «участие в противодействии терроризму». Полагаем,

что указанная формулировка не совсем удачна и несет в себе отрицательный эмоциональный заряд, ибо не понятно, в какой части милиция участвует в противодействии: в части профилактики, либо в части борьбы, либо и там, и там. Вопрос вовсе не праздный, поскольку порождает ряд проблем, связанных с организацией деятельности:

– во-первых, деятельность без решения каких-либо конкретных задач никогда не приносит положительного эффекта;

– во-вторых, не конкретизированы такие элементы организации деятельности, как учет и оценка результатов работы. Если у органов ФСБ четко определено, чем они занимаются, то у милиции нет.

Таким образом, нечеткость формулировок влечет непонимание того, что необходимо делать, а следовательно, пассивность в решении столь актуальной задачи.

Вопросы, касающиеся употребления термина «противодействие преступности», этим не ограничиваются. Существует еще целый ряд аспектов, препятствующих эффективному его применению.

Так, термин «противодействие» (мы не будем приводить его толкование, поскольку это делалось в ранее цитируемых нами работах) непосредственно связан с термином «сопротивление», определяемым как «противодействие натиску, нападению, воздействию кого-чего-н.» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 749). Иными словами, и противодействие, и сопротивление являются реакцией на какое-либо действие, т. е. по отношению к действию первичному выступают действием вторичным.

Тем самым правоохранительные органы ставятся в зависимость от действий преступников и выступают в роли обороняющейся стороны.

Казалось бы, данная позиция имеет определенное преимущество. Как писал фон Клаузевиц: «Самая малая цель, которую мы можем себе поставить, – это чистое сопротивление, т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. ...негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным способом добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить» (Клаузевиц К. О войне. М., 1934).

Однако:

1) изнурить преступность продолжительностью борьбы не представляется возможным;

2) сопротивление (либо, как уже говорилось выше, противодействие) не решает позитивных задач.

Если первый тезис очевиден, то в подтверждение последнего тезиса можно привести отрывок из классического исследования VI в. до н. э., осуществ-

ствленного древним китайским полководцем Сунь-цзы: «Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление... Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубинах преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес» (Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. М., 2001. С. 43).

Таким образом, термин «противодействие преступности» в его энергетической (экспрессивной) составляющей является термином пассивным, оборонительным, не направляющим на активные действия, а предполагающим пассивное восприятие событий, пассивную оборону.

В результате мы приходим к неутешительному выводу: используемые в настоящее время в научной литературе и законодательстве термины в энергетическом (экспрессионном) плане либо отрицательны, либо пассивны, либо чрезвычайно слабы.

По нашему мнению, употребляемый долгие годы термин «борьба с преступностью» вовсе не так уж плох. Несмотря на многочисленную критику в его адрес со стороны научного сообщества (Напр.: Шумилов А. Ю. Указ. соч. С. 9), приемлемой альтернативы ему в настоящее время нет.

Постараемся обосновать нашу точку зрения.

Во-первых, привлечение и разработка новых терминов в сфере правоохранительной деятельности во многом были обусловлены принятием за аксиому утверждения, что побороть (подавить) преступность в целом невозможно (Бодренков В. А., Зникин В. К. Указ. соч. С. 20), следовательно, необходимо разрабатывать иные формы воздействия на нее, помимо борьбы с ней. Однако, как известно, к числу общепризнанных человеческих ценностей отнесены жизнь и здоровье человека, и **борьба** за их сохранение с концентрацией всех доступных сил и средств является непреложной задачей практически любого государства. Если придерживаться вышеприведенной логики, мы смело можем отказаться от борьбы за указанные ценности, поскольку в любом случае позитивного конечного результата мы не достигнем. Точно так же обстоит дело и с борьбой с преступностью. Уже сама по себе

борьба с преступностью, даже без надежды победить в обозримом будущем, несет огромный моральный и эмоциональный заряд.

Во-вторых, термин «борьба» («бороться») чрезвычайно экспрессивен. Поэтому не случайно в «Толковом словаре русского языка» приводится достаточно большое количество его значений, каждое из которых имеет собственную энергетику:

- нападая, стараться осилить в единоборстве;
- сражаться или состязаться, стараясь победить;
- стремиться уничтожить, искоренить;
- добиваться чего-нибудь, преодолевая препятствия, трудности;
- вступать в противоречие, в столкновение (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 57).

На наш взгляд, именно данные толкования наиболее точно отражают практику деятельности оперативных подразделений.

В-третьих, отец Павел (П. А. Флоренский) в своей работе «Магичность слова» рассматривает различные формы воздействия слова, начиная от физических, содержательных (информативных), заканчивая магическими. В частности, понятие «термин» он определяет как «слово слов», впитывающий, как линза, свет, энергетику включенных в него слов и понятий (Флоренский П. А. Магичность слова // Соч. М., 1999. Т. 3. С. 230–248).

Со своей стороны добавим, что термин обладает определенной степенью абстракции. В этой связи возникает вопрос: что мешает научному сообществу определить в качестве базового наиболее энергетически наполненный термин, включив в него все формы отношений правоохранительных органов и преступных элементов, их смысл и энергию?

Безусловно, мы понимаем всю сложность и многоаспектность указанных отношений. Не умаляя значения тех исследований, которые были проделаны ранее, считаем, что учет каждого аспекта, способствующего повышению эффективности деятельности правоохранительных органов, должен быть использован как в научной работе, так и на практике.

Библиографический список

1. Бодренков, В. А. К началу дискуссии о содержании криминальной безопасности общества (государства) и роли ОРД в ее обеспечении / В. А. Бодренков, В. К. Зникин // Оперативник (сыщик). – 2008. – № 2(15).
2. Кудрявцев, В. Н. Стратегия борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – М., 2003.
3. Шумилов, А. Ю. Криминальная безопасность – истинная цель оперативно-розыскной деятельности / А. Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 3(12).

Bibliographical list

1. Bodrenkov, V. A. To the Discussion Beginning about the Maintenance of Criminal Safety of a Society (State) and the Role of Operatively-Search Activity (OSA) in its Maintenance / V. A. Bodrenkov, V. K. Znikin // Inspector (Detective). – 2008. – № 2(15).
2. Kudryavtsev, V. N. Strategy of Struggle Against Criminality / V. N. Kudryavtsev. – M., 2003.
3. Shumilov, A. Yu. Criminal Safety – the True Purpose of Operatively-Search Activity / A. Yu. Shumilov // Inspector (Detective). – 2007. – № 3(12).

**ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЪЕКТОВ
В ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ**

Problems in the Use of Certain Non-Traditional Objects Offered for Identification

Аннотация. В статье рассмотрены современные проблемы и потенциальные возможности предъявления для опознания по видео- и аудиозаписи.

Ключевые слова: нетрадиционные способы предъявления для опознания, следственные действия, видеоизображение, аудиозапись.

Annotation. The paper considers modern problems and potential possibilities of using video-images and audio-recordings as objects offered for identification.

Key words: non-traditional objects offered for identification, investigatory activities, video-images, audio-recordings.

Положения ст. 193 УПК РФ, регламентирующей основания и порядок проведения предъявления для опознания, имеют ряд моментов, вызывающих определенные вопросы. В частности, это касается такой спорной уголовно-процессуальной дефиниции, как установление правомочия проведения опознания по фотоизображениям при полном игнорировании возможности опознания по другим, не менее информационно значимым источникам, таким как, например, видеоизображения, аудиозаписи и пр.

Говоря о возможности предъявления для опознания, мы имеем в виду довольно большую группу объектов, представляющих собой различного рода отображения. Однако данные «объекты» опознания не могут являться устанавливаемыми объектами, поскольку содержат в себе только отображения признаков данных объектов. Речь идет в первую очередь о **фото-, кино-, фоно- и видеодокументах**, а также об **объемных пластических моделях, посмертных масках, результатах портретной реконструкции лица по черепу и субъективных портретах**. Тем не менее при предъявлении для опознания данных отображений они будут играть роль именно устанавливаемых объектов. Во избежание подобной логической ошибки мы предлагаем именовать данные объекты **носителями отображений устанавливаемого объекта** и рассматривать как самостоятельную форму объекта предъявления для опознания наряду с собственно устанавливаемым объектом, объектами-образцами и устанавливающим объектом. Носители отображения устанавливаемого объекта представляются неким инструментом, способствующим опознанию того объекта, чьи признаки они отражают.

Анализ возможности предъявления для опознания каждого конкретного вида носителя отображений устанавливаемого объекта целесообразно начать с фотоизображений, поскольку именно

их законодатель предусматривает единственным видом носителя отображения устанавливаемого объекта, по которому можно предъявлять для опознания. Положительные результаты предъявления для опознания по фотографиям известны давно (Цветков П. П., Петров В. П. Идентификация личности по фотоснимкам. Ленинград, 1966. С. 5). Именно давняя практика использования фотосъемки при осуществлении предварительного расследования, а также практические наработки предъявления фотоизображений для опознания обеспечили фотографии место среди объектов опознания. Вместе с тем качество отражения некоторых признаков устанавливаемого объекта, запечатленных на фотоснимках, вызывают сомнения в объективности результатов предъявления их для опознания. Так, на фотокарточках не отображаются подлинные размеры и объем объекта опознания, а сам объект запечатлевается в статике, тогда как он нередко воспринимался в динамике. Кроме того, фотография не в состоянии передать мимику человека и его осанку, поэтому оценку результатов предъявления для опознания следует производить более критично (Петренко В. М. Предъявление для опознания при расследовании преступлений. М., 1975. С. 44). Законодатель учел этот факт, установив, что опознание по фотографии производится только в случае невозможности предъявления объекта в натуре (ч. 5, 6 ст. 193 УПК РФ). Однако нам не вполне понятна позиция законодателя, проигнорировавшего такие важные носители отображений устанавливаемого объекта, как видеоизображения, а также аудиозаписи и фонограммы. Развитие науки и техники на современном этапе функционирования нашего общества сделали общедоступными как средства видео- и аудиозаписи, так и средства воспроизведения запечатленного таким образом материала. Очевидны при этом и преимущества видеозаписи перед фо-

тографией. Конечно, видеозапись не может передать весь комплекс идентификационных свойств и признаков запечатленного объекта, но она способна отразить гораздо большее число индивидуализирующих признаков, чем фотография, поскольку при видеозаписи объект запечатлевается в динамике, что позволяет осматривать его с разных ракурсов (Исаева Л. Предъявление лиц для опознания // Законность. 2002. № 10. С. 21). Это преимущество видеозаписи давно является поводом для включения ее наряду с фотографией в установленный законодателем перечень способов, которыми могут быть предъявлены объекты для опознания (Горинов Ю. А., Леви А. А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983. С. 59). В настоящее время разработаны не только рекомендации по использованию видеозаписи для следственного опознания запечатленных на ней объектов, включая и рекомендации предварительного изготовления объектов-образцов, но имеются также и тактические предложения для более масштабного использования возможностей кино- и видеосъемки путем создания на региональном и федеральном уровнях криминалистических видеотек (Семенцов В. А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя : учеб.-практ. пособие. М., 1997. С. 55). Наиболее часто предъявление видеозаписей осуществляется для опознания функциональных признаков объекта, например походки человека (Ковейша С. А. Использование кино в расследовании преступлений : лекция. Волгоград, 1982. С. 16). Это делает видеозапись уникальным носителем отражения устанавливаемого объекта, поскольку другими отображениями запечатлеть объект в динамике и с разных ракурсов невозможно. Причем предъявлять для опознания возможно не только видеозапись, на которой запечатлен человек, но также видеозапись, на которой отражены участки местности, здания, сооружения, помещения, чье опознание в натуре законодателем также не предусмотрено.

На практике давно подтверждена криминалистическая значимость производства опознания человека по признакам голоса и речи (Китаева В. Н. Предъявление для опознания по функциональным признакам // Рос. следователь. 2005. № 3. С. 2). Особенности голоса и речи являются функциональными признаками человека – традиционного объекта предъявления для опознания, поэтому вполне целесообразно рассмотреть вопрос о возможности опознания человека по отображению признаков его голоса. Проведенными по данному поводу исследованиями установлена высокая степень узнаваемости человека по признакам голоса и особенностям речи, запечатленным аудиозаписью (Ревтов Ю. И. Некоторые результаты экспериментальных исследова-

ний по опознанию признаков голоса и речи человека // Вопр. судеб. психологии. Минск, 1972. Вып. 2. С. 125). Свойства аудиозаписи позволяют достаточно полно отражать весь комплекс признаков голоса и речи человека, поэтому нам кажется необходимым включение аудиозаписи в перечень носителей отражения устанавливаемого объекта, предъявляемого для опознания. В связи с этим мы полностью поддерживаем позицию А. А. Леви, указывающего, что вопрос о предъявлении для опознания по фонограмме должен быть решен в порядке, аналогичном порядку предъявления для опознания по фотографии, так как фонограмма – своего рода фотоснимок голоса (Леви А. А. Звукозапись в уголовном процессе. М., 1974. С. 53). Подобным же образом, на наш взгляд, должен решаться и вопрос о предъявлении для опознания по видеозаписи.

Следует обратить внимание на некоторые проблемы использования цифровой аудиозаписи (фонограммы голоса и речи человека), связанные со специфическими свойствами последней, позволяющими вносить в нее трудно обнаружимые изменения, тогда как изменения, внесенные в аналоговые аудиозаписи, выявить гораздо легче. Однако подобные свойства цифровой фонограммы не могут быть основанием для исключения ее из числа носителей отображения устанавливаемого при предъявлении для опознания объекта, а требуют лишь более неукоснительного соблюдения всех процессуальных процедур получения и приобщения цифровых фонограмм к материалам уголовного дела (Галышина Е. И. Возможности использования цифровой фонограммы как доказательства // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изучением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2007. Ч. 2. С. 129).

Существует мнение, что предъявление для опознания таких объектов, как аудиоматериалы, фото- и видеоизображения вообще недопустимо, так как они всего лишь технические средства, с помощью которых зафиксированы сами объекты (Иванова Л. В. Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 77). Кроме того, некоторые ученые считают, что аудиоматериалы, кино- и фотоизображения не могут являться объектами опознания, они только носители признаков, характеризующих личность или предмет (Вольская Т. А. Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 49). Мы абсолютно не согласны с таким подходом, который кажется нам неконструктивным и существенно сужающим познавательный потенциал означенного следственного действия. Мы не отрицаем тот факт, что фотоизображения,

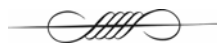
аудио- и видеозаписи не могут расцениваться как непосредственный устанавливаемый объект опознания, но они, выступая носителями отображения (признаков) устанавливаемого объекта, по нашему мнению, безусловно, являются объектом опознания в широком смысле этого понятия. Исходя из этого мы считаем, что необходимо внести соответствующие поправки в ст. 193 УПК РФ, узаконив возможность предъявления для опознания по видеоизображениям, фонограммам и аудиозаписям.

Помимо фотоизображений, аудио- и видеозаписей, в группу носителей отображения устанавливаемого объекта, как мы уже отмечали, могут быть включены различного рода объемные модели, а также художественные изображения, выполненные в реалистической манере письма и т. д., т. е. те носители, которые отображают идентификационные признаки и свойства устанавливаемого объекта. Криминалистическую значимость следственного опознания объемных моделей, в том числе посмертных масок, результатов портретной реконструкции лица по черепу, а также субъективных портретов, ввиду их общей специфической природы и несколько иных подходов к определению их объективности мы в рамках данной статьи затрагивать не будем.

Тем не менее необходимо отметить, что с учетом нашего видения целей, задач и потенциальных возможностей предъявления для опознания *можно предъявлять любые носители отображений устанавливаемых объектов, если на них объективно выражены те идентификационные свойства и признаки, по которым можно установить индивидуальное тождество или групповую принадлежность запечатленного на данном носителе объекта.*

Формулирование дефиниции «носитель отображений устанавливаемых объектов» позволит, на наш взгляд, преодолеть проблемную ситуацию, связанную с ограничением законодателем возможности предъявления для опознания объектов посредством только одного носителя отображения, а именно фотографии; значительно расширить перечень таких объектов. При этом данный перечень может пополняться с учетом технического прогресса, например, посредством включения в него голограмм. Таким образом, под *носителями отображений устанавливаемых объектов мы понимаем любые объекты материального мира, которые в силу своих качеств могут сохранять и объективно отображать те идентификационные свойства и признаки, по которым можно установить индивидуальное тождество или групповую принадлежность запечатленного на данном носителе объекта.*

Такой подход, с нашей точки зрения, дает возможность значительно увеличить число случаев применения следственного опознания, предоставляя возможность предъявлять для отождествления новые объекты, а также использовать новые способы их предъявления посредством задействования широкого комплекса нетрадиционных с позиций правоприменительной практики носителей их отображений. Включение в положения ст. 193 УПК РФ «Предъявление для опознания» поправок, касающихся возможности проведения опознания объектов по другим носителям отображения, нежели фотоизображение, по нашему мнению, не только будет способствовать реализации неиспользуемого в настоящее время потенциала рассматриваемого следственного действия, но и положительно отразится на возможности достижения истины по уголовному делу при раскрытии и расследовании преступлений.

Библиографический список

1. *Вольская, Т. А.* Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006.
2. *Горинов, Ю. А.* Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве / Ю. А. Горинов, А. А. Леви. – М., 1983.
3. *Иванова, Л. В.* Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007.
4. *Китаева, В. Н.* Предъявление для опознания по функциональным признакам / В. Н. Китаева // Рос. следователь. – 2005. – № 3.
5. *Леви, А. А.* Звукозапись в уголовном процессе / А. А. Леви. – М., 1974.
6. *Семенцов, В. А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя : учеб.-практ. пособие / В. А. Семенцов. – М., 1997.

Bibliographical list

1. *Volskaya, T. A.* Procedural and Tactical Aspects of Offering for Identification by Voice and Speech. – Voronezh, 2006.
2. *Gorinov, Yu. A.* Audio- and Video-Recordings in Criminal Court Proceedings / Yu. A. Gorinov, A. A. Levi. – M., 1983.
3. *Ivanova, L. V.* Psychological and Tactical Aspects of Offering for Identification in the Criminal Court Proceedings in Russia. – Chelyabinsk, 2007.
4. *Kitaeva, V. N.* Offering for Identification by Functional Characteristics / V. N. Kitaeva // The Rus. Investigator. – 2005. – № 3.
5. *Levi, A. A.* Audio-Recording in the Criminal Procedure / A. A. Levi. – M., 1974.
6. *Sementsov, V. A.* Video- and Audio-Recording in the Investigator's Proving-of-the-Guilt Activity / V. A. Sementsov. – M., 1997.

Д. Н. Никитин,
*соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
и организации профилактики преступлений
Академии управления МВД России*

В. В. Иринчев,
*доцент кафедры уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

D. N. Nikitin,
*applicant of the chair of criminally-legal disciplines and
the organizations of preventive maintenance of crimes
of Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

V. V. Irincheev,
*assistant-professor of chair of criminal law and criminology
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor*

ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Measuring Public Hazard of Crimes: Experience of Applied Research Problems

Аннотация. Рассматривается один из подходов к измерению общественной опасности преступлений на основе «среднего» значения определенной законом санкции. Предпринята попытка удовлетворить некоторые методические потребности прикладного исследования этого вопроса, связанные с формализацией качественного описания объекта исследования (санкции статей УК РФ), которым владеет лицо, принимающее решение (ЛПР), средствами высшей математики.

Ключевые слова: наказание, санкция, теория, множество, формализация, эксперт, опасность, преступление, измерение, оценка.

Annotation. One of approaches to measurement of public danger of crimes on the basis of «average» value of the sanction certain by the law is considered. Attempt to satisfy some methodical needs of applied research of this question, connected with formalization of the qualitative description of object of research (the sanction of clauses criminal code the Russian Federation) which the person who is making a decision owns, means of higher mathematics is undertaken.

Key words: punishment, the sanction, the theory, set, formalization, the expert, danger, crimes, measurement, an estimation.

Уголовным законодательством Российской Федерации преступление определено как общественно опасное и противоправное деяние.

Общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям.

Следовательно, если каждое преступление обладает признаком общественной опасности, то и вся преступность как совокупность преступлений характеризуется какой-то суммарной общественной опасностью. Если бы имелась возможность измерения всех разновидностей вреда, причиняемого преступлениями, то задача оценки их общественной опасности была бы довольно несложной: для этого было бы достаточно показатели общественной опасности однородных преступлений умножить на их количество и полученные произведения суммировать.

Однако ценности, на которые посягает преступник, настолько разнохарактерны, что представить себе единицу их непосредственного измерения и соизмерения невозможно. Это обстоятельство отрицательно сказывается на информативной ценности существующих статистических показателей, поскольку при определении общего уровня преступности, коэффициентов и других ее показателей различные виды преступлений рассматриваются как равноценные. Однако всякое измерение, а следовательно, и «соизмерение» сопряжены с абстрагированием от многих свойств измеряемых феноменов, т. е. измерение действительно «устраняет» различия по тем при-

знакам, которые, исходя из конкретной цели, могут быть устранены без существенного ущерба. В этом отношении ранжирование или измерение преступлений в зависимости от их тяжести или общественной опасности не является чем-то принципиально отличным от «измерения» или оценки различных товаров в сфере экономики.

Известно множество авторских подходов к оценке степени общественной опасности противоправных деяний для определения количественного значения этого показателя. В этой связи диалектически целесообразной выглядит двойная оценка общественной опасности преступности (по санкциям уголовно-правовых норм и по результатам практики назначения судами наказаний) (Кондрашков Н. Меры наказания в законе и на практике // Соц. законность. 1965. № 2 ; Хан-Магомедов Д. О. Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // Вопр. борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25).

Вместе с тем в распоряжении аналитиков правоохранительных органов не всегда имеются данные судебной практики, необходимые для расчета судебной оценки общественной опасности судимости. С учетом этого на страницах настоящей публикации будет предложен подход к расчету общественной опасности преступлений на основе «среднего» значения определенной законом санкции (что само по себе не ново), но с использованием элементов теории нечетких множеств.

Для оценки общественной опасности преступности в целом можно воспользоваться ин-

тервальной шкалой (шкалой отношений). Данная шкала, помимо обеспечения задач идентификации упорядочения, отвечает аксиомам аддитивности, согласно которым, если каждый из измеренных объектов оценен в определенное количество единиц, то их совокупность может быть выражена суммой оценок каждого из этих объектов (Блувштейн Ю. Д. Криминология и математика. М., 1974 ; Фишберн Р. Методы оценки аддитивных ценностей // Статистическое измерение качественных характеристик. М., 1972).

Для измерения общественной опасности совокупности преступлений следует определить вид и размер наказания, которые необходимо принять за единицу измерения. Вполне логичным в качестве такой единицы выглядит наказание в виде лишения свободы сроком на один год. Этот выбор определяется тем, что лишение свободы является все еще преобладающей формой наказания, кроме того, оно выражается универсальной величиной – интервалом времени. Все остальные виды наказаний могут быть приведены к лишению свободы с помощью специальных коэффициентов эквивалентности¹.

Указанный подход для измерения общественной опасности зарегистрированных преступлений был реализован, в частности, Л. В. Кондратьюком (Система криминологических показателей и методы их вычисления. М., 1978). Им предложено рассчитывать степень общественной опасности j -го вида преступления, т. е. средний размер наказания (выраженного в годах лишения свободы), установленного законодателем за совершение этого вида преступления, по следующей формуле:

$$\rho_j = \frac{0,3 A_1 + 0,2 A_2 + \frac{(\rho_{\min} + \rho_{j\max})}{2}}{1 + A_1 + A_2}, \quad (1)$$

где ρ_{\min} – минимальный размер лишения свободы (в годах), указанный в санкции соответствующей статьи УК РФ;

$\rho_{j\max}$ – максимальный размер лишения свободы (в годах), указанный в санкции соответствующей статьи УК РФ;

A_1 – показатель, равный 1 при наличии в санкции статьи исправительных работ и 0 – при их отсутствии;

A_2 – показатель, равный 1 при наличии в санкции статьи иного (кроме лишения свободы и

исправительных работ) вида наказания и 0 – при их отсутствии;

0,3 – коэффициент эквивалентности, характеризующий тяжесть исправительных работ по сравнению с тяжестью лишения свободы;

0,2 – коэффициент эквивалентности, характеризующий тяжесть всех иных основных видов наказания (преимущественно штраф, ссылка, увольнение) по сравнению с тяжестью лишения свободы.

Определение степени общественной опасности преступления по формуле (1) предполагает ряд упрощений, в частности: рассматриваются как равные по тяжести наказания, отличные от лишения свободы и исправительных работ, не учитываются дополнительные наказания, при наличии альтернативных санкций предполагается равновероятное их применение. Представляется, что для принятия указанных упрощений у автора имелись достаточные основания.

Данная формула позволяет определить степень общественной опасности преступлений, совершенных в определенных пространственно-временных границах. И это может быть сделано заранее по всем статьям, частям и пунктам статей Особенной части УК РФ, а полученные результаты использованы для установления показателя общественной опасности преступлений в конкретном регионе (районе).

Показатель общественной опасности j -го вида преступлений $W_j = \rho_j \Pi_j$. Аналогично показатель общественной опасности структуры преступности в i -м регионе (районе) в период времени t равен $W = \sum_{j=1}^N \rho_j \Pi_j$, где Π_j – количество

преступлений j -го вида, зарегистрированных в i -м регионе (районе) в период времени t , $j = 1, 2, 3, \dots, N$ – индекс видов преступлений, входящих в структуру преступности i -го региона (района).

Нами предпринята попытка модернизировать предлагаемый прием измерения общественной опасности путем реализации дифференцированного подхода к учету всех основных видов наказания по принципу «взвешивания» их тяжести. При этом проблему сооценки наказания различных видов предложено решить средствами теории нечеткой логики.

Степень общественной опасности j -го вида преступления рассчитывается по формуле

$$\rho_j = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \alpha_i A_i, \quad (2)$$

где α_i – весовой коэффициент, характеризующий тяжесть основных видов наказания по сравнению с тяжестью лишения свободы;

A_i – показатель, характеризующий основные виды наказаний и равный 0 при отсутствии в

¹ Коэффициенты эквивалентности служат цели равнозначного «приведения» к наказанию, выраженному в годах лишения свободы, иных определяемых судом мер наказания. В работе величины коэффициентов получены в результате «взвешивания» тяжести всех видов наказания с помощью экспертных оценок.

санкции статьи данного вида наказания либо среднему размеру лишения свободы предусмотренному санкцией статьи, либо 1 при наличии в санкции статьи иного (кроме лишения свободы) вида наказания;

i – индекс видов наказаний, указанных в санкции статей Особенной части УК РФ.

Для получения конкретных числовых оценок степени общественной опасности использовался опыт практического применения теории нечетких множеств.

Последняя получила широкое распространение в процессах принятия решений, первоначально в ситуациях, связанных с привлечением экспертов, не обладающих математической подготовкой, которые предпочитали в своих рассуждениях оперировать понятиями естественного языка, а не числовыми значениями. Характеристическая функция таких множеств, в отличие от обычных, представляет собой неразрывную функцию.

$$f(x) = \begin{cases} 1, & \text{если } x \in \text{множеству } A \\ 0, & \text{в противном случае} \end{cases},$$

а некоторое распределение $\mu_A(x)$ в интервале $[0, 1]$ называют функцией принадлежности. Согласно определению нечеткое множество есть совокупность упорядоченных пар вида $(x, \mu_A(x))$, где $x \in X$, а $\mu_A(x)$ – функция принадлежности, отображающая X в $[0, 1]$ и представляющая собой степень принадлежности x к множеству A (Горошко И. В., Сичкарук А. В., Флока А. Б. Методы и модели анализа данных в правоохранительной деятельности : монография. М., 2007).

Иными словами, элементы, составляющие нечеткое множество, могут иметь различные градации степеней принадлежности к нему, промежуточные между полной принадлежностью и непринадлежностью.

Формальное сходство функции принадлежности с функцией плотности вероятности (принимая во внимание историческую преемственность теории вероятностей и теории нечетких множеств) дает вероятную трактовку функции принадлежности – под $\mu_A(x)$ понимается *вероятность* (или *степень уверенности ЛПР (эксперта)* того, что лицо, принимающее решение (далее: ЛПР), отнесет x к множеству A (Горошко И. В., Сичкарук А. В., Флока А. Б. Указ. соч.).

Таким образом, в подходе к решению проблемы формализации, основанном на применении теории нечетких множеств, для перехода от качественного описания объекта исследования, которым владеет ЛПР, к количественному необходимо построить функцию принадлежности.

При ее построении мы использовали метод Т. Саати. Выбор данного метода объясняется рядом преимуществ по сравнению с аналогичными методами.

1. Допускается несогласованность высказываний эксперта, т. е. не требуется выполнение условия транзитивности суждений.

2. Функция принадлежности приводит к измерению в шкале отношений, относящейся к количественным шкалам. Тем самым повышается ее точность.

3. Результаты, получаемые с помощью метода Т. Саати, могут быть оценены и при необходимости скорректированы с учетом изменений матрицы предпочтений эксперта.

4. Количество вопросов к эксперту, задаваемых при построении функции принадлежности, значительно уменьшается (Там же).

Согласно указанному методу значения функции принадлежности находятся в результате сравнения всех возможных пар объектов (процедуры попарных сравнений). В классическом варианте такой процедуры в результате сравнения эксперт определяет предпочтительность объектов и оценивает ее конкретным числом. Причем если объект A предпочтительнее объекта B , то числовая оценка его предпочтения будет выше. Как правило, в таком случае числовая оценка объекта A считается равной 1, а объекта B – 0.

По Т. Саати, эксперт высказывает свое мнение относительно того, какой из двух объектов обладает более выраженным качественным признаком, и присваивает имеющейся качественной разнице свой ранг, соответствующий определенному числовому значению на выбранной шкале отношений (табл. 1).

Таблица 1

ШКАЛА ОТНОШЕНИЙ		
Числовое значение	Качественная разница	Примечание
0	Несравнимость	Нет смысла сравнивать объекты
1	Одинаковая значимость	Объекты равны по значению
3	Слабо значимее	Данные о предпочтении одного объекта другому не убедительны
5	Существенно или сильно значимее	Существуют сведения о том, что один из объектов более важен
7	Очевидно значимее	Существуют данные о большей значимости одного объекта по сравнению с другим
9	Абсолютно значимее	Наибольшее предпочтение одного объекта
2, 4, 6, 8	Промежуточные оценки	Необходим компромисс
Обратные значения ненулевых оценок	Если оценка a_{ij} ненулевое значение, то a_{ij} равно $1/a_{ij}$	

Результаты сравнения всех пар заносятся в матрицу, в строках и столбах которой проставляются объекты сравнения, а на их пересечении – соответствующие числовые значения предпочтений (a_{ij}). При этом величина a_{ij} говорит о степени предпочтительности объекта x_i по сравнению с x_{ij} .

После реализации процедуры нахождения собственного вектора $w = (w_1, w_2, \dots, w_n)^T$ исходной матрицы искомое значение функции принадлежности будет равно $\mu_S(x_i) = \frac{w_i}{\sum_{i=1}^n w_i}$. Для

удобства восприятия найденных значений достигается условие нормализации нечеткого множества (максимальное значение $\mu_A(x) = 1$).

Собственное значение λ исходной матрицы находится из равенства $Aw = \lambda w$, где A – исходная матрица. Максимальное собственное значение матрицы используется для оценки согласованности высказываний эксперта. Чем ближе индекс согласованности к нулевому значению, тем достовернее получаемый вектор w . В противном случае необходимо уточнить мнение эксперта относительно оценок свойств объектов и пересмотреть матрицу A .

Базовое множество нечеткой переменной «тяжесть наказания» предполагается состоящим из элементов 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, каждый из которых означает вид наказания, указанного в ст. 44 УК РФ (кроме пожизненного лишения свободы и смертной казни).

Эксперт, используя шкалу отношений (см. табл. 1), сравнивает попарно элементы базового множества и результаты сравнения заносит в матрицу A (табл. 2).

Таблица 2
Матрица попарных сравнений

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1	0,50	0,33	0,25	0,20	0,17	0,14	0,13	0,11	0,11
2	2	1	0,50	0,33	0,25	0,20	0,14	0,13	0,13	0,11
3	3	2	1	1	0,33	0,25	0,20	0,14	0,13	0,11
4	4	3	1	1	0,33	0,25	0,20	0,17	0,14	0,13
5	5	4	3	3	1	1	0,33	0,20	0,17	0,14
6	6	5	4	4	1	1	1	0,33	0,25	0,20
7	7	7	5	5	3	1	1	1	1	0,33
8	8	8	7	6	5	3	1	1	1	0,33
9	9	8	8	7	6	4	1	1	1	1
10	9	9	9	8	7	5	3	3	1	1

=120=

Из матрицы A определим w_j для каждого x_j . Тогда вектор $w = (0,0152; 0,0195; 0,0298; 0,0348; 0,0631; 0,0887; 0,1315; 0,1588; 0,1944; 0,2641)$.

Оценим точность решения. Найдем λ_{max} : $\lambda_{max} = 11,65$. Величина индекса согласованности определяется из выражения $k = \frac{(\lambda_{max} - n)}{n-1}$,

тогда индекс согласованности мнений эксперта равен 0,18 (меньше – лучше).

Для исследуемой предметной области такая точность является вполне приемлемой, поэтому последующее уточнение элементов матрицы A можно не проводить.

Нормализованное нечеткое множество $A = \{(1;0,06); (2;0,07); (3;0,11); (4;0,13); (5;0,24); (6;0,34); (7;0,5); (8;0,6); (9;0,74); (10;1)\}$. Его вид представлен на нижеследующем графике.

Функция принадлежности, являющаяся отражением субъективной точки зрения ЛПР или эксперта о некотором понятии, строится на конкретной шкале и для конкретной ситуации.

$M(x)$

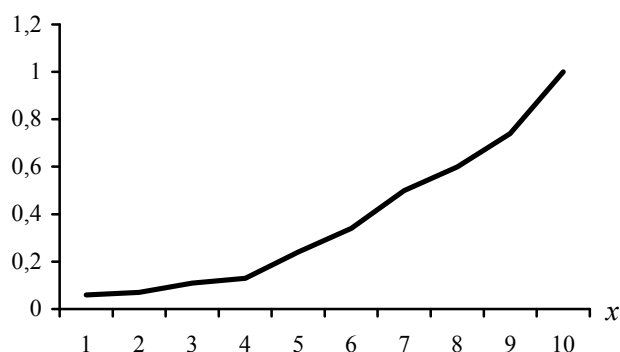

График функции принадлежности

Таким образом, возвращаясь к формуле (2), имеем: $\alpha_i = \{0,06; 0,07; 0,11; 0,13; 0,24; 0,34; 0,5; 0,6; 0,74; 1\}$, где $i = 1, \dots, 10$.

Для иллюстрации приведенных рассуждений вычислим показатели общественной опасности региональной преступности по отдельным видам преступлений (по данным уголовной статистики УВД по Владимирской области за 2008 г.) (табл. 3)¹.

Вычисление показателей W и W_j , приведенном на примере, имеющем методическое значение (см. табл. 3), позволяет судить о реальном уровне преступности. Эти показатели, по существу, характеризуют преступность как со стороны уровня, так и со стороны ее общественной опасности.

¹ Результирующий показатель степени общественной опасности анализируемой статьи УК РФ представляет собой среднее арифметическое соответствующих показателей, рассчитанных по каждой ее части.

Виды преступлений, составляющие структуру преступлений региона (j)	Расчет степени общественной опасности видов преступлений ρ_j по формуле (2)	Количество преступлений, Π_j	Показатель общественной опасности $W_j = \rho_j \Pi_j$
Убийство (ст. 105 УК РФ)	12,75	179	2282,25
Побои (ст. 116 УК РФ)	0,38	862	327,56
Кража (ст. 158 УК РФ)	2,68	14346	38447,28
Грабеж (ст. 161 УК РФ)	4,8	1910	9168
Разбой (ст. 162 УК РФ)	8,5	373	3170,5
Хулиганство (ст. 213 УК РФ)	2,28	115	262,2

При сравнении количества преступлений, зарегистрированных в базовом и отчетном периодах, мы лишь узнаем, как изменялась количественная характеристика явления – на сколько единиц преступлений стало больше или меньше. Однако увеличение могло произойти за счет роста менее общественно опасных преступлений, в связи с чем в отчетном периоде суммарная общественная опасность окажется ниже, чем в ба-

зовом, и, следовательно, изменение преступности нужно оценивать как благоприятное вопреки традиционным представлениям.

Рассмотренные показатели могут быть использованы также при анализе интенсивности, структуры, динамики и других системных свойств преступности. Таким образом, измерение общественной опасности преступности открывает новые возможности комплексного анализа ее состояния.

Библиографический список

1. Блувштейн, Ю. Д. Криминология и математика / Ю. Д. Блувштейн. – М., 1974.
2. Горошко, И. В. Методы и модели анализа данных в правоохранительной деятельности : монография / И. В. Горошко, А. В. Сичкарук, А. Б. Флока. – М., 2007.
3. Кондратюк, Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычисления / Л. В. Кондратюк. – М., 1978.
4. Кондрашков, Н. Меры наказания в законе и на практике / Н. Кондрашков // Социалист. законность. – 1965. – № 2.
5. Фишберн, Р. Методы оценки аддитивных ценностей / Р. Фишберн // Статистическое измерение качественных характеристик. – М., 1972.
6. Хан-Магомедов, Д. О. Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний / Д. О. Хан-Магомедов // Вопр. борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 25.

Bibliographical list

1. Blyvshtein, J. D. Criminology and Mathematics / J. D. Blyvshtein. – M., 1974.
2. Goroshko I. V. Methods Flock and Model of the Analysis of Data in Law-Enforcement Activity / I. V. Goroshko, A. V. Sichkaruk, A. B. Flock. – M., 2007.
3. Kondratiuk, L. V. System of Criminology Parameters and Methods of their Calculation / L. V. Kondratiuk. – M., 1978.
4. Kondrashkov, N. Measure of Punishment in the Law and in Practice / N. Kondrashkov // Socialist Legality. – 1965. – № 2.
5. Fishbern, R. Methods of an Estimation of Additive Values / R. Fishbern // Statistical Measurement of Qualitative Characteristics. – M., 1972.
6. Khan-Magomedov, D. O. Sanction Criminally- rules of Law and Practice of Application of Punishments / D. O. Khan-Magomedov // Questions of Struggle against Criminality. – M., 1976. – Ed. 25.

М. И. Николаева,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
Д. Ю. Бавыкин,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

M. I. Nikolayeva,
assistant-professor of the chair of forensic studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor
D. Yu. Bavykin,
applicant for the faculty of training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ**

Some Features of Interrogation in the Investigation of Crimes Involving the Use of Explosive Devices

Аннотация. В статье рассматриваются особенности производства допроса при расследовании преступлений, связанных с криминальными взрывами. Автор на основе исследования процессуального положения специалиста выявил правовые и тактические проблемы, возникающие при проведении такого следственного действия, как допрос.

Ключевые слова: допрос, свидетель, потерпевший, следователь, дознаватель, специалист, первоначальные следственные действия, процессуальная деятельность, специальные знания, криминалистическая взрывотехника, взрывоопасные предметы, специалист-взрывотехник, эксперт-криминалист, следственно-оперативная группа.

Annotation. In the article the features of the examination procedure during crime investigations related to criminal explosions are examined. Relying on the study of a procedural position of a specialist, a witness, an eyewitness and an injured, the author reveals legal and tactical problems that arise during the procedure of the examination.

Key words: examination, witness, injured, investigator, interrogating officer, specialist, urgent measures of investigation, procedural activity, special knowledge, criminalistic explosives, highly explosive objects, bomb expert, expert-criminalist, operational investigative group.

Одним из перспективных направлений повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств, на наш взгляд, является дальнейшее совершенствование процессуальной деятельности (прежде всего научной разработки тактики следственных действий и умелого использования криминалистических рекомендаций в практической деятельности).

В последние годы появился ряд научных работ, посвященных проблемам предотвращения, раскрытия и расследования данного вида преступлений, однако процессуальные и тактические особенности следственных действий по делам о криминальных взрывах не нашли в них необходимого отражения (Артамонов И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография. М., 2002 ; Беляков А. А. Расследование преступлений, совершенных с применением взрывных устройств. Екатеринбург, 1998 ; Галахов С. С. Криминальные взрывы: основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М., 2002 ; Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики : монография. Волгоград, 2002 ; Коткин П. Н. Расследование чрезвычайных происшествий, связанных со взрывами, пожарами и выведением из строя транспортных средств : монография. М., 2004 ; Расследование преступлений, совершенных с применением

взрывных устройств / И. И. Артамонов [и др.]. М., 1989 ; Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом : монография. М., 1999 ; Его же. Розыск «взрывников» : пособие для следователей. М., 1999).

В процессе расследования преступлений, связанных с применением взрывных устройств, немаловажное значение имеет такое следственное действие, как допрос, которого по делам данной категории можно отнести к первоначальным следственным действиям.

Как свидетельствует судебно-следственная практика, значение полученных в ходе допросов сведений как доказательств в уголовном процессе в последнее время заметно снизилось. Это связано с тем, что допрашиваемые стали нередко менять свои показания на прямо противоположные, компрометировать ранее сообщенную информацию, отказываться от дачи показаний. Причем такое поведение характерно не только для подозреваемых или обвиняемых в конфликтной ситуации, подобным образом нередко действуют потерпевшие и даже свидетели. Данные обстоятельства затрудняют процесс расследования, обесценивают результаты допросов при судебном рассмотрении уголовных дел.

По данным нашего исследования, отказ от дачи показаний, дача заведомо ложных показаний характерны для расследования уголовных дел о

преступлениях, совершаемых путем взрыва. Причины отказов со стороны подозреваемых и обвиняемых обусловлены:

- уверенностью в том, что взрыв уничтожил все улики;
- стремлением обеспечить алиби посредством использования способа дистанционного подрыва;
- опасением наступления суровой уголовной ответственности за тяжкие последствия взрыва;
- убежденностью в том, что страх не позволит кому-либо свидетельствовать по делу и проч.

Свидетели и потерпевшие могут отказаться от дачи показаний или скрыть отдельные обстоятельства в силу следующих причин:

- наступление последствий устрашающего характера в результате взрыва;
- наличие опасений повторения преступных посягательств из соображений мести за сообщение следствию важной информации (в ходе анкетирования следователи называли это одной из наиболее часто встречающихся причин такого поведения потерпевших);
- отсутствие уверенности в успехе действий правоохранительных органов по расследованию этого преступления;
- собственное аморальное или противоправное поведение (Михайлов М. А. Криминальный взрыв: Возможности расследования. М., 2004. С. 89).

Отсутствие стабильной практики привлечения к уголовной ответственности за уклонение, отказ и дачу заведомо ложных показаний во многом способствует этой тенденции.

В то же время допрос является самым распространенным следственным действием по любому уголовному делу, что не снижает сложности его производства и ответственного отношения к его подготовке и проведению. Допрос может явиться источником (иногда единственным) важных доказательств, начальным звеном в цепи дальнейших шагов к успешному расследованию.

Многообразие преступных посягательств с использованием взрывных устройств делает невозможным определение в нашей статье круга всех обстоятельств, подлежащих выяснению на допросе. Тем не менее специфика преступлений позволяет выделить отдельные особенности, характерные для этого следственного действия. По нашему мнению, своеобразие допроса при расследовании преступлений с применением криминальных взрывов заключается в том числе и в привлечении специалистов для участия в этом следственном действии.

Подготовительная стадия в том или ином объеме должна предшествовать любому допросу. Однако при расследовании дел данной категории допрашивающий должен обладать определенными знаниями в области взрывотехники. Эта проблема в некоторой степени решается путем спе-

циализации следователей и оперативных работников, но, во-первых, таких сотрудников недостаточно для производства всех допросов; во-вторых, расследование уголовных дел не всегда является источником приобретения только полезных знаний и навыков. Результаты анкетирования практических работников свидетельствуют, что специализация следователей, занимающихся расследованием криминальных взрывов, организована лишь в 15 % подразделений.

Значительную пользу приносит организация специальной подготовки, которая включает в себя: ознакомление со справочной литературой по данной тематике; консультации у специалистов, причем не только взрывотехников, но и специалистов в области судебной медицины, химии, радиоэлектроники и т. п.

Между тем собственной подготовки следователя и использования им дополнительных материалов не всегда в полной мере достаточно для успешного производства допроса. Предусмотренная УПК РФ помощь специалиста в ходе допроса помогает полно и правильно зафиксировать значимые обстоятельства. В обеспечении помощью специалистов всех допросов по делам этой категории нет ни возможности, ни необходимости. Однако присутствие специалиста в ходе допроса лица, обвиняемого в осуществлении взрыва и изготовлении взрывного устройства, а иногда и свидетеля – очевидца взрыва, реально и полезно.

Формы участия специалиста в допросе могут быть следующие:

1. Дача консультации следователю при подготовке к допросу.
2. Выполнение иных мероприятий, обеспечивающих эффективность последующего допроса.
3. Непосредственное участие в допросе.
4. Оказание следователю помощи в оценке результатов допроса.

В юридической литературе справедливо указывается, что участие специалиста в допросе целесообразно в следующих случаях:

- если в процессе допроса необходимо исследовать сложные обстоятельства, относящиеся к определенной отрасли знаний, усвоить которые за короткий срок предварительного расследования следователю весьма проблематично (например, взрыв на взрывоопасном объекте);
- если предстоящий допрос касается положений, относящихся к специальным знаниям, а допрашиваемое лицо, в отличие от следователя, обладает серьезной профессиональной подготовкой и опытом работы в определенной области знаний (Образцов В. А. Криминалистика : курс лекций. М., 1996. С. 197–210).

В процессе подготовки к допросу с участием специалиста следователь должен убедиться в его компетентности, выяснить, не заинтересован ли

он в исходе дела, нет ли иных оснований для отвода специалиста. Перед допросом, в котором должен участвовать специалист, с последним рекомендуется побеседовать, посвятив его в обстоятельства дела, определив задачи специалиста в предстоящем допросе, согласовать с ним план предстоящего допроса. При необходимости следователь может предупредить специалиста о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, ставших ему известными в процессе его участия при производстве допроса. При подготовке допроса со специалистом также могут быть рассмотрены имеющиеся в распоряжении следователя фактические данные, формулировки вопросов, проанализированы показания обвиняемого (и иных лиц) на предыдущих допросах, реакция на вопросы следователя в сопоставлении с результатами криминалистического исследования имеющихся доказательств и т. д.

Однако следует заметить, что среди ученых нет единодушия относительно целесообразности присутствия специалиста при производстве допроса.

Так, по мнению Н. И. Порубова, специалист, активно участвуя в допросе, может подменить следователя, подсказывая ему правильную формулировку вопросов, и тем самым продемонстрировать перед допрашиваемым некомпетентность следователя (Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998. С. 78). Полагаем, что данное опасение может иметь место лишь в тех случаях, когда следователь не инициативен, не обладает должным уровнем профессиональной подготовки, не согласовывает свою позицию на допросе со специалистом. Естественно, что специалист не может и не должен подменять следователя. Он лишь является его консультантом, техническим помощником и осуществляет свои предварительно согласованные действия под руководством и при активном участии следователя, который и придает результатам этих действий доказательственное значение посредством процессуального их оформления в протоколе.

Ряд ученых необоснованно полагают, что, участвуя в допросе, специалист вторгается в компетенцию следователя, влияет на формирование его внутреннего убеждения. На наш взгляд, участвуя в допросе, специалист вторгается в компетенцию следователя в той же мере, что и при производстве осмотра места происшествия, следственного эксперимента.

Кроме того, некоторые юристы считают, что допрос предполагает установление психологического контакта между следователем и допрашиваемым, поэтому присутствие специалиста, а также иных третьих лиц в ряде случаев может отрицательно сказаться на возможности установления доверительных отношений между эти-

ми субъектами. Поэтому они предлагают следователю получать квалифицированную консультацию у соответствующего специалиста до допроса (Там же. С. 78).

Данное положение не лишено определенных оснований. Однако следственная практика показывает, что в процессе допроса, напротив, может сложиться иная ситуация. Важные обстоятельства остаются не выясненными в результате нарушения коммуникации между следователем и обвиняемым вследствие того, что следователь не располагает специальными знаниями, а допрашиваемый не желает или не в состоянии изложить известные ему факты в понятной для следователя форме. Кроме того, возможны случаи, когда лицо, дающее показания, не знает, что те или иные факты (которые ему известны) имеют отношение к делу, а следователь, не будучи достаточно компетентным в определенной области знаний, не задает ему вопросов об этих обстоятельствах. Имеющаяся у следователя возможность получить консультацию у надлежащего специалиста не может решить полностью всех проблем, возникающих в процессе допроса. Это связано с тем, что большая часть обстоятельств дела выясняется непосредственно в процессе допроса, поэтому далеко не всегда можно заранее предугадать, какие именно показания даст допрашиваемый, обладающий глубокими специальными познаниями, которыми не располагает следователь. В данном случае существует реальная опасность того, что заранее полученная следователем консультация во время допроса окажется совершенно недостаточной, поэтому мнение о недопущении специалиста к участию в допросе, особенно по делам рассматриваемой нами категории, является необоснованным и противоречит принципам всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела.

В дополнение к вышесказанному следует добавить еще один аргумент. В ряде случаев, предусмотренных УПК РФ, к участию в допросе привлекаются педагог или переводчик. В криминалистической литературе существуют обоснованные высказывания о том, что эти лица, по существу, являются теми же специалистами. Таким образом, не ясно, почему участие в допросе педагога и переводчика не вызывает сомнения, а участие иных лиц в качестве специалистов некоторые авторы считают недопустимым.

Факт участия специалиста при производстве допроса должен быть отражен в протоколе данного следственного действия.

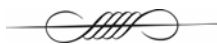
Следователи нередко приглашают к участию в допросе экспертов в соответствии со ст. 56 и 57 УПК РФ, либо, привлекая то или иное лицо к производству допроса, они не отмечают это обстоятельство в соответствующем протоколе. Та-

кая практика имеет свои недостатки. Присутствующий при производстве следственных действий, в том числе и при допросе, эксперт может задавать с разрешения следователя вопросы, относящиеся только лишь к предмету экспертизы, тогда как в ходе допроса может возникнуть необходимость выяснения иных вопросов, не имеющих значения для производства экспертизы. Например, на практике может сложиться ситуация, когда следователь, не обладая специальными знаниями, не может квалифицированно провести допрос свидетеля, присутствовавшего на месте происшествия, например, в момент взрыва, об обстоятельствах, имеющих значение для производства экспертизы. В этом случае эксперт, участвующий в допросе свидетеля-очевидца, с разрешения следователя может задать интересующие его вопросы и тут же непосредственно получить на них ответы, что, несомненно, повысит качество проводимого им исследования и сократит сроки производства экспертизы.

Если факт участия специалиста не отражается в протоколе допроса, то обвиняемый (подозреваемый, потерпевший) оказывается лишенным возможности требовать реализации ряда принадлежащих ему процессуальных прав, в частности, он не может заявить отвод данному специалисту и т. д. Специалист, в свою очередь, лишается права делать заявления, подлежащие занесению в протокол допроса (ст. 58 УПК РФ).

Кроме участия при производстве следственных действий, помощь специалиста следователю

может выражаться в форме консультационной деятельности. Специалист вправе дать справку, совет, рекомендацию лицу, осуществляющему расследование по уголовному делу, проконсультировать его по отдельным вопросам, предоставить ему специальную литературу, оказать помощь следователю в подборе и изучении нормативного материала. Вместе с тем консультационная деятельность не относится к процессуальной форме использования специальных знаний. Она непосредственно не регламентирована нормами УПК РФ и не оформляется каким-либо образом. В частности, следственная практика свидетельствует, что специалист может оказать помощь в разработке версий и планировании расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, проконсультировать о том, какие экспертизы целесообразно назначить при расследовании этих преступлений, какие они могут решать задачи, помочь сформулировать вопросы, которые должны быть поставлены на разрешение экспертов, указать, какие материалы должны быть направлены в их распоряжение, способствовать оценке экспертного заключения и т. д. В связи с этим нам представляется обоснованным мнение отдельных исследователей, считающих целесообразным введение в уголовный процесс фигуру консультанта, деятельность которого регламентировалась бы законом в качестве самостоятельной формы использования специальных знаний, отличной от процессуального статуса специалиста.

Библиографический список

1. *Артамонов, И. И.* Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография / И. И. Артамонов. – М., 2002.
2. *Галахов, С. С.* Криминальные взрывы: основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера / С. С. Галахов. – М., 2002.
3. *Колотушкин, С. М.* Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики : монография / С. М. Колотушкин. – Волгоград, 2002.
4. *Коткин, П. Н.* Расследование чрезвычайных происшествий, связанных со взрывами, пожарами и выведением из строя транспортных средств : монография / П. Н. Коткин. – М., 2004

Bibliographical list

1. *Artamonov, I. I.* Terrorism: Ways of Prevention and Methods of Investigation / I. I. Artamonov. – M., 2002.
2. *Galakhov, S. S.* Criminal Explosions: the Fundamentals of Crime Detection in Fighting Crimes of Terrorist Nature / S. S. Galakhov. – M., 2002.
3. *Kolotushkin, S. M.* Criminalistic Explosion Techniques: Fundamentals of Theory and Practice / S. M. Kolotushkin. – Volgograd, 2002.
4. *Kotkin, P. N.* Tactics of Crime Prevention in Cases of Criminal Explosion / P. N. Kotkin. – M., 2004.

Э. Р. Никольская,
*адъюнкт заочной формы обучения факультета
подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

E. R. Nikolskaya,
*post-graduate student of correspondence forms
of learning of the faculty for training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Main Structural Elements of the Economic Functions of the State at the Present Stage of Development of Russia

Аннотация. В статье рассмотрены основные структурные элементы экономической функции государства на современном этапе развития России. Экономическая функция государства представляет собой совокупность самостоятельных направлений экономической деятельности государства, а в качестве ее элементов выступают подфункции.

Ключевые слова: государство, экономика, структура функции, экономическая функция государства, подфункции.

Annotation. The article discusses the structure of the economic functions of the state at the present stage of development of Russia. The economic function of the state represents a set of independent directions of economic activities of the state: its elements appear as subfunctions.

Key words: state, economy, function structure, economic function of the state, subfunctions.

Изменения, происходящие в настоящее время в российском обществе, требуют комплексного анализа целей и задач государственной деятельности. В этой связи особую актуальность приобретает исследование функций государства, являющееся предпосылкой познания главного и определяющего в данной властной структуре. Как известно, посредством реализации функций государства решаются наиболее важные экономические, политические, социальные задачи, поскольку в этих функциях проявляется сущность и социальное назначение государства. От того, насколько эффективно государство осуществляет экономическую функцию, зависит успешность осуществления иных функций государства.

Особый интерес сегодня вызывает исследование экономической функции государства. В последнее десятилетие ее состояние характеризуется активным поиском путей формирования и развития полноценной рыночной экономики, способной обеспечить нормальную жизнедеятельность общества и государства. Иными словами, выработкой и координацией государством стратегических направлений развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме.

Таким образом, экономическая функция государства имеет антикризисную направленность и нацелена на создание социально ориентированной рыночной экономики, учитывающей и согласующей интересы производителей и потребителей.

Вопрос изучения экономической функции государства неизменно остается в поле зрения ученых-юристов и экономистов (С. С. Алексеев, Г. В. Атаманчук, В. С. Афанасьев, В. К. Бабаев,

С. В. Бабаева, Н. Н. Ершова, Т. А. Калентьева, Е. А. Корсаков, Т. Н. Радько, В. С. Репин, Э. В. Талапина, Б. Т. Токтобаев, Н. В. Черноголовкин, А. Г. Чернявский, С. А. Чибиряев, В. Н. Харьков, З. Ф. Хусаинов и др.). В современном гражданском обществе только хозяйственные единицы и трудовые коллективы могут решать, какие органы государственного и хозяйственного управления им нужны, в чем должны состоять функции этих органов, сколько им платить и за какие услуги (Анцупов В. В. Экономическая функция современного государства // Вестн. Хакасии. 2001. № 6. С. 4).

В ходе исторического развития в экономической функции государства произошли качественные изменения: от полного невмешательства в экономику до полного контроля государства хозяйственной деятельности и регулирования всех экономических отношений в стране.

Следует отметить, что современный экономический фундамент для дальнейшего развития страны был создан в эпоху Советского Союза. За довольно короткое время в советский период удалось построить индустриальное общество с развитыми военно-промышленным и космическим комплексом, нефтегазовой отраслью, металлургией и т. д.

Реализация прав человека в экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества также была достижением советского периода, поскольку существовавшая в государстве сильная экономика явилась основной гарантией прав и свобод человека и гражданина. Только экономически устойчивое государство может позволить себе осуществлять социальные программы,

иметь современную боеспособную армию, развивать науку и образование, культуру и спорт, заботиться о природе (Милуков А. М., Пожарский Д. В. Экономическая функция современного Российского государства: структура, содержание и механизм реализации на современном этапе : монография. Владимир, 2008. С. 44 ; Пожарский Д. В. Функции государства : текст лекций. Владимир, 2005. С. 16).

Однако в начале 90-х гг. XX в. Россия встала на путь перехода к рыночной экономике, и сегодня данный процесс можно считать оконченным. В этот период – период глубоких социально-экономических преобразований – особую значимость приобрело взаимодействие государства и экономики, о чем свидетельствует опыт так называемых новых индустриальных стран, где переход к рыночной экономике и ее стремительное развитие произошли при самом активном участии и поддержке государства (Милуков А. М., Пожарский Д. В. Указ. соч. С. 54).

В настоящее время, когда неизмеримо умножились и усложнились хозяйственные связи, демократическое государство не остается наблюдателем со стороны. Оно активно разрабатывает методы роста эффективности рынка и свободного предпринимательства и выступает в качестве регулятора экономики и субъекта рынка.

Сущность экономической функции современного Российского государства заключается в законодательном регулировании экономических процессов в обществе, обеспечении условий для развития всех форм собственности, управлении государственным сектором экономики, осуществлении проектов и программ, исключительно важных для общества, а также во внешнеэкономической деятельности государства.

Данная функция представляет собой совокупность самостоятельных направлений экономической деятельности государства, а в качестве ее элементов выступают подфункции.

В. В. Оксамытный считает, что основными компонентами экономической функции государства выступают: выработка и координация государством основных направлений экономического развития страны; определение пределов вмешательства государства в экономические процессы; создание благоприятных условий хозяйствования в приоритетных сферах; обеспечение охраны всех форм собственности, свободы экономической деятельности; поддержка конкуренции, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (Оксамытный В. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 232).

Анализ сформулированных в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ экономических задач позволяет сделать

вывод об их комплексном характере и оценить многообразные направления государственно-правового воздействия на экономическую систему. Исходя из этого выделим следующие элементы в структуре экономической функции современной России:

1. *Развитие агропромышленного комплекса.* Национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса» состоит из трех направлений: «Ускоренное развитие животноводства», «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе», «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе» (Самойленко В. А. Социальная функция современного Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 24). Огромные ресурсы направлены на развитие сельского хозяйства, закупку новых технологий и качественной сельхозтехники, что свидетельствует о возрастании роли сельского хозяйства в экономике страны. Сегодня это тем более важно, поскольку у России богатый опыт развития сельского хозяйства и огромный агропотенциал. Без государственного регулирования, и особенно без его неотъемлемой части – государственной поддержки, трудно представить развитие любых форм предпринимательства на селе (О субъектах предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве // Государство и право. 1997. № 5. С. 51).

2. *Развитие и совершенствование энергетической системы.* Основным источником пополнения государственной казны в России по-прежнему остается энергетика. Россия – одна из ведущих стран, экспортирующих нефть, газ, металлы, древесину, уголь и другие ресурсы (Солин А. М. Адаптивное управление в корпоративных структурах газового комплекса и экономическая безопасность : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 10). Энергетика может стать визитной карточкой российской экономики. В связи с этим российская энергетика весьма привлекательна для инвесторов многих стран мира.

Однако природные запасы Российской Федерации не безграничны. По мнению экспертов, в ближайшем будущем ожидается значительный дефицит природного газа в России (Удалова Л. В. Влияние развития газового комплекса на экономическую безопасность России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 11).

На современном этапе перед энергетической отраслью встают сложнейшие научно-технические задачи. Модернизации энергосистемы будет способствовать привлечение внутренних и внешних инвестиций. Развитие высокотехнологичной энергетической системы должно быть не только направлено на достижение сугубо эконо-

мических целей (удовлетворение потребностей производства), но и обеспечивать необходимый уровень энергетической безопасности страны в единстве ее социального и экологического аспектов (Что делать с энергобезопасностью? // Власть. 2006. 26 июня).

3. *Развитие наукоемкой экономики.* В современных условиях экономическое развитие передовых промышленных стран осуществляется преимущественно путем создания и реализации высоких технологий в различных областях. В аналогичной ситуации находится и современная российская экономика. Чтобы Россия могла стать конкурентоспособной страной, интенсификация инновационных процессов, особенно в наукоемких отраслях, должна явиться характерной чертой развития современной экономики (Кеневич Е. С. Организация управления инновационным развитием в корпоративных структурах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9).

4. *Внеэкономическая деятельность.* Основными задачами, решаемыми посредством реализации названной подфункции, сегодня выступают: формирование единой европейской энергетической системы; вступление в ВТО; укрепление экономических международных связей (Милюков А. М., Пожарский Д. В. Указ. соч. С. 65), а также погашение внешнего долга. Последняя задача в настоящее время решается более успешно по сравнению с началом 1990-х гг., что свидетельствует о довольно стабильных темпах развития российской экономики.

5. *Кредитно-денежная и фискальная политика.* В качестве одной из задач данной подфункции можно считать обеспечение конвертируемости национальной денежной единицы. Огромная заслуга в этом принадлежит Центральному Банку РФ. Многие российские граждане вновь стали хранить денежные накопления именно в национальной валюте.

Однако серьезной проблемой по-прежнему остается совершенствование отечественной фискальной системы.

Взимание налогов является неременным атрибутом на каждом этапе исторического развития государства. Реформа налогообложения, проводимая в России в течение последнего десятилетия, имеет позитивное значение, подтверждением чему служит устойчивый профицит федерального бюджета в настоящее время. В 2002 г. был сделан важный шаг в осуществлении налоговой реформы, направленный на повышение эффективности налоговой системы и снижение налоговой нагрузки.

По мнению современных исследователей, налоговая политика должна занять надлежащее место среди экономических методов государствен-

ного управления. Однако при этом основной целью налоговой политики государства до сих пор остается пополнение бюджета за счет налогов, а стимулирование отечественного производства налоговой системой используются слабо (Курбатов И. В. Налоговая система и роль органов внутренних дел в обеспечении ее функционирования (организационно-экономические аспекты) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 3).

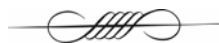
Следует отметить, что налоговая (фискальная) деятельность нередко рассматривается российскими правоведами в качестве самостоятельной функции государства (Артемина Е. В. Налоговая функция современного Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004).

6. *Повышение эффективности управления государственным сектором экономики.* В большинстве стран государство выступает крупнейшим собственником, производителем, предпринимателем и банкиром, судя по достаточно большому количеству государственных предприятий и предприятий с государственной долей в уставном капитале.

Основными проблемами, определяющими состояние государственной собственности на природные ресурсы, являются: определение оптимального соотношения между государственным и частным владением; разграничение государственной собственности на основе разделения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти; создание эффективного механизма управления природопользованием, предполагающего отказ от заявительных процедур предоставления прав пользования природными ресурсами, и переход в полном объеме на программные и состязательные механизмы при безусловной приоритетности общегосударственных интересов (Богачева О. А. Защита государственной собственности как фактор обеспечения экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15).

В настоящее время одной из центральных проблем, ставшей следствием непродуманной государственной политики на этапе формирования рыночных отношений, является неэффективное перераспределение государственной собственности, ведущее к сверхобогащению отдельных лиц.

В заключение отметим, что рассмотренные элементы экономической функции государства являются наиболее приоритетными направлениями экономики страны, реализация которых должна осуществляться в соответствии с требованиями законности, а обязательным атрибутом экономического фундамента Российского государства в современных условиях должен стать социально ориентированный бизнес.

Библиографический список

1. *Енгибарян, Р. В.* Теория государства и права : учеб. пособие / Р. В. Енгибарян. – М., 2010.
2. *Корчагин, Ю. А.* Современная экономика России / Ю. А. Корчагин. – Ростов н/Д, 2008.
3. *Милюков, А. М.* Экономическая функция современного российского государства: структура, содержание и механизм реализации на современном этапе : монография / А. М. Милюков, Д. В. Пожарский. – Владимир, 2008.
4. *Радько, Т. Н.* Теория государства и права : учеб. для студентов высших учебных заведений / Т. Н. Радько. – М., 2005.

Bibliographical list

1. *Engibaryan, R. V.* Theory of State and Law / R. V. Engibaryan. – M., 2010.
2. *Korchagin, Yu. A.* The Modern Economy of Russia / Yu. A. Korchagin. – Rostov on/D, 2008.
3. *Miljukov, A. M.* Economic Function of the Modern Russian State: Structure, the Maintenance and the Realisation of the Mechanism at the Present Stage / A. M. Miljukov, D. V. Pozharsky. – Vladimir, 2008.
4. *Radko, T. N.* Theory of State and Law / T. N. Radko. – M., 2005.

Н. В. Павличенко,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент

N. V. Pavlichenko,
deputy chief of operative-research activity chair
of Omsk Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of law, assistant professor

ОХРАНА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Protection of Confidential: Considered the Concept and Essential Elements

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения понятия и сущности охраны лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам. Дается дефиниция охраны конфиденциального содействия и выделяются его сущностные элементы.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, гарантии, обязательства, норма, закон, негласность, защита, охрана, оперативно-розыскные мероприятия.

Annotation. In the article the problems of definition of concept and essence of the protection of informers are considered. The definition of protection of informers is given, and its intrinsic elements are allocated.

Key words: operative-research activity, guarantees, obligations, norm, the law, secrecy, protection, guarding, the crime detection actions.

Важнейшей задачей исследователя, пытающегося познать окружающий мир, является построение системы достоверных знаний, отражающих изучаемый объект во всей его полноте и конкретности (Кирилов В. И. Логика познания сущности : монография. М., 1980. С. 151). Данный процесс основывается на познании всех сторон объекта, сконцентрированном в научных абстракциях, особая познавательная роль которых отводится категориям «понятие» и «сущность».

Большинство современных ученых полагают, что «раскрытие сущности входит в само определение любого предмета и без этого вообще невозможно вести разговор о его функциях, значении, существовании и т. д. ... ибо сущность любого предмета определяется, прежде всего, имманентным способом бытия самого этого предмета, внутренними законами его собственного существования» (Философия : учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 473). Подобная позиция, на наш взгляд, носит аксиоматичный характер и находит свое подтверждение при познании самых общих свойств и сторон объективной действительности.

Рассмотрим понятие охраны конфиденциального содействия. В научной, специальной юридической и энциклопедической литературе для освещения практических мер по недопущению негативных последствий трудовой деятельности и обережению человека при ее осуществлении чаще всего используются термины «охрана», «безопасность» и «защита». При этом различные ученые либо отождествляют данные понятия, представляя их лексическими дуплетами (Напр.: Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 52 ; Зырин М. И. Охрана прав и свобод советских граждан // Роль органов внутренних дел в

охране конституционных прав и законных интересов советских граждан. Минск, 1979. С. 3–12), либо приходят к выводу об их родовидовой подчиненности (Напр.: Брусницын Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. М., 1999 ; Минеева Г. П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993 и др.). Существуют и другие точки зрения. Например, в Нижегородской академии МВД России избегают рассматриваемых терминов, а для описания подобных правоотношений используют термин «обережение» (Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998). В связи с этим можно сделать вывод об относительной смысловой близости рассматриваемых понятий, которые «соприкасаются по многим параметрам» (Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса : монография. М., 2001. С. 14).

В словаре русского языка безопасность определяется как состояние, при котором отсутствует опасность, а защита представляется в виде деятельности, направленной на ограждение от посягательств (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 39, 222); на обережение, оборону, отстаивание, заступничество, не давание в обиду (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1880. Т. 1. С. 668).

Смысловое содержание указанных терминов раскрывается также при изучении их официального толкования. Так, согласно ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (Рос. газ. 1992. 6 мая). С учетом отраслевых осо-

бенностей отдельных нормативных правовых актов безопасность (пожарная) представляет собой состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров (О пожарной безопасности : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // Рос. газ. 1995. 5 янв.). В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности» (Рос. газ. 1996. 17 янв.) радиационная безопасность – это состояние защищенности настоящего и будущего поколения людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения.

Таким образом, термины «защита» и «безопасность» выступают в качестве статической и динамической составляющей определенной системы, которую необходимо оберегать от *опасных посягательств*. При этом защита с функциональной точки зрения является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничении или возникновении реальной угрозы их нарушения (Ларин А. М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизма защиты прав человека. М., 1994. С. 58).

Применительно к институту содействия лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, можно утверждать, что термины «безопасность» и «защита» не полностью описывают принимаемые государством меры по обережению конфиденциального содействия. В их число не входят меры, не связанные с необходимостью активных мер по защите от внешних и внутренних угроз. Это социальные и правовые гарантии конфидентов, которые провозглашены государством в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349) и других нормативных правовых актах, а также иные меры, предвещающие негативные последствия расшифровки и расконспирации.

Изучение семантического, официального (легального) и доктринального толкования названных терминов дает возможность полагать, что термин «охрана» является более широким по сравнению с терминами «безопасность» и «защита», так как включает в себя наряду с вышеперечисленными и меры по обеспечению социальных и правовых гарантий государства. Следует отметить, что термин «охранять» имеет более емкое семантическое значение – оберегать, стеречь, беречь и т. д. (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 477), что, безусловно, охватывает все указанные выше меры.

Занимаемая нами позиция согласована с нормотворческими традициями. Так, согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ

«Об охране окружающей среды» (Рос. газ. 2002. 12 янв.) охрана окружающей среды – деятельность, направленная на *сохранение и восстановление* природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. В соответствии со ст. 209 Трудового кодекса Российской Федерации охрана труда представляет собой систему сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающую в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Основываясь на приведенных выше рассуждениях, рассмотрим сущностные элементы охраны конфиденциального содействия.

Охрана конфиденциального содействия в целом облечена в юридическую форму, внешним выражением которой являются нормы, содержащиеся в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах. Действительно, само конфиденциальное содействие является легитимной, нормативно закрепленной деятельностью, осуществляемой отдельными лицами на контрактной и бесконтрактной основе (ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). В связи с этим охрана лиц, оказывающих подобное содействие, должна быть подчинена нормативным предписаниям, регламентирующим данную деятельность.

В настоящее время вопросы охраны лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, находят свое нормативное воплощение более чем в 20 нормативных правовых актах, основными из которых являются Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и др. Кроме того, большое количество правовых норм, регламентирующих отдельные организационно-тактические аспекты рассматриваемой деятельности, содержатся в ведомственных нормативных актах, в большей степени ограниченного распространения.

Исторический анализ формирования правовых источников, составлявших основу юридической формы охраны конфиденциального содействия, позволяет выявить закономерности и определить направление дальнейшего развития данного института права. Во-первых, правовой сегмент охраны конфиденциального содействия

характеризуется все большей детализацией отдельных аспектов данной многогранной деятельности. Предпринимаются попытки дифференцировать вопросы организации и тактики рассматриваемой деятельности, финансового обеспечения работы с конфиденнтами, отдельные аспекты обеспечения конспирации (создание легендированных объектов, подготовка и использование документов прикрытия и т. п.).

Во-вторых, идет взаимодействие имеющих отношение к конфиденциальному содействию отраслей права с оперативно-розыскной деятельностью, что находит свое воплощение в нормативных предписаниях последних лет. В первую очередь это касается уголовного и уголовно-процессуального права, в которых оговариваются юридические аспекты обеспечения безопасности лиц, вовлеченных в сферу отправления правосудия, смягчения наказания за деяния, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, и отдельные аспекты участия конфиденнта в уголовном процессе.

В-третьих, в нормативных правовых актах последних лет подчеркивается необходимость содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и закрепляются государственные гарантии в обеспечении безопасности конфиденнтов при выполнении последними своего общественного долга (ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В-четвертых, наблюдается активизация переводной научной мысли, касающейся совершенствования принятых нормативных правовых актов, и воплощение ее в законотворчестве. Так, подготовленные отдельными авторами и группами ученых проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В. Ф. Луговик. Омск, 2006) позволяют свидетельствовать об ином, более прагматичном и юридически обеспеченном подходе к охране конфиденциального содействия. В частности, В. Ф. Луговик предлагает закрепить в рамках отдельных статей принципы оперативно-розыскной деятельности, среди которых пояснить сущность принципа конспирации, а также распространить нормы трудового законодательства на лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. К. К. Горяинов, О. А. Вагин, А. П. Исиченко, О. Г. Ковалев при подготовке инициативного проекта Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности”» предложили расширить меры

поощрения к лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по контракту, а также оказывающим им содействие на бесконтрактной основе. А. Ю. Шумилов расширяет права и обязанности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, юридическая форма охраны конфиденциального содействия представляет собой самоформирующуюся структуру, развитие которой направлено на оптимизацию и совершенствование практических действий всех заинтересованных субъектов и достижение основной цели охраны конфиденциального содействия – принятия мер по обережению лиц, оказывающих содействие, которые не позволили бы в мельчайших деталях ущемить (нарушить) их естественные права на жизнь, здоровье, неприкосновенность собственности (ст. 20–23, 25 Конституции РФ), а также право на безопасный и защищенный труд (ст. 37 Конституции РФ). Это возможно лишь при надлежащем применении социально-правовых, реабилитационных и организационно-тактических мероприятий, в совокупности позволяющих решить задачи рассматриваемого института права.

Социально-правовые меры. Среди практических мер охраны конфиденциального содействия данные меры занимают главное место. Являясь основой всей оперативной работы, подобные меры должны обеспечить защищенность лиц, оказывающих содействие при возникновении любых ситуаций, требующих их охраны, обеспечения законных прав и интересов.

Социально-правовые меры имеют дуалистическое начало и, по нашему мнению, должны быть направлены в первую очередь на «предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социально значимых обстоятельств (в том числе социальных рисков), а также на сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия» (Миронова Т. К. К вопросу об определении понятия «социальная защита» (правовой аспект) // Трудовое право. 2008. № 3. С. 35) – собственно «меры социальной защиты». К ним можно отнести: различные виды социального страхования (пенсионное, медицинское, от несчастных случаев и др.) и социальную помощь в виде компенсаций, выплат за работу в особых условиях, пенсии, пособий, льгот и др. (Напр.: Бабич А. М., Егоров Е. В., Жильцов Е. Н. Социальное страхование в России и за рубежом : учеб. пособие. М., 1998. С. 7, 201). Кроме того, задача указанных мер состоит в предотвращении необоснованного привлечения к уголовной и иной ответственности лиц, оказывающих содействие правоохрани-

тельным органам, ограждении последних от несанкционированного распространения персонализирующих их данных и неправомерных, а точнее непрофессиональных, действий сотрудников оперативных подразделений. Назовем их условно «мерами правовой защиты». Меры социальной защиты находят свое воплощение в правовых нормах, однако для удобства изъяснения своей позиции проведем искусственное деление рассматриваемых мер на социальные и правовые.

Необходимость охраны лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обусловлена противоречиями, которые вызваны диаметрально противоположными целями правоохранительных органов и лиц, совершающих (подготавливающих, совершивших) преступления. Наличие противоположных целей значительно затрудняет работу конфиденентов, им приходится жить в криминальной среде, выполнять функции, обуславливающие их роль в преступной группе, предпринимать действия, доказывающие их состоятельность как преступника, и т. д. При этом любой просчет в поведении может привести к расшифровке, что априори подвергает лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, опасности. В этой связи от государства в лице его компетентных органов требуется создать такие условия для выполнения конфиденциальной работы, которые позволили бы адекватно оценить их труд, а также при необходимости восстановить здоровье и нарушенные (ограниченные) права на жизнь, здоровье и неприкосновенность собственности. Кроме того, в связи с тем, что ряд конфиденентов осуществляет трудовую деятельность, каждый из них должен быть защищен и как работник, выполняющий функции, предусмотренные в трудовом договоре (контракте). Об этом заявлено в официальных нормативных правовых актах. В частности, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» декларирует (ч. 5 ст. 18), а ведомственные нормативные правовые акты уточняют выплаты, связанные с правомерным выполнением общественного долга и восстановлением негативных последствий конфиденциальной работы. Безусловно, указанные выплаты и социальные гарантии выступают в качестве действенных практических мер охраны конфиденциального содействия.

История формирования рассматриваемого правового института в России свидетельствует о том, что вопросы «правовой защиты» конфиденентов в нормативных правовых актах практически не предусматривались вплоть до 1992 г.

Несмотря на нормативное закрепление (первоначально в Законе РФ от 13 марта 1992 г. № 2507-1 «Об оперативно-розыскной деятельно-

сти в Российской Федерации», а затем и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности») процедуры освобождения от уголовной ответственности, нормы, ее регламентирующие, являются «мертворожденными». В связи с этим оперативным сотрудникам в целях правовой защиты конфиденентов приходится балансировать на грани законности. Так, по мнению 59 % оперативных сотрудников, отсутствие полноценной правовой защиты конфиденентов, вынужденно совершающих противоправные поступки, заставляет их ограничивать временные рамки оперативной разработки, сокращать доказательственную базу преступной деятельности, изменять естественный ход событий и т. д. Решение проблемы возможно лишь при комплексном согласовании правовых вопросов, относящихся к компетенции уголовно-правовой и оперативно-розыскной отрасли права, так как вопросы освобождения от уголовной ответственности согласно Уголовному кодексу Российской Федерации относятся к компетенции уголовного права (ч. 2 ст. 75).

Правовой сегмент охраны конфиденциального содействия подразумевает защищенность лиц, оказывающих содействие, от несанкционированного распространения о них сведений. В связи с этим не случайно государство отнесло информацию о рассматриваемых лицах к государственной тайне (ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), а практические меры по соблюдению режима секретности и конспирации в работе с лицами, оказывающими содействие, возвело в ранг приоритетных (ч. 5 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Однако в настоящее время многие вопросы, касающиеся охраны конфиденциального содействия, остаются открытыми и требуют своего скорейшего разрешения в законодательных нормативных правовых актах. Это вопросы: регламентирования в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве определенной процедуры легализации оперативно-розыскной информации (отметили все сотрудники оперативных подразделений); использования и ознакомления с ней (на различных этапах уголовного процесса, надзирающими и контролирующими органами и др.) – полагают 93 % респондентов; общих положений проведения оперативно-розыскных мероприятий и содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, – 78 %; использования лиц, оказывающих содействие на всех стадиях уголовного судопроизводства, – 71 % и т. д. Ученые неоднократно обращали внимание на данные правовые проблемы (Павличенко Н. В., Давыдов С. И., Титов В. М. Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию : монография. Барнаул, 2008).

Таким образом, социально-правовые меры охраны лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, охватывают практически все сферы их деятельности и направлены на всестороннюю охрану прав и свобод конфиденнта. Учитывая вышеизложенное, необходимо поднимать вопрос о правовом статусе лиц, оказывающих содействие, теоретическая разработка и нормативное закрепление которого позволит избежать коллизий оперативно-розыскного и иного законодательства, полностью соблюсти права содействующих лиц.

В качестве *реабилитационных мер* в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах предусмотрены меры, позволяющие восстановить нарушенные личные и имущественные права лиц, вовлеченных в оперативно-розыскную сферу: материальные компенсации лицам, содействующим по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при получении травмы, ранения, контузии, увечья (ч. 9 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), а также в случае гибели последних в связи с их участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 8 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), что, по нашему мнению, играет существенную (ключевую) роль в защищенности лиц, оказывающих содействие, и охране их прав.

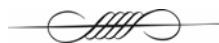
Организационно-тактические меры. Как показало исследование, в практике органов внутренних дел охрана конфиденциального содействия до сих пор решается главным образом на тактическом и организационном уровнях. Это отметили 79 % практических работников, опрошенных по специально разработанным анкетам. По их мнению, подобные меры позволяют создать надлежащие условия для выполнения соответствующих разведывательных функций конфиденнтов, а также обезопасить последних от негативного криминального и посткриминального воздействия со стороны преступников.

Для охраны конфиденциального содействия характерна именно дуалистическая природа практических действий. С одной стороны, они осуществляются путем строгого выполнения предписаний, содержащихся в нормативных правовых актах различного уровня, которые регламентируют порядок работы (разработки, получения, хранения, пользования) с документами ограниченного распространения, допуск к ним отдельной категории сотрудников и др. Организационно-правовой аспект деятельности соответствующих органов характерен и для выполнения предписаний, лежащих в основе безопасности конфиденнта как субъекта трудового права, а так-

же как субъекта уголовных и уголовно-процессуальных отношений. С другой стороны, охрана конфиденциального содействия также характеризует деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленную на выполнение определенных правил, обоснованных практикой приемов, лежащих преимущественно в области техники борьбы (Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975), когда противоборствующие стороны стремятся достичь противоположных результатов. Иными словами, существуют объективные противоречия, складывающиеся в оперативно-розыскной деятельности, вызванные диаметрально противоположными целями правоохранительных органов и лиц, совершающих (подготавливающих, совершивших) преступления, накладывают отпечаток на развитие изучаемого нами правового института.

Наличие обозначенных противоречий вызывает активизацию криминального противодействия оперативно-розыскной деятельности в целом и работе с лицами, оказывающими содействие, в частности. В этой связи отдельные действия сотрудников оперативных подразделений невозможно нормативно урегулировать, поскольку нельзя учесть все оперативно-тактические ситуации, с которыми сталкивается сотрудник оперативного подразделения. Даже нормативный акт, разработанный на основе передовых теоретических исследований и практического опыта, никогда не сможет обеспечить эффективного применения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, так как не будет учтена конкретная оперативная обстановка, в которой должна осуществляться эта деятельность (Галахов С. С. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Совершенствование организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1995. С. 17–18). В связи с этим охрану конфиденциального содействия наряду с социально-правовыми и реабилитационными мерами характеризует организационно-тактический аспект деятельности, определяющий линию поведения лиц, участвующих в осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, охрана конфиденциального содействия представляет собой систему правовых, социально-реабилитационных и организационно-тактических мероприятий, направленных на обеспечение безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, сохранение их работоспособности, оперативно-розыскное обеспечение соблюдения законных прав и интересов конфиденнтов.

Библиографический список

1. *Брусницин, Л. В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование) / Л. В. Брусницин. – М., 2001.
2. *Епихин, А. Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Епихин. – СПб., 2004.
3. *Зайцев, О. А.* Государственная защита участников уголовного процесса : монография / О. А. Зайцев. – М., 2001.
4. *Котарбинский, Т.* Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М., 1975.
5. *Павличенко, Н. В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию / Н. В. Павличенко, С. И. Давыдов, В. М. Титов. – Барнаул, 2008.

Bibliographical list

1. *Brusnitsin, L. V.* Safety of the Persons Promoting Criminal Justice: Russian, Foreign and International Experience of the XX Century (Remedial Research) / L. V. Brusnitsin. – M., 2001.
2. *Epihin, A. Yu.* Safety of the Person in Criminal Legal Proceedings / A. Yu. Epihin. – SPb., 2004.
3. *Zaitsev, O. A.* The State Protection of Participants of Criminal Trial / O. A. Zaitsev. – M., 2001.
4. *Kotarbinsky, T.* Treatise about Good Work / T. Kotarbinsky. – M., 1975.
5. *Pavlichenko, N. V.* Safety of the Persons Promoting Justice / N. V. Pavlichenko, S. I. Davydov, V. M. Titov. – Barnaul, 2008.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ УЧАСТНИКОВ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Theoretical Preconditions of Research of Legal Activity of Right Implementing Process Participants

Аннотация. В статье актуализируется изучение проблематики правовой активности участников правоприменительного процесса. Круг последних определяется максимально широко, исходя из следующих форм участия: от пассивного созерцания до активного вмешательства в ход дела. Делается вывод о недостаточном исследовании проблем процессуального права в рамках теории права.

Ключевые слова: правоприменительный процесс, правовая активность, участники правоприменительного процесса, правовой статус личности.

Annotation. In this article the study of the problem of legal activity of participants of the right applicable process is analyzed. The circle of the participants is determined as maximally wide and is based on the following forms of participation: from passive contemplation to active interference in the motion of the case. The conclusion is drawn about insufficient research within the framework of the theory of right for the problems of judicial right.

Key words: right applicable process, legal activity, participants of the right applicable process, legal status of a personality.

В последнее время ведется активная разработка различных аспектов правоприменительной деятельности. Дискуссионными являются вопросы относительно понятия «применение права» (это особая форма реализации права, осуществляемая государственными или общественными организациями в пределах их компетенции, либо властная деятельность органов государства или иных органов по уполномочию государства?), субъектов правоприменительной деятельности (могут ли граждане заниматься правоприменительной деятельностью?) и др. *Правоприменительная деятельность*, несмотря на множество подходов к ее пониманию, есть объективно существующее явление и как всякий юридический институт имеет не только статическую, но и динамическую составляющую. По нашему мнению, именно динамическая составляющая требует сегодня пристального внимания со стороны научного сообщества. Одним из проблемных вопросов в данной сфере является правовая активность участников правоприменительного процесса: формы активности, ее пределы и стимулы, ответственность за незаконную активность и т. п. В качестве примера можно привести следующий: «УПК РФ, ограничивший активность суда в ходе разбирательства уголовного дела, фактически превращает судью в пассивного стороннего наблюдателя, бездушного формалиста, который не несет какой-либо ответственности за качество приговора» (Сауляк О. П. Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состязательность процесса или законность приговора? // Уголов. судопроизводство. 2009. № 1. С. 12). Вместе с тем активность суда при осуществлении своей познавательной деятельности, с точки зрения Е. И. Волковой, необходима «для обеспе-

чения подлинного, реального равноправия и состязательности сторон при наличии “слабой” процессуальной стороны в силу отсутствия надлежащих средств защиты у широкого круга граждан, должной юридической помощи, низкой квалификации адвокатов и при других негативных факторах. Активность суда определяется также характером рассматриваемых дел, в которых затрагивается и публичный интерес и действует принцип публичности в сочетании с принципом диспозитивности» (Волкова Е. И. Судебное правоприменение как познавательно-оценочная деятельность (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 12).

Активность суда может дифференцироваться в зависимости от вида судопроизводства. По справедливому замечанию М. К. Треушникова, «объем фактов, подлежащих доказыванию по каждому виду судопроизводства, принципиально отличается. Различны и источники формирования предмета доказывания, а главное роль суда *и степень его активности* (курсив наш – А. С.) в собирании доказательств, обосновывающих факты предмета доказывания» (Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 16).

Одним из факторов, оказывающих влияние на активность суда, следует признать недостаточную квалифицированность судей. «По отношению к законам, юридическим нормам при отправлении правосудия действует презумпция: судьи знают право (*ius novit curia*)», – отмечает М. К. Треушников (Там же. С. 6). Так, в 2008 г. экзаменационные комиссии приняли экзамен примерно у шести тысяч претендентов на должность судьи, из которых 35,5 % его не сдали. В связи с этим П. Орлов отмечает: «Между тем такой “двоечник” не просто имеет диплом о выс-

шем юридическом образовании, но уже отработал не менее пяти лет по профессии. Остается только посочувствовать его работодателям и клиентам, которые обратились к нему за юридической помощью» (Орлов П. Отвечайте, ваша честь (Почти треть кандидатов в судьи не смогли сдать квалификационный экзамен) // Рос. газ. 2009. 25 сент.). По нашему мнению, поскольку есть «двоечники» – лица, не сдавшие экзамен, следовательно, среди тех, кто его сдали, есть и «троечники». Полагаем, что общество не нуждается в таких «специалистах», поскольку решается судьба человека.

Безусловно, активность суда является лишь частным случаем проблематики активности участников правоприменительного процесса. Особое внимание следует обратить также на защитников, недобросовестно выполняющих свои обязанности по осуществлению юридической защиты как в уголовном, так и в гражданском процессе. Отмечаются случаи, когда защитники, получив свой гонорар (а они берут его до участия в процессе), не предпринимают каких-либо усилий по защите своих клиентов. Взыскать же с них деньги обратно практически невозможно, не говоря уже об отсутствии перспективы переломить ход процесса в свою пользу. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что активность адвоката в правоприменительном процессе требует пристального изучения. Здесь необходимо уяснить пределы и критерии активности. Взаимоотношения адвоката и клиента опосредуются договором возмездного оказания услуг, для которого аллегория «результат венчает дело» не применима. Если адвокат не заявляет никаких ходатайств в ходе судебного следствия и не реагирует на реплики противоположной стороны, то это не является свидетельством его некомпетентности. Если указанные действия не изменят сложившейся ситуации, то какой смысл их осуществлять? Однако для стороны, которую адвокат защищает, это не очевидный факт. Она оплачивает услуги адвоката в надежде на то, что он резко изменит и заранее известный неудачный исход дела. Однако адвокат необходим и в заранее проигрышном деле для того, чтобы попытаться минимизировать наказание. Поэтому активность должна быть проявлена в обязательном порядке в прениях сторон. О том, проявил адвокат достаточную активность в ходе судебного заседания или нет, должен судить не клиент, а профессиональное сообщество адвокатов. Для того, чтобы развеять сомнения клиента, необходимо увидеть (или хотя бы услышать) и проанализировать судебный процесс.

Одной из гарантий гласности судебного разбирательства является предусмотренное законодательством право лицам, участвующим в деле,

фиксировать ход судебного разбирательства с помощью средств аудиозаписи, а с разрешения суда – осуществлять и видеозапись (ч. 7 ст. 10 Гражданско-процессуального кодекса РФ, ч. 7 ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Полагаем, что одной из гарантий оказания квалифицированной юридической помощи могло бы быть включение в качестве *существенного* условия в договор возмездного оказания услуг, заключаемого между клиентом и адвокатом, условия об обязательном предоставлении адвокатом по окончании судебного заседания носителя с аудиозаписью судебного заседания. Клиент и сам может осуществлять соответствующую запись, но для этого нужно обладать соответствующими техническими средствами. Логичнее возложить обязанность по аудиозаписи и необходимость обладания должной техникой на адвоката.

Существуют проблемы также с активностью прокурорских работников, которые иногда злоупотребляют своим процессуальным положением, используя любые методы для сохранения «чести мундира». Одним из проблемных вопросов является гипотетическая возможность отказа от поддержания государственного обвинения в судебном производстве по уголовному делу. В связи с этим А. Ф. Кони отмечал: «Обвинительный акт, опирающийся на различные доказательства, между которыми главное место занимают свидетельские показания, может оказаться лишенным всякой силы, когда эти доказательства при разработке их судом на перекрестном допросе, при обзрении их или при экспертизе останутся совсем в другом свете, чем тот, который они имели в глазах обвинителя, составившего акт. Данные обвинительного акта могут остаться и нетронутыми, но то, что будет приведено защитой подсудимого или им самим в свое оправдание, может до такой степени правдиво изменить житейский облик подлежащего суду поступка, установив на него иную точку зрения, что *поддержание обвинения во что бы то ни стало являлось бы действием не только бесцельным, но и нравственно недостойным* (курсив наш – А. С.)» (Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 139). К сожалению, прокуроры в силу различных причин, как объективных, так и субъективных, не всегда используют процессуальную возможность отказа от обвинения, тем самым лишая граждан веры в справедливость и правосудие.

Все вышесказанное свидетельствует об актуальности теоретического осмысления проблематики правовой активности участников правоприменительного процесса.

Выясним теоретические предпосылки такого исследования. Их следует отличать от ранее обо-

значенных проблемных вопросов, поскольку для разрешения последних необходимо изучить основу проблемы, состоящую в *недостаточном исследовании в рамках теории права проблем процессуального права*. На данный факт правоведы уже неоднократно обращали внимание. Например, Г. А. Борисов справедливо отмечает, что «...общеправовая теория по-прежнему базируется на знаниях и аргументах, полученных из области материального права. Правильными поэтому являются суждения, что современная теория права не может выполнять методологические функции в связи с решением и теоретических, и практических проблем в сфере процессуального права¹. Причиной этого можно признать как малоактивное внедрение в общую теорию права категорий теории юридического процесса, так и незавершенность самой этой теории по ряду составляющих» (Борисов Г. А. Процессуально-правовая ответственность в современном законодательстве России // Журн. рос. права. 2003. № 2). По его мнению, заметным становится исследовательский вакуум представлений в соотношениях: абсолютные общечеловеческие ценности – основные права человека и гражданина – юридический процесс; демократия – законность – юридический процесс; государственная власть – режим ее осуществления – процессуальное право; принципы юридического процесса (процессуального права). Отсутствует также единая научная позиция об обеспечительных механизмах реализации норм процессуального права – юридической процессуальной ответственности. Последнее актуализируется становлением общецивилизационного принципа взаимной ответственности гражданина перед государством и государства перед гражданами и соответствующими новыми явлениями в обновляемом процессуальном законодательстве. На этом фоне очевидна слабость научных разработок данной проблемы (Там же).

К перечисленным выше соотношениям, требующим тщательного изучения, по нашему мнению, следует добавить еще одно: участники и субъекты правоприменительного процесса – правовая активность участников правоприменительного процесса – законность и обоснованность принимаемых правоприменителем решений.

Изучение вопроса соотношения участников и субъектов правоприменительного процесса тесно связано с исследованием правового статуса личности. «Достижение целей и решение задач общественного развития зависят во многом от сте-

пени активности личности, от ее творческого потенциала. Раскрытие творческих сил человека и оптимальное их общественное применение, формирование активной жизненной позиции, всемерное развитие инициативы каждого человека в реализации важнейших социальных планов – закономерная тенденция зрелого социализма», – отмечал Н. В. Витрук (Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 7, 8). Актуальны эти слова и в настоящее время, хотя и в рамках уже другой общественно-экономической формации. Однако любая активность имеет свои границы, которые, на наш взгляд, определяются правовым статусом личности. Несмотря на относительную изученность и определенность правового статуса каждого из участников правоприменительного процесса, в данном вопросе имеется существенный пробел, связанный с опосредованием их правовой активности.

По мнению Н. В. Витрука, «исключительное значение в проявлении активного, творческого начала личности имеет ее правовой статус, т. е. система гарантированных социалистическим государством прав, свобод и обязанностей личности. Правовой статус – это *социально допустимые и необходимые возможности, потенциалы личности* (курсив наш – А. С.) не просто как индивида, а как гражданина государства» (Там же).

Полагаем, что «социально допустимые» – это верхняя планка активности личности, а «необходимые возможности» – нижняя. Естественно, приведенное определение правового статуса (самое общее) не может отражать конкретики применительно к различным субъектам права, но этого и не нужно. Реальным содержанием наполняются лишь реальные правоотношения, а не их умозрительная проекция, каковой и следует признать дефиницию.

Таким образом, активность личности, а следовательно, и ее правовая активность, тесно взаимосвязаны с правовым статусом. Однако имеются случаи злоупотребления правовым статусом, содержательной стороной которых является чрезмерная правовая активность.

Современные правовые реалии позволяют утверждать, что *круг участников правоприменительного процесса существенно отличается от его классического понимания*. На исход правоприменительного процесса пытаются оказывать влияние достаточно широкий круг лиц, как правило, обладающих властными полномочиями: члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, председатели судов, представители местных органов власти. Механизм давления на суд достаточно разнообразен. С отдельными негативными проявлениями в этой области ведется борьба при помощи гласности. По словам А. Иванова, «Высший арбитражный суд намерен

¹ Баландин В. Н., Павлушина А. А. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» // Там же. 2002. № 6. С. 93 ; Бахрах Д. Н. Юридический процесс и административное производство // Журн. рос. права. 2000. № 9. С. 6–7.

обобщить практику обращений официальных лиц к людям в мантиях и направить ее во властные органы, чтобы читали, изучали и принимали меры. Как показывает практика, гласность – страшная сила. Недавно Высший арбитражный суд начал публиковать все обращения и запросы в адрес суда по конкретным делам из различных властных инстанций. Речь идет о влиятельных лицах и учреждениях, которые не имеют никакого отношения к процессу, но все же живо интересуются делом. В таких случаях резонно было бы спросить: а вы, собственно, с какой целью интересуетесь? Но эта фраза не для официальной переписки. Но – странное дело – после того, как Высший арбитражный суд стал размещать подобные запросы на своем сайте, число таких бумаг резко сократилось. Как-то пропал интерес у важных людей к актуальным делам. Но все же совсем почти не иссякла» (Цит. по: Куликов В. Мобильное правосудие (Высший арбитражный суд готовит прием исков по Интернету) // Рос. газ. 2009. 27 нояб.).

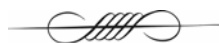
Своеобразным способом безошибочной проверки, отражающей реальное положение дел в правовой сфере, является мнение представителей гражданского общества. Так, председатель региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» М. Полякова полагает, что «...в настоящее время зависимость судей является одной из основных проблем российской судебной системы. Достаточно фактов, когда судей обязывают докладывать председателям о том, какие они собираются принимать решения. Сколько угодно и фактов, когда судьям диктуют, какие решения они должны принимать,

и когда их лишают полномочий в случае попытки принимать независимые решения, которые соответствуют их убеждениям... Установлены факты, когда судьи боятся выносить оправдательные приговоры, игнорируя доводы защиты» (Цит. по: Полетаев В. Судьям предложили защиту // Рос. газ. 2009. 25 нояб.).

От активности участников правоприменительного процесса зависит качество правосудия. Чем больше внимания к судебному процессу, тем меньше вероятность вынесения незаконного решения. В связи с этим вызывают только одобрение внесенные председателем Высшего арбитражного суда РФ поправки в методические рекомендации по организации пропускного режима в арбитражных судах (Куликов В. Пропуск в суд отменяется (В арбитраж теперь пустят без разрешения) // Рос. газ. 2009. 23 дек.).

Внимание следует отличать от давления. Последнее оказывает только негативное воздействие на правопорядок в целом. Для искоренения этого явления необходима широкая огласка случаев давления на правоприменителей и правовое опосредование подобного социального явления.

В заключение следует отметить, что теоретическими предпосылками исследования правовой активности участников правоприменительного процесса является комплекс теоретико-правовых проблем на стыке материального и процессуального права, возникающих в рамках соотношения: участники и субъекты правоприменительного процесса – правовая активность участников правоприменительного процесса – законность и обоснованность принимаемых правоприменителем решений.

Библиографический список

1. Баландин, В. Н. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» / В. Н. Баландин, А. А. Павлушина // Журн. рос. права. – 2002. – № 6.
2. Витрук, Н. В. Правовой статус личности в СССР / Н. В. Витрук. – М., 1985.
3. Волкова, Е. И. Судебное правоприменение как познавательно-оценочная деятельность (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2009.
4. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Balandin, V. N. The Problem of Correlation of «Material» and «Remedial» in a Right and its Value for Determination of the Concept «a Legal Process» / V. N. Balandin, A. A. Pavlushina // Magazine of the Russian Law. – 2002. – № 6.
2. Vitruk, N. V. Legal Status of a Personality in the USSR / N. V. Vitruk. – M., 1985.
3. Volkova, E. I. The Application of Judicial Rights as Cognitive-evaluative Activity (Questions of Theory). – Belgorod, 2009.
4. Treushnicov, M. K. Judicial Proofs / M. K. Treushnicov. – M., 2005.

Е. В. Стебенева,
*адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургского университета
МВД России*

E. V. Stebeneva,
*the post-graduate student of the faculty for training
scientific and scientific-pedagogical staff
of St.-Petersburg University
of Ministry of Internal Affairs of Russia*

КОРРУПЦИЯ КАК ОДНО ИЗ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Corruption as One of the Phenomena of Modern Russia

Аннотация. В статье проанализированы вопросы, связанные с понятием «коррупция», место и роль этого явления в современной России; приведена классификация коррупционных проявлений; рассмотрены различные точки зрения ученых относительно существования в государстве коррупции, ее влияния на экономическое и социальное развитие страны.

Ключевые слова: коррупция, «теневое право», классификация коррупционных проявлений.

Annotation. In the article the author analyzes the questions connected with the concept «corruption», the place and the role of this phenomenon in modern Russia. Also the author results classification of corruption displays, considers the various points of view of scientists on existence in the corruption state, its influence on economic and social development of the country.

Key words: corruption, «the shadow right», classification of corruption displays.

Коррупция является угрозой для любого государства, для его нормального, стабильного функционирования. Она не только ведет к разложению власти, негативно влияет на имидж государства, но и, самое главное, подрывает авторитет всей государственной власти, приводит к тому, что граждане утрачивают доверие к ней.

Проблемы коррупции вызывают серьезную озабоченность, и связано это как с широкой распространенностью данного социального явления, так и с активными интеграционными процессами в нашей стране.

Изучив и проанализировав результаты работы неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру «Transparency International», можно сделать вывод, что в России остается высоким уровень такого явления, как коррупция. Доказательством этому служат следующие статистические данные.

В 2005 г. Россия среди 159 стран мира занимала 126-е место по уровню восприятия коррупции, индекс данного показателя составил 2,4¹. В 2006 г. Россия занимала 127-е место среди 163 стран мира, ИВК – 2,5; в 2007 г. – 143-е место среди 180 стран мира, ИВК – 2,3. Незначительное улучшение показателей России наметилось в 2008 и 2009 гг. – с 2,1 до 2,2 балла (URL: <http://www.transparency.org/cpi>). Это может быть

свидетельством умеренно положительной реакции на инициированное и поддержанное Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым принятие в декабре 2008 г. Государственной Думой пакета нормативных правовых актов по противодействию коррупции.

В настоящее время специалисты различных отраслей знаний интенсивно всесторонне изучают аспекты существования такого социального явления, как коррупция. Существует целый ряд определений понятия «коррупция», так как это многоаспектный и междисциплинарный объект исследования.

Так, П. А. Кабанов определяет коррупцию как «социальное явление, заключающееся в корыстном использовании должностным лицом органов государственной власти и управления своего служебного положения для личного обогащения» (Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск, 1995. С. 7).

Б. В. Волженкин считает, что коррупция – это «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» (Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. С. 8).

Я. И. Гилинский под коррупцией понимает «сложный социальный феномен, порождение общества и общественных отношений, одно из проявлений продажности» (Гилинский Я. И. Коррупция: теория и реальность // Расследование и судебное преследование коррупции : материалы рос.-амер. семинара, 23–24 сент. 1999 г. СПб., 2002. С. 76).

¹ Индекс восприятия коррупции (далее: ИВК) разработан организацией «Transparency International», основанной в 1993 г. в Берлине. Он отражает степень коррумпированности страны и показывает представление предпринимателей и специалистов о ситуации, сложившейся с подкупом чиновников. Измеряется по десятибалльной шкале: 10 баллов – идеальная честность, 0 баллов – полная продажность (Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема современности // Маркетинг. 2008. № 2(99). С. 3–23).

Н. А. Катаев, Л. В. Сердюк дают следующее определение коррупции: это «подкуп должностных лиц представителями различных формирований, организаций и отдельными гражданами в целях обеспечения их противозаконной деятельности, что влечет или может влечь за собой со стороны должностных лиц отклоняющееся поведение от существующих норм и правил, а также преступления, направленные против порядка управления и экономической мощи страны» (Катаев Н. А., Сердюк Л. В. Коррупция (уголовно-правовой и криминологические аспекты) : учеб. пособие. Уфа, 1995. С. 13).

До недавнего времени в России понятие коррупции не было определено законодательно. Однако сейчас уделяется пристальное внимание проблеме коррупции в нашей стране. Так, приняты законодательные акты, регламентирующие борьбу с коррупцией, основополагающими из которых стали Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. № Пр-1568 (Рос. газ. 2008. 5 авг.) и Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228). В последнем документе впервые было законодательно закреплено на федеральном уровне понятие коррупции: это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя и для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (ч. 1 ст. 1). Кроме того, под коррупцией также понимается и совершение указанных выше деяний от имени или в интересах юридического лица.

В этом определении коррупция раскрыта в основном с уголовно-правовой точки зрения. Однако в обществе существуют такие проявления, которые не запрещены законом, но по своей сути являются основой коррупционных деяний и неразрывно с ними связаны. В связи с этим необходимо проанализировать классификацию коррупционных проявлений в современном обществе.

Отечественные и зарубежные исследователи применяют различные варианты классификации при изучении коррупции. Приведем некоторые из них.

1. Трансактивная и эктортивная коррупции. Первая основана на взаимном соглашении между

донором и реципиентом с целью получения выгоды обеими сторонами, а вторая влечет отдельные формы принуждения и основана на стремлении избежать некоторых форм ущерба, причиняемого донору или его близким (Епифанова Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории // Вопр. экономики. 2007. № 1. С. 33–44).

2. Административная (некоторые авторы, например, О. Кадот, М. Маньон, называют ее бюрократической) коррупция, т. е. намеренное внесение искажений в процесс предписанного исполнения существующих законов, правил с целью предоставления преимущества заинтересованным лицам. Примером данного вида коррупции может служить дача взятки предпринимателем, владельцем малого бизнеса проверяющим его представителям местных правоохранительных органов.

3. Следующим видом коррупции является бытовая. Это всевозможные подарки, оказание различных услуг на безвозмездной основе гражданами в пользу чиновников, членов их семей. Сюда же было бы целесообразно отнести кумовство, клановость, семейственность. Одним словом, непотизм¹. Нередко высокопоставленные чиновники вынуждают подчиненных сотрудников уходить с работы, чтобы освободить место для «своих» людей, с которыми проще решать вопросы с целью личного обогащения.

4. Инвестиционная коррупция – оказание услуг должностному лицу или подношение ему подарков, что не связано с извлечением сиюминутной личной выгоды для дарителя, однако предполагается, что в будущем чиновником будет оказано предпочтение в пользу дарителя при решении какого-либо вопроса.

5. Деловая коррупция, которая возникает при взаимодействии власти и бизнеса. Так, в случае хозяйственного спора стороны могут заручиться поддержкой судьи с целью вынесения решения в свою пользу.

6. «Пленение государства» – действие отдельных лиц, групп или фирм как в государственном, так и в частном секторе с целью воздействия на формирование законов, законодательных актов и других инструментов государственной политики (Андрианов В. Д. Указ. соч. С. 3–23).

7. Наряду с этим некоторые авторы выделяют институциональную коррупцию, которая связана с поиском выгод от функционирования институ-

¹ От лат. *peros* (внук, племянник) – раздача римскими папами ради укрепления собственной власти доходных должностей, высших церковных званий, земель родственникам (Сов. энцикл. слов. Изд. 2-е / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1982. С. 877).

тов, например, политических партий (Епифанова Н. Указ. соч. С. 33–44). Из этого вытекает такой вид коррупции, как политическая. Ее можно подразделить на внутреннюю (например, когда политики используют свое положение для доступа к природным, сырьевым ресурсам и используют выгоду от их потребления) и внешнюю, существующую на международной арене. Наглядным примером может являться использование американцами коррупционного механизма в Грузии, Украине и ряде других стран. Суть заключается в том, что «власть в современном мире больше не контролируется силой и сложностью вооружений – она определяется финансовой мощью» (Андрианов В. Д. Указ. соч. С. 3–23).

Указанные виды коррупции тесно взаимосвязаны, а порой не могут существовать друг без друга. Так, например, невозможно представить такой тип коррупции как «пленение государства» без политической и институциональной коррупции.

При этом необходимо разграничивать коррупционные и безнравственные проявления. Так, действия шантажиста, требующего деньги за неразглашение определенных порочащих сведений, не будут считаться коррупционными.

Кроме того, существует такое понятие, как «теневое право», т. е. находящийся в состоянии борьбы с официальным правом свод асоциальных обязательных, установленных самими участниками общественных отношений предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями (Демичев А. А. «Теневое право» и суд присяжных // Государство и право. 2004. № 7. С. 104–107).

Таким образом, обогащение чиновников с использованием своего служебного положения возможно лишь при наличии их четкой организации, где существуют свои правила и законы (например, «право телефонного звонка», «круговая порука» и т. п.). Нарушение этих неписаных правил чиновником влечет за собой его смещение с должности и другим отрицательным последствиям.

Необходимо отметить, что приведенная классификация типов коррупции не является исчерпывающей, так как с развитием современного мира видоизменяется, «мутирует» и коррупция как один из продуктов нашего общества.

Таким образом, анализ разнообразных видов коррупционных проявлений играет немаловажную роль в разработке и эффективном применении комплекса необходимых мероприятий по

противодействию коррупции в государстве. Однако для полного и глубокого понимания рассматриваемой проблемы необходимо определить место, которое занимает коррупция в современном обществе.

Преступления, относящиеся к коррупционным, являются частью криминального сектора, входящего в теневую экономику страны (Голованов Н. М., Перекислов В. Е., Фадеев В. А. Теневая экономика и легализация преступных доходов. СПб., 2003. С. 158), поскольку занимают важное место в образовании преступных доходов. В данную группу следует включить, например, такие преступления, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), а также преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ) и т. п.

Часть из указанных коррупционных преступлений законодатель выделяет в отдельную гл. 30 УК РФ – «преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», где субъект преступных посягательств, как правило, наделен признаком «специальный».

Должностное лицо, осуществляя функции представителя власти либо организационно-распорядительные, либо административно-хозяйственные, наделено особыми, специальными полномочиями, которые предполагают не только права, но и ответственность перед государством. В связи с этим специальный субъект, совершая преступление, которое можно отнести к коррупционному, посягает не только на конкретный предмет (деньги, услуги и т. п.), но и на авторитет, значимость государственной власти в целом. Это повышает общественную опасность коррупционных преступлений, и их распространенность подтверждает, что данная проблема до сих пор актуальна.

Существуют различные мнения о том, какое влияние оказывает коррупция на развитие современного общества и государства.

Так, некоторые ученые считают, что коррупция может оказывать на общество не только отрицательное, но и положительное влияние. Она играет роль «смазки», которая уменьшает трение между неэффективными законодательными нормами и потребностями бизнеса, в некоторых случаях стимулирует чиновников работать более усердно, иногда позволяет предпринимателю снизить те или иные издержки (Цуриков А., Цуриков В. Экономический подход к анализу корыстных преступлений // Вопр. экономики. 2007. № 1. С. 45–54).

Данную точку зрения подтверждает и довод, что в настоящее время для успешности бизнеса возможно использовать только две стратегии: «сдача» своего бизнеса представителям власти и «взятие» представителей власти на регулярное содержание. Все остальные стратегии являются неустойчивыми либо не приводят к успеху в бизнесе (Галицкий Е., Левин М. Коррупционные отношения бизнеса и власти // *Вопр. экономики*. 2007. № 1. С. 19–32).

В связи с этим достаточно лишь достичь некоего «оптимального» уровня коррупции, поскольку затраты на искоренение взяточничества могут превосходить соответствующие прибыли (Епифанова Н. Указ. соч. С. 33–44).

Интересна проходящая на страницах научных изданий дискуссия по поводу негативного и позитивного содержания коррупции. Так, например, В. А. Лоскутов, говоря о «положительном» потенциале коррупции, приводит ряд таких аргументов, как: коррупция выступает одним из консолидирующих факторов накопления капитала и его расширенного производства; способна существенно увеличить управленческий потенциал государственной власти; в явной или неявной форме коррупция объединяет людей вокруг проблемы распределения государственных должностей и формирования на этой основе различных политических объединений, консолидаций, а для многих представителей класса «политически неимущих» это является чуть ли не единственным способом влияния на реальные изменения в обществе; коррупция может служить своеобразным «лифтом» для продвижения «политически грамотного» предпринимателя на определенные «этажи» государственного аппарата (Лоскутов В. А. Тоталитаризм и коррупция // *ЧиновникЪ : информ.-аналит. вестн. Урал. акад. гос. службы*. 2000. № 1. С. 23–24 ; Его же. *Постсоветский тоталитаризм*. Екатеринбург, 2006. С. 128–133).

А. Ю. Гальчиков, в свою очередь, высказывается крайне отрицательно по поводу приводимых В. А. Лоскутовым аргументов и считает, что коррупция является детерминантом преступности, поэтому профилактику данного явления необходимо начинать уже в процессе профессионального обучения и особенно при подготовке специалистов в области государственного управления. По его мнению, «внушать идеи о позитивном потенциале коррупции – значит готовить кадры коррупционеров, которые, конечно, будут создавать благоприятные условия для дальнейшей криминализации государства и общества» (Гальчиков А. Ю. Проблемы коррупции в аспекте профессионального и правового сознания //

Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 91–92).

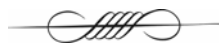
Существующая причинно-следственная связь влияния коррупции на экономический рост подтверждает, что, не борясь с коррупцией сегодня, мы рискуем никогда не перейти в категорию развитых стран. Несмотря на то, что отдельный бизнес может и выигрывает от дачи взятки, в масштабе страны инвестиционный климат ухудшается, стимулы в экономике искажаются. Ущерб от коррупции может быть оценен по долгосрочным данным экономического роста. Более коррумпированные страны – это бедные страны; богатые страны – те, которым так или иначе удалось преодолеть коррупцию (Гуриев С. Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // *Вопр. экономики*. 2007. № 1. С. 11–18).

Коррупция может дать лишь краткосрочный выигрыш, так как за успешное продолжение бизнеса будут требовать плату постоянно. А у того, кто ведет свое дело открыто и добросовестно, отобрать такой бизнес будет проблематично, так как он ведется честно и полностью отчитывается перед налоговыми органами (Гуриев С., Сатаров Г. Доклады на заседании диспут-клуба «Узлы экономической политики» Ассоциации независимых центров экономического анализа 29 июня 2006 г. // *Вопр. экономики*. 2007. № 1. С. 150–153).

Кроме того, коррупция является сдерживающим фактором реформ государственных институтов. Политика активной терпимости коррупции ставит заслон на пути реформ в долгосрочной перспективе. Подобная практика приводит к подрыву легитимности государственных институтов в глазах граждан (Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О. А. Алякринского. М., 2003. С. 18–19).

Согласиться с мнением ряда ученых в том, что коррупция может быть даже полезной для государства, на наш взгляд, не совсем правильно. Обусловлена указанная позиция тем, что коррупция – это явление с отрицательными социально-экономическими последствиями, которое искажает цели и ценности страны, наносит существенный ущерб экономическому, социальному развитию и статусу России в мире.

В связи с этим необходимо предпринимать меры по противодействию коррупционным проявлениям путем совершенствования законодательства, проведения разумной экономической государственной политики, усиления контроля за деятельностью экономических субъектов, создания в обществе атмосферы нетерпимости к коррупции и т. д. Это непременно должно способствовать пресечению отрицательного влияния коррупции на развитие государства.

Библиографический список

1. Волженкин, Б. В. Коррупция / Б. В. Волженкин. – СПб., 1998.
2. Кабанов, П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П. А. Кабанов. – Нижнекамск, 1995.
3. Национальный план противодействия коррупции : утв. Президентом Рос. Федерации от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газ. – 2008. – 5 авг.
4. О противодействии коррупции : федер. закон : [от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1), ст. 6228.

Bibliographical list

1. Voljenkin, B. V. Corruption / B. V. Voljenkin. – SPb., 1998.
2. Kabanov, P. A. Corruption's Wild Boars and Bribery in Russia: Historical, Criminological and Criminally-Legal Aspects / P. A. Kabanov. – Nizhnekamsk, 1995.
3. The National Plan of Counteraction of Corruption : Approved by the President of the Russian Federation of July, 31st, 2008 № Pr-1568 // Rus. Newspaper. – 2008. – Aug., 5th.
4. On Corruption Counteraction : the Federal Law : [of Dec., 25th, 2008 № 273-FZ] // Collection of the Legislation of the Rus. Federation. – 2008. – № 52 (p. 1), it. 6228.

**МЕСТО И РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИЛИ ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В СИСТЕМЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Place and Role of the Public Justification of Terrorism and Public Call-ups to the Realization
of Terrorist Activity in the System of Terrorist Activity**

Аннотация. В статье рассмотрены публичное оправдание терроризма и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности как элементы организованной и всесторонне обеспеченной террористической деятельности глобальных террористических сетей и террористических группировок.

Ключевые слова: публичное оправдание терроризма, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, террористическая деятельность, терроризм, глобальные террористические сети, террористические группировки.

Annotation. In the article the public justification of terrorism and public call-ups to the realization of terrorist activity as elements of the organized and comprehensively ensured terrorist activity of global terrorist networks and terrorist groupings are considered.

Key words: the public justification of terrorism, public call-ups to the realization of terrorist activity, terrorist activity, terrorism, global terrorist networks, terrorist groupings.

Значимым международным правовым актом, направленным на активизацию усилий государств – членов Совета Европы по предотвращению терроризма посредством мер, принимаемых на национальном уровне и в рамках международного сотрудничества, является ратифицированная Россией Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Основной ее новацией стала рекомендация о криминализации публичного подстрекательства к совершению террористического преступления, вербовки террористов и подготовки последних. Ратификация данной конвенции повлекла дополнение УК РФ ст. 205.2 (О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации»: постановление Совета Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации от 16 марта 2007 г. № 92-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 13, ст. 1474). Криминализованы публичное оправдание терроризма и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

Однако до настоящего времени ведутся споры о том, правильно ли поступил законодатель или это был еще один шаг к ограничению свободы слова.

Свобода слова не безгранична. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправ-

дание терроризма криминализованы федеральным законом – УК РФ.

Однако они являются важными элементами в системе террористической деятельности. Как отмечается в документах ООН, терроризм – это не только отдельные акты, но и методы и практика, поэтому о террористической деятельности в литературе говорят как о практике, которая включает широкий спектр взаимосвязанных мер (Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / под ред. А. И. Долговой, В. В. Милинчука. М., 2007).

В настоящее время плохо проработанные террористические акты, совершаемые одиночками, уступают место хорошо спланированной, организованной и всесторонне обеспеченной террористической деятельности глобальных террористических сетей, профессиональных террористических группировок.

Одними из постоянных признаков существования террористической группировки выступают деятельность по пополнению своих рядов новыми членами (агитационная, вербовочная работа), а также идеологическая работа внутри самой организации, позволяющая обеспечить постоянную готовность членов группы к совершению террористических актов, самопожертвованию, если это необходимо. Идеологическая работа внутри террористической организации также позволяет своевременно выявить лиц, «отклоняющихся от нормы», не готовых идти на крайние меры. В работе с человеческими ресурсами основным рычагом выступает информационная составляющая, содержащая публичное оправдание терроризма и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

Кроме того, последние сами по себе являются источником террористической активности, подталкивая к действию человека (или группу), потенциально готового к осуществлению террористического акта, давая ему необходимую эмоциональную и идеологическую подпитку. В условиях же террористической активности рассматриваемые явления играют роль катализатора.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма уже только на информационном уровне (без реального наполнения) нагнетают в обществе атмосферу страха. При наличии реальной угрозы совершения террористического акта (либо во время террористического акта или непосредственно после него) публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности существенно усиливают негативное влияние террористического акта на общество.

Достаточно сложно оценить степень влияния публичного оправдания терроризма и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности на ту или иную ветвь системы тер-

рористической деятельности, однако можно сделать вывод, что роль рассматриваемых явлений разнообразна и существенна.

В условиях информационного общества, когда практически невозможно контролировать распространение информации, пропагандирующей идеи терроризма, проблема борьбы с публичным оправданием терроризма и публичными призывами к осуществлению террористической деятельности приобретает еще большую актуальность. По мнению руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России А. Седова, «нельзя исключать вероятность осуществления киберакта со стороны террористов на информационные сети государственных структур и частных компаний, связанных с управлением объектами антикризисной инфраструктуры» (URL: <http://www.agentura.ru/equipment/cyberpr/>).

Таким образом, уголовное преследование публичного оправдания терроризма и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности является адекватной и необходимой мерой в борьбе с терроризмом, основанной на международных нормах.

Библиографический список

1. О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации»: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации от 16 марта 2007 г. № 92-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 3, ст. 1474.

2. Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / под. ред. А. И. Долговой, В. В. Милинчука. – М., 2007.

Bibliographical list

1. On the Report of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 2006 «On the legislation condition in the Russian Federation»: The Decree of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of March, 16th, 2007 № 92-Council of Federation // Collection of the Legislation of the Rus. Federation. – 2007. – № 3, it. 1474.

2. The Annotated Collection of the International and Russian Elements of Law on Struggling against Terrorism / ed. by A. I. Dolgova, V. V. Milinchuk. – M., 2007.

В. В. Тимофеев,
*начальник отдела правового
обеспечения Правового управления
аппарата главы администрации г. Байконур*

V. V. Timofeev,
*chief of the department of legal maintenance
of Legal Department of Administration
of the head of the city administration Baikonur*

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ Г. БАЙКОНУРА**

**The Characteristic of Problem Questions of Interaction of Enforcement Authorities of the Russian Federation
and the State Structures of the Republic of Kazakhstan Functioning on the Territory of the City of Baikonur**

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам взаимодействия органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Казахстан на территории комплекса «Байконур» в условиях его аренды Российской Федерацией. Анализируется действующая правовая база, регулирующая данный вопрос, а также практические проблемы, возникающие при применении норм международных соглашений по эксплуатации комплекса «Байконур».

Ключевые слова: государственные органы, взаимодействие, комплекс «Байконур».

Annotation. The article is devoted to the problem questions of interaction between enforcement authorities of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the territory of the complex «Baikonur» in the conditions of its rent by the Russian Federation. The operating legal base regulating this point in question, and also the practical problems arising at application of the norms of the international agreements on the complex «Baikonur» are analyzed.

Key words: state structures, interaction, the «Baikonur» complex.

После распада СССР и образования новых суверенных государств в 1991 г. космический комплекс «Байконур» оказался на территории Республики Казахстан. Однако Российская Федерация была заинтересована в дальнейшем функционировании и развитии данного космодрома в целях выполнения космических программ. В связи с этим возникла насущная необходимость в правовом регулировании отношений, возникающих при совместном использовании Россией и Казахстаном «Байконура». В результате в период с 1992 г. и по настоящее время совместными усилиями двух государств была создана и продолжает развиваться уникальная система правового регулирования деятельности этого комплекса.

Уникальность созданной системы заключается в том, что на территории комплекса «Байконур» осуществляется юрисдикция как Российской Федерации, так и Республики Казахстан. При этом сферы их действия и полномочия соответствующих государственных органов обоих государств на территории города определены международными правовыми актами по комплексу «Байконур». К сферам деятельности, регулируемым казахстанским законодательством, относятся обеспечение конституционных прав граждан Республики Казахстан, проживающих в г. Байконуре (Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (Москва, 10 декабря 1994 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 35, ст. 4369), земельные отношения (Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке

формирования и статусе его органов исполнительной власти (Москва, 23 декабря 1995 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1999. № 5 ; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке использования земельных участков комплекса «Байконур», переданного в аренду Российской Федерации, от 27 апреля 1996 г. // Комплекс «Байконур» : сб. норматив. актов и док. / под ред. А. Ф. Мезенцева. М., 2005. С. 240), банковское дело (в отношении юридических лиц Республики Казахстан) (Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур...), экология и природоохранная деятельность (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан по экологии и природопользованию на территории комплекса «Байконур» в условиях его аренды Российской Федерацией от 4 октября 1997 г. // Бюл. междунар. договоров. 1999. № 3), а также обеспечение социальных гарантий гражданам Республики Казахстан (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о социальных гарантиях граждан Российской Федерации и Республики Казахстан, проживающих и/или работающих на комплексе «Байконур» (Алматы, 12 октября 1998 г.) // Там же. 2001. № 6). Во всех иных случаях применяется законодательство Российской Федерации (Договор аренды комплекса «Байконур»...).

В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на положениях международных договоров по комплексу «Байконур» в части, касаю-

шейся осуществления административного управления на территории г. Байконура.

Двадцать восьмого марта 1994 г. было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 13, ст. 1327), заложившее фундамент существующей сегодня системы отношений Сторон по данному комплексу. В этом международном акте впервые сформулировано определение понятия «комплекс “Байконур”»: «Испытательные, технологические объекты и обеспечивающая инфраструктура космодрома и города Ленинска (на основании указа Президента Республики Казахстан от 20 декабря 1995 г. № 2695 «О переименовании города Ленинска Кызыл-Ординской области» город Ленинск переименован в город Байконур, в российских нормативных правовых актах применяется написание «город Байконур». – В. Т.) с их движимым и недвижимым имуществом составляют единый научно-технический и социальный комплекс “Байконур”».

С целью обеспечения дальнейшего использования космодрома в интересах космической деятельности Российской Федерации объекты космодрома «Байконур» переданы Республикой Казахстан в аренду Российской Федерации на 20 лет с последующим автоматическим продлением срока аренды на последующие 10 лет при взаимном согласии Сторон.

Согласно рассматриваемому документу на территории комплекса «Байконур» в отношении военнослужащих, лиц гражданского персонала Российской Федерации и членов их семей применяется законодательство Российской Федерации и действуют ее компетентные органы.

Стороны договорились, что для разрешения споров по данному Соглашению и решению проблемных вопросов по комплексу «Байконур» правительствами Сторон образуется Межправительственная комиссия под председательством заместителей руководителей правительств Российской Федерации и Республики Казахстан.

На основании и в развитие положений Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» от 28 марта 1994 г. правительствами этих государств 10 декабря 1994 г. был подписан Договор аренды комплекса «Байконур» (далее: Договор аренды).

В Договоре аренды определено содержание основных понятий и терминов, используемых в этом документе и в последующих соглашениях по комплексу «Байконур», в частности:

«1.2. Космодром “Байконур” – территория с размещенными на ней технологическими, техни-

ческими, обеспечивающими и административно-служебными объектами, входящими в комплекс “Байконур” и предназначенными для выполнения космических программ.

1.3. Город Ленинск – административно-территориальная единица Республики Казахстан, функционирующая в условиях аренды, с размещенными на его территории объектами космодрома “Байконур”, а также другими объектами, создающими необходимые коммунально-бытовые и социально-культурные условия для персонала космодрома “Байконур”, членов их семей и других жителей города...

1.6. Персонал космодрома – военнослужащие воинских формирований Российской Федерации, гражданские лица, работающие на постоянной и временной основе на объектах космодрома и обеспечивающих объектах комплекса “Байконур”, и командированные на эти объекты предприятиями, организациями, учреждениями, органами государственной власти и управления Российской Федерации и Республики Казахстан, а также пенсионеры космодрома, проживающие в городе Ленинске, поселках Тюра-Там и Акай.

1.7. Члены семей персонала космодрома – супруги, дети, родители членов семей персонала космодрома, а также совместно проживающие с ними и находящиеся на их иждивении лица.

1.8. Администрация города Ленинска – органы исполнительной власти, подчиненные главе администрации города Ленинска...

Кроме того, в Договоре аренды установлен механизм формирования городской администрации и назначения ее главы. Так, в соответствии с п. 6.9 ст. 6 Договора аренды «глава администрации города Ленинска назначается совместно Президентом Российской Федерации и Президентом Республики Казахстан по представлению Российской Стороны. На период действия настоящего Договора по представлению главы администрации города Ленинска Арендатор формирует администрацию г. Ленинска».

Согласно рассматриваемому Договору срок аренды не изменился: комплекс «Байконур» передается в аренду Российской Федерации на 20 лет с последующим продлением на 10 лет, если ни одна из Сторон не заявит о своем намерении расторгнуть его до истечения срока действия.

Следует отметить, что Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективно-му использованию комплекса «Байконур» (Астана, 9 января 2004 г.) (Комплекс «Байконур». С. 275) срок аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур» продлен до 2050 г.

Согласно п. 6.12 ст. 6 Договора аренды на территории комплекса «Байконур» в отношении военнослужащих, лиц гражданского персонала

Российской Федерации и членов их семей применяется законодательство Российской Федерации и действуют ее компетентные органы.

При этом конституционные права граждан Республики Казахстан обеспечиваются ее компетентными органами (суд, прокуратура), расположенными в г. Ленинске, в соответствии с законодательством Республики Казахстан. В ст. 10 Договора аренды закреплено, что за гражданами Российской Федерации и Республики Казахстан, проживающими на территории комплекса «Байконур», сохраняются их конституционные права.

В развитие указанных выше положений 4 октября 1997 г. в г. Алма-Ате было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» (Бюл. междунар. договоров. 2006. № 6). Данным Соглашением в редакции Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 г. предусмотрен особый порядок привлечения к уголовной ответственности граждан Республики Казахстан, совершивших преступления на территории комплекса «Байконур». В указанных случаях правоохранительные органы Российской Федерации после проведения необходимых процессуальных действий в рамках предварительного следствия или дознания должны передать дела и материалы, а также соответствующих лиц правоохранительным органам Республики Казахстан через органы прокуратуры государств Сторон, находящиеся на территории комплекса «Байконур».

Таков установленный механизм обеспечения конституционных прав граждан Российской Федерации и граждан Республики Казахстан при привлечении их к уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории комплекса «Байконур». Однако п. 4. ст. 5 рассматриваемого Соглашения установлено исключение из этого правила: граждане государства одной Стороны, совершившие на территории комплекса «Байконур» преступления против основ конституционного строя и безопасности другой Стороны, привлекаются к ответственности по законодательству этой другой Стороны, и при этом действуют компетентные органы этой другой Стороны.

В соответствии с п. 6.13 Договора аренды правопорядок, безопасность, особый режим и охрану комплекса «Байконур» устанавливает и

обеспечивает Арендатор. Из этого положения следует, что на территории г. Байконура применяется законодательство Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором.

В ст. 10 Договора аренды закреплено, что контроль за соблюдением юрисдикции Республики Казахстан на комплексе «Байконур» в условиях его аренды и конституционных прав граждан Республики Казахстан осуществляет специальный представитель Президента Республики Казахстан на комплексе «Байконур». Положение о специальном представителе утверждено указом Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 г. № 155.

Одним из основных международно-правовых актов по комплексу «Байконур», регламентирующим деятельность администрации г. Байконура, является подписанное 23 декабря 1995 г. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти (далее: Соглашение о статусе города).

Статьей 1 Соглашения о статусе города определено, что г. Байконур — это административно-территориальная единица Республики Казахстан, функционирующая в условиях аренды. При этом на период аренды космодрома г. Байконур в отношениях с Российской Федерацией наделяется статусом, соответствующим городу федерального значения Российской Федерации, с особым режимом безопасного функционирования объектов, предприятий и организаций, а также проживания граждан. Указанная норма Соглашения о статусе города служит правовым основанием осуществления администрацией г. Байконура полномочий, предоставленных законодательством органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Принципиальное значение имеет положение ст. 5 Соглашения о статусе города, согласно которой органы городской представительной власти в г. Байконуре не формируются. Население этого города осуществляет право самоуправления посредством референдумов, проводимых на территории города, а также путем участия в общих собраниях, конференциях граждан по месту жительства. Следует отметить, что референдумы в г. Байконуре с момента вступления в силу Соглашения о статусе города не проводились.

Согласно ст. 6 Соглашения о статусе города администрацией г. Байконура являются органы исполнительной власти, действующие под непосредственным руководством главы этой администрации, который, как было установлено в Договоре аренды, назначается совместно Президентом Российской Федерации и Президентом Рес-

публики Казахстан по представлению Российской Стороны. На период действия Договора аренды городскую администрацию формирует Правительство Российской Федерации по представлению главы этой администрации.

Следует отметить, что механизм назначения на должность главы администрации и формирования самой городской администрации является уникальным.

В целях осуществления юрисдикции Республики Казахстан в соответствии с достигнутыми договоренностями на территории г. Байконура действует ряд государственных органов этой республики.

Так, п. 3 ст. 10 Соглашения о статусе города предусмотрено функционирование на территории г. Байконура следующих государственных органов Республики Казахстан:

- 1) суд;
- 2) прокуратура;
- 3) Национальное аэрокосмическое агентство (в настоящее время – Национальное космическое агентство Республики Казахстан);
- 4) специальный представитель Президента Республики Казахстан на комплексе «Байконур»;
- 5) территориальный комитет по государственному имуществу;
- 6) отделение Национального банка Республики Казахстан;
- 7) военный комиссариат;
- 8) представительство МВД Республики Казахстан;
- 9) представительство Государственного следственного комитета Республики Казахстан.

В соответствии с п. 1 Меморандума между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о дальнейшем развитии сотрудничества по вопросам обеспечения функционирования комплекса «Байконур», подписанного 9 января 2004 г. президентами обоих государств (Комплекс «Байконур». С. 273), Стороны обязуются внести *согласованные* изменения и дополнения в Соглашение о статусе города по вопросу расширения перечня и участия органов государственного управления Республики Казахстан в решении вопросов жизнедеятельности г. Байконура. Следует особо подчеркнуть, что речь идет именно о согласованных, а не односторонне принятых изменениях и дополнениях.

Во исполнение поручений президентов двух государств был разработан и согласован Сторонами проект Протокола о внесении изменения в Соглашение о статусе города, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти. В данном проекте предусматривается функционирование в г. Байконуре уже не девяти, а пятнадцати государственных органов Республики Казахстан, к которым, в частности, относятся:

- 1) суд;

- 2) прокуратура;

- 3) Аэрокосмический комитет Министерства образования и науки Республики Казахстан;

- 4) специальный представитель Президента Республики Казахстан на комплексе «Байконур»;

- 5) подразделение Комитета государственного имущества и приватизации Министерства финансов Республики Казахстан;

- 6) подразделение Национального банка Республики Казахстан;

- 7) отдел по делам обороны г. Байконура (с функциями военного комиссариата);

- 8) представительство МВД Республики Казахстан;

- 9) представительство Министерства охраны окружающей среды Республики Казахстан;

- 10) подразделение Министерства юстиции Республики Казахстан;

- 11) представитель Кызыл-Ординского областного территориального управления по управлению земельными ресурсами Агентства Республики Казахстан по управлению земельными ресурсами;

- 12) подразделение Комитета национальной безопасности Республики Казахстан;

- 13) подразделение Комитета по судебному администрированию при Верховном Суде Республики Казахстан;

- 14) подразделение Комитета казначейства Министерства финансов Республики Казахстан;

- 15) подразделение Департамента координации занятости и социальных программ Кызыл-Ординской области.

Кроме предусмотренных проектом Протокола государственных органов Республики Казахстан вне рамок межгосударственных соглашений в г. Байконуре функционирует еще ряд государственных органов и учреждений Республики Казахстан, таких как:

– таможня «Байконыр» Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан;

– Байконырское городское отделение Государственного центра по выплате пенсий Министерства труда и социальной защиты Республики Казахстан и др.

Таким образом, Российская Сторона выполнила поручения президентов двух государств согласно Меморандуму от 9 января 2004 г. По результатам работы российско-казахстанских экспертов и рабочих групп было издано распоряжение Президента Российской Федерации от 28 мая 2007 г. № 276-РП «О подписании Протокола о внесении изменения в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 года».

Однако позиция Казахстанской Стороны, выраженная в Ноте Министерства иностранных дел Республики Казахстан от 12 февраля 2008 г. № 15-1-1/493 и заключающаяся в отказе от соблюдения ограничений, установленных п. 3 ст. 10 Соглашения о статусе города, не соответствует достигнутым договоренностям и ставит под сомнение легитимность международного акта, ратифицированного обоими государствами и выполняемого Сторонами на протяжении ряда лет.

В ходе одиннадцатого заседания подкомиссии по комплексу «Байконур» Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, состоявшегося в г. Астане 13–14 ноября 2008 г., Казахстанская Сторона подтвердила свою позицию о необоснованности установления ограничений на функционирование государственных органов Республики Казахстан на территории г. Байконура, а также неуместности включения их перечня в ст. 10 Соглашения о статусе города. В связи с этим Казахстанская Сторона предлагает исключить п. 3 ст. 10 из текста данного Соглашения и дополнить ст. 1 нормой, предусматривающей открытие на территории г. Байконура необходимых государственных органов Республики Казахстан в уведомительном порядке без согласования с Российской Стороной.

Отдельного рассмотрения в рамках анализа системы правового регулирования взаимодействия государственных органов Сторон на территории комплекса «Байконур» требует институт специального представителя Президента Республики Казахстан на комплексе «Байконур» (далее: специальный представитель).

Данное уполномоченное должностное лицо Республики Казахстан на комплексе «Байконур» обеспечивает проведение государственной политики и согласованное функционирование всех территориальных подразделений центральных и местных исполнительных органов Республики Казахстан, действующих в условиях аренды, по определенным российско-казахстанскими договоренностями вопросам, связанным с соблюдением юрисдикции Республики Казахстан и конституционных прав граждан Республики Казахстан, проживающих на территории города Байконур. Специальный представитель назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Казахстан по представлению Администрации Президента Республики Казахстан. Специальный представитель непосредственно подотчетен Президенту Республики Казахстан.

Основными задачами специального представителя являются:

- организация работы по реализации казахстанскими органами государственной власти,

находящимися на комплексе «Байконур», основных положений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Республики Казахстан;

- обеспечение контроля за деятельностью казахстанских государственных органов, функционирующих на комплексе «Байконур», в части обеспечения юрисдикции Республики Казахстан и конституционных прав граждан Республики Казахстан, в том числе за исполнением актов и поручений главы государства;

- представление Президенту Республики Казахстан регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности на комплексе «Байконур», а также о политическом, социальном и об экономическом положении в регионе.

Специальный представитель в своей деятельности взаимодействует с подкомиссией по комплексу «Байконур» Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, Координационным советом комплекса «Байконур» (членом которого он является), государственными органами, учреждениями, организациями и должностными лицами Республики Казахстан, а также с главой администрации г. Байконура. Специальный представитель имеет право участвовать в заседаниях Правительства Республики Казахстан, коллегий центральных исполнительных органов, государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных главе государства, работе консультативно-совещательных органов при Президенте Республики Казахстан.

Необходимо отметить, что ранее действовавшее Положение о специальном представителе Президента Республики Казахстан на комплексе «Байконур», утвержденное указом Президента Республики Казахстан от 18 апреля 1996 г. № 2955, наделяло специального представителя значительно меньшим объемом полномочий. Так, ранее у него отсутствовали полномочия по *организации* работы и *контролю* за деятельностью функционирующих в г. Байконуре государственных органов Республики Казахстан по реализации основных положений внутренней и внешней политики государства и исполнению поручений Президента Республики Казахстан, а было лишь право запрашивать у соответствующих органов необходимую информацию. Отсутствовало у специального представителя и право участвовать в заседаниях Правительства Республики Казахстан и государственных органов, непосредственно подчиненных Президенту Республики Казахстан.

Перечисленные выше весьма значительные полномочия специального представителя делают его важным элементом системы государственного регулирования в г. Байконуре, а усиление его

влияния в связи с расширением предоставленных полномочий может нарушить существующий баланс в г. Байконуре.

Увеличение количества государственных органов власти и управления Республики Казахстан на территории г. Байконура, функционирующих как в рамках, так и вразрез с действующими международными соглашениями, создает предпосылки к возникновению двоевластия в городе, обостряет проблему разделения полномочий и взаимодействия государственных органов двух государств и в конечном итоге приведет к конкуренции юрисдикции Российской Федерации и Республики Казахстан на территории г. Байконура.

Оценивая в целом ситуацию, сложившуюся в сфере взаимодействия администрации г. Байконура и государственных органов Республики Казахстан, функционирующих на территории г. Байконура, можно сделать вывод, что за годы аренды комплекса «Байконур» сложилась достаточно сбалансированная и взаимовыгодная система взаимодействия органов обоих государств. Однако в деятельности Казахстанской Стороны за последние годы четко прослеживается тенденция к расширению роли и присутствия своих государственных органов в г. Байконуре, а также стремление в одностороннем порядке решать возникающие при этом во-

просы. Если не будет преодолена указанная негативная тенденция, то в будущем неизбежно увеличится количество проблем во взаимоотношениях обоих государств по вопросу функционирования комплекса «Байконур».

В заключение отметим, что международными правовыми актами по комплексу «Байконур» создана уникальная система правового регулирования деятельности данного комплекса, показавшая свою жизнеспособность и эффективность в течение ряда лет. Однако вопрос правового регулирования взаимодействия государственных органов Российской Федерации и Республики Казахстан на территории комплекса «Байконур», как показывает практика взаимоотношений, требует дополнительной проработки и урегулирования.

Пути решения данной проблемы следует искать на основе принципа согласованного принятия решений Российской и Казахстанской Сторонами, исключив односторонние действия и решения одной из Сторон, затрагивающие интересы другой Стороны. При этом действенным механизмом подготовки проектов указанных решений может служить подкомиссия по комплексу «Байконур» Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

Библиографический список

1. Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (Москва, 10 декабря 1994 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 35, ст. 4369.
2. Комплекс «Байконур» : сб. норматив. актов и док. / под ред. А. Ф. Мезенцева. – М., 2005.
3. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» (Москва, 28 марта 1994 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 13, ст. 1327.
4. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти (Москва, 23 декабря 1995 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 1999. – № 5.

Bibliographical list

1. The Contract of Rent of the «Baikonur» Complex between the Government of the Russian Federation and the Republic Kazakhstan Government (Moscow, 10th December, 1994) // Collection of the Legislation of the Rus. Federation. – 1998. – № 35, it. 4369.
2. The Complex «Baikonur» / ed. by A. F. Mezentseva. – M., 2005.
3. The Agreement between the Russian Federation and Republic Kazakhstan about Main Principles and Conditions of Use of Cosmodrome «Baikonur» (Moscow, 28th March, 1994) // Collection of the Legislation of the Rus. Federation. – 2006. – № 13, it. 1327.
4. The Agreement between the Russian Federation and Republic Kazakhstan about the Status of the City of Baikonur, the Order of Formation and the Status of its Enforcement Authorities (Moscow, 23rd December, 1995) // The Bulletin of the International Contracts. – 1999. – № 5.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

T. A. Tkachuk,
assistant-professor of the chair of forensic studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, assistant professor

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Modern Characteristics and Potential of the Scientific and Technical Support of the Investigator's Detection Activities

Аннотация. Автор анализирует современное состояние научно-технического обеспечения розыскной деятельности следователя, обосновывает актуальность создания единого национального банка данных, объединяющего в себе самые различные информационные направления, с целью совершенствования процесса раскрытия и расследования различных категорий преступлений, а также целесообразность осуществления комплексного взаимодействия государственных, общественных организаций, которые смогут оказать неоценимую помощь в аспекте научно-технического обеспечения розыскной деятельности следователя.

Ключевые слова: научно-техническое обеспечение, криминалистические методы, установление личности, идентификация личности, розыскная деятельность следователя.

Annotation. Being a study of modern state-of-arts in the sphere of scientific and technical support of the investigator's detection activities, the paper proves the feasibility of the national data base system, which could unite various information support directions. The aim of this system is to promote investigation and solution of different crimes. The article also discusses the necessity of integrated cooperation of state and public organizations who could render invaluable assistance in terms of scientific and technical support in the investigator's detection activities.

Key words: scientific and technical support, forensic methods, person's identification, detection activities of the investigator.

Поисковый эвристический характер деятельности по установлению личности неизвестного лица и его розыска предопределяет использование при выдвижении версий о нем не только традиционных логических методов (индукции, дедукции, аналогии и т. д.), но и других, имеющих сугубо творческую направленность, в частности, метода конфигурации идей (например, при выдвижении версии о личности преступника по результатам осмотра места происшествия). В таких случаях, отмечают В. П. Лавров и В. Е. Сидоров, действия следователя и взаимодействующих с ним оперативных работников нередко бывают столь целеустремленными и интенсивными, что по сути своей имеют характер преследования неизвестного преступника по выявленным следам, отражающим признаки и свойства его личности (Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам : учеб. пособие. М., 1989. С. 10–13), а специальные исследования приобретают статус неотложных мероприятий. Объектами экспертиз и исследований при этом становятся материальные следы преступлений и отраженные в них криминалистически значимые признаки и свойства лица, его совершившего, и иных участников события.

Возможность их познания определяется с позиций таких общеправовых и методологических категорий, как: «взаимодействие», «отражение», «детерминированность», — получивших соответствующую интерпретацию в криминали-

стике. Эти категории признаны основополагающими в изучении следов человека, на них базируются криминалистические учения о диагностике и идентификации (Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1978. Т. 2. С. 303 ; Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертиология. Волгоград, 1979. С. 160 ; Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969. С. 12–27 ; Корухов Ю. Г. Трасологическая диагностика. М., 1983. С. 75 и др.); они лежат в основе методов и технических средств обнаружения следов человека, получения отобразившейся в них информации о его признаках и свойствах, ее преобразования и процессуальной фиксации результатов исследования (Идентификация человека и диагностика его свойств, отражающихся в следах. М., 1993. С. 23).

Установление и розыск неизвестного лица могут производиться по любому отдельно взятому следу, содержащему информацию о его признаках и свойствах: следы частей тела и выделений человека (рук, ног, зубов, крови, пота, слюны, волос и т. п.); следы, в которых отражаются психологические свойства, профессиональные и функциональные навыки человека, например, почерк и письма, изготовления каких-либо предметов, машинописных текстов; следы-предметы, оставленные человеком на месте происшествия (предметы одежды, головные уборы, обувь, орудия преступления, окурки и т. п.).

Следует иметь в виду, что контактируя с окружающей средой (при совершении преступления), как правило, человек оставляет некую совокупность следов. Их количество и разнообразие, естественно, увеличивается при совершении, например, одним и тем же лицом серии преступлений. В таких ситуациях появляется реальная возможность объединить уголовные дела в одно производство и организовать поиск соответствующего лица по комплексу его признаков и свойств.

Такая информация позволяет не только более содержательно оформить розыскную ориентировку, но и, по существу, составить своеобразную модель искомого лица, его пол, возраст, рост, групповую принадлежность, профессиональные навыки и т. п.

При составлении такой модели используется как идеальная, так и материальная информация. Она может быть получена при проведении следственных действий (начиная со стадии осмотра места происшествия) и оперативно-розыскных мероприятий, однако в любом случае должна быть систематизирована и обобщена с участием специалистов-криминалистов. В этих целях проводится комплексное исследование всех следов преступлений, в которых отразились признаки и свойства лица, их оставившего. Всю информацию о свойствах устанавливаемой личности следует вычленять, анализировать и группировать по определенной системе.

Однако, как свидетельствует практика, следователи порой не назначают исследования следов и вещественных доказательств до установления и задержания подозреваемого лица. Например, из числа изученных нами уголовных дел такие исследования назначались по 46 % дел, а экспертизы – по 54 %. При этом до возбуждения уголовного дела и на первоначальном этапе расследования, когда задача поиска преступника, установления иных участников события является ключевой, приоритетной, исследования производились лишь по 43 % уголовных дел. И только по 3 % были назначены и проведены экспертизы и исследования, направленные на установление признаков и свойств преступника по его следам и моделирование его внешнего облика. При этом вполне очевидно, что уже в начале расследования специалисты могут дать ответы на широкий круг вопросов, интересующих органы дознания и предварительного следствия.

Всесторонняя и объективная оценка результативности установления и розыска участников уголовного процесса, как и оценка любой другой деятельности, базируется на анализе. Она позволяет выявить отрицательные и положительные стороны в функционировании всей системы, принять меры к нейтрализации негативных тенденций.

Мы солидарны с мнением А. С. Шаталова, который считает, что давать оценку эффективности деятельности необходимо с учетом динамики и статистики рассматриваемых процессов (Шаталов А. С. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 35). Применительно к установлению и розыску неизвестных лиц оценка эффективности, по нашему мнению, должна учитывать главную цель – возможность непосредственной идентификации в совокупности с затратами, качеством и сроками производства данного вида деятельности.

В. А. Волинский считает, что получение и прирост относящейся к делу информации в результате применения технико-криминалистических средств – это всего лишь одна сторона рассматриваемой проблемы, позитивная. Но есть и другая, не менее важная, – негативная, касающаяся «упущенных возможностей», т. е. что из указанных средств в каждой конкретной ситуации нужно было применить (но не применено) и какие реально результаты можно было получить (но они не получены) (Волинский В. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 37).

В ходе проведенного нами исследования по специально разработанной анкете было осуществлено выборочное изучение уголовных дел (в том числе архивных) по кражам чужого имущества, разбоям и убийствам (раскрытым, нераскрытым и приостановленным по ч. 1 ст. 208 УПК РФ за неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности). В частности, изучались протоколы осмотров мест происшествий, постановления о назначении экспертиз, заключения экспертов и другие процессуальные документы, в которых нашли отражение процесс технико-криминалистической работы с материальными следами преступления, их использование как носителей розыскной и доказательственной информации в целях установления и розыска участников события.

Было установлено, что в ходе осмотров мест происшествий собираются в основном так называемые традиционные следы (рук, ног, орудий взлома и т. п.). При этом участники следственно-оперативной группы явно переоценивают результативность своей работы со следами, считая, что они изымают более 90 % всех возможных следов преступника. Однако, по данным ряда исследований, количество фактически изымаемых следов составляет около 43,7 % от реально возможных. Кроме того, этот показатель оказывается еще более низким (27,6 %), если учитывать следы, входящие в группу «вероятного их оставления» (Там же. С. 43–44).

Некоторые авторы считают, что оценить результативность осмотра места происшествия можно «по количеству как изъятых, так и эффективно использованных в раскрытии преступления вещественных доказательств» (Повышать эффективность осмотров мест происшествий // Эксперт. практика. М., 1986. № 24. С. 3). Однако количественный критерий не всегда свидетельствует о качестве (не все изъятые следы относятся к делу, их поисково-розыскная и идентификационная ценность может быть низкой).

Подавляющее большинство следователей и работников дознания (более 75 %) считают, что главным препятствием в эффективной работе следователя, оперативного работника, специалиста в поиске, анализе и оценке исходной информации об искомом лице на месте происшествия является не столько недостаточное количество специалистов, сколько нередко низкий уровень их профессиональной подготовки.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству документы, в которых отражены результаты предварительных исследований на месте происшествия, не относятся к источникам доказательств, не приобщаются к протоколам их осмотров. В связи с этим их проведение теряет практический смысл для многих специалистов-криминалистов. Формальное выполнение требований УПК РФ и указаний следователей является основой их (как правило) безынициативной деятельности на местах происшествий.

Проблеме исследования места происшествия экспертами (специалистами) уделяют внимание многие криминалисты. Б. М. Комаринец отмечал, что такие исследования не только возможны, но и во многих случаях необходимы для более полного разрешения вопросов, возникающих при расследовании преступления (Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. М., 1964. Вып. 1(11). С. 21). Очевидно, что полное и всестороннее исследование места происшествия как совокупности объектов с целью установления и розыска неизвестного преступника (иного участника события) по его отображениям в обстановке без соответствующих специалистов следователю провести невозможно. И. В. Постика, изучив опыт производства осмотров мест происшествий в некоторых зарубежных странах, предлагает использовать необходимое количество специалистов (по усмотрению следователя, в зависимости от вида и способа совершения преступления) для участия в осмотрах мест происшествий (Постика И. В. Выявление и расследование очага преступлений (по материалам европейских социалистических стран). Одесса, 1981. С. 19). При этом

специалисты, по мнению указанного автора, смогли бы охватить всю территорию места происшествия, все обнаруженные следы, оперативно оценить их совокупность, а значит, можно было бы оперативно использовать полученную информацию о лице, совершившем преступление, об иных участниках события в целях их установления и розыска.

Исследование экспертом обстановки места происшествия, обнаруженных вещественных доказательств, как справедливо отмечают отечественные криминалисты, даст возможность установить существенные для дела обстоятельства, получить необходимые данные для построения следственных версий, выявить признаки и свойства искомого лица (Закутский Д. М. Исследование экспертом места происшествия // Эксперт. практика. М., 1975. № 6. С. 26 ; Разумов Э. А. Изучение вещной обстановки места происшествия с целью определения времени совершения убийства // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1989. Вып. 39. С. 47 ; Сысоенко Г. И. Вопросы совершенствования производства осмотра места происшествия // Там же. С. 45).

Так, в последнее время особенно остро встает вопрос об идентификации жертв взрывов и пожаров, когда сами поражающие факторы оказывают сильное разрушительное действие на тело человека, в результате чего на месте происшествия обнаруживают лишь фрагменты тел. В таких условиях следователь должен максимально эффективно использовать экспертные способы идентификации, среди которых особый интерес вызывают методы, опирающиеся на исследование черепа, зубов, ДНК объекта.

Кости и зубы, в отличие от мягких тканей человеческого организма, выдерживают высокие температуры и достаточно долго сохраняются в земле и других средах. Поэтому нередко приходится иметь дело уже практически со скелетированными останками. В настоящее время исследования зубов, а также антропологические методы восстановления облика и идентификации стали традиционными. За рубежом этому во многом способствует широкое распространение маркировки коронок и протезов. Кроме того, возможно (даже на основании одних костных останков) определить расовую принадлежность человека, его привычки, как он питался, какие перенес заболевания и т. п., восстановить его вероятный облик и таким образом выйти на определенный круг пропавших, среди которых затем провести индивидуальную идентификацию (Исаева Л. Идентификация личности погибшего // Законность. 2001. № 2. С. 10–12).

Использование для идентификации и последующего розыска ДНК объекта основано на том, что ДНК содержится в клетках всех живых орга-

низмов, включая человека, и является носителем генетической информации. Суть снятия «отпечатков ДНК» заключается в том, что некоторое ее количество, полученное из любой ядродержащей ткани (спермы, крови и т. п.) индивидуума, с помощью фермента расщепляют на фрагменты различной величины¹. Так как каждый человек в соматических клетках имеет удвоенный набор хромосомных локусов (один – от отца, другой – от матери), то на основании анализа «отпечатков ДНК» объекта и его кровных родственников можно установить родство и идентифицировать потерпевшего.

В США, например, после первого использования «отпечатков ДНК» в качестве вещественных доказательств во время судебного разбирательства в штате Флорида в 1988 г. они нашли широкое распространение. Эта же методика была успешно использована представителями Аргентинской национальной комиссии по расследованию исчезновения пропавших людей для проведения идентификации порядка 10 тыс. лиц, исчезнувших во времена военной диктатуры.

По данным английских криминалистов, с помощью созданной базы данных ДНК в Великобритании, содержащей в настоящее время информацию почти о 6 млн генотипов, еженедельно раскрывается до 850 преступлений, по которым с места происшествия изымался генетический материал (URL: <http://www.mvd.ru/struct/3842/3970/5938/>).

В настоящее время при идентификации неопознанных трупов в совокупности широко используются все последние достижения современной науки и опробованные десятилетиями традиционные методы, следственно-оперативные и экспертные способы получения столь ценной информации. При этом результат нередко зависит от правильности оценки следователем ситуации, складывающейся как в деятельности по розыску, так и на месте происшествия, определения круга лиц и отбора образцов для идентификации, а также от грамотности и оперативности постановки задач розыска и расследования в целом, знания принципиальных возможностей современной науки.

По данным ГИЦ при МВД России, за 9 месяцев 2009 г. зарегистрировано 15701 случай обнаружения неопознанных трупов, что на 9,7 % меньше, чем в 2008 г. за тот же период. Больше всего обнаруженных неопознанных трупов было поставлено на учет в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Иркутской, Кемеровской, Свердловской и Челябинской областях, т. е. в промышленно

развитых регионах с высоким уровнем миграции людей и деловой активности, а также на юге европейской части России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область).

В результате принятых мер удалось установить личность погибших в более 65 % случаев, однако, по сведениям ГИЦ при МВД России, при обнаружении неопознанных трупов значительно уменьшилось количество осмотров мест происшествий с участием специалиста (на 24 %), с изъятием следов и объектов (на 25,9 %), в целях идентификации выполнено 4314 исследований (на 42 % меньше, чем в 2008 г. за такой же период), возможности судебных экспертиз при этом остались невостребованными.

Наиболее высокие результаты в работе по идентификации неопознанных трупов достигаются за счет использования положительно зарекомендовавших себя на практике методов, а также разработки и внедрения новых, более эффективных, форм и методов этой деятельности, отлаженного взаимодействия работников правоохранительных органов и судебно-медицинских экспертов. Например, при Хабаровском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы создано специализированное отделение идентификации и исследования неопознанных трупов. Работающие в нем судебно-медицинские эксперты имеют дополнительную подготовку в области антропологии и криминалистики. Отделение оснащено рентгеновской, фото- и видеоаппаратурой, компьютерной и другой техникой. Широко используются разработанные сотрудниками отделения средства программного обеспечения идентификационной деятельности, получившие государственную лицензию, а также цифровые методы накопления данных о неопознанных трупах, специальная видеотека. Имеющаяся компьютерная база данных доступна не только для работников правоохранительных органов Хабаровского края, но и всего Дальнего Востока (Исаенко В. Идентификация неопознанных трупов // Законность. 2001. № 6. С. 25–30).

В созданное в г. Санкт-Петербурге Бюро регистрации несчастных случаев в обязательном порядке направляются фотоснимки и другие данные о трупах неизвестных лиц из их опознавательных карт. Информация обо всех обнаруженных в течение суток трупах передается по модемной связи в органы внутренних дел, где обеспечивается их оперативное опознание.

В г. Нижнем Новгороде на базе Автозаводского отделения бюро судебно-медицинской экспертизы создан специализированный морг, где проводятся все экспертизы и исследования неопознанных трупов, обнаруженных в областном центре. За счет активизации взаимодействия экспертов-криминалистов органов внутренних дел и судебно-медицинских экспертов подавляющее большинство посту-

¹ Причем набор фрагментов индивидуален для каждого человека и неизменен на протяжении всей его жизни. Эти фрагменты можно разделить по величине и выделить определенные последовательности ДНК с помощью соответствующих зондов, получив таким образом «отпечаток ДНК».

пающих на исследование трупов в оперативном порядке идентифицируются.

Накоплен значительный положительный опыт использования автоматизированных систем дактилоскопической регистрации и идентификации в получении установочных данных о неопознанных трупах с помощью дактилоскопического учета и автоматизированной дактилоскопической информационной системы «Папилон». Данная система результативно используется в Мурманской области.

За последнее время в целом по Российской Федерации благодаря использованию криминалистических учетов и автоматизированной информационно-поисковой системы (далее: АИПС) «Опознание» ежегодно устанавливаются личности в среднем более 12 тыс. погибших. Розыск и идентификация конкретных лиц, безусловно, были бы более эффективными, если бы при обнаружении каждого неопознанного трупа (фрагмента останков) использовалось генетическое, иммуноферментное и даже обычное (по группам крови) исследование крови или другого биологического материала. Работа по созданию банка генетической информации по-прежнему относится к «перспективным направлениям» розыскной и идентификационной деятельности в рамках расследования¹. Лишь в отдельных субъектах Российской Федерации (Вологодской, Ярославской и других областях) предпринимаются попытки использования для идентификационных целей достаточно эффективного и не требующего больших затрат метода исследования крови и тканей неопознанных трупов по фенотипу белка.

По-прежнему остро стоит проблема создания региональных идентификационных центров, повсеместного введения компьютерного учета неопознанных трупов и систематического пополнения имеющихся баз данных, в первую очередь АИПС «Опознание».

Результаты проведенного анализа показали необходимость создания единой общефедеральной поисково-розыскной базы данных при МВД России, которая бы смогла интегрироваться с соответствующими структурами Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Федеральной миграционной службы России, судебно-экспертной и др. В настоящее время поиско-

вая база данных МВД России основана на системе «Сова» и ведется ее совмещение с АИПС «Портрет-Поиск» (URL: <http://www.newsru.com/russia/24sep2008/proekt.html>).

Подобные системы, безусловно, должны постоянно пополняться информацией, требующейся для их результативного функционирования. Прав С. Х. Хаматов, который настаивает на необходимости соответствующей подготовки местных информационных фондов, из которых специалист-криминалист, производящий предварительное исследование материальных следов на месте происшествия, сможет получить нужные справочные данные для оказания помощи следователю в определении направления розыска по расследуемому событию и последующей идентификации его участников (Хаматов С. Х. Пути повышения качества осмотра места происшествия специалистами криминалистических подразделений. Организация полноты исследования изъятых вещественных доказательств // Эксперт. практика. М., 1996. № 39. С. 23).

Заслуживает внимания, на наш взгляд, высказанное в правовой литературе предложение некоторых криминалистов о целесообразности введения специального приложения к протоколу осмотра места происшествия, где объективно отражался бы объем работы каждого из специалистов (Вопросы следственной тактики и методики расследования преступлений. Криминалистическая техника / С. Д. Коберник [и др.] // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1986. Вып. 39. С. 39). Г. Н. Порошин и А. Г. Щурин, в свою очередь, предлагают процесс и результаты экспертного исследования места происшествия, как и результаты лабораторных исследований объектов, отражать в заключении эксперта (Порошин Г. Н., Щурин А. Г. Исследование места происшествия при проведении экспертиз // Эксперт. практика. М., 1979. № 13. С. 8).

По нашему мнению, учитывая все трудности, с которыми приходится сталкиваться следователю и эксперту при производстве предварительных исследований с целью получения розыскной и доказательственной информации во время осмотра места происшествия, наряду с протоколом осмотра места происшествия следует ввести протокол предварительного исследования следов и вещественных доказательств на месте происшествия, где специалист смог бы закрепить результаты своей работы (поисковой и исследовательской). Придание же правового значения такому документу, на наш взгляд, позволило бы избежать трудностей при использовании его в качестве доказательства.

Мы разделяем мнение многих специалистов в области криминалистики и уголовно-процессуального права о необходимости производства экспер-

¹ Пятнадцатого ноября 2008 г. на Пленарном заседании Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации рассмотрен и принят разработанный ЭКЦ МВД России по поручению Правительства Российской Федерации проект Федерального закона «О государственной генетической регистрации в Российской Федерации». В настоящее время продолжается разработка проектов нормативных правовых актов федерального уровня, необходимых для реализации данного закона.

тизы до возбуждения уголовного дела (Волынский В. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений (Методологические, организационные и правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991 ; Пампушко И. П. Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996 ; Черенков А. М. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в условиях мегаполиса. М., 1999. С. 15), тем более, что абсолютное большинство предварительных исследований, результаты которых несут ценную поисково-розыскную информацию о лице, совершившем преступление, как уже отмечалось выше, проводятся именно на этой стадии раскрытия преступления¹. Экспертное исследование, произведенное до возбуждения уголовного дела, несомненно, будет способствовать решению целого ряда вопросов: а) имеющих значение для установления и розыска участников уголовного процесса; б) связанных с выяснением отдельных элементов объективной стороны состава преступления, и других вопросов, поставленных эксперту следователем (Комаринцев Б. М. Указ. соч. С. 21 ; Плескачевский В. М. Судебно-баллистические исследования на месте происшествия // Вопр. судеб. экспертизы. Баку, 1974. Вып. 17. С. 28).

На наш взгляд, следует решить вопрос о необходимости производства не только криминалистических, но и других видов судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела и непосредственно на месте происшествия (Долицкий Е. А. Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951. С. 28 ; Митричев С. П. Значение пожарно-технической экспертизы при расследовании пожаров // Материалы Ташкент. криминалист. конф. Ташкент, 1961. С. 9–10 ; Шаталов А. С. Тактика назначения экспертизы при расследовании преступлений, связанных с наркотиками // Проблема обеспечения безопасности на объектах транспорта и пути ее улучшения. М., 1998. С. 293–294 и др.).

В результате изучения уголовных дел и материалов предварительной проверки нами установлено, что всего было проведено 478 экспертиз (324) и исследований (154). То есть экспертиз проводилось в два раза больше, однако 76 % исследований затем в целях процессуального закрепления их результатов дублировались в виде экспертиз. При этом нами не было выявлено ни одного случая, чтобы такие результаты не подтвердились.

В связи с этим мы полностью разделяем мнение В. Т. Томина, который предлагает допус-

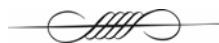
тить производство следственных действий, не связанных с реальным применением мер процессуального принуждения, до возбуждения уголовного дела (Томин В. Т. «Острые углы» уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 117). Кроме того, дальнейшая дифференциация организационно-правовых форм использования результатов предварительных исследований и экспертиз в уголовном процессе, безусловно, должна способствовать повышению эффективности работы со следами, установлению и розыску участников события, а значит, и сокращению сроков расследования преступлений.

Отмеченные недостатки осмотров мест происшествий, крайне низкая результативность работы специалистов-криминалистов приводят к тому, что практически не назначаются экспертизы в целях решения проблем прежде всего розыскного характера по вопросам: о количестве преступников и иных участников события; об их половой принадлежности; о возрасте; росте; профессиональных навыках; преступном опыте; физических данных; психическом состоянии; цвете материала и других особенностях верхней одежды, обуви; наличии, типе и виде орудия преступления; транспортном средстве и т. п. В зависимости от конкретных обстоятельств преступления и оставленных следах данный перечень может быть значительно расширен и конкретизирован.

Приведенные факты не дают оснований для высокой оценки современного состояния научно-технического обеспечения розыскной деятельности следователя. В качестве основных причин недостаточно эффективной работы с материальными следами преступлений, начиная со стадии осмотра места происшествия, можно указать несовершенство организации, правового регулирования, технического и научно-методического обеспечения рассматриваемого вида деятельности. Причем все эти проблемы, как правильно отмечал А. Ф. Волынский, должны решаться комплексно с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности (Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. С. 5–17).

Наличие новейших достижений науки и техники не даст желаемого результата без соответствующей организации работы с ней, а также без высокопрофессиональных соответствующих специалистов, на подготовку которых в настоящее время нужно обратить особое внимание. Повышение эффективности научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и, в частности, использование в этих целях материальных следов преступлений в качестве источников розыскной и доказательственной информации невозможно без личной заинтересованности субъектов данной деятельности в конечном результате.

¹ Следует заметить, что этот вопрос уже решен положительно в УПК Узбекистана и Казахстана.

Библиографический список

1. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М., 1994.
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. – М., 1998.
3. Волынский, А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
4. Дубягин, Ю. П. Комментарий Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» / Ю. П. Дубягин, О. П. Дубягина, Е. А. Заика. – М., 2007.
5. Коломацкий, В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений / В. Г. Коломацкий // Криминалистика : учебник. В 3 т. Т. 1 / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. – М., 1994.
6. Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского. – М., 1999.
7. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Abdeev, R. F. The Philosophy of the Information Civilization / R. F. Abdeev. – M., 1994.
2. Belkin, R. S. Course of forensic studies. In 3 vol. Vol. 2 / R. S. Belkin. – M., 1998.
3. Volynsky, A. F. Concept of Technical Criminalistic Provision for Detection and Solving Crimes. – M., 1999.
4. Doubyagin, Yu. P. Comments on Federal Law «On the State Fingerprint Registration in the Russian Federation» / Yu. P. Doubyagin, O. P. Doubyagina, E. A. Zaika. – M., 2007.
5. Kolomatsky, V. G. Forensic Support of Detection Crimes in Internal Affairs Activities / V. Kolomatsky // Forensic Studies. In 3 vol. Vol. 1 / ed. by R. S. Belkin, V. G. Kolomatsky, I. M. Luzgina. – M., 1994.
6. Forensic Studies / ed. by prof. A. E. Volynsky. – M., 1999.
7. Forensic Studies / ed. by N. P. Yablokov. – M., 2005.

ОБЫЧАИ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Business Conduct as a Source of Civil Law in Modern Russia

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемные вопросы, связанные с применением такого нетрадиционного источника гражданского права, как обычаи делового оборота в современных условиях развития предпринимательской деятельности в России. Сегодня обычаи делового оборота остаются одной из малоизученных научных проблем, что свидетельствует об актуальности и научной теоретической и практической значимости данной статьи. Автором подробно проанализированы проблемы, связанные с определением понятия и признаков обычаев делового оборота, трудности и ошибки, допускаемые в арбитражных судах РФ при применении данного источника гражданского права.

Ключевые слова: обычай делового оборота, источник гражданского права, судебная практика, предпринимательская деятельность, гражданский договор.

Annotation. The author deals with the questions concerning the application of such an unconventional source of civil law as business conduct in modern conditions of business activity development in the Russian Federation. The theme is topical as customary business practices are not enough studied. The author has analyzed in detail the problems connected with the notion and characteristic features of business conduct and mistakes made by courts of arbitration in the Russian Federation.

Key words: business conduct, source of civil law, court practice, business activity, civil contract.

К источникам гражданского права России п. 1 ст. 5 ГК РФ относит обычай делового оборота, определяя его как «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». При этом п. 2 ст. 5 ГК РФ указывает в общем виде и место обычая делового оборота в иерархии других источников гражданского права, обращая внимание на то, что «обычаи делового оборота, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются». Для придания судебной и судебно-арбитражной практике единообразия в толковании и применении обычаев делового оборота пленумы Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в совместном постановлении от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1997. № 1) указали, что «под обычаем делового оборота следует понимать не предусмотренное законодательством или договором, но сложившееся, то есть достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, например, традиции исполнения тех или иных обязательств и т. п.». Кроме того, «обычай делового оборота может быть применен

независимо от того, зафиксирован он в каком-либо документе (опубликован в печати, изложен во вступившем в законную силу решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, и т. п.)». АПК РФ и ГПК РФ также предусматривают применение судами при разрешении гражданских дел обычаев делового оборота. Часть 1 ст. 13 АПК РФ гласит: «Арбитражные суды в случаях, предусмотренных федеральным законом, применяют обычаи делового оборота». Аналогичная норма содержится и в ч. 1 ст. 11 ГПК РФ: «Суд разрешает гражданские дела, исходя из обычаев делового оборота в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами». Включение в процессуальные кодексы указанных норм стало логичной реакцией процессуального законодательства на легализацию обычаев делового оборота ГК РФ, что само по себе, безусловно, имеет положительное значение. Однако при ознакомлении с содержанием приведенных норм возникает вопрос, насколько удачно они сформулированы и согласуются ли они с нормами материального гражданского права.

При буквальном толковании ст. 13 АПК РФ и ст. 11 ГПК РФ можно предположить, что суды вправе применять обычаи делового оборота лишь при наличии специальной ссылки на них в ГК РФ или другом нормативном правовом акте. Так, в одном из комментариев ГПК РФ утверждается: «Обычаи делового оборота применяются судами в тех случаях, когда к ним дается отсылка в нормативных правовых актах».

Между тем системный анализ норм ГК РФ об обычаях делового оборота позволяет сделать вывод о том, что они могут быть применены в случаях, когда к ним сделана специальная отсылка не только в законах, но и в иных нормативных правовых актах. Если суд при рассмотрении дела выявит наличие обычая делового оборота, применимого к отношениям сторон, то он вправе будет его применить, даже если на этот обычай нет ссылки в конкретной статье закона.

Отмеченная несогласованность процессуального и материального законодательства по вопросу о применении обычаев делового оборота может привести к тому, что суды, ориентируясь на нормы процессуальных кодексов, не будут применять обычаи делового оборота в тех ситуациях, когда они подлежат применению в соответствии с материальным законом.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос о том, могут ли судьи арбитражных судов и судов общей юрисдикции, опираясь на указанные законодателем и высшими судебными инстанциями признаки условия применения, установить наличие и правильно применить те или иные обычаи делового оборота при разрешении конкретного гражданско-правового спора. При такой постановке вопроса, на наш взгляд, может быть дан только отрицательный ответ.

Прежде всего, указанные признаки не соответствуют признакам правовых обычаев, особой разновидностью которых являются обычаи делового оборота. Теоретики и историки права, этнографы и другие специалисты выделяют совершенно иные специфические признаки и свойства правовых обычаев, которые определяют их сущность и правовую природу. В частности, указывают на такие их признаки и свойства, как: определенность содержания, непрерывность действия, длительность существования, условно-обязательный характер действия, нравственность содержания, корпоративность, партикулярность (локальность действия), нормативность, системность, вариативность, традиционность, изменчивость, универсальность, этничность и т. д.

Кроме того, перед судами общей юрисдикции, арбитражными судами, на наш взгляд, ставятся следующие сверхзадачи:

1) определить область предпринимательства и при вынесении решения учесть специфику и особенности действия обычаев делового оборота в этой области;

2) выяснить, являются ли те или иные обычаи сложившимися и широко применяемыми именно в этой предпринимательской деятельности, т. е. обычаями делового оборота, или они представляют собой сложившуюся между сторонами практику (заведенный порядок или деловые обыкновения).

Что касается решения первой задачи, то она кажется простой только на первый взгляд. Судебная и судебно-арбитражная практика свидетельствует о многочисленных ошибках при определении общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 2 ГК РФ под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и т. д., лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя в установленном законом порядке.

Таким образом, для того, чтобы признать ту или иную деятельность предпринимательской, необходимо, чтобы она:

- носила экономический характер;
- была самостоятельной;
- осуществлялась на свой риск;
- отличалась систематичностью;
- была направлена на систематическое получение прибыли.

Указанные законодателем признаки сами подлежат установлению и доказыванию, поскольку в ГК РФ отсутствуют какие-либо критерии их определения. Подтверждением многочисленных ошибок и злоупотреблений со стороны правоохранительных, контролирующих и судебных органов при применении мер ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность может служить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (Рос. газ. 2004. 7 дек.), в котором судом общей юрисдикции дано официальное разъяснение о том, что заключение гражданами договоров коммерческого найма жилых помещений, займа, купли-продажи ценных бумаг и других не является предпринимательской деятельностью. Не меньше проблем возникает у судов и с определением области предпринимательства, в которой только и могут складываться обычаи делового оборота, признаваемые в качестве источника гражданского права. Можно ли отнести к этой области, например, нотариальную деятельность? Согласно действующему законодательству указанная деятельность не является таковой.

Вызывает недоумение позиция Федеральной нотариальной палаты по поводу применения Инструкции о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР, утвержденной приказом

министра юстиции РСФСР от 6 января 1987 г. № 01/16-01 (Закон. 1997. № 7), на настоящий момент утратившей силу согласно приказу Минюста России от 26 апреля 1999 г. № 73 (Бюл. Минюста РФ. 1999. № 7). Федеральная нотариальная палата рекомендует нотариусам в целях выработки единой правоприменительной и судебной практики руководствоваться в нотариальной деятельности некоторыми отмененными положениями Инструкции, которые не противоречат действующему законодательству Российской Федерации. По мнению Федеральной нотариальной палаты, согласно ст. 5 и 6 ГК РФ применение данных положений, исходя из анализа закона, можно рассматривать в качестве обычаев делового оборота нотариальной деятельности, если оно отвечает общим началам и смыслу гражданского законодательства, требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

Л. В. Щенникова также указывает на то, что в регулировании нотариата важную роль должны сыграть и обычаи нотариальной деятельности. Они сложились в нашей отечественной нотариальной практике, но не кодифицируются палатами, как это принято, например, во Франции. Нотариальное обычное право является важной составляющей среди источников российского нотариального права (Щенникова Л. В. Нотариус России: писец или высококвалифицированный юрист? Взгляд на тенденции развития профессионального нотариального права // Нотар. вестн. 2008. № 9).

Приведенное выше разъяснение Федеральной нотариальной палаты само противоречит ст. 5 ГК РФ, потому что обычаи нотариальной деятельности не являются обычаями делового оборота. Более того, обычаи не могут применяться по аналогии с законом, поскольку не входят в состав гражданского законодательства и в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации должны применяться судом перед аналогией закона.

Таким образом, по мнению большинства специалистов, признаки предпринимательской деятельности, указанные в ст. 2 ГК РФ, сформулированы некорректно и не позволяют точно определить, какой вид деятельности относится к предпринимательской, а какой – нет. Если даже в этом вопросе суды испытывают трудности и допускают ошибки, то требование от судей, чтобы они выявляли и применяли обычаи делового оборота, действительно становится сверхзадачей.

Что касается решения судами второй задачи, т. е. выяснения вопроса о том, являются ли те или иные обычаи сложившимися и широко при-

меняемыми именно в этой области предпринимательской деятельности, то она, на наш взгляд, на настоящий момент практически не выполняема. Некоторые специалисты указывают на то, что при выяснении за тем или иным правилом сложившегося характера и широкой применимости должна использоваться совокупность разных обстоятельств, среди них: примерное время его возникновения, стабильность (устойчивость) существования, однообразность и возможная динамика содержания (в том числе изменчивость с течением времени), степень известности в предпринимательских кругах, распространенность (степень признания), частота применимости (постоянство соблюдения, многократность, систематизм), исключительность (отсутствие альтернатив и конкуренции со стороны других обычных правил). Следует, разумеется, принимать во внимание и внутренние зависимости, существующие между этими обстоятельствами. Например, большая однообразность применяемого правила понижает требование многократности, и напротив, чем с большими видоизменениями оно повторяется, тем больше требуется случаев, чтобы убедиться в истинном смысле обычая и его соответствии общественному сознанию. По нашему мнению, обычаи делового оборота могут отличаться вариативностью даже в рамках одной области предпринимательской деятельности, не говоря уже о возможности заимствования и применения обычаев из одной области предпринимательства в другой. Г. Ф. Шершеневич указал на то, что обычаи различаются по роду торговли, поскольку хлеботорговца, совершающего сделки с себе подобными, мало интересуют обычаи книжной торговли (Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1).

В связи с этим мы поддерживаем позицию отдельных специалистов, которые считают, что в условиях становления рыночной экономики акцент на регулярность (сложность) и повторяемость (широту применения) в определении обычаев делового оборота не является определяющим, существенным. Это объясняется тем, что в России происходит перестройка социальной и экономической структуры, неизвестен состав обычаев делового оборота, прошло немного времени с момента объявления принципа свободы договора, что обусловлено кратковременностью существования рыночных отношений.

Более того, требования сложности и широты применения соотносимы не только с обычаями делового оборота, но и с торговыми обычаями, что еще раз свидетельствует об ограниченности законодательного определения, данного в ст. 5 ГК РФ.

Библиографический список

1. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. В 2 т. Т. 1 / Г. Ф. Шершеневич. – М., 2005.
2. *Щенникова, Л. В.* Нотариус России: писец или высококвалифицированный юрист? Взгляд на тенденции развития профессионального нотариального права / Л. В. Щенникова // Нотар. вестн. – 2008. – № 9.

Bibliographical list

1. *Shershenevich, G. F.* The Textbook of Russian Civil Law. In 2 vol. Vol. 1 / G. F. Shershenevich. – M., 2005.
2. *Shchennikova, L. V.* The Notary of Russia: the Copyist or the Highly Skilled Lawyer? A Sight at Tendencies of the Development of the Professional Notarial Law / L. V. Shchennikova // The Notarial Bull. – 2008. – № 9.

**ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ,
ОБНАРУЖИВАЕМЫХ НА НЕРОВНЫХ, ШЕРОХОВАТЫХ, ОБЪЕМНЫХ ПОВЕРХНОСТЯХ**

Peculiarities of Fixation and Taking Traces from Uneven, Rough and Volumetric Surfaces

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы, связанные с фиксацией и изъятием следов, обнаруживаемых на неровных, шероховатых, объемных поверхностях, в ходе проведения отдельных следственных действий, в процессе расследований преступлений.

Ключевые слова: цифровая фотография, полимерные материалы, шероховатые поверхности, объемные следы, осмотр места происшествия, слеодообразующие объекты.

Annotation. The paper considers problems related to fixing and taking traces from uneven, rough and volumetric surfaces, which are discovered as a result of certain investigatory measures and the process of crime investigation in general.

Key words: digital photography, polymeric materials, rough surfaces, volumetric traces, search of the crime scene, trace-having objects.

Процесс расследования преступлений неразрывно связан с необходимостью сбора доказательственной информации о расследуемом событии. При этом результаты собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) следов преступления во многом определяют содержание следственных действий и действий по их разрешению, а в целом – формирование доказательственной базы по уголовным делам (Криминалистика : учеб. для студентов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 149).

Совершая преступление, покидая место происшествия, человек оставляет следы рук, ног (обуви), транспортных средств, орудий взлома, приносит и уносит с собой частицы почвы или различных веществ (Шурухнов Н. Г. Криминалистика : учебник. М., 2003. С. 74).

Для обнаружения, фиксации и изъятия с места происшествия следов (рук, ног (обуви), транспортных средств, крови, других выделений человека и т. д.) и иных вещественных доказательств следователь применяет различные приемы и средства криминалистической техники.

Ведущие криминалисты, такие как: Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, Г. Л. Грановский, Е. Р. Россинская, – в работах, посвященных криминалистической технике, детально анализируют следующие основные способы фиксации результатов осмотра места происшествия:

- 1) составление протокола осмотра места происшествия;
- 2) производство фотографических снимков;
- 3) изъятие различных предметов, которые могут иметь значение вещественных доказательств;
- 4) изготовление копий в виде слепков и отпечатков на дактилопленке;
- 5) вычерчивание планов и схем места происшествия;
- 6) различного рода измерения;
- 7) зарисовка.

Огромное разнообразие следов преступлений по особенностям слеодообразующих и следовоспринимающих объектов обуславливает применение различных криминалистических средств и методов.

Часто перед следователем стоит задача по фиксации и изъятию следов, возникающих в результате механического, химического, биологического, термического и иного воздействия (следы вещества, следы отображения), с предмета, который невозможно изъять целиком, или обнаруженных на неровных, шероховатых, объемных поверхностях.

В таких случаях следователи обычно используют криминалистическую фотографию. Она как наиболее наглядный способ фиксации представляет собой совокупность научных положений, разработанных на основе фотографических методов, средств и приемов фотосъемки, используемых при собирании, исследовании и демонстрации доказательств (Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2003. С. 86). Однако в последнее время все чаще на месте происшествия и при производстве других следственных действий стали прибегать к цифровой фотографии.

Цифровая фотография – это разновидность электронной фотографии, основанной на оптоэлектронном преобразовании изображения; это способ получения неподвижных изображений, при котором сигнал, содержащий информацию об изображении, записывается на носителе в цифровой форме. Цифровая технология получения изображения существенно расширяет возможности традиционной фотографии. В частности, становится доступным с помощью компьютерных комплексов улучшения или преобразования полученных изображений изготовление отпечатков на «твердых носителях» – бумаге, пленке и т. п. (Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 49). Безусловно, создание цифрового фотоаппарата значительно облегчает работу по получению фотоснимка и значительно сокращает сроки изготовления иллюстраций, так

как лабораторной обработки не требуется. Благодаря этому многие подразделения органов внутренних дел все чаще заменяют в ходе производства следственного осмотра с целью фиксации их хода и результатов профессиональную и полупрофессиональную технику на цифровые фотоаппараты.

Однако, с нашей точки зрения, цифровые технологии позволяют корректировать изображение, т. е. получать снимки, на которых объект, интересующий следствие, может отсутствовать или оказаться изображенным совершенно в ином виде, нежели в действительности.

Тем не менее А. А. Койсин положительно отзывается о применении цифровой фотографии в ходе проведения следственных действий. Он предлагает информацию, запечатлеваемую на месте происшествия на цифровом носителе, сразу же распечатывать на принтере для получения цифровой фотографии и изготавливать фототаблицу, которую заверяют своими подписями участники следственного действия, в том числе и понятые (Койсин А. А. Вопросы использования цифровой фотографии в криминалистической деятельности // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений* : сб. науч. тр. М., 2005. Ч. 2. С. 157–160). Вызывает интерес предложение А. А. Койсина, состоящее в следующем способе изготовления цифровой фотографии: информация, которая сохраняется на цифровом носителе (флэш-карта), может быть воспроизведена на «твердом носителе» только с помощью специальной программы, которая не сможет внести изменения. Однако это могут позволить себе только подразделения правоохранительных органов в крупных городах, которые оснащены современными компьютерными технологиями.

На практике самым распространенным способом фиксации и изъятия поверхностных и объемных сле-

дов являются обычные плоские копирующие материалы (светлые и темные дактилопленки). Использование дактилоскопической пленки для копирования следов, расположенных на шероховатых, неровных поверхностях (рельефном линолеуме, обоях, ребристом кафеле), не обеспечивает требуемого качества копий. Даже при плотном соприкосновении поверхности дактилопленки со следоносителем между ними остаются пузырьки воздуха. Кроме того, это может привести и к искажению признаков. В связи с этим необходимо применять другие, альтернативные, способы фиксации таких следов.

Успешно используются при работе с шероховатыми (рельефными) следами полимерные растворы. Затекая во впадины и обволакивая выступы, полимер после испарения растворителя точно передает мельчайшие детали рельефа поверхности и легко отделяется от большинства поверхностей. Это позволяет в дальнейшем решать вопрос о наличии или отсутствии фальсификации присутствия следа на месте происшествия, в частности расположения его на конкретном объекте. Данные возможности обусловлены механизмом взаимодействия полимерного материала с неровностями поверхности, на которых расположен копируемый след.

Знание реального механизма отображения позволяет в практической деятельности экспертов-криминалистов объяснить большинство различий между признаками следообразующего объекта и признаками следовоспринимающего объекта механизмом следообразования (взаимодействия) и признать их несущественными.

Безусловно, в процессе копирования следов, обнаруженных на месте происшествия, следует учитывать не только свойства и качество копирующего материала, но и сам след, его локализацию, процесс следообразования и возможность работы с ним в процессе исследования.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 1988.
2. *Койсин, А. А.* Вопросы использования цифровой фотографии в криминалистической деятельности / А. А. Койсин // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений* : сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 2. – М., 2005.
3. *Криминалистика* : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2006.
4. *Криминалистика* : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
5. *Криминалистика* : учеб. для студентов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
6. *Криминалистика* : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. – М., 2003.

Bibliographical list

1. *Belkin, R. S.* Forensic Studies: Problems, Trends, Perspectives. From Theory to Practice / R. S. Belkin. – M., 1988.
2. *Koisin, A. A.* The Use of Digital Photography in Forensic Activity / A. A. Koisin // *Fundamental and Applied Problems of Crime Investigation Management*. In 2 parts. P. 2. – M., 2005.
3. *Forensic Studies* / ed. by R. S. Belkin. – M., 2006.
4. *Forensic Studies* / ed. by A. G. Filippov. – 3rd ed. – M., 2004.
5. *Forensic Studies* / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. – M., 2008.
6. *Forensic Studies* / ed. by E. P. Ishchenko. – M., 2003.

В. Г. Чураков,
*преподаватель кафедры информационно-правовых
и специальных дисциплин Липецкого филиала
Воронежского института ФСИН России*

V. G. Churakov,
*lecturer of the chair of information-legal
and special disciplines of Lipetsk Branch
of Voronezh Institute of the FPS of Russia*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

**Some Aspects of Interaction between the Bodies of Executive Authority of Subjects of the Russian Federation
and Federal Public Authorities in the Sphere of Public Management**

Аннотация. В статье изложены теоретические и практические аспекты взаимодействия органов государственной власти и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Определена сущность механизма этого взаимодействия. Выдвинуты предложения по координации государственного управления, обоснованы задачи.

Ключевые слова: государственное управление, органы исполнительной власти, взаимодействие, соглашение, национальные проекты.

Annotation. In the article theoretical and practical aspects of interaction between public authorities and enforcement authorities of subjects of the Russian Federation are stated. The essence of the mechanism of the interaction is defined. Suggestions on government coordination are made, problems are proved.

Key words: government, enforcement authorities, interaction, agreement, national projects.

Проблемы совершенствования управленческой деятельности давно и достаточно широко обсуждаются на страницах печати и научных форумах. Эти проблемы можно в полной мере назвать межотраслевыми и междисциплинарными, учитывая интерес к ним со стороны собственно управленческой науки, представителей административного права, исследующих юридические аспекты управления, политологов, философов, экономистов. Активный интерес к проблемам правового регулирования управленческих отношений проявляют и представители конституционной науки (В. Е. Чиркин).

Так, рассматривая различные проявления общественной власти (государственную власть, власть территориальных публичных коллективов субъектов Федерации, автономий и муниципальных образований, наконец, власть корпоративную), В. Е. Чиркин отмечает некие общие черты управленческих процессов, совершаемых каждым из названных видов власти (Чиркин В. Е. Публичное управление : учебник. М., 2004). Автор предлагает называть эти универсальные процессы публичным управлением, которое включает в себя три основные части: государственное управление, муниципальное управление и управление в общественных объединениях с учетом их внешней распространяемой на все общество деятельности.

Публичное управление неизбежно присутствует в процессах обязательного для любого демократического государства взаимодействия государственных и негосударственных институтов. Более того, развитие государственно-общественных институтов сейчас является важнейшим вектором совершенствования публичного управления, и прежде всего в условиях реализации приоритетных национальных проектов.

Дело в том, что проблемы, возникшие в процессе реализации приоритетных национальных проектов, направленных в первую очередь на решение комплекса социальных задач (в частности, улучшение неблагоприятной демографической ситуации) обозначили многие слабые места отечественного управленческого аппарата: бюрократические барьеры на пути развития частной инициативы, непрофессионализм чиновников, отсутствие или неприменение уже существующих регламентных норм.

На наш взгляд, взаимодействие органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и федеральных органов государственной власти должно осуществляться по следующим направлениям:

1) разработка и принятие программ противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

2) разработка и внедрение основных стандартов государственных услуг (в том числе электронных регламентов) в органах исполнительной власти;

3) реализация процедур управления по результатам в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

4) развитие форм участия гражданского общества в разработке и принятии решений органов исполнительной власти;

5) комплексное решение органами государственной власти федерального и регионального уровней социальных задач, включая реализацию национальных проектов, федеральных целевых программ, разработку и принятие региональных стратегий, программ;

6) методологическое обеспечение и информационная поддержка по вопросам применения за-

конов, оказываемые федеральным уровнем нижестоящим органам власти.

В настоящее время в рамках реформирования системы публичного управления уже осуществляется работа по созданию многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг на территориях субъектов Российской Федерации; переходу федеральных органов исполнительной власти на оказание государственных услуг в электронном виде с использованием общероссийского государственного информационного центра.

Важное значение приобретает взаимодействие федеральных органов власти и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации по совместному решению социальных задач. При этом остается актуальной проблема передачи социальной нагрузки на субъекты РФ. Рассмотрим данную проблему на примере Федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2011 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 21 марта 2007 г. № 172 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 14, ст. 1688). Решение задач указанной Программы осуществляется в рамках реализации входящих в ее состав подпрограмм «Здоровое поколение», «Одаренные дети» и «Дети и семья».

Затраты на реализацию программы «Дети России» за счет средств всех источников финансирования составляют 48 492,1 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 10 747,9 млн руб. (23,1 %), средств бюджетов субъектов Российской Федерации – 36 315,1 млн руб. (74 %) и средств внебюджетных источников – 1 429,1 млн руб. (2,9 %).

Подпрограмма «Здоровое поколение» требует финансовых затрат в размере 21 062,2 млн руб., из них: средств федерального бюджета – 3 049,8 млн руб. (14 %); средств бюджетов субъектов РФ – 17 046,6 млн руб. (78 %), внебюджетных источников – 695,8 млн руб. (8 %). Капитальные вложения по подпрограмме составляют 13 524,7 млн руб., из них: средства федерального бюджета – 2 092,7 млн руб., бюджеты субъектов РФ – 11 432 млн руб. (84,1 %). Научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа (далее: НИОКР) по подпрограмме осуществляется исключительно за счет федерального бюджета (13,8 млн руб.). Таким образом, субъекты РФ несут основную финансовую нагрузку по исполнению мероприятий данной подпрограммы, особенно в сфере капитальных вложений.

Крупные мероприятия подпрограммы «Одаренные дети» финансируются, как правило, за счет бюджетов субъектов РФ, например: строительство и реконструкция региональных образовательных учреждений, работающих с одаренными детьми; материально-техническая под-

держка организаций, работающих с одаренными детьми. Капитальные вложения по данной подпрограмме осуществляются только за счет бюджетов субъектов РФ. НИОКР реализуется за счет федерального бюджета (3,5 млн руб.). Бюджеты субъектов РФ несут нагрузку по прочим расходам в сумме 792,1 млн руб., а федеральный бюджет – 101,7 млн руб. Всего по подпрограмме расходы бюджетов субъектов РФ составляют 1 793,2 млн руб. (93 %). Получается, что поддержка и воспитание одаренных детей полностью возлагаются на субъекты РФ.

Основные средства федерального бюджета предназначены для реализации подпрограммы «Дети и семья», в частности, такого ее направления, как «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Другие направления: «Семьи с детьми-инвалидами», «Дети-сироты» – финансируются за счет бюджетов субъектов РФ на 67 % и 80 % соответственно. Следовательно, субъекты РФ, не получившие дотации и субвенции на реализацию рассматриваемой Федеральной программы, просто не обеспечат соблюдение прав и свобод детей, не создадут достойные условия их проживания, обучения и развития.

Взаимодействие органов исполнительной власти субъектов РФ и федеральных органов государственной власти в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее: ЖКХ) также построено на условиях софинансирования. На федеральном уровне был принят Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» в целях предоставления финансовой поддержки субъектам РФ и муниципальным образованиям в проведении капитального ремонта многоквартирных домов, переселении граждан из аварийного жилищного фонда.

Региональная адресная программа по проведению капитального ремонта многоквартирных домов утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Так, в 2008 г. была принята областная адресная программа «Проведение капитального ремонта многоквартирных домов, расположенных на территории Липецкой области на 2008 год». В соответствии с ней планировалось выделить на капитальный ремонт домов из областного бюджета 38 009,9 тыс. руб., из средств местных бюджетов – 304 154,6 тыс. руб. Средства собственников жилья должны составить 198 880 тыс. руб. Подобная программа была запланирована и осуществлена также в 2009 г. Практика показывает, что жители Липецкой области активно участвуют в реализации программ капитального ремонта многоквартирных домов на условиях софинансирования. Однако возник-

ли и некоторые проблемы, имеющие отношение к взаимодействию региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и управляющих компаний, представлявших интересы жильцов многоквартирных домов. В первую очередь это недофинансирование и несвоевременное поступление средств. Причина носит объективный характер – желающих воспользоваться данной программой оказалось больше, чем планировалось изначально. Серьезной проблемой стала коррупция в системе местного самоуправления, проявившаяся в сговоре муниципалитета и управляющих компаний в целях завышения сумм, необходимых на ремонт отдельных объектов, что подтверждается многочисленными обращениями граждан в прокуратуру и судебные инстанции.

Региональная адресная программа по переселению граждан из аварийного жилищного фонда утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. В Липецкой области действует областная адресная программа «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда, расположенного на территории Липецкой области, на 2008–2011 годы». Источниками финансирования данной программы являются областной бюджет и бюджеты муниципальных образований. Кроме того, Липецкая область пользуется средствами федерального Фонда содействия реформированию ЖКХ. В апреле 2008 г. была принята заявка на выделение средств федерального бюджета на реализацию мероприятий по переселению граждан из аварийного жилья и проведению капитального ремонта жилищного фонда на территории городов Липецк, Грязи, Усмань. В результате из Фонда содействия реформированию ЖКХ на мероприятия по переселению граждан из аварийного жилья в 2008 г. были выделены средства в сумме 112 710 тыс. руб., на капитальный ремонт многоквартирных домов – 185 203,6 тыс. руб. Однако в связи с тем, что Липецкая область не зависит от дотаций, предоставляемых из федерального бюджета, только три муниципальных образования смогли воспользоваться помощью Фонда.

Таким образом, Липецкая область вынуждена изыскивать средства на совершенствование системы ЖКХ самостоятельно. Для этого в ней реализуются 5 областных целевых программ:

1) «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда, расположенного на территории Липецкой области, на 2008–2011 годы»;

2) «Программа реформирования и модернизации жилищно-коммунального хозяйства Липецкой области» (2002–2010 гг.);

3) «Государственная поддержка обеспечения населения Липецкой области питьевой водой на 2004–2010 гг.»;

4) «Охрана окружающей природной среды Липецкой области на 2002–2010 годы»;

5) «Оказание государственной поддержки в завершении газификации Липецкой области в 2005–2010 годах».

По нашему мнению, в целях повышения эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления на федеральном уровне необходимо создать адекватные механизмы, обеспечивающие постоянное участие субъектов РФ в законотворческом процессе. Совершенствование разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации, а также органами местного самоуправления, направленное на децентрализацию публичных функций, относится к наиболее сложным инструментам развития российской государственности. Тем более, что федеральному законодательству часто приходится отменять «реформаторские шаги», предпринятые без необходимых согласований с субъектами РФ и поэтому не воспринимаемые на местах. В этой связи изменения, вносимые в федеральное законодательство, о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации можно назвать попыткой создания новой системы федеративных отношений. Однако рациональнее было бы отойти от практики накопления «критической» массы законодательных изменений и вносить отдельные поправки в положения Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005) поэтапно, по мере осознания всеми участниками законодательной и правоприменительной деятельности своевременности вносимых в закон дополнений и изменений (Нечаева Т. В. Совершенствование разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации // «Круглый стол» «Актуальные проблемы развития федерализма в Российской Федерации». М., 2006. С. 10).

Проблемой фундаментального характера является необходимость выстраивания федерального законодательного регулирования предметов совместного ведения двух видов: первый должен обеспечивать разграничение полномочий, а второй – их передачу федеральными законами. При этом в результате разграничения полномочий отраслевыми федеральными законами в соответствии с принципами Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ будет формироваться сфера собственных обязательных полномочий субъектов РФ, реализуемых ими за счет региональных бюджетов. Оставшаяся же часть обяза-

тельных полномочий по предметам совместного ведения должна принадлежать органам государственной власти Российской Федерации.

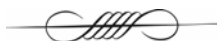
Следует отметить, что передача полномочий субъектам РФ федеральными законами возможна лишь в рамках полномочий Российской Федерации по предметам совместного и собственного ведения и имеет следующие правовые последствия: наделение органов исполнительной власти субъектов РФ обязательными полномочиями за счет федеральных субвенций и предоставление субъектам РФ дополнительных прав.

Однако реализация указанных прав субъектами РФ за счет своих бюджетов невозможна без распространения на них полномочий по принятию соответствующих законов и иных нормативных актов субъектов РФ, т. е. правового режима собственных полномочий субъектов РФ по предметам совместного ведения. Поэтому, на наш взгляд, необходимо закрепить принципы разграничения полномочий (принцип субсидиарности, соразмерности бюджетных доходов расходным обязательствам, обеспечения самостоятельности в рамках собственных полномочий, возможности судебной защиты и учета особенностей субъектов РФ, обеспечения единства системы государственных органов исполнительной власти) в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ.

Процесс разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти

и органами исполнительной власти субъектов РФ фактически завершен, но логическое завершение этого процесса отсутствует. Очевидно, что многие субъекты Федерации и муниципальные образования в силу низкой бюджетной обеспеченности не находят средств для дополнительного финансирования федеральных полномочий. Полагаем, что таким субъектам РФ, пополняющим свои бюджеты исключительно из федерального бюджета, трудно будет реализовывать все направления государственного реформирования на современном этапе. Как известно, мероприятия федеративной реформы требуют больших финансовых затрат, но запланированные средства и методы ее проведения могут быть не реализованы из-за экономических проблем и низкой активности институтов гражданского общества.

На наш взгляд, только экономически устойчивые субъекты РФ в состоянии справиться со всеми возложенными на них полномочиями, в том числе по проведению реформы, а также дополнительно обеспечивать качественный уровень жизни населения региона. Подобные регионы в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ вправе устанавливать за счет собственных средств дополнительные меры по социальной поддержке отдельных категорий граждан и оказанию им социальной помощи вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, закрепляющих указанное право.

Библиографический список

1. Мильнер, Б. Исполнительная власть: принципы организации и управления / Б. Мильнер // *Вопр. экономики*. – 2002. – № 7.
2. Розенфельд, В. Г. Административно-правовые методы реализации полномочий исполнительной власти / В. Г. Розенфельд // *Российская цивилизация: история и современность*. – М., 2001. – Вып. 12.
3. Савин, В. Асимметрия и направления совершенствования взаимодействия государственной и муниципальной властей: правовые и институциональные вопросы / В. Савин, В. Масakov // *Муницип. право*. – 2001. – № 1.

Bibliographical list

1. Milner, B. The Executive Branch: Organisation and Management Principles / B. Milner // *Questions Economy*. – 2002. – № 7.
2. Rozenfeld, V. G. Administrative and Legal Methods of Executive Power Realisation / V. G. Rozenfeld // *The Russian Civilisation: History and the Present*. – M., 2001. – Ed. 12.
3. Savin, V. Asymmetry and Directions of Perfection of Interaction between the State and Municipal Authorities: Legal and Institutional Questions / V. Savin, V. Masakov // *The Municipal Law*. – 2001. – № 1.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. Ф. Лобанова,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

A. F. Lobanova,
*applicant of the faculty for training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 Г.): ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

The Emergence of Economic Justice in Russia (since Ancient Times till 1917): Historical Overview

Аннотация. В статье рассматриваются понятия правосудия, арбитража, вопросы возникновения и становления специализированных судов и экономического правосудия на Руси и в дореволюционной России.
Ключевые слова: правосудие, арбитраж, экономический, суд, третейский, торговый, таможенный.

Annotation. This article is devoted to the concept of justice and arbitration, formation and development of special courts and arbitration system of Russia before the revolution.
Key words: justice, arbitration, economic, court, arbitration, trade, customs.

Согласно ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции.

Прежде чем перейти к анализу вопросов возникновения системы арбитражных судов в нашей стране в обозначенный период, кратко остановимся на характеристике понятия «правосудие».

В Юридической энциклопедии, подготовленной авторским коллективом Института государства и права РАН, правосудие рассматривается как особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению в установленных законом правовых формах; при этом различают гражданское, уголовное, административное, арбитражное и конституционное судопроизводство (Юрид. энцикл. / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 821–822). Согласно другому энциклопедическому изданию правосудие – это совершаемая в процессуальном порядке правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, организаций и государств (Юрид. энцикл. / изд. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 347).

С нашей точки зрения, правосудие, в том числе экономическое, представляет собой продукт длительного, порой прерывающегося, непоследовательного, но вместе с тем поступательного

развития конкретного общества, который определяется национальными традициями в становлении правовых систем различных государств.

Созданию в России системы арбитражных судов, специализирующихся на защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере, предшествовали столетия реформирования отечественного судостроительства и судопроизводства, которые свидетельствуют о наличии у специализированного суда глубоких исторических корней.

Примечательно, что понятие «арбитраж» в российской правовой доктрине отличается от аналогичного понятия в других государствах. Оно пришло к нам из французского языка, где означало способ разрешения спора. По сути, арбитраж – это альтернативный способ разрешения правовых споров, когда вместо производства в суде стороны добровольно передают спор на рассмотрение независимого арбитра, разрешающего спор на основе договоренности сторон. Арбитражное разбирательство при этом может проводиться одним либо большим количеством арбитров в арбитражном суде для рассмотрения отдельного спора, либо в арбитражном суде, действующем на постоянной основе. В случае необ-

ходимости решение арбитра является принудительным для исполнения судами общей юрисдикции (Арбитражный процесс : учеб. для вузов / под ред. Т. А. Григорьевой. М., 2007. С. 19).

Под арбитражем в практике других стран понимается процесс разрешения споров судами, которым стороны передают на рассмотрение свои разногласия и обязуются добровольно исполнить решение арбитров, т. е. третейским судам (Там же).

Наша страна не является родоначальницей специализированных судов. Первые упоминания о третейских судах, явившихся прообразом современных арбитражных судов, относятся к эпохе Гомера, когда развитие торговых и хозяйственных отношений потребовало введения правовых норм разрешения конфликтов, возникающих в этих сферах.

Именно тогда были заложены основы третейского разбирательства как формы разрешения спора о праве и примирения конфликтующих сторон. В Древней Греции и Древнем Риме это позволило вытеснить такую форму защиты имущественных интересов, как самоуправство (Арбитражный суд Владимирской области. Владимир, 2008. С. 2).

Полагаем, что третейское судопроизводство в древнем мире осуществлялось не в произвольной форме. Так, американский историк Р. Моррис подчеркивал, что «вся процедура проводилась с самым тщательным вниманием в отношении порядка и правосудия» (Цит. по: Лазарев С. Л. Международный арбитраж. М., 1991. С. 13). Между тем дореволюционный исследователь Л. А. Камаровский указывал, что в то время было «в большинстве случаев трудно отличить собственно третейское постановление от простого посредничества» (Камаровский Л. А. О международном суде. М., 1881. С. 107).

В наиболее явном и распространенном виде торговые суды возникли в Италии как узкоспециальные морские торговые суды. Жизнь итальянских купцов была немыслима вне корпораций. Из своей корпоративной среды они избирали судей-консулов, в связи с чем суды получили название консульских.

В дальнейшем торговые суды появляются в тех французских городах, где проводились традиционные ярмарки (Авиньон, Арль, Безансон, города Шампани) (Московский коммерческий суд. Очерк истории Московского коммерческого суда (1833–1908) и его современные деятели / под ред. пред. Н. А. Победоносцева и члена Суда Т. М. Годзевича. Спб., 1909. С. 1).

Как отмечает М. И. Клеандров, были подобные судебные структуры и в Древней Руси. Вообще первое из известных упоминание о правосудии в Древней Руси содержится в «Повести

временных лет», созданной еще до пришествия варягов на Русь, и, в частности, до подписания договоров между Русью и Византией, заключенных в 911, 944 и 971 гг. (Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006).

В древнерусской истории слово «суд» впервые упоминается в Уставе князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных». Несмотря на то, что точная дата принятия Устава историками не определена, тем не менее исследователи событий той эпохи относят его появление к началу XI в. Об этом говорят следующие факты: в документе упоминаются действующая церковь Святой Богородицы (освящена в 996 г.), княгиня Анна (умерла в 1011 г.), митрополит и епископы (первые епископии Белгородская, Новгородская и Полоцкая возникли в самом начале XI в.). Более древнего источника с упоминанием о судах, чем Устав «О десятинах, судах и людях церковных», до настоящего времени не обнаружено, что и позволяет связывать именно с ним отделение суда от княжеской власти, появление на Руси суда как учреждения правосудия и начать отсчет его истории с начала XI в.

Принятие христианства, бесспорно, способствовало и становлению древнерусского права. Сначала это происходило посредством восприятия византийского права в виде церковных правил (канонов), в дальнейшем, по мере расширения связей с западными соседями, усиливалось и влияние их культуры, в том числе правовой. Постепенно древнерусские князья начали создавать и собственные законы. Так, появление первых письменных списков законов – уставов на славянском языке под общим названием Ярославова Правда – связывают с именем князя Ярослава Мудрого. По этим историческим памятникам можно проследить, как происходило зарождение и становление права и судопроизводства в Древней Руси (URL: http://www.supcourt.ru/news_detail.php?id=755 (дата обращения: 19.10.2009)).

Следующим известным кодифицированным источником права считается Русская Правда. Между тем, как отмечает М. И. Клеандров (Клеандров М. И. Указ. соч.), ссылаясь на А. И. Гончарова и М. В. Терентьева (Гончаров А. И., Терентьев М. В. Досудебное восстановление платежеспособности хозяйствующего субъекта: Правовые и финансовые аспекты. Спб., 2004. С. 132–133), ни в древнейшем правовом источнике Руси – Русской Правде, ни в ее Краткой редакции, созданной князем Ярославом Владимировичем Мудрым, ни в ее Пространной редакции, подготовленной по повелению великого князя киевского Владимира Мономаха (не ранее 1113 г.), какого-либо текста, который можно было бы истолковать как относящийся к экономи-

ческому правосудию, ни в материально-, ни в процессуально-правовом понимании нет, за исключением некоторых институтов конкурсного права, применявшихся в процедуре банкротства (ст. 69 и 133 Русской Правды) (Гончаров А. И., Терентьев М. В. Указ. соч. С. 132–133). В то же время именно в Русской Правде (ст. 21) и в Псковской судной грамоте (ст. 62) упоминалось понятие «истец». Ссылаясь на В. В. Момотова (Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография. М., 2003. С. 34) и Н. Дювернуа (Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права. М., 2004. С. 172), М. И. Клеандров отмечает, что происхождение слова «истец» тесно связано с материальностью первоначальных юридических представлений о лице, как бы отыскивающем вещь. При этом, по мнению В. В. Момотова, этимология древнерусского слова «искать», или «иск», не связана с отысканием вещи – буквально «искать» переводится как «домогаться чего-либо» (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 2. С. 114), соответственно истцом является лицо, которое через суд домогается истины, торжества правды и справедливости.

По мнению немецкого историка И. Лойшнера и российского историка О. В. Мартышина, самое первое упоминание на Руси о специальном суде по торговым делам, во главе которого стоял тысяцкий – один из руководителей Новгородской республики, встречается в договорной грамоте Новгорода с Готландом (принадлежащим Швеции островом в Балтийском море), которую историки относят к концу XII в. (Мартышин О. В. Вольный Новгород. М., 1992. С. 207–208).

Проведенное нами исследование показало, что в отечественной правовой литературе главным образом укрепилась точка зрения, согласно которой первые упоминания об особых судах для торгового сословия относятся к Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславовича, данной в 1135 г. церкви Святого Иоанна Предтечи на Опоках: «...управляти всякие дела Иванская и торговая и гостиная и суд торговый» (Цит. по: Демченко Г. В. Из истории судоустройства в древней России. Варшава, 1909. С. 7).

С развитием торговых отношений в России все больше возрастала необходимость в специализированных судах, в компетенцию которых входило рассмотрение торговых споров. При этом торговый суд осуществляли тысяцкий и два купеческих старосты. Иванская организация в решении своих дел была вполне самостоятельна, и посадник не участвовал в рассмотрении таких споров. Так, ст. 5 и 6 «Рукописания князя Всеволода» подчеркивали независимость этого суда от посадника. Только в случае совершения престу-

пления, в котором были замешаны новгородские и иностранные купцы, суд по делу осуществлял посадник совместно с тысяцким и купеческими старостами (История отечественного государства и права [Электронный ресурс] : учебник / под ред. О. И. Чистякова. М., 2004. Ч. 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

В правовой литературе также отмечалось, что юрисдикция данного суда, смешанного с немецкими представителями, распространялась также и на споры между новгородскими и немецкими гостями по договору между Новгородом и Ганзой (Кудряшов С. М. Коммерческие третейские суды в России // Государство и право. 1995. № 8. С. 110).

Позднее о судах торговых в России упоминалось и в уставной Белозерской грамоте 1488 г.; в Уставной грамоте князя Александра, данной Смоленской земле в 1505 г.; в Псковской судебной грамоте 1397 г.; в Псковской судной грамоте 1467 г. и т. д.

Механизм экономического правосудия получил свое дальнейшее развитие в Судебнике 1550 г. (в истории он получил название Царского). Этот документ регулировал судебное разрешение споров холоповладельцев о принадлежности холопов; содержал нормы гражданского судопроизводства по делам, связанным с землевладением, среди которых особое место занимало право выкупа родовых вотчин (ст. 85); подробно регулировал основания для потери права выкупа вотчины, оформления купчих, закладных, обмена родовых владений и др.; содержал статью об ответственности сторон при совершении торговой сделки (ст. 93) и о заключении договоров купли-продажи лошадей (ст. 94–96); решал вопрос о долевой и солидарной ответственности (ст. 20, 21); определял систему доказательств в гражданских спорах, например разрешал использовать свидетельские показания при отсутствии у истца долговой расписки по заемному обязательству (ст. 15); регулировал порядок рассмотрения споров между иностранцами и жителями Русского государства (Клеандров М. И. Указ. соч.).

Следующим, на наш взгляд, важным этапом развития судоустройства и судопроизводства в России стало принятие в 1649 г. Соборного уложения, ряд глав в котором был посвящен вопросам государственного права, и одна («О суде») – вопросам судопроизводства.

Кроме того, попытка создания специального суда для купечества была предпринята царем Алексеем Михайловичем, который в 1667 г. постановил «выдать дела купецких людей в одном пристойном приказе, дабы волокитою по разным приказам им, купецким людям, промыслов своих не отбивать» (Московский коммерческий суд... С. 5). Особые таможенные суды (например, в г. Архангельске и др.), состоящие из «лучших

торговых людей», как и специальный судебный приказ по торговым делам, были утверждены по Новоторговому уставу в 1667 г. и действовали до принятия Таможенного устава 1727 г. (Клеандров М. И. Указ. соч.).

Так, в ст. 2 Новоторгового устава говорилось об учреждении при Архангельской таможне особого суда: «Всякую полную расправу у города Архангельского в торговых делах русским людям и иностранцам чинить в таможне гостю со товарищами» (Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 118–119). А в силу ст. 1 воеводам запрещалось вмешиваться в «таможенные торговые и всякие дела» «гостя со товарищами», чтобы «великого государя казне в сборах поруки не было» (Там же). Впоследствии такие таможенные суды были образованы и при других таможнях. А поскольку в то время таможни были не только пограничные, но и внутренние, то такие суды возникли и в Москве, и в других городах.

Таким образом, Новоторговый устав 1667 г. инициировал создание таможенных судов, которые продолжали действовать и в XVIII в.

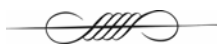
Дальнейшее развитие торговые суды получили при Петре I на фоне создания первых городских сословных судов. В 1699 г. в г. Москве была учреждена Бурмистрская палата, обладавшая торговой юрисдикцией, в 1719 г. создана Коммерц-коллегия, ведающая торговыми и вексельными делами, а с 1721 г. появился Главный магистрат, судивший торговые дела, к которым относились также налоговые, таможенные и другие дела. В этот период магистратам были подсудны

купцы и ремесленники по всем гражданским и уголовным делам, кроме «великих государственных преступлений» (Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: История, документы. М., 2003. Т. 2: Период абсолютизма. С. 145).

В последующем развитие судебной системы в России привело в 1832 г. к учреждению специализированных коммерческих судов, утвержденных Указом императора Николая I от 14 мая 1832 г. и просуществовавших вплоть до 1917 г.

Таким образом, развитие экономического правосудия на Руси и в дореволюционной России не характеризовалось системностью в силу существования большого количества различных специализированных судебных учреждений, компетенция которых в свою очередь не была четко определена. В разные периоды своего становления экономическое правосудие, как и вся судебная система, различалось по организационной структуре, источникам финансирования, порядку формирования судейского состава, способам функционирования, предмету деятельности, характеру разрешаемых дел, компетенции и т. д. Между тем можно с уверенностью говорить о том, что как содержательно, структурно, так и процессуально экономическое правосудие в рассматриваемый период динамично развивалось, хотя не всегда последовательно.

Изучение же вопросов возникновения и развития экономического правосудия в России имеет большое значение для решения проблем, связанных с современным арбитражным судопроизводством и судопроизводством в целом.

Библиографический список

1. Арбитражный процесс : учеб. для вузов / под ред. Т. А. Григорьевой. – М., 2007.
2. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. проф. В. В. Ярков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.
3. Арбитражный суд Владимирской области. – Владимир, 2008.
4. Камаровский, Л. А. О международном суде / Л. А. Камаровский. – М., 1881.
5. Клеандров, М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. – М., 2006.
6. Лазарев, С. Л. Международный арбитраж / С. Л. Лазарев. – М., 1991.

Bibliographical list

1. Arbitration Process / ed. by T. A. Grigoreva. – М., 2007.
2. Arbitration Process / ed. by prof. V. V. Jarkov. – М., 2003.
3. Arbitration Court of Vladimir Region. – Vladimir, 2008.
4. Camarovscy, L. A. On the International Court / L. A. Camarovscy. – М., 1881.
5. Kleandrov, M. I. Economic Justice in Russia: the Past, Present, Future / M. I. Kleandrov. – М., 2006.
6. Lazarev, S. L. The International Arbitrage / S. L. Lazarev. – М., 1991.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ В РОССИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III

The Legislative Framework to Combat Bribery in Russia during the Reign of Alexander III

Аннотация. В статье анализируется антикоррупционное законодательство Российской империи в 80–90 гг. XIX в. Также рассматриваются теоретические исследования отечественных правоведов указанного периода времени о правовой природе взяточничества. *Ключевые слова:* взяточничество, Александр III, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Annotation. The article analyses the anti-corruption legislation of the Russian Empire in the 1880–1890s. Also in this article the native lawyer's theoretical studies upon the legal character of bribery of the stated period of time are examined. *Key words:* bribery, Alexander III, The Code of Penal and Correctional Punishment in 1845.

Во второй половине XIX в. при императоре Александре II были проведены масштабные реформы государства и общества, затронувшие практически все сферы общественной жизни. «Они внесли струю свежего воздуха, увлекли многих даже из бюрократической среды идеалом общественного служения, они создали условия для более легкого обличения и раскрытия взяточничества, но самое взяточничество осталось неприкосновенным», — отмечал П. Берлин (Берлин П. Из прошлого русской взятки // Новая жизнь : журн. лит., науки и обществ. жизни. 1912. № 10. С. 178).

В политическом курсе правления Александра II наблюдался и ряд конкретных мер по борьбе со взяточничеством. Однако вряд ли их можно признать достаточно эффективными. «Бурные семидесятые годы, — писал П. Берлин, — передали тишайшим восьмидесятым взяточничество не искорененным, а приумноженным» (Там же. С. 180).

В провинциальных городах, где было значительно меньше бюрократической прослойки, как ни странно, создавались самые выгодные условия для взяточников. «Провинция изнывала от налетевшей саранчи, поедавшей результаты долголетних трудов. Заплатив в столице за доходное место, чиновники отправлялись в провинцию для кормления, они здесь облагали все население, приходившее с ним в соприкосновение, тяжелым налогом. Всякий входящий в какое-либо бюрократическое учреждение заранее знал, что он не смеет являться с пустыми руками, что только с помощью взятки он может добиться и исполнения законов, и совершения беззакония» (Там же. С. 173).

В царской России губернаторы, будучи настоящими «хозяевами губерний», должным образом не реагировали на творившийся произвол, а часто и сами не гнушались в нем участвовать. «Обычной практикой в губерниях (областях) было преследование коренного населения (вплоть до арестов властью военного губернатора) за жалобы на неправомерные действия должностных лиц. Часто гу-

бернаторы закрывали глаза на должностные преступления (а их было немало со стороны местной администрации) и своей властью прекращали следствие» (Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 174–175).

Следует отметить, что проблемы наделения губернаторов слишком обширной властью были дискуссионными и обсуждались в самых высших кругах. Министр внутренних дел П. А. Валуев полагал, что «затруднительность положения губернатора происходит главным образом оттого, что, с одной стороны, существующие законоположения налагают на губернатора обязанности, невыполнимые по своей мелочной подробности и многочисленности, с другой — в его распоряжении не состоит достаточно средств к исполнению таких обязанностей, которые неоспоримо должны составлять предмет его попечительности...» (Блинов И. А. Губернаторы : историко-юрид. очерк. Спб., 1905. С. 162).

Сами губернаторы чаще всего жаловались на недостаток имеющейся у них власти. Так, нижегородский губернатор Н. М. Баранов писал в 1883 г. в своем отчете, что облакаемый на время ярмарки полномочиями усиленной охраны, он «чувствует себя не только сильным, но и полезным слугой Верховной власти; между тем в остальные 10 месяцев года начальник губернии, сообразуясь со всеми узаконениями самоуправления, судебных и мировых учреждений и с бесконечными формами бюрократических приемов, является лицом малоправным, население же тщетно ищет власти, могущей скоро разрешить его нужды». На полях отчета стоит пометка государя Александра III: «Вот доказательство, как необходима власть губернатору, и в каком они часто безвыходном и ненормальном положении» (Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 98).

Вопросы привлечения к ответственности должностных лиц подлежали тщательному анализу.

«Беспристрастное и строгое преследование служебных преступлений и проступков имеет весьма важное значение, – писал Н. Муравьев. – Когда те самые органы государственной власти, которые установлены для охранения силы законов и общественного порядка, подают пример беззакония и непорядка, тогда возникает неуважение к властям и нравственная распушенность, при которых государство колеблется в самых его основаниях» (Муравьев Н. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юрид. вестн. 1879. № 10. С. 377–378).

Несмотря на предпринимавшиеся многочисленные попытки привлечения взяточников к суду путем проведения тщательных расследований, масштабных сенаторских ревизий и введения все новых и новых законодательных положений о запрете брать взятки, уголовные преследования должностных лиц «не достигали положительного результата, являлись несоответствующими своей конечной цели и свидетельствовали о явно неудовлетворительном состоянии репрессии по служебным преступлениям» (Там же. С. 580).

Так, «одним из несомненных и постоянных условий нашего судопроизводства по преступлениям должности представляется его неизбежная медлительность, – подчеркивал Н. Муравьев, – которую прямо удостоверяют те же статистические данные. По сведениям, доставленным регистрацией за 1875 г., из общего количества производящихся в этом году дел о служебных преступлениях окончено только 34 % и остались неоконченными 66 %, причем из числа первых 20 % всех следствий продолжалось более одного года, а из вторых – к 1 января 1876 г. 41 % следствий производились также уже более 1 года. Далее, по продолжительности производства дел вообще во всех инстанциях, в рассмотрении которых они находились, на служебные преступления приходится самый значительный процент дел, продолжавшихся более 2 и 3 лет, а именно – по оконченным делам 36 % и по неоконченным 29 %. По мнению самого центрального органа судебного управления, министерства юстиции, такая чрезвычайная медленность в производстве дел о преступлениях по должности объясняется, главным образом, свойственною им запутанностью, обнаружением преступления спустя долгое время после его совершения и присвоенными им особенностями в ходе процесса» (Муравьев Н. Указ. соч. С. 582–583).

Таким образом, «взяточники восьмидесятых годов спокойно делали свое дело – брали взятки, все более расширяя поле своей деятельности и повышая аппетит; а правительство восьмидесятых годов делало свое дело – боролось с полным неуспехом со взяточниками, не покушаясь при этом на условия, рождающие взяточничество» (Берлин П. Указ. соч. С. 181).

В период правления Александра III основным законодательным актом, призванным бороться со взятками, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. (далее: Уложение), где мздоимству и лихоимству была посвящена глава шестая (ст. 372–382) (Свод законов Российской империи. Спб., 1912. Т. XV. Ст. 372–382).

В правовых исследованиях последней четверти XIX в. авторами выделялись различные виды взяточничества – мздоимство, лихоимство и вымогательство взятки как высшая степень лихоимства. Н. А. Неклюдов разграничивает данные понятия следующим образом: «Мздоимство (ст. 372) есть принятие мзды по делу или действию, касающемуся до обязанностей виновного по службе. Оно разделяется на простое, если учинено после исполнения того, за что был предназначен дар, и на квалифицированное, если дар был принят или получен после совершения сего действия. Лихоимство (ст. 373) есть принятие мзды за учинение или допущение чего-либо противного обязанностям службы. В противоположность мздоимству и лихоимству вымогательство не получает в законе никакого общего определения, а под ним разумеется ряд указанных в самом законе случаев, большинство которых подходит под понятие лихоимства или лихоимственных сборов в том смысле, в каком мы употребили этот термин выше в начале статьи, а именно: 1) всякая прибыль или иная выгода, приобретаемая по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения (п. 1 ст. 377); 2) всякое требование подарков или же неустановленной законом платы, или ссуды, или же каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по касающемуся до службы или должности виновного в том лица делу или действию, под каким бы то ни было видом или предлогом (п. 2 ст. 377); 3) всякие неустановленные законом в излишнем против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным (п. 3 ст. 377); 4) всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью-либо работу (п. 4 ст. 377)» (Неклюдов Н. А. Взяточничество и лихоимство // Юрид. летопись. 1890. Июнь. С. 499–500).

Следует отметить, что помимо указанной главы Уложение содержало множество разбросанных по другим разделам постановлений, описывающих правонарушения, по своим признакам подпадающих под лихоимство или мздоимство, но в силу несовершенства закона образующих отдельные составы. Например, ч. 2 ст. 364 Уложения – ответственность за выдачу из корыстных видов заведомо ложного свидетельства о болезни, бедности, хорошем поведении и т. п. С одной стороны, имеются все признаки лихоимства, с другой – подлога (ст. 321 Уложения). В ст. 428 Уложения говорилось о взятии лицами, участвующими в производстве или суждении дела, во время производства де-

ла или следствия заемных обязательств с обвиняемых или других прикосновенных к тому делу или следствию лиц. Вряд ли можно считать обоснованным выделение этого деяния в отдельный состав преступления, так как ст. 376 Уложения указывает на возможность получения взятки под видом «мнимозаконной или благовидной сделки» (Свод законов Российской империи. Ст. 376). Вымогательство взяток и подарков землемером с владельцев земель, где он производил межевание, или с крестьян, живущих в этой местности, упоминается в ч. 2 ст. 436 и ч. 1 ст. 437 Уложения, однако взяточничество землемера и подведомственных ему нижних межевых чинов должно быть наказано как взяточничество любого другого служащего. Преступления казначеев в этой же сфере запрещены ст. 476–479 Уложения, а ответственность за принятие взяток таможенными чинами и пограничной стражей закреплена в ст. 805, 807, 808, 810 и 811 Уложения. Также к числу подобных «лишних» положений следует отнести ст. 876 о запрете на получение врачом-акушером или повивальной бабкой платы от неимущих и больных за свою работу либо требование от любого лица платы выше, чем установлена законом. Н. А. Неклюдов подчеркивал, что «оно должно быть рассматриваемо: как взяточничество, когда состоящий на службе врач, акушер или повивальная бабка принимают или требуют мзду, прямо запрещенную законом; как лихоимственный сбор, когда они требуют плату свыше установленной законом» (Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 506).

По мнению данного автора, эти составы «заключают в себе не указание на какие-либо новые виды мздоимства, лихоимства и вымогательства, не подходящие как таковые по особенностям их состава под действие 372 и последующих статей Уложения, а лишь не всегда полный перечень тех преступных деяний этой группы, которые могут быть учинены наичаще или даже исключительно лишь некоторыми служащими, занимающими те или другие специальные должности или на коих возложено исполнение тех или других специальных обязанностей» (Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 501–502).

Таким образом, данные постановления оказались совершенно лишними и лишь давали возможность квалифицировать преступления по усмотрению правоприменителя. Нормы о взяточничестве приобрели расплывчатые очертания, непонятным становился сам состав преступления. Санкции за деяния, одинаковые по своей сути, в одних случаях были достаточно суровы (тюремное заключение, отрешение от должности и т. д.), в других – ограничивались лишь строгим выговором. Подобные несовершенства законодательной базы влекли за собой субъективное решение и способствовали произволу.

В статьях шестой главы Уложения предмет взятки определялся по-разному:

1) «подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином» (ст. 372);

2) «всякая прибыль или иная выгода» (п. 1 ст. 377);

3) «подарки или же неустановленные законом платы, или ссуды, или же какие-либо услуги, прибыли или иные выгоды по касающемуся до службы или должности виновного в том лица делу или действию» (п. 2 ст. 377);

4) «всякие неустановленные законом в излишнем против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным» (п. 3 ст. 377);

5) «всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью-либо работу» (п. 4 ст. 377).

В. Н. Ширияев отмечал, что «предметом подарка (ст. 372), дара (ст. 373) или взятки (ст. 373, 375, 376), прибыли, выгоды (ст. 377) могут быть деньги, вещи или что-либо иное, но имеющее, очевидно, материальную ценность, так как взяточничество – деяние корыстное, учиняемое по побуждениям корыстным» (Ширияев В. Н. Взяточничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916. С. 452). Следовательно, отказ от дуэли, или, к примеру, половое сношение (в том числе сексуальные услуги проституток) нельзя было считать предметом взятки.

Анализ Уложения показал, что понятие субъекта лихоимства и мздоимства не имело однозначной трактовки. Различные статьи Уложения содержат следующие определения субъекта взяточничества: «чиновник или иное лицо, состоящее на службе государственной или общественной» (ст. 372), «должностное лицо» (ст. 374), «виновный» (ст. 375), «получивший взятку» (ст. 376). Следует отметить, что субъективный состав взяточничества постоянно расширялся.

В связи с этим В. В. Есипов отмечал: «Наше казуистическое Уложение ограничивается лишь перечислением отдельных чиновников различных ведомств. Субъектами превышения и бездействия власти вообще по Уложению могут быть: судьи, прокуроры, секретари, следователи, межевые чиновники, чиновники полиции, чиновники крепостных дел и нотариусы, казначеи и чиновники, коим вверено хранение денежных сумм, чиновники, заключающие подряды и поставки, и приемщики поставляемых вещей. Субъектами превышения власти, в частности, могут быть затем служащие самых разных ведомств, так, например, местные начальники, горные начальники, карантинные начальники, чиновники, обязанные поверять запасные магазины, почтовые и телеграфные чины, чиновники государственных кредитных установлений, начальники судоходных дистанций, амбарные и

магазинные комиссары, биржевые маклера, биржевые нотариусы, члены ремесленных и цеховых управ, священнослужители и церковнослужители православного исповедания и другие лица. Еще многочисленные виды различных должностных лиц, могущих так или иначе быть субъектами противозаконного бездействия власти, в частности таковы: управляющие казенными землями, чиновник монетного двора, чиновник, заведующий продажей гербовой бумаги и марок, чиновники и штейгеры на казенных заводах, сельские начальники, карантинные чиновники, находящиеся на государственной службе врачи, медицинские начальники, управляющие казенными аптеками, смотрители запасных хлебных магазинов или ям, волостные правления, городские управы, городские думы, цензоры, архитектора и техники, начальники судоходных станций, чины почтового ведомства, чиновники государственных кредитных установлений, амбарные и магазинные инспектора, браковщики, маклера, аукционисты, диспашеры, члены ремесленных и цеховых управ, предводители дворянства, священнослужители других исповеданий и другие лица» (Есипов В. В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. Спб., 1892. С. 44–45).

Проблема четкого законодательного закрепления субъекта преступления по должности, и в частности взяточничества, существовала еще долгое время и не нашла своего однозначного разрешения даже в Уголовном уложении 1903 г. (Пыркова С. Б. Проблемы определения субъекта преступлений по должности по Уголовному уложению 1903 г. // Современные проблемы российского частного и публичного права : сб. науч. тр. межвуз. науч. конф. Н. Новгород, 2009. С. 145–149 ; Ее же. Понятие должностного лица по Уголовному уложению 1903 года и его роль в борьбе со взяточничеством в России // Экономика. Право. Образование: региональный аспект : сб. науч. ст. Н. Новгород, 2009. С. 247–250).

Что касается отдельных видов взяточничества, то мздоимство считалось наименее общественно опасным видом взяточничества по сравнению с лихоимством и тем более с вымогательством взятки. Подтверждение этому содержится в санкциях, назначаемых за тот или иной вид взяточничества. Например, за простое мздоимство (по классификации, предлагаемой Н. А. Неклюдовым) следовало денежное взыскание «не свыше двойной цены подарка» (ст. 372 Уложения); квалифицированное мздоимство предполагало «сверх того же денежного взыскания еще и отрешение от должности» (Свод законов Российской империи. Ст. 372); лихоимство – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения». За вымога-

тельство взятки было предусмотрено самое суровое наказание – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от пяти до шести лет» (ст. 378 Уложения). Если же вымогательство сопровождалось истязаниями или иным явным насилием, то следовало «лишение всех прав, состояния и ссылка в каторжные работы на время от шести до восьми лет» (ст. 378 Уложения).

В качестве смягчающего вину обстоятельства при принятии взятки признавалось чистосердечное раскаяние виновного: «Если, однако ж, получивший такую взятку прежде какого-либо вследствие оной нарушения своих по службе обязанностей, объявит о том с раскаянием своему начальству, то суд может, смотря по обстоятельствам, более или менее уменьшающим вину его и более или менее удостоверяющим в искренности его раскаяния, ограничить его наказание: исключением из службы; или удалением от должности; или же одним строгим выговором, со внесением или без внесения оного в послужной список» (Свод законов Российской империи. Ст. 373). Однако это положение распространялось только на лихоимство. Раскаяние как обстоятельство, смягчающее ответственность, не упоминается ни в статьях о мздоимстве, ни в статьях о вымогательстве взятки (ст. 372, 378 Уложения). Отягчающим же обстоятельством признавалось совершение насилия или истязания при вымогательстве взятки (ст. 378 Уложения).

Не образовывали состава взяточничества следующие действия должностных лиц: «Сочинение и переписка проектов прошений, объявлений, писем, духовных завещаний, купчих крепостей, закладных, дарственных, записей, договоров, отдельных и других каких-либо по законным формам составляемых актов и деловых бумаг, с получением за то вознаграждения от желающих иметь оныя, по взаимному добровольному с ними согласию, не считается действием противным закону и порядку службы, когда сии бумаги должны поступить не в то место, где служит сочинявший или переписывающий проекты оных, или же когда на занятии работами сего рода ему дано разрешение от его главного в том месте начальства» (Там же. Примеч. к ст. 372). Также по смыслу ст. 372 Уложения состав мздоимства отсутствовал, если «подарок был принят без предварительного на то согласия и возвращен немедленно или не позднее чем через три дня после исполнения того, за что он был предназначен».

Кроме того, на законодательном уровне борьба велась также с завуалированными взятками. Под данной категорией подношений подразумевались следующие случаи: «Когда он (чиновник. – С. П.) взятку принял не сам, чрез другого, или же дозво-

лил принять оную своей жене, детям, родственникам, домашним или кому-либо иному; когда деньги или вещи были еще не отданы, а только обещаны ему по изъявленному им на то желанию или согласию; когда взятка передана ему прямо или чрез другого с его ведома под предлогом проигрыша, продажи, мены или другой какой-либо мнимозаконной и благовидной сделки» (Свод законов Российской империи. Ст. 376). Таким образом, вероятно, согласно Уложению карточный долг также мог стать предметом взятки.

Помимо непосредственных исполнителей в Уложении предполагалось наказание также для соучастников взяточничества (ст. 380). Таковыми признавались следующие лица:

1) «содействовавшие мздоимству или лихоимству, в каком бы то ни было оных виде, чрез принятие подарков или взятки вместо другого, или чрез посредничество при требованиях, передаче или получении взяток или подарков, или чрез участие в притеснениях или угрозах, употребляемых для вымогательства»;

2) «начальники, которые, зная достоверно о подарках или взятках, получаемых подчиненными их, или же о чинимых ими или допускаемых вымогательствах, не принимали никаких мер для прекращения сих злоупотреблений, изобличения и наказания виновных или даже явно им потворствовали»;

3) «судьи, которые изобличенных в мздоимстве или лихоимстве преступников будут стараться оправдать вопреки законам и обстоятельствам дела» (Там же. Ст. 380).

Для указанных категорий лиц, признаваемых соучастниками преступления, наказание должно было быть таким же, как и для исполнителей, однако согласно ст. 380 Уложения в меньшем размере, который в законе не был однозначно определен.

Ответственность за попустительство взяточничества закреплялась в той же статье. Все лица, осведомленные о «сих беспорядках» и имевшие возможность донести о них начальству, но не сделавшие этого, становились субъектами недонесения о преступлениях (ст. 126 Уложения) и приговаривались к соответствующим наказаниям.

По нашему мнению, ограниченно регламентировалась в Уложении ответственность за лихоимство. Соответствующий состав включал в себя определенный и закрытый перечень действий – «склонение состоящих в службе государственной или общественной похитить, скрыть, истребить или же в чем-либо изменить одну или несколько из принадлежащих к делам бумаг, или же сделать другой сего или иного рода подлог» (Там же. Ст. 382). Таким образом, в соответствии с указанной нормой, ответственность наступала как за подлог или похищение. Такой подход к ответственно-

сти за лихоимство кажется достаточно ограниченным. Однако К. Анциферов дает следующее объяснение: «Вся история нашего законодательства... проникнута той идеей, что взяточничество не есть чисто или исключительно преступление против государства. Карая взяточничество как преступление, законодатель никогда не игнорировал мысли, что взяточничество есть деяние, причиняющее вред обществу. Во имя охранения общества, а не во имя одной только чистоты и ненарушимости служебного долга, взяточничество и выдвигалось на высоту тяжкого преступления. “Грабительства, несправедливые хищения” были господствующими мотивами, выдвигающими взяточничество из ряда других служебных преступлений. Этим объясняется и то обстоятельство, что взяточничество в нашем законодательстве облагалось общими, а не специальными наказаниями. Этим же объясняется и то, что дача взятки со стороны гражданина не рассматривалась как соучастие в преступлении. Напротив, давший взятку считался потерпевшим и ему возвращалась часть двойного или тройного штрафа. Даже в эпоху Петра Великого взяточничество, по нашему мнению, не изменило основной своей установки, хотя формальный характер преступления, преступление указа, получил преобладающее значение. Правда, по указу 25 августа 1713 г., лихоиматели также обложены наказанием, равным с взяточниками. Но едва ли на это предписание следует смотреть как на изменение основной точки зрения. Такого предписания, сколько известно, в других указах уже не оказывается» (Анциферов К. Взяточничество в истории русского законодательства // Журн. гражд. и уголов. права. 1884. № 2. С. 51–52).

В ст. 381 Уложения устанавливалась ответственность лиц, якобы принявших деньги или вещи для передачи другому лицу в качестве взятки, но присвоивших их себе. К ним применялись наказания, предусмотренные ст. 372 и 373 Уложения, причем предусматривался верхний предел установленной санкции. Этим законодатель подчеркивал необходимость более жесткого наказания взяточников, получивших для себя подношения вследствие обмана взяткодателя.

Если взятка была принята в пользу третьих лиц – «для доставления другому незаконной прибыли или же из иных противозаконных видов» (Свод законов Российской империи. Ст. 374), – то ответственность за нее наступала для взяточника как за лихоимство по ст. 373 Уложения.

Отдельный состав образовывал сбор денег на подарки и угощения чиновников и других званий людей должностными лицами волостного и сельского управления (ст. 379 Уложения). Последние, а также писари и их помощники, виновные в противозаконном сборе денег, приговаривались к заключению в тюрьме на срок от четы-

рех до восьми месяцев. Если же собранные деньги или их часть они присваивали себе, то за это следовало «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдача в исправительные арестантские отделения на время от четырех до пяти лет».

При вынесении судебного решения по делам о взяточничестве все полученные в результате мздоимства и лихоимства подношения, согласно ст. 373 и 378 Уложения, отбирались у виновных лиц и отсылались в местный Приказ общественного призрения или заменяющее его учреждение.

Несовершенство Уложения в сфере регламентации ответственности за взяточничество проявлялось, помимо указанных аспектов, также и в том, что за наиболее общественно опасные виды взяточничества – лихоимство (ст. 373) и вымогательство взятки (ст. 378) – сохранялась возможность назначения наказания судьей достаточно произвольно, «смотря по обстоятельствам дела». Например, ст. 373 Уложения предусматривала в качестве нижнего предела санкции строгий выговор «без внесения оного в послужной список», т. е. должностное лицо, обвиняемое в лихоимстве, фактически могло остаться безнаказанным, если судья «по обстоятельствам дела» найдет это возможным, что регулярно и происходило на практике.

«Мало того, – отмечал В. Есипов в 1892 г., – официальное положение и влияние должностного лица нередко служат непреодолимым щитом для судебного преследования таких злоупотреблений, вследствие чего чиновники, прикрываясь своим званием и опираясь на врученную им власть, остаются иногда безнаказанными там, где каждое частное лицо понесло бы самое строгое уголовное наказание. Возможность подобной безнаказанности создает в среде недобросовестных блюстителей власти крайне прискорбное отношение к правам частных лиц и к обязанностям, на них самих возложенным» (Есипов В. В. Указ. соч. С. 6).

В связи с этим необходимо отметить, что размер взятки по Уложению не имел юридического значения и никак не влиял на квалификацию деяния. Здесь можно говорить как о малозначительности взятки, так и о самом ее крупном размере. В случае, если размер взятки не являлся обстоятельством юридически значимым, то чиновник мог с помощью покровительства своего начальства уйти от ответственности, даже если принятые им подношения были очень велики.

В период правления Александра III на основании высочайшего повеления от 22 апреля 1881 г. был учрежден Комитет для выработки проекта Уголовного уложения. Проект, подготовленный в 1813 г. в период правления Александра I, не был реализован. По оценкам современников, он был слабо разработан теоретически в виду того, что его

составители не учли «исторический материал» (Анциферов К. Указ. соч. С. 48).

Обосновывая необходимость использования исторического материала при составлении норм о взяточничестве, К. Анциферов утверждал, что «из такого ограничения выходит, что помимо наложения на народ новых податей и повинностей в свою пользу, административные чиновники не могут преследоваться за взяточничество» (Там же).

Таким образом, возникала необходимость подготовки принципиально нового проекта уголовного закона. В редакционную комиссию по подготовке нового Уголовного уложения вошли известнейшие и заслуженные правоведы и общественные деятели: Э. Франк, Н. Неклюдов, Е. Розин, В. Случевский, Н. Таганцев, И. Фойницкий. В объяснениях, подготовленных к данному проекту, редакционная комиссия отмечала, что «взяточничество есть поступок безусловно корыстного свойства, предполагающий преступную наживу; что как таковой он может заключаться только во взятках, имеющих имущественную ценность, или в приобретении чужого имущества ценою учинения какого-либо служебного действия» (Уголовное уложение: Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. Спб., 1897. Т. 8. С. 528). В то же время указывалось, что взятка, дар могут заключаться в имуществе или в праве по имуществу и должны считаться приобретенными, коль скоро виновный получил само имущество, право на него или освобождение от исполнения обязательства вообще или в той или другой его части (Там же. С. 530).

Важным достоинством подготовленного проекта стало то, что он закрепил легальное понятие взятки. В ст. 570 Уголовного уложения было установлено, что «взяткою почитается дар имущества или права по имуществу, или обещание такового дара» (Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии. Приложение к № 9 журнала Министерства юстиции (Сентябрь 1895 г.). Спб., 1895. С. 163).

Проект редакционной комиссии предусматривал ужесточение санкций за взяточничество. В подавляющем большинстве статей в качестве наказания фигурировало тюремное заключение на срок не ниже 3 месяцев (ст. 564, 565, 566, 568 проекта Уголовного уложения), в том числе и для начальника, который нес ответственность за действия подчиненного, берущего взятки (Там же. С. 162–163). Покушение на взятку (под ним понималась просьба, требование или вынуждение взятки) также теперь становилось наказуемым (ст. 565 проекта Уголовного уложения), несмотря на отсутствие конкретно определенной санкции (Там же. С. 162).

Рассматриваемый проект в ст. 568 устанавливал ответственность за получение взятки для присяжных заседателей: «Внесенный в очеред-

ной или запасный список присяжных заседателей, виновный в принятии предложенной ему или испрошенной, или вытребованной им взятки, заведомо, что она дана ему по делу, могущему принадлежать его рассмотрению в качестве присяжного заседателя, наказывается: тюрьмою на срок не ниже трех месяцев» (Там же. С. 163).

Изменения также должны были коснуться и порядка дальнейшей реализации полученного под видом взятки. Если по действующему Уложению все переданное в качестве взятки отчислялось в Приказ общественного призрения, т. е. шло на общественные нужды, то согласно проекту Уголовного уложения «отобранный дар обращается в казну; если же судом будет признано, что дар был вынужден, то он возвращается хозяину» (Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии. С. 163).

Проект более подробно регламентировал ответственность за лихоимственные сборы – «денежные или натуральные поступления, вытребованные служащим под предлогом исполнения закона или обязательного постановления власти, или под предлогом исполнения условий публичного торга или договора с казною, или же под видом установленной платы за служебное действие» (ст. 571). Для сравнения: в действующем Уложении лихоимственные сборы являлись разновидностью вымогательства взятки и представляли собой «всякие неуставленные законом в излишнем против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным» (п. 3 ст. 377). Проектом за подобные действия предусматривалось наказание в виде 3 лет исправительного дома. Покушение также являлось наказуемым. Согласно действующему Уложению наказание за лихоимственные сборы не конкретизировалось и устанавливалось как за вымогательство взятки.

Следует отметить, что в России в рассматриваемый период не существовало легального понятия «лихоимственный сбор». В связи с этим Н. А. Неклюдов отмечает: «Наряду с законом о безвозмездности службы стоит закон, что никакие налоги или сборы и повинности не могут быть налагаемы на граждан иначе, как в установленном законом порядке, и не могут быть взыскиваемы с них в размере свыше установленного подлежащею властью, а установленные натуральные повинности могут быть требуемы и отбываемы лишь соответственно их действительному назначению. Нарушение сего закона о налогах и сборах взиманием незаконных сборов с целью покорыстоваться ими самому или предоставить покорыстоваться ими другому, а равно и нарушение закона о натуральных повинностях с целью воспользоваться ими в свою пользу или предоставить в пользование ими другому, со-

ставляет то другое преступное деяние, которое наш закон называет вымогательством, но которое правильнее назвать лихоимственными сборами. И взятки, и лихоимственные сборы сходны иногда по способу их поступления к виновному и даже проистекают из одной и той же корыстной цели, но между ними есть весьма существенное различие. Это различие заключается в том, что при лихоимственном сборе виновное должностное лицо не принимает и не требует никакой противозаконной мзды за свои служебные действия, а прямо взимает неуставленные поборы под предлогом обращения их в государственную или общественную кассу – деяние, заключающее в себе не признаки взяточничества в собственном смысле, а скорее признаки корыстного превышения власти или присвоения вверенных ему по службе – для передачи в означенные кассы – сумм или же обман плательщика в том случае, когда последний вносит сбор добровольно, доверяя ложным уверениям сборщика о законности взимаемого им сбора» (Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 508–509).

Редакционным комитетом Санкт-Петербургского юридического общества в 1893 г. были высказаны замечания к проекту Уголовного уложения. Одним из дискуссионных стал вопрос об ответственности за взяточничество (лихоимство). Комитет, в частности, указал, что «не только учинение ради взятки какой-либо кривды, но даже и принятие дара за учинение таковой составляют одинаково гнусные деяния», и если «закон воспрещает даже частным лицам восхвалять публично преступника или преступления, то, конечно, он не должен оставлять без строгого взыскания и служащего, принимающего мзду за поправление им своих служебных обязанностей, по крайней мере, дотоле, покуда он продолжает оставаться на службе, хотя бы и не по тому ведомству, во время служения в коем учинено им преступное деяние» (Замечания редакционного Комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного уложения. Злоупотребления общественной и государственной службой // Журн. уголов. и гражд. права. 1893. № 10. С. 228).

В последней четверти XIX в. появились теоретические исследования отечественных правоведов по вопросам взяточничества и лихоимства. Например, Н. Муравьев отмечал, что «...преступления должностных лиц по разным отраслям государственной и общественной службы, у нас, быть может, более частые и многочисленные, чем где бы то ни было в Западной Европе, представляют явление чрезвычайной важности, глубоко захватывающее собой все стороны гражданской жизни» (Муравьев Н. Указ. соч.

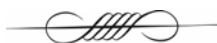
С. 575–576). Он полагал, что общей чертой всех служебных преступлений является «...нарушение того особого публичного доверия, которым облечено каждое должностное лицо, злоупотребление той долей публичной власти, которая ему присвоена, как бы скромно и маловажно ни было его место на иерархической служебной лестнице» (Там же).

Особую актуальность имела проблема правовой оценки различного рода подарков, подношений, вручаемых служащим в качестве благодарности за уже содеянное, а также не за определенное действие, а «по обычаю», «к празднику», «на именины» и др. В частности, А. Лохвицкий полагал, что такого рода подношения представляют собой укоренившийся обычай и служат «страховой премией для обывателей» (Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. 2-е изд. Спб., 1871. С. 427). Он писал: «Такие приношения, во всяком случае, делаются из цели получить в случае надобности законную защиту, следовательно, составляют род страховой премии для обывателей. Но буквально они не подходят под взяточничество» (Там же).

Существенную роль в развитии правовой мысли сыграло появление труда Н. А. Неклюдова «Взяточничество и лихоимство». В исследовании поднимались многие дискуссионные вопросы. В частности, ученый полагал, что взятка всегда должна носить характер подкупа и что ее следует отличать от дара. «Даже и в том случае, если бы законодательство признало необходимым возбранить служащим прием каких бы то ни было проявлений благодарности или признательности, то и тогда нарушение сего формального запрета не могло бы быть рассматриваемо как взяточничество, а могло бы составить лишь дисциплинарный проступок, преследуемый или безусловно, или с известным ограничением» (Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 516).

Акцентируя внимание на необходимости создания «исторического», а не заимствованного законодательства в целом, К. Анциферов отмечал: «Но для исторического законодательства важно не только собрать материал и систематизировать его, но и воспринять те идеи, которые проникали в этот материал и сообщали ему внутренний смысл и знание. Указная деятельность и изучение тех эпох, при условии которых творились законы в нашей истории, суть живые нити, которые способны привести к проникновению и тем высоким подъемом духа и мысли, до которого достигали верховные законодатели предшествовавшей истории в борьбе со злокачественным культом нашего чиновничества. Но там же, в той пережитой истории, можно почерпнуть и другие воодушевляющие мотивы. Являясь передовыми борцами, опережая даже свое время, его понятия и нравы, верховные законодатели лишены были средств, необходимых для успешной борьбы. Закон был силен в идее, а не в жизни. Доступ к закону был возможен только через просвет, создаваемый взяточностью. Справедливо говорила Великая Екатерина, что, грабя, взяточники “льстят себя надеждою, что все, что они делают по лакомству, прикрыто добрым и искусным канцелярским и приказным порядком”» (Анциферов К. Указ. соч. С. 54).

Анализ основной законодательной базы последней четверти XIX в. показал, что при всем ее несовершенстве и наличии массы пробелов, остающихся возможности для злоупотреблений и произвола, определенные шаги в противодействии взяточничеству и лихоимству были сделаны, однако коренных изменений в системе власти так и не последовало. Поэтому в конце XIX – начале XX вв. лихоимство и взяточничество продолжали оставаться одной из самых насущных проблем российской действительности.

Библиографический список

1. Анциферов, К. Взяточничество в истории русского законодательства / К. Анциферов // Журн. гражд. и уголов. права. – 1884. – № 2.
2. Муравьев, Н. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе / Н. Муравьев // Юрид. вестн. – 1879. – № 10.
3. Неклюдов, Н. А. Взяточничество и лихоимство / Н. А. Неклюдов // Юрид. летопись. – 1890. – Июнь.
4. Ширяев, В. Н. Взяточничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях / В. Н. Ширяев. – Ярославль, 1916.

Bibliographical list

1. Antsiferov, K. Bribery in the History of Russian Legislation / K. Antsiferov // Journal of Civil and Criminal Law. – 1884. – № 2.
2. Muravyov, N. On the Prosecution of Officials for Crimes in the Service / N. Muravyov // Legal Gazette. – 1879. – № 10.
3. Nekludov, N. A. Bribery and Extortion / N. A. Nekludov // Legal Chronicle. – 1890. – June.
4. Shiryayev, V. N. Bribery in Connection with the Common Doctrine of Official Crime / V. N. Shiryayev. – Yaroslavl, 1916.

И. М. Чубченко,
*соискатель факультета
подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

I. M. Chubchenko,
*applicant of the faculty for training of scientific
and pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia*

**СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ИНСТИТУТА ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В АРМИИ**

**The Formation in Russia's Criminal Justice of the Institute of Investigative Jurisdiction
on Crimes Committed in the Army**

Аннотация. В статье рассмотрена специфика возникновения и развития органов предварительного следствия в армии России, обусловленная особым статусом военнослужащих.

Ключевые слова: воин, судебный устав, военно-судебная реформа, военный следователь, военные следственные отделы.

Annotation. The article covers the specifics of the formation and development of the agencies of pretrial investigation in the Russian armed forces caused by the peculiar status of enlisted personnel.

Key words: fighting man, court statute, court martial reform, military investigator, military investigating agencies.

Армия в любом государстве являлась и является специфическим инструментом политического устройства, в ней всегда складывались отличные от остального социума отношения, с определенной моралью, этическими нормами и правовыми взглядами. Нередко то, что не позволялось рядовым гражданам, для воинов было их правом и обязанностью. И наоборот, то, что разрешалось обывателям, для защитников считалось неприемлемым и позорным.

В связи с этим ответственность за совершенные преступления военными носила дифференцированный, разноплановый характер. Провинившиеся практически всегда отвечали за содеянное перед лицом своих сослуживцев. Подобная практика складывалась, можно сказать без преувеличения, во всех странах мира и культурах. Не стало исключением и наше государство.

В Киевской Руси каждый член княжеской дружины пользовался неприкосновенностью. Покушение на жизнь одного воина грозило истреблением всего поселения, откуда был родом «насильник». Суд же над преступившим закон дружинником «чинился лично князем в присутствии сотоварищей по мечу».

С развитием общественных отношений, увеличением численности войска и территории княжеств судебные функции постепенно перешли от великих князей к предводителям дружин, а затем и к поместным воеводам, в чьем ведении находились те или иные воинские подразделения.

Новаторские реформы Петра I в незначительной степени коснулись судебной системы армии и флота. По-прежнему следствие по преступлениям, совершенным в армии, осуществляли сами командиры. Они передавали расследованные уголовные дела вышестоящему начальству, которое и принимало решение о предании суду виновных. Данное положение дел не могло способ-

ствовать укреплению законности, так как командование не было заинтересовано в огласке порочащих честь армии проступков, поэтому нередко преступления либо скрывались, либо виновные подвергались лишь дисциплинарным наказаниям. Особенно популярными были публичные телесные наказания розгами, заменявшие уголовную каторгу или тюрьму.

Судебная реформа, начавшаяся в России в начале 60-х гг. XIX в., определила органы, на которые было возложено предварительное следствие, во многом упростив уголовное судопроизводство. Затронула эта реформа и армию. Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. предварительное следствие в войсках осуществляли военные следователи при содействии военного начальства и полиции и под наблюдением военных прокуроров. Военные следователи входили в состав военных судов (URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust_ugprav.php).

Однако уже в 1867 г. в России была проведена военно-судебная реформа, сущность которой заключалась во введении новых принципов военного судопроизводства, обеспечивающих суд «скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных», создании для этих целей постоянных военных судов в соответствии с изменениями структуры армии.

Согласно Военно-судебному и Военно-морскому судебному уставам от 15 мая 1867 г. военные следователи имели право возбуждать уголовное преследование и приступать к производству следствия только по предложению надлежащего военного начальника. При этом военные следователи осуществляли предварительное следствие лишь по делам, подсудным военно-окружному суду, в случаях совершения военнослужащими:

- воинских и служебных преступлений;
- общественных преступлений в местах, состоящих в исключительном ведении военного начальства;

- общественных преступлений в местах, подведомственных полиции, одними военными служащими при исполнении ими обязанностей военной службы.

В иных же случаях полиция должна была проводить дознание и затем передавать собранные материалы судебному следователю Министерства юстиции.

Такое положение дел сохранялось в армии вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Двадцать четвертого ноября 1917 г. был обнародован Декрет № 1 Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде». Его первым пунктом упразднялись существовавшие общие судебные установления: окружные суды, судебные палаты, Правительствующий Сенат, военные, морские и коммерческие суды ([URL: http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/o_sude1.htm](http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/o_sude1.htm)). На основании этого декрета создавались новые советские суды, получившие названия «народные суды» и «революционные трибуналы». Функции предварительного следствия и уголовного преследования осуществлялись в тот период следственными комиссиями революционных трибуналов, на которые возлагались:

- возбуждение уголовного преследования;
- производство обыска, выемки, задержания, ареста, освобождение из-под стражи, избрание мер пресечения и др.;
- прекращение уголовного преследования при отсутствии состава преступления;
- направление дела по подсудности или назначению к слушанию в заседании революционного трибунала.

Однако они не справились с большим количеством уголовных дел, а потому были образованы следственные комиссии Военно-революционного комитета. Аналогичные комиссии для расследования дел о контрреволюционных преступлениях были созданы при местных органах власти и в армии. Затем для расследования дел об убийствах, тяжких телесных повреждениях, разбоях, бандитизме, изнасилованиях и других опасных преступлениях были учреждены следственные комиссии окружных судов. В это же время наблюдался активный поиск новых форм организации и деятельности следственных органов.

Двадцатого декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая в годы Гражданской войны была наделена правом рассмотрения уголовных дел, а также на нее возлагалось расследование уголовных дел о государственных преступлениях.

В феврале 1922 г. она была реорганизована и на ее базе создано Объединенное государствен-

ное политическое управление для борьбы с контрреволюционными и наиболее тяжкими преступлениями.

В 1922 г. в молодом Советском государстве была проведена судебная реформа и приняты Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский, Земельный кодексы, Кодекс о труде, Положение о судостроительстве.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не имел специальной статьи с перечнем органов предварительного следствия, но в п. 5 ст. 23 УПК говорилось, что под словом «следователь» подразумеваются народные следователи, следователи, состоящие при губернских судах, следователи военных трибуналов, и следователи по важнейшим делам при Наркомате юстиции (Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153).

В 1923 г. второй сессией ЦИК СССР был принят Основной закон (Конституция) Союза ССР, на основании которого было разработано Положение о прокуратуре Верховного суда СССР. В его состав наряду с прокуратурой входили и следственные органы.

Одно из не устраненных указанным выше Положением практических неудобств во взаимоотношениях военных следователей, военных трибуналов и военных прокуроров заключалось в том, что следственный аппарат административно был подчинен военным трибуналам, а в оперативном плане – военным прокурорам, что часто создавало затруднения в эффективном использовании военных следователей и руководстве ими.

Данное обстоятельство стало причиной внесения в Положение 30 января 1929 г. значительных изменений. Военные следователи были выведены из состава суда и переведены в подчинение военным прокурорам. А в 1933 г. прокуратура в СССР была учреждена как самостоятельный орган, однако только в 1936 г. следственный аппарат был выделен из системы юстиции и передан в подчинение прокуратуре.

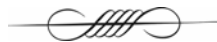
Таким образом, в 30-е гг. XX в. была сформирована правовая основа предварительного следствия в армии и на флоте, определились организационные формы деятельности следственного аппарата, которые просуществовали с незначительными изменениями вплоть до 2007 г., положительно зарекомендовав себя в тяжелые годы Великой Отечественной войны, а также в период серьезных политических преобразований в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия.

Процессы демократизации, происходящие в последнее время в России, способствуют созданию обособленных структур по расследованию преступлений. Таким подразделением стал Следственный комитет – структура, хотя и формально входящая в состав органов Генеральной прокуратуры РФ, однако осуществляющая свою дея-

тельность по расследованию и раскрытию преступлений относительно обособленно от них (Вопросы Следственного комитета при прокуратуре РФ : указ Президента Рос. Федерации от 1 авг. 2007 г. № 1004 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 32, ст. 4122).

Сейчас на основании данного указа для расследования преступлений в армейской среде созданы специализированные следственные органы – военные следственные отделы, что обусловлено историческими традициями и отечественным

законодательным опытом, так как следователи данных структур имеют соответствующий допуск к гостайне и более глубокие познания в специфике функционирования воинских подразделений, что способствует более быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных и реабилитации невиновных, укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений в армейской среде, охране интересов общества в целом и каждого военнослужащего в отдельности.

Библиографический список

1. *Бастрыкин, А. И.* Розыск, дознание, следствие / А. И. Бастрыкин, И. Ф. Крылов. – Л., 1984.
2. *Башинская, И. Г.* Проблемы правовой регламентации института подследственности в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007.
3. *Звягинцев, А. Г.* Под сенью русского орла. Генерал-прокуроры России / А. Г. Звягинцев. – М., 1997.
4. *Савенков, А. Н.* Военная прокуратура: история и судьбы / А. Н. Савенков. – СПб., 2004.
5. *Соловьев, И. М.* Правила разграничения подследственности между территориальными и военными прокуратурами требуют уточнения / И. М. Соловьев // Следств. практика. – 2004. – № 1(162).

Bibliographical list

1. *Bastrykin, A. I.* Search, Inquiry and Investigation / A. I. Bastrykin, I. F. Krylov. – L., 1984.
2. *Bashinskaya, I. G.* Problems of the Legal Regulation of the Jurisdiction Institute in the Russian Criminal Legal Proceedings. – Krasnodar, 2007.
3. *Zvjagintsev, A. G.* In the shadow of the Russian Eagle. General Public Prosecutors of Russia / A. G. Zvjagintsev. – M., 1997.
4. *Savenkov, A. N.* Military Prosecuting: the History and the Fortunes / A. N. Savenkov. – SPb., 2004.
5. *Soloviov, I. M.* Differentiation Rules of Territorial and Military Jurisdiction Demand Specification / I. M. Soloviov // Investigatory Practice. – 2004. – № 1(162).

С. В. Лобанов,
соискатель факультета
подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

S. V. Lobanov,
applicant of the faculty for training
scientific-pedagogical staff
of VLI of the FPS of Russia

БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Combating Organized Crime: International Experience

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятие, основные признаки организованной преступности, анализируется зарубежный опыт в сфере борьбы с организованной преступностью.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная группа, сообщество (организация), борьба с преступностью.

Annotation. This article is devoted to the concept, basic signs and characteristics of organized crime. Foreign experience in the sphere of struggling against the organized crime is analyzed.

Key words: the organized crime, the organized criminal group, community (organization), a struggle against criminality.

В настоящее время борьба с организованной преступностью является приоритетным направлением деятельности российских правоохранительных органов и государства в целом. Выступая на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, В. В. Путин отметил: «Мы не сможем решить наши социальные и экономические проблемы, если не объединимся в борьбе с преступностью» (Рос. газ. 2003. 15 июля). В этой связи чрезвычайно полезным, на наш взгляд, является зарубежный опыт.

В практической деятельности правоохранительных органов зарубежных стран сложились различные представления о сущности организованной преступности.

Так, в Швейцарии организованной преступной группой считается совокупность или группа лиц, объединившихся на длительное или неопределенное время, чтобы полностью или частично с помощью незаконных средств получить доходы, другие эквиваленты денег или экономическую выгоду для себя или других, скрывающих свою противоправную деятельность от уголовного преследования. Для достижения своих целей они:

а) совершают или планируют совершить акты насилия или другие уголовные деяния, сопровождающиеся запугиванием;

б) оказывают влияние на политику, экономику, в частности, на политические органы или организации, общественные административные органы, юстицию, фирмы, союзы предпринимателей, профсоюзы или другие союзы рабочих и служащих;

в) формально или неформально примыкают к одному или нескольким подобным объединениям (Арестов А. И. Криминологические и уголов-

но-правовые меры борьбы с организованной преступностью [Электронный ресурс] : монография. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В США одно из первых официальных определений организованной преступности было предложено специальной президентской комиссией, созданной в 1967 г. для изучения проблем борьбы с гангстеризмом. Оно гласило: организованная преступность – это деятельность преступных организаций, включающих в себя тысячи членов и имеющих такую же сложную организационную структуру, как и структуры крупных легальных корпораций. В рамках этой структуры существуют свои законы, которые применяются с большей жестокостью, чем законы правительства. Действия членов организации не импульсивны. Они представляют собой результат соглашений, направленных на достижение контроля над целыми сферами преступной деятельности для получения огромных прибылей (Бастрыкин А. И. Борьба с организованной преступностью в США // Правоведение. 1992. № 3. С. 74).

В 1988 г. на проходившем под эгидой Интерпола Первом международном симпозиуме по проблемам борьбы с организованной преступностью в г. Сен-Клу (Франция) было принято следующее рабочее определение понятия организованной преступности: «Всякое предприятие или группа лиц, занимающаяся, невзирая на государственные границы, длящейся незаконной деятельностью преимущественно с целью извлечения прибыли» (URL: <http://www.inter.criminology.org.ua/modules.php?name=Content&file=print&pid=749>).

В Германии Министерством юстиции совместно с полицией разработано определение, в со-

ответствии с которым организованная преступность есть планомерное совершение преступлений, представляющих значительную опасность для общества, более чем двумя лицами, сотрудничество которых основано на разделении труда и рассчитано на длительный или неопределенный период, с использованием профессиональных и сходных по роду своей деятельности структур, с применением актов насилия или других средств запугивания или с воздействием на политику, средства массовой информации, общественное управление, юстицию и экономику, целью которых является получение прибыли и захват власти (Воробьев И. А. Организованная преступность и борьба с ней в Германии : монография. М., 1996. С. 6 ; Водько Н. П., Ахременко И. В. Борьба с организованной преступностью в сфере экономических отношений в ФРГ. М., 1998. С. 18).

В Италии определение организованной преступности включает понятие преступной организации, которой является не только банда или группа лиц, сообща совершающих преступления. Сущность организации определяется наличием в данной группе следующих признаков: сбор и передача информации; нейтрализация действий правоохранительных институтов; использование основных социально-экономических служб; существование внутренней структуры; определение внешней «законности» действий (Минн Р. Закон против мафии. М., 1988. С. 260).

По нашему мнению, наиболее интенсивная работа в области определения понятия организованной преступности велась в период подготовки VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.), а также в ходе Международного семинара ООН по вопросам борьбы с преступностью (Суздаль, СССР, 21–25 октября 1991 г.). В итоговых документах данных форумов были: сформулировано общее понятие организованной преступности, дана ее краткая характеристика и указаны основные признаки (Организованная преступность : курс лекций. СПб., 2002. С. 26). Так, под организованной преступностью понимается функционирование «относительно массовой группы устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищение в крупных размерах» (Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 324).

В отечественной правовой науке при изучении организованной преступности преобладает деятельностный подход, в соответствии с кото-

рым определение анализируемого понятия базируется на указании функционирования устойчивых преступных организаций (сообществ). Организованная преступная деятельность предстает сознательной, систематической, осуществляемой в широких масштабах организованными сообществами, сплоченными преступной идеологией, имеющими внутреннюю структуру соответственно поставленным целям, специфическую систему управления и обеспечения безопасности.

Мы разделяем позицию В. И. Третьякова, который называет организованную преступность относительно самостоятельным видом преступности, представляющим собой совокупность всех преступлений, совершенных за определенный период, независимо от места их совершения (на региональном, государственном или международном уровне) организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) и совокупность входящих в них лиц, а также сам процесс совершаемости данных преступлений в виде систематической, способной к самовоспроизводству криминальной деятельности, осуществляемой во всех сферах жизнедеятельности общества, приносящей финансовую прибыль, в том числе и от легализации криминальных доходов, обеспеченной собственными средствами защиты от социального контроля, включая коррупционные связи с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, вплоть до проникновения во властные структуры (Третьяков В. И. Организованная преступность в России: понятие, признаки // Рос. следователь. 2008. № 7. С. 31–32).

Организованная преступность – одно из самых сложных явлений, с которым приходится сталкиваться правоохранительным органам во всем мире. Только за последние 30 лет количество преступлений, совершаемых в составе преступных групп в различных странах, увеличилось в 4 раза, в том числе на территории бывшего СССР и в США – в 8 раз, в Великобритании и Швеции – в 7 раз, во Франции – в 6 раз, в Германии – в 4 раза, в Японии – в 2 раза (Куликов А. С. Мы должны объединиться в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом [Электронный ресурс] // Право и безопасность. 2002. № 1(2). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_2_7.htm (дата обращения: 07.04.2009).

Масштаб деятельности организованной преступности крайне велик, а ущерб от нее огромен. Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года» ежегодные доходы от организованной преступной деятельности составляют: 100–300 млрд долларов от торговли наркотиками; 10–12 млрд долларов от затопления токсичных и других опасных отхо-

дов; 9 млрд долларов от хищений автотранспорта в США и Европе; 7 млрд долларов от перемещения через границы незаконных мигрантов; около миллиарда долларов от нарушения прав на интеллектуальную собственность путем незаконного копирования видеофильмов, компьютерных программ и других товаров.

Вред от коррупции оценивается примерно в 500 млрд долларов, что составляет около 1 % мирового валового национального продукта. Этот ущерб является следствием замедления экономического роста, уменьшения иностранных инвестиций и снижения прибыли (URL: http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2015.html (дата обращения 07.04.2009)).

Развивающиеся страны тратят до 14 % валового внутреннего продукта на борьбу с преступностью, развитые страны – 5 %. При этом данный показатель имеет стойкую тенденцию к увеличению (Куликов А. С. Указ. соч.).

В целом осознавая возрастающую опасность воздействия организованной преступности на государство и общество, зарубежные страны между тем по-разному решают проблемы борьбы с ней. На наш взгляд, все государства можно условно разделить на две группы:

1) создавшие специальное законодательство по борьбе с организованной преступностью (в первую очередь это США, Италия);

2) не имеющие подобного законодательства и использующие для привлечения к уголовной ответственности членов организованных преступных групп, сообществ (организаций) правовые нормы о преступном сговоре.

В 1970 г. Конгрессом США был принят Закон об организациях, связанных с racketeering и коррупцией (the Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, или закон РИКО), задачей которого стало «искоренение организованной преступности в Соединенных Штатах Америки посредством усиления требований закона при сборе доказательств, криминализации новых деяний, ужесточения назначаемых наказаний и применение прочих юридических средств к нелегальной деятельности, связанной с организованной преступностью» (URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php> (дата обращения: 13.04.2009)).

Данный нормативный акт направлен против преступных организаций (физических или юридических лиц), получающих доход полностью или частично от незаконной деятельности. При этом в качестве последней может выступать любое преступление, ответственность за совершение которого установлена федеральным законодательством либо законодательством штата (например, убийство, похищение людей, азартные игры, поджог, грабеж, взяточничество, вымогательство, торговля наркотиками, фальшивомо-

нетничество, отмывание преступных доходов, воспрепятствование отправлению правосудия либо уголовному расследованию и др.), если оно совершено членом преступной организации.

Кроме того, Законом РИКО было предусмотрено привлечение к ответственности не только в виде лишения свободы сроком на 20 лет, но также определены механизмы пресечения получения прибыли, в частности, конфискация полученного дохода, собственности преступной организации или ее отдельных членов, и право потерпевшего предъявлять иск о возмещении ущерба, причиненного преступной организацией, в тройном размере.

Помимо Закона РИКО в США были приняты Закон о постоянно действующем преступном предприятии, Закон о контроле за отмыванием денег и ряд других нормативных актов, служащих эффективным оружием в арсенале правоохранительных органов в сфере борьбы с организованной преступностью.

В Италии в 1982 г. был принят закон «О чрезвычайных мерах по координации борьбы с мафиозной преступностью», устанавливающий уголовную ответственность за участие в мафиозном сообществе численностью три и более человека. Сообщество является мафиозным, если его члены стремятся обеспечить управление или, по меньшей мере, контроль за тем или иным видом экономической деятельности, за выдачей пособий, разрешений, за общественными работами, контрактацией и предоставлением общественных услуг с целью извлечения незаконной прибыли или получения других незаконных выгод для себя или иных лиц. При этом в основе привлечения к уголовной ответственности за участие в мафиозном сообществе лежит презумпция совершения преступлений всеми членами преступных организаций.

Представляется, что такой подход позволяет правоохранительным органам успешно противостоять преступной деятельности организованных преступных групп, сообществ (организаций).

В Российской Федерации до настоящего времени не создано специального законодательства, определяющего понятие организованной преступной деятельности и регламентирующего борьбу с ней. Между тем работа над принятием специального нормативного правового акта, регулирующего вопросы борьбы с этим явлением, велась в органах представительной власти. Следствием такой работы стал Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью», принятый Государственной Думой Российской Федерации 22 ноября 1995 г. и одобренный Советом Федерации 9 декабря 1995 г., но отклоненный Президентом Российской Федерации 22 декабря 1995 г. в связи с возможным нарушением

прав человека (Организованная преступность – 3 / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М., 1996. С. 253–291).

Между тем, как отмечалось выше, не все зарубежные страны имеют специальное законодательство по борьбе с организованной преступностью. Например, Нидерланды, Германия, Франция, Австрия и многие другие государства применяют к преступной деятельности организованных групп уголовное законодательство, базирующееся на принципе общего преступного сговора (Криминология – XX век [Электронный ресурс] / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Бурлакова, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. СПб., 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/burlak/13.php (дата обращения: 13.04.2009).

Однако противодействие организованной преступности является гораздо более сложной задачей, чем борьба с общеуголовной преступностью, так как организованная преступность нередко располагает ресурсами (человеческими, финансовыми, политическими), сравнимыми с доступными официальным правоохранительным органам.

Важно отметить, что тенденцией последних лет является ориентация ведущих стран мира в вопросах обеспечения правопорядка и безопасности не только на государственные спецорганы, но и на частные сыскные бюро и охранные агентства, привлекаемые к следственно-розыскной деятельности, исследованию различных аспектов борьбы с правонарушениями.

Данный факт объясняется в ряде случаев недостаточной подготовкой сотрудников спецслужб и полиции для решения некоторых специфических задач на должном профессиональном уровне, в то время как частные службы безопасности охотно берут на работу бывших полицейских, сотрудников ФБР и ЦРУ, уволенных без взысканий, а также бывших военнослужащих, особенно тех, кто проходил службу в разведке, спецвойсках, воздушно-десантных войсках, морской пехоте (Опыт борьбы зарубежных негосударственных служб с организованной преступностью. URL: <http://www.it2b.ru/it2b4.view1.page25.html> (дата обращения 31.03.2009).

Существенным, на наш взгляд, инструментом в борьбе с организованной преступностью является защита свидетеля. Безусловно, недопущение воздействия со стороны членов преступных групп на свидетелей и лиц, согласившихся сотрудничать с правоохранительными органами, их защита от угроз со стороны преступников, прямых посягательств на жизнь и имущество их самих, а также членов их семей – важная задача следователя. На ее реализацию, по нашему мнению, следует направить серьезные силы и немалые средства, если речь идет об обеспечении

полного и объективного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Так, в США давно и успешно действует Программа защиты свидетелей, известная как «Wit-Sek». С 1970 г. в США более 18 000 свидетелей и их семейств были переселены в различные штаты страны. Этим людям были даны новые имена, возможность переобучения для получения новой профессии, оказана помощь в трудоустройстве и др. (Ширитов А. Б. Возможности интеграции зарубежного опыта в законодательство Российской Федерации в сфере защиты свидетелей // Рос. следователь. 2007. № 21. С. 37).

В России пока отсутствует комплексная программа защиты потерпевших, свидетелей и обвиняемых, дающих показания, которые разоблачают организованную преступную деятельность. Между тем на практике правоохранительными органами в данной сфере широко используются положения Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Рос. газ. 2004. 25 авг.).

Интересным, по нашему мнению, является опыт Японии в решении проблемы борьбы с организованной преступностью. Сегодня Страна восходящего солнца имеет самую благополучную криминальную статистику благодаря тому, что здесь борьба с организованной преступностью сводится к рассеиванию преступности, ее систематизации. Иными словами, японская преступность организована настолько четко, что подавляющему большинству сограждан не мешает. «Типовой» бандит в этой стране – это не социальное отклонение, а служба, «профессия», обладатель которой принадлежит пусть не к самой лучшей и престижной, но к части общества, т. е. находится не за его пределами, а внутри его. Японский «кадровый бандит» поэтому не изгой, привыкший к беспределу и постоянно загнанный в угол, а горячий патриот своей родины, почитатель традиций и строгий хранитель свода законов и установок, определяющих его поведение и рамки допустимых вольностей.

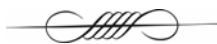
Такая «социализация» организованной преступности принесла Японии значительно больше пользы, чем предпринимавшиеся периодически в разные времена попытки силой искоренить порок. Естественно, зло при этом не переросло в добродетель, но оказалось достаточно управляемым и даже саморегулируемым – в тех дозах и пределах, которые были отпущены ему прагматичным обществом (Агафонов С. Бандиты как часть общества. Японский опыт решения проблемы организованной преступности // Известия. 1995. 21 июля).

В заключение отметим, что проанализированные нами меры борьбы с организованной пре-

ступностью, используемые зарубежными правоохранительными органами, не исчерпывают всех имеющихся возможностей. Однако с учетом изложенного можно сказать, что не существуют и не могут существовать методы, позволяющие в короткие сроки добиться значительных успехов в борьбе с этим сложным явлением.

Стратегическими задачами борьбы с организованной преступностью, помимо ликвидации ос-

новных организованных преступных формирований и возмещения ущерба от их деятельности, является устранение причин и условий, способствующих формированию преступного общества. Государство должно обеспечивать населению доступность необходимых товаров и услуг, занятость населения, нормальное функционирование идеологических и воспитательных институтов, законных средств разрешения социальных конфликтов.

Библиографический список

1. Агафонов, С. Бандиты как часть общества. Японский опыт решения проблемы организованной преступности / С. Агафонов // Известия. – 1995. – 21 июля.
2. Арестов, А. И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью : монография [Электронный ресурс] / А. И. Арестов. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Бастрыкин, А. И. Борьба с организованной преступностью в США / А. И. Бастрыкин // Правоведение. – 1992. – № 3.
4. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – М., 2003.
5. Криминология – XX век / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Бурлакова, д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ В. П. Сальникова. – СПб., 2000.
6. Организованная преступность : курс лекций. – СПб., 2002.
7. Ширитов, А. Б. Возможности интеграции зарубежного опыта в законодательство Российской Федерации в сфере защиты свидетелей / А. Б. Ширитов // Рос. следователь. – 2007. – № 21.

Bibliographical list

1. Agafonov, S. Gangsters as a Society Part. Japanese Experience of Solving the Problem of the Organized Crime / S. Agafonov // Izvestiya. – 1995. – July, 21st.
2. Arestov, A. I. Criminological and Criminal Law Measures of Struggle against the Organized Crime / A. I. Arestov. – Legal-reference system «ConsultantPlus».
3. Bastrikin, A. I. The Struggle with the Organized Crime in the USA / A. I. Bastrikin // Pravovedenie. – 1992. – № 3.
4. Dolgova, A. I. The Criminality, its Organization and a Criminal Society / A. I. Dolgova. – M., 2003.
5. Criminology – the XXth century / ed. by Doctor of law, prof. V. N. Burlakov, Doctor of law, prof. the honored science worker of the RF V. P. Salnikov. – SPb., 2000.
6. The Organized Crime. – SPb., 2002.
7. Shiritev, A. B. The Possibilities of Integration of Foreign Experience in the Legislation of the Russian Federation in the Sphere of Protection of Witnesses / A. B. Shiritev // The Russian Investigator. – 2007. – № 21.

А. В. Коломина,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

А. С. Чермянин,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владимирского государственного
гуманитарного университета

A. V. Colomina,
assistant-professor of the chair
of forensic studies of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law

A. S. Chermynanin,
post-graduate student
of the chair of criminally-legal disciplines
of Vladimir State Humanitarian University

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ

Features of the Process of Historical Development of the Institution of Extradition

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу одной из важнейших проблем взаимопомощи государств в борьбе с преступностью. Авторы анализируют эволюцию института экстрадиции начиная с древних времен до настоящего времени, определяют общие закономерности и тенденции развития данного института.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача преступников.

Annotation. The given article is devoted to the analysis of one of the most important problems of states-cooperation in struggling against criminality. The authors analyze the evolution of the institute of extradition, beginning with ancient times up to the present days, identify common tendencies, and regularities of the development of this institution.

Key words: extradition, criminals-issuing.

Экстрадиция рассматривается как один из древнейших институтов международного уголовного права. Традиционно под экстрадицией (лат. *extraditio*) понимается выдача одним государством другому лица для привлечения к уголовной ответственности или исполнения вынесенного приговора (Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2000. С. 689).

В становлении института экстрадиции принято выделять три крупных периода:

1) древнейшие времена – конец XVII в. (экстрадиция не была частым явлением и в основном применялась в отношении политических преступников, а также еретиков и беженцев);

2) XVIII в. – первая половина XIX в. (данный институт получил активное развитие, основным его объектом были дезертиры). В этот период заключено наибольшее количество договоров;

3) современный период, т. е. с 1840 г. по настоящее время (характеризуется согласованной кампанией государств в отношении беглых преступников).

Вместе с тем существует иная точка зрения. Так, ряд авторов выделяют также четвертый период, который начинается с 1948 г., когда необходимость построения международной безопасности и предупреждения совершения в будущем преступлений против мира и человечества вышли на первый план. По нашему мнению, данная четырехчленная классификация процесса исторического развития экстрадиции является наиболее точной и соответствует духу развития международных отношений после Второй мировой войны (Напр.: Cherif Bassiouni. *International Extradition and World Public Order*. Oceana Publications Ins. N. Y., 1947. P. 4).

О существовании института экстрадиции на первом из указанных периодов свидетельствует договор, заключенный в 1296 г. до н. э. между царем хеттов Хеттушилем III и египетским фараоном Рамсесом II. В нем говорилось, что «если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну хеттов, то царь хеттов не будет его задерживать, но вернет в страну Рамсеса» (Тураев Б. А. История древнего востока. М., 1935. Т. 1. С. 306–307).

Кроме того, имелись договоры о выдаче преступников между отдельными греческими городами-государствами. Экстрадиция широко применялась к беглым рабам и в Римской империи (Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. Спб., 1884. С. 44). Рабовладелец мог преследовать раба повсюду, и везде власти должны были оказать ему полное содействие. Однако здесь право убежища все-таки оказывало свое влияние. Так, в Афинах храм Тезея, несмотря на то, что не обеспечивал беглому рабу ни безнаказанности, ни свободы, давал ему право требовать судебного разбирательства. Если на суде выяснялось, что хозяин слишком жестоко обращался с рабом, то выдача не применялась и раба продавали новому господину (Там же. С. 48).

Следует также отметить, что в Риме существовал особый суд, предназначенный для рассмотрения случаев оскорбления римлянином иностранца. Данный суд разрешал вопрос о выдаче римского гражданина государству оскорбленного. В последующем, после расширения римского могущества, уже не могло быть речи о выдаче лиц, совершивших правонарушение, так как исчезла политическая самостоятельность различных народов, вошедших в состав Римской империи. Однако с падением Рима вновь появи-

лась возможность существования экстрадиционного права (Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. Спб., 1882. С. 5).

В средние века изменения в институте выдачи были продиктованы изменением института права убежища (Галенская Л. Н. Право убежища. М., 1986. С. 6). Так, Клермонтский собор объявил, что не только церкви, но даже кресты, стоящие на дорогах, составляют убежище. Лица, укрывшиеся под такими крестами, отдавались в руки правосудия при условии, что им будет гарантированы жизнь и неприкосновенность. Часовни, монастыри, больницы, соборы признавались местами, где действовало право убежища и выдача из которых являлась недопустимой (Никольский Д. П. Указ. соч. С. 52). Из средневековых международных договоров о выдаче преступников особую важность имели следующие: 1) трактат между английским королем Генрихом II и шотландским королем Вильгельмом I 1174 г., в соответствии с которым обе стороны обязывались выдавать друг другу политических преступников (Левин Д. Б. История международного права. М., 1962. С. 3); 2) трактат 1303 г., согласно которому Англия и Франция обязались не давать убежища у себя обоим врагам и бунтовщикам; 3) договор о выдаче 1497 г. между королем Генрихом II и фламандцами, по которому стороны обязывались не давать убежища в своих территориальных пределах политическим злоумышленникам и изгонять их из национальных пределов в 15-дневный срок (Clark E. The Law of Extradition. 2-nd. ed. L., 1874. P. 18).

Следует заметить, что до начала XVIII в. выдача преступников не была общим правилом и использовалась в основном государственной властью для обеспечения прав собственника (выдача холопов и иных зависимых людей своим хозяевам, а затем выдача «злодеев», «татей» и других лиц, посягнувших на права собственника).

К XVIII в. усилилось передвижение людей из одного государства в другое, что в свою очередь обусловило совершение различных видов преступлений (на водном транспорте, на границах и др.). Увеличение числа правонарушений способствовало заключению международных договоров в области противостояния им, содержащих отдельные положения по вопросам экстрадиции (за период с 1718 по 1830 гг. было принято более 90 соглашений). Однако в XVIII в. международные договоры заключались в основном по ограниченному числу проблем, вытекающих из практической необходимости.

Важным фактором, сдерживающим многие государства от тщательно разработанных, продуманных мер по возвращению беглых лиц, совершивших преступления, в страну, добывающуюся их выдачи, является элемент жестокости,

имевшийся в уголовном законодательстве рассматриваемого периода. Данный факт отмечал Ч. Беккариа, который указывал на положительные стороны и достоинства экстрадиции в деле борьбы с преступностью, однако противился окончательному ее признанию, пока не произойдет существенного улучшения положения, связанного с практикой жестокости наказаний (Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 243; Уголовное право. Общая часть. М., 1993. С. 359).

Впервые договор об экстрадиции был заключен между Великобританией и США в 1794 г., где в ст. 27 предусматривалась возможность выдачи за такие преступления, как убийство и подлог. Позже в 1842 г. между указанными странами был подписан наиболее эффективный договор с точки зрения применения института экстрадиции (в литературе он получил название Вебстер-Ашбуртон Трети). На основании данного договора был расширен список преступлений, за которые возможна выдача.

Однако анализ международных договоров показал, что с конца XVIII в. до конца XIX в. ведущей страной в области экстрадиции была Франция. Именно ей принадлежит превентивная роль в развитии института экстрадиции (Шостак Е. Я. О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами. Киев, 1982. С. 3).

Договор Франции с Вертембергом 1759 г. является одним из наиболее детализированных договоров указанного периода об экстрадиции. В нем содержались процедурные аспекты выдачи преступников, расходы по осуществлению акта экстрадиции и ряд других положений, ставших общепризнанными в международной практике.

Именно в договоре Франции с Бельгией, подписанном в 1834 г., впервые появилось положение об исключении лиц, совершивших политические преступления, из числа подлежащих выдаче.

В этом же договоре (1884 г.) впервые появилась оговорка, что лицо не подлежит выдаче, если в соответствии с законами государства, к которому оно обратилось с просьбой о выдаче, истекли сроки давности за преступление.

Таким образом, за период с 1881 по 1884 гг. Франция выдала другим государствам 1121 человек (по 280 в год) и требовала выдачи 606 человек (151 в год) (Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Общая часть. Спб., 1887. Вып. 1. С. 309).

В практике России первым договором, регулирующим выдачу преступников, была Договорная запись со Швейцарией от 29 октября 1649 г. о выдаче перебежчиков (Там же. С. 313–317), где были детально рассмотрены вопросы, связанные с преступлениями в пограничных областях. Споры между жителями, проживающими на пограничных

территориях, рассматривались властями обоих государств либо третейским судом, состоящим из «добрых и справедливых людей с обеих сторон». В случае, если вопрос выходил за рамки компетенции пограничных властей, дело доводилось до сведения обеих сторон, которые назначали своих послов с целью рассмотрения дела общим советом (Шостак Е. Я. Указ. соч. С. 5).

В 1816 г. Россия подписала Конвенцию с Пруссией по вопросам выдачи, а в 1834 г. – новую одноименную Конвенцию с Пруссией и Австрией. Позднее договоры об экстрадиции были подписаны с Данией, Нидерландами, Баварией, Бельгией, Испанией и др. (Штиглиц А. Указ. соч. С. 21). Кроме того, в отношениях с некоторыми государствами выдача осуществлялась не на основе договора, а по принципу взаимности (на пример с Францией).

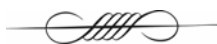
Содержание института выдачи значительно изменилось после Октябрьской революции 1917 г. в России. Сложилось качественно новое право по сравнению с ранее действующим в международной сфере (Бобров Р. Л. Основные проблемы теории международного права. М., 1986. С. 6–9).

Новый тип международных отношений нашел свое отражение в системе соглашений и договоров. Особую важность имеют договоры о право-

вой помощи (Реутт Б. Основные вопросы договоров о правовой помощи, заключенных между социалистическими государствами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 3) по уголовным, семейным и гражданским делам, где детально регламентированы вопросы экстрадиции.

За последнее время Россия заключила ряд новых договоров в данной области. Некоторые из них посвящены исключительно решению вопросов экстрадиции (Договор между РФ и Китаем о выдаче преступников от 26 июня 1995 г. // Сб. междунар. договоров РФ по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 280). Кроме того, положение о выдаче лиц, совершивших преступления, получило свое закрепление и в уголовном законодательстве России (ст. 13 УК РФ), что свидетельствует об обострении криминальной ситуации и стремлении законодателя максимально подробно урегулировать вопросы экстрадиции.

Таким образом, историческое развитие института экстрадиции тесно связано с развитием современного права и охватывает все типы общества. Расширение сотрудничества государств на основе общепризнанных норм международного права, а также четкая понятийная база и внутригосударственная регламентация позволят наиболее эффективно решать задачи предупреждения и пресечения преступлений.

Библиографический список

1. Беляев, С. С. Основания выдачи лиц, совершивших преступления / С. С. Беляев // Уголов. право. – 2000. – № 2.
2. Лукашук, И. И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве : учеб.-практ. пособие / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. – М., 1998.
3. Милинчук, В. В. Институт правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития / В. В. Милинчук. – М., 2001.
4. Сафаров, Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Н. А. Сафаров. – М., 2005.

Bibliographical list

1. Belyaev, S. S. Grounds for Extradition of Persons, Having Committed a Crime / S. S. Belyaev // Criminal Law. – 2000. – № 2.
2. Lukashuk, I. I. Extradition of the Accused and Guilty in International Criminal Law / I. I. Lukashuk, A. V. Naumov. – M., 1998.
3. Milinchuk, V. V. Law-Aid Institution on Criminal Cases. Existing Practice and Perspectives of Development / V. V. Milinchuk. – M., 2001.
4. Safarov, N. A. Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice / N. A. Safarov. – M., 2005.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Some Features of the Traditional Legal System of Ancient India

Аннотация. В статье анализируются специфические особенности традиционной правовой системы Древней Индии, в частности: фактор ценностно-смыслового мышления, специфическая «дхармическая» взаимосвязь религиозно-философских идей и правовых концепций, аксиологическая доминанта социальной организации как общества дарения (сева, ягья, дана и т. п.). Данная правовая система обеспечивает стабильность общества, объединяет всех членов общества вне зависимости от социальных, конфессиональных, этических, статусных и иных различий.

Ключевые слова: традиционная правовая система, Древняя Индия, специфика, характеристики.

Annotation. The article analyzes peculiarities of the traditional legal system of Ancient India. These are: the factor of value and conceptual thinking, specific «dharmic» interconnection between religious and philosophical ideas and legal conceptions, the axiological dominant idea of social organization as the society of gift (seva, yagna, dana, etc). This legal system would provide the stability of the society; unite all its members irrespective of social, religious, ethic, status and other differences.

Key words: traditional legal system, Ancient India, peculiarity, characteristics.

Анализ истоков права, несомненно, обогащает современное понимание истории права и государства. Однако правовая система традиционного общества Древней Индии не вписывается в стандартные рамки историко-правового исследования. Как отмечает В. С. Нерсисянц, «по сложности это право порой сравнивают с монстром» (Нерсисянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. М., 2006. С. 134). Данное обстоятельство обуславливает необходимость подробного рассмотрения специфических особенностей правовой системы Древней Индии, которые могут вызвать трудности в процессе ее исследования.

1. Историческая отдаленность. В данном случае имеется в виду, прежде всего, хронологическая отдаленность современного исследователя от объекта познания – государственно-правовых явлений в Древней Индии. Подобный объект, с точки зрения гносеологического субъекта, существовал в прошлом, что делает его в принципе ненаблюдаемым для исследователя в настоящем. Поэтому типичные для опытных наук эмпирические способы анализа изучаемого объекта обычно не применимы в историко-правовой науке и должны проводиться посредством иных познавательных процедур (Лядов А. О., Евсеев А. В. Методологические предпосылки исторических исследований государства и права // История государства и права. 2001. № 3. С. 31). Вместе с тем, ограничивая культуру или цивилизацию хронологическими рамками, археология выходит в легкоуязвимую сферу, особенно когда это касается решающих вопросов абсолютной датировки. При отсутствии точной даты стратиграфические свидетельства, как правило, используются для датировки культуры или цивилизации. Но даже

датирование радиоактивным углеродом математически не абсолютно точно, а если отсутствуют образцы для датирования радиоактивным углеродом, то рамки между реальной и приблизительно установленной датами какого-то артефакта или места, особенно принадлежащих к периоду палеолита, весьма велики и постепенно увеличиваются во временной регрессии. Поэтому археологи, описывая жизнь человека Древней Индии, оперируют в рамках тысячелетий (Ganguly D. K. Ancient India: History and Archaeology. New Delhi, 1994).

2. Нераздельность права, религии, философии, морали и культуры (глубокая теолого-философская основа правовых, культурных и социальных явлений). Это очевидная особенность традиционных правовых систем, на которую указывают многие исследователи. В Древней Индии взаимодействие закона и права определялось спецификой цивилизационного характера: на первый план выдвигались религиозно-духовные проблемы, подчеркнутый пиетет к которым является квинтэссенцией духовной культуры Индии. «Она (мораль) исторически никогда не действовала изолированно от религиозных норм, обычаев, традиций и т. д. ...нельзя разграничить право и мораль по предметным сферам их действия. Они действуют в едином “поле” социальных связей» (Проблемы общей теории права и государства / Н. В. Варламова [и др.] ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2006. С. 206). По мнению Н. А. Крашенинниковой, представление о праве в отдельности от религиозных норм чуждо индийскому праву (Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1982). «Главная особенность индусского права – тесное

сплетение с религией, – считают авторы учебника «Теория государства и права» под редакцией В. К. Бабаева (М., 2004). – Индусское право не имеет относительной самостоятельности и является, в сущности, неотъемлемой частью индуизма – своеобразнейшего феномена, в общем представлении, – некой синкретической традиционной системы, охватывающей различные религиозные верования и обряды, моральные, философские и другие идеологические ценности, предполагающие определенный образ жизни, определенный общественный порядок, определенную социальную организацию или структуру». С данной точкой зрения соглашается индолог Н. Г. Гусева и говорит о слиянии функций религиозного и культового характера, с одной стороны, и социально-правовых, идеологических и политических – с другой (Гусева Н. Р. Индуизм: История формирования. Культовая практика. М., 1977. С. 20).

С. С. Алексеев утверждает, что «ряд юридических систем традиционных восточных обществ (в том числе традиционно-индусское право) в значительной мере вообще слились с религиозно-этическими верованиями, с господствующими религиозно-философскими представлениями, да и в целом оказались неотделимыми (и внешне слабо дифференцированными) от институтов духовной жизни данной традиционной цивилизации» (Алексеев С. С. Философия права. М., 1998). Данная особенность связана с философско-теологической мировоззренческой концепцией Вед, которой придавалось значение самоочевидной авторитетности. В соответствии с этой концепцией право, существующее в человеческом обществе, является продолжением вселенских законов (риты). В свою очередь, человеческое общество не находится в центре мироустройства, а является частью вселенского государства, поэтому подчиняется его законам, в таком же отношении как законодательство субъектов федерации подчиняется федеративной Конституции.

Таким образом, философско-правовые взгляды Древней Индии не отделялись от морали и представляли собой этико-политические доктрины. Древнеиндийские социально-политические теории стали сложными идеологическими образованиями, состоявшими из религиозных и моральных догм, моральных представлений и прикладных знаний о государстве и праве (Философия права / О. Г. Данильян [и др.] ; под ред. О. Г. Данильяна. М., 2006). Как известно, возникновение и развитие правовой системы государства свидетельствуют о том, что на ее содержание и динамику воздействует духовная культура общества в целом: религия, философия, мораль, художественная культура, наука (Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М., 1996).

3. Уникальное государственное устройство и правовой аппарат, не имеющий полноценных аналогов в истории. Социальная организация индоарийского общества была основана на Ведах, что означало его стратификацию на профессиональные цеха (варны) и фазы жизненного цикла (ашрамы) (Тимошук С. А. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2007). Иными словами, социальная система Древней Индии не была основана на экономическом факторе (Alain D. India. A Civilization of Differences. Inner Traditions. Vermont, 2005), а значит, мы не можем использовать в качестве доминирующего формационный подход к исследованию правовой системы этого государства.

4. Сложность в интерпретации сохранившихся источников права (написанных на санскрите). Как отмечает переводчик Законов Ману С. Д. Эльманович, «условия материальной и духовной жизни и общественные отношения в Древней Индии отличались большим своеобразием, поэтому и общественно-политическая терминология того времени весьма сложна, и во многих случаях термины не могут быть точно переведены на русский язык. Употребление в русском переводе таких терминов, как “дхарма”, “гуру”, “снатака”, “млечча”, “дасью”, “риши”, “щастра”, “атман”, “мантра” (наряду с уже вошедшими в русский язык – “брахман”, “кшатрий” и некоторыми другими), представляется нам закономерным и оправданным» (Законы Ману / пер. с санскр. С. Д. Эльмановича. – СПб., 1913).

Поскольку передать Веды очень сложно, неудивительно, что они «стали недоступны нашему сознанию, – пишет А. Гхош, – за исключением лишь их словесной оболочки – языка, который тоже весьма затруднен для понимания по причине его архаичности и невнятности, и что предпринимаются попытки самого неадекватного истолкования, низводящие это великое творение... до уровня неудобочитаемой писанины, бессвязной мешанины нелепостей, порожденных бедностью воображения...» (Цит. по: Тимошук С. А. Указ. соч.).

Анализ приведенных выше особенностей древнеиндийского права позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, они не делают это право каким-то единственным в своем роде, ибо историческая отдаленность, некая синкретичность и сложность в интерпретации источников свойственны и шумеро-вавилонской, и древнеегипетской и другим правовым системам. С другой стороны, уникальность самого государственно-общественного устройства и является неповторимым свойством, которое детерминирует организацию традиционной правовой системы Древней Индии.

Таким образом, специфичными для древнеиндийской правовой системы являются: фактор

ценностно-смыслового мышления, специфическая «дхармическая» взаимосвязь религиозно-философских идей и правовых концепций, аксиологическая доминанта социальной организации как общества дарения (сева, ягья, дана и т. п.). Данная правовая система обеспечивает стабильность общества, объединяет всех его членов вне зависимости от социальных, конфессиональных, этических, статусных и иных различий.

Библиографический список

1. Гусева, Н. Р. Индуизм: История формирования. Культовая практика / Н. Р. Гусева. – М., 1977.
2. Крашенинникова, Н. А. Индуистское право: история и современность / Н. А. Крашенинникова. – М., 1982.
3. Нерсесянц, В. С. Проблемы общей теории права и государства / В. С. Нерсесянц. – М., 2006.
4. Тимощук, С. А. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2007.
5. Ganguly, D. K. Ancient India: History and Archaeology / D. K. Ganguly. – New Delhi, 1994.

Если в прошлом в качестве интегративного фактора государства выступала религиозная или этническая общность, которая создавала единство взглядов и ценностей различных слоев общества, то сегодня назрела необходимость более адекватной модели интеграции. Именно поэтому нам интересна древнеиндийская правовая система, так как представляет собой форму организации полиэтнического и многоконфессионального общества.

Bibliographical list

1. Guseva, N. R. Induizm: History of Formation. Cult Practice / N. R. Guseva. – M., 1977.
2. Krashennikova, N. A. Hindu Law: History and the Present / N. A. Krashennikova. – M., 1982.
3. Nersesjants, V. S. Problems of the General Theory of Law and the State / V. S. Nersesjants. – M., 2006.
4. Timoshchuk, S. A. Traditional Culture. Essence and Existence. – N. Novgorod, 2007.
5. Ganguly, D. K. Ancient India: History and Archaeology / D. K. Ganguly. – New Delhi, 1994.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Алексеев А. П.	kurs@vui.vladinfo.ru
2	Андреева А. Е.	nastya.saf@mail.ru
3	Ашин А. А.	olegan80@mail.ru
4	Бавыкин Д. Ю.	upik@vui.vladinfo.ru
5	Баландин Д. А.	ekonomika@vui.vladinfo.ru
6	Баринов А. В.	barinov-vlad@inbox.ru
7	Бачернихина М.В.	MAMCHUN1982@yandex.ru
8	Бодяков В. Н.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
9	Булгаков В. Г.	vg.bulgakov@mail.ru
10	Васнецова А. С.	vasnetzova2009@yandex.ru
11	Грунин А. В.	bts@vui.vladinfo.ru
12	Дауров А. Х.	neva49@gmail.com
13	Емельянов С. Н.	emelyanov@vui.vladinfo.ru
14	Емельянова Е. В.	eev-rusinovo@yandex.ru
15	Ерохина Н. С.	gospravo@vui.vladinfo.ru
16	Звонов А. В.	uip@vui.vladinfo.ru
17	Злобин В. С.	zlobin-28@mail.ru
18	Зотова Ж. А.	adunkt@vui.vladinfo.ru
19	Иринчеев В. В.	irincheev@inbox.ru
20	Колесник И. Ю.	ir.ur.73@yandex.ru
21	Коломина А. В.	drunnn@mail.ru
22	Кудрявцев А. В.	ord@vui.vladinfo.ru
23	Ланцов В. М.	ancov_ksaba@mail.ru
24	Ланцов М. В.	michael-lancv@rambler.ru
25	Лобанова А.Ф.	lobangel@mail.ru
26	Лобанов С.В.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
27	Малолеткина Н. С.	levkovka707@mail.ru
28	Мамчун В. В.	mamchun@vui.vladinfo.ru
29	Маринчев Н. В.	nsd.bvg@pamho.net
30	Мартынюк В. М.	zhilin_dmitriy@mail.ru
31	Михайлов А. Е.	urgentfk@mail.ru
32	Никитин Д. Н.	nik-78-78@mail.ru
33	Николаева М. И.	mar_niko@mail.ru
34	Никольская Э. Р.	evelina_1986@rambler.ru

№ п/п	ФИО	E-mail
35	Павличенко Н. В.	aldan1973@rambler.ru
36	Померанцев Ю. Л.	bfmosu@mail.ru
37	Пыркова С. Б.	svetlana_pirkova@pochta.ru
38	Рузевич О. Р.	olegan80@mail.ru
39	Савин А. А.	magnat33@maik.ru
40	Сорокин М. В.	uip@vui.vladinfo.ru
41	Стебенева Е. В.	St.el@list.ru
42	Степин Д. С.	s-t-e-p-i-n@mail.ru
43	Тимофеев В. В.	vadim1346@rambler.ru
44	Ткачук Т. А.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
45	Трифонов В. С.	molniay33@rambler.ru
46	Фомушина Е. П.	ekaterina-fomushina@yandex.ru
47	Хитев А. П.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
48	Хотькина О. К.	O_Khotkina@mail.ru
49	Устинов А. Э.	phdustinov@mail.ru
50	Чубченко И. М.	chubcenco@mail.ru
51	Чураков В. Г.	vlad-chur@rambler.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полусторонний; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию. **Кроме того, необходимо приложить анкету автора публикации и оператора персональных данных. Заполнив, подписав и выслав анкету в адрес редакции журнала, тем самым автор дает письменное согласие на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».**

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: **«Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «История отечественного государства и права», «Правовые системы зарубежных стран».**

Работы авторов, не отвечающие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, **с обязательным указанием в поле «Тема письма» «Статья в Вестник».**

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научно-го центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	405038109000010000001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	БИК	041708001
	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается
в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе,
место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства,
адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных
автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации;
способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / « ____ » _____ 20 ____ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / _____ / « ____ » _____ 20 ____ г.
(подпись, фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».

Дорогие читатели!

Если вы хотите быть постоянно в курсе последних научных достижений в области юриспруденции, теории и практики деятельности уголовно-исполнительной системы, подготовки кадров для российских правоохранительных органов, то «Вестник Владимирского юридического института» – ваш журнал.

Подписывайтесь на «Вестник Владимирского юридического института»!

Начиная с 1 апреля оформить подписку на журнал вы можете в любом отделении почтовой связи по объединенному каталогу агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» на 2-е полугодие 2010 г. (рубрики тематического указателя: «Государство и право. Юридические науки»; «Известия высших учебных заведений»; «Образование. Педагогика»).

Подписной индекс издания 36614.

Во 2-м полугодии 2010 г. «Вестник Владимирского юридического института» выйдет из печати 27 сентября и 20 декабря.

Заполните абонемент, вырежьте его и оформите подписку на журнал в ближайшем от Вашего места работы или жительства отделении почтовой связи.

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал										36614	
	(наименование издания) <i>Вестник Владимирского юридического института</i>										Индекс издания	
											Количество комплектов	
	на 2010 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда												
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы)												

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
на журнал										36614		
										(индекс издания)		
ПВ	место	ли-тер										
(наименование издания) <i>Вестник Владимирского юридического института</i>												
Стои-мость	подписки	— — — руб. — — — коп.	Количество комплектов									
	Переад-ресовки	— — — руб. — — — коп.										
на 2010 год по месяцам												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда												
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы)												